M 151/38

1877

ЭБ

2007056056

М 151/38

Уголовное Право

Пр. Таганцева.

I го класса Имп. Алекс. Лицея.

1876 – 1877 г.

2065/II

Лит. Коцевской.
Невский просп. д. №57.

ВНИМ. БИБЛ.

ВСЕСОЮЗНАЯ
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. Ленина
Р2425-35

М 151/38

Курсъ
русскаго уголовнаго права.
Общая часть.

Содержаніе науки уголовнаго права изчерпывается двумя понятіями: понятіемъ о преступленіи и понятіемъ о наказаніи. Каждому извѣстно, что существуетъ рядъ дѣяній признаваемыхъ вредными для государства или общества, и потому отмѣченныхъ различными мѣрами. Всякій знаетъ также, что подобныя дѣянія называются преступленіями и никто не затруднится назвать множество фактовъ подобнаго рода. Но для научнаго юридическаго опредѣленія понятія преступленія отдѣльныхъ примѣровъ недостаточно. Для этого требуется общее опредѣленіе, которое охватывало бы собою всю сумму фактовъ заключающихся въ понятіи преступленія.

Обратимся, для рѣшенія этого вопроса, къ жизни и постараемся опредѣлить какіе общіе черты характеризуютъ напр. кражу, грабежъ, убійство или другія менѣе важныя преступленія, какъ напр. незначительныя проступки противъ полицейскихъ установовъ — закуриваніе папиросы въ такомъ мѣстѣ гдѣ это запрещено или напр. не освѣщеніе во время черной лѣстницы въ домѣ, и этимъ путемъ постараемся опредѣлить каковы же тѣ общіе признаки въ сумѣ которыхъ извѣстныя дѣянія носятъ названіе преступленій. Анализируя всѣ вы-

Проф. Таганцевъ. Лит. Котлевской.

исследованные виды преступлений, мы находим во всех их одну общую черту: они запрещены уголовными законами под страхом наказания. Сколько бы мы не анализировали видов преступлений, мы всегда встречаемся в них всегда этим признаком. Отсюда само собой мы получаем определение преступления, как деяния запрещенного законом под страхом наказания.

Это определение преступления как деяния, которое и любой юрист привыкли на вопрос: что такое преступление дает ответ, что преступление есть деяние запрещенное законом под страхом наказания. В науке уголовного права это определение известно под именем формального и оно имеет свое значение и значение весьма существенное.

Действительно: с точки зрения судьи можно ли находить деяние не запрещенное законом? Факты могут быть вредны для индивида, общества или государства но для того, чтобы лицо могло быть привлечено к ответственности необходимо чтобы оно знало о том, что это деяние запрещено. В противных случаях как положить предел административному и судебному произволу, что станется со свободою личности? В противном указанное наше определение преступления, помимо своей большой практической важности, не лишено и некоторого теоретического достоинства так как в нем указывается на весьма важный элемент преступления

-запрещение закона. Необходимость этого элемента ясно сознавали и высказали въ началѣ нынѣшняго столѣтія Анзельмъ Фейербахъ въ извѣстной формулѣ Nullum crimen sine lege poenale.

Мы уже выше замѣтили что опредѣленіе преступленія какъ дѣянія запрещеннаго подъ страхомъ наказанія извѣстно въ наукѣ уголовнаго права подъ именемъ формальнаго. Дѣйствительно такое опредѣленіе, удовлетворяющее всѣмъ запросамъ судебной практики, не имѣетъ самостоятельнаго, матеріальнаго смысла. Станьте на точку зрѣнія законодательной власти, что такое преступленіе для законодателя? Законъ не можетъ сказать, что преступленіе есть дѣяніе запрещенное юридическими нормами, ибо эти нормы еще не существуютъ. И такъ необходимо, кромѣ формальнаго опредѣленія, дать еще какое нибудь опредѣленіе матеріальное. Здѣсь мы уже не находимъ такого согласія между юристами какое мы видѣли относительно опредѣленія формальнаго. Юристы, различныхъ временъ и школъ давали весьма разнородныя матеріальныя опредѣленія понятія преступленія. Къ первой группѣ воззрѣній на понятіе преступленія мы можемъ отнести взгляды школы, которая утверждала, что формальное опредѣленіе преступленія есть въ тоже время и матеріальное. Такой отвѣтъ давала между прочимъ извѣстная французская школа легистовъ XVII ст., которая слѣдующимъ образомъ отыскивала

материальные элементы въ числѣ формальныхъ опредѣленій преступленія. „Преступленіе, говоритъ Кестеръ, есть дѣяніе запрещенное закономъ". Но законъ есть воля законодателя; слѣдовательно, преступленіе есть дѣяніе противное волѣ законодателя. Въ то время законодательная власть находилась въ рукахъ монарха, по этому окончательный выводъ Кестера былъ: Преступленіе есть дѣяніе противное волѣ монарха. Очевидно что въ абсолютныхъ монархіяхъ такое опредѣленіе ведущее къ безграничному, ничѣмъ не сдерживаемому произволу законодательной власти легко могло проникнуть въ жизнь и мы можемъ предоставить множество историческихъ примѣровъ примѣненія этихъ взглядовъ какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ, взглядовъ, по которымъ личная воля государства или его личное мнѣніе о полезности или вредѣ часто временнымъ избѣжнымъ дѣйствій служили единственнымъ критеріемъ правомѣрности.

У насъ легальный принципъ господствовалъ безусловно преимущественно въ эпоху Алексѣя Михайловича и Петра Вел. когда развитіе абсолютизма достигло у насъ апогея. По этому напр. въ Уложеніи царя Алексѣя мы видимъ щедрое примѣненіе смертной казни за дѣйствительно важныя преступленія какъ богохуленіе, убійство и пр., такъ и за самыя пустяшныя нарушенія частныхъ правъ верховной власти: ловлю рыбы въ дворцовыхъ прудахъ или охоту въ царскихъ паркахъ. Съ

точки зрѣнія нарушеніе вѣроисповѣдной болѣе тяжкое отождествленіе важныхъ преступленій и незначительныхъ полицейскихъ правонарушеній совершенно понятно. Иное воззрѣніе на преступленіе на дѣяніе противное волѣ монарха мы встрѣчаемъ при Петрѣ Вел. – Такъ Петръ 1-й запрещалъ при постройкѣ Петербурга въ каменнаго дѣла мастерахъ, приказалъ выслать въ Петербургъ каменщиковъ отовсюду, и запретилъ строить въ провинціяхъ каменные дома подъ страхомъ смертной казни. Точно такимъ наказывался смертною казнью лица не присылавшія въ Петербургъ, для учрежденной имъ кунсткамеры имѣвшихся или вновь рождающихся монстровъ.

Легальная теорія есть одна изъ необходимыхъ ступеней развитія народно-юридическихъ воззрѣній на преступленія, и въ извѣстную эпоху это воззрѣніе имѣетъ даже свою хорошую сторону, помогая тѣсному отличенію разрозненныхъ государственныхъ элементовъ, но очевидно, что долго теорія легистовъ въ государствѣ существовать не можетъ; иначе, государство обратится въ деспотію съ полнымъ подчиненіемъ личнаго элемента прихоти монарха. Въ эпохи болѣе близкія къ нашему времени мы встрѣчаемъ другую попытку отыскать матеріальное элементы въ формальномъ опредѣленіи преступленія. Попытка эта была сдѣлана историческою школою, представителями которой въ данномъ случаѣ явились Geib: Lehrbuch des deutschen Criminalrechts Tübingen 1861–62 и Bar: Grundlagen des Strafrechts.

По мнѣнію исторической школы понятіе о преступленіи, какъ и вся область права, есть продуктъ народной жизни въ ея историческомъ развитіи. Воля законодателя не играетъ здѣсь почти никакой роли, такъ какъ данное общество не составляетъ того матеріала, на которомъ законодатель могъ бы писать что ему угодно. По этому, по опредѣленію исторической школы, преступленіе суть такія дѣйствія, которыя въ теченіе исторической жизни народа постепенно запрещались и въ данную минуту недозволены. Что такое опредѣленіе преступленія не имѣетъ реальной подкладки, легко видѣть на примѣрѣ. Возьмемъ наше „Уложеніе о наказаніяхъ„ въ немъ мы встрѣчаемъ уголовные законы, изданные царями и императорами со времени Алексѣя Мих.- Здѣсь мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными воззрѣніями на преступленіе, при чемъ не надобно забывать, что воззрѣніе на преступленіе, выраженное въ Уложеніи, сложилось не только въ царствованіе самого царя Алексѣя, такъ какъ положительно извѣстно, что въ составъ Уложенія вошли нѣкоторыя постановленія русской правды, кормчей книги и др. Противъ доводовъ исторической школы можно сдѣлать очень простое возраженіе, что если нельзя дать общаго опредѣленія преступленія, по тому что понятіе преступленія слагается изъ суммы воззрѣній нѣсколькихъ эпохъ, то можно эту сумму раздѣлить на слагаемыя и дать свое опредѣленіе для каждаго изъ нихъ.

Такимъ образомъ теорія легистовъ и воззрѣнія исторической школы составляютъ какъ бы переходную ступень отъ формальнаго опредѣленія къ опредѣленію матеріальному.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію чисто матеріальныхъ опредѣленій.

Въ преступленіи мы замѣчаемъ 2 элемента. Отъ преступленія страдаетъ 1) отдѣльное лицо какъ напр. при убійствѣ, увѣчьѣ, 2) страдаетъ государство или общество какъ напр. при богохульствѣ, въ какомъ либо государствѣ преступленіи. Воззрѣніе на преступленіе какъ на частную обиду есть воззрѣніе древнѣйшее, но тѣмъ не менѣе встрѣчаемъ у всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ на низшей ступени развитія. Это такое воззрѣніе уже потому неправильно, что оно не охватываетъ всей сущности преступныхъ дѣяній. Какимъ образомъ можно подвести подъ понятіе личной обиды такія наказуемыя преступленія противъ вѣры, какъ напр. богохульство? Точно такожде нельзя будетъ большой натяжки подвести подъ это понятіе всѣ государственныя преступленія, какъ то: измѣну, бунтъ, мятежъ. По этому уже въ древнѣйшихъ правахъ мы замѣчаемъ рядомъ съ элементомъ частнымъ элементъ публичный рядомъ съ кровомщеніемъ и пракосмія — выкупъ. А такія наказанія — какъ напр. потеря и ограбленіе — суть власти наказанія публичнаго права.

Изъ этого примитивнаго воззрѣнія на преступ=

ления как на материальный предмет, принадлежащий отдельному лицу, выработанное от тяжелых физических движений, из которых его подобные извлекают удовлетворение в настоящее время. Так например хористка как часть оперы, в начале спектакля, или у нас Спасович определяет преступление как посягательство на кое либо право (субъективное). Но такое определение опять таки не выдерживает критики, так как под это определение не подходят многие преступления, как напр. богохульство. Богохульство может быть произведено в публичном месте при многих людях так что не будет ни для кого оскорбительно, но тем не менее останется преступлением. Таким образом и эта теория некоторых более широких взглядов предшествующая, так как она забывает в себе не только тех случаях, когда от совершения материальных ущерб, но и тех когда покушение не удалось, тем не менее не охватывает всей области преступных деяний. Для того чтобы подвести преступление против веры, преступление государственного и т. п. под вышеизложенное определение пришлось этой школе конструировать фиктивные субъектные права — государство, общество, семью и пр. Но такая конструкция отдает схоластикой.

Гражданское право имеет два рода субъектов права лица физические и юридические,

но таких субъектов как семья, нравственный или религіозный союзъ въ государствѣ, гражданское право не знаетъ. Впослѣдствіе мы приведемъ еще одно возраженіе противъ разбираемой нами теоріи, а теперь перейдёмъ къ теоріямъ которыя опредѣляютъ преступленіе какъ дѣяніе, наносящее вредъ не отдѣльному индивиду а какому нибудь изъ существенныхъ элементовъ государства. Дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ гдѣ мы имѣемъ личный элементъ въ правонарушеніи напримѣръ благодѣяніе; преступленіе затрогиваетъ глубже строй государства и, сообразно съ тѣмъ, причисляется ли преступленіе за дѣяніе наносящее вредъ религіи, нравственности или юридическому строю государства, мы имѣемъ три теоріи. <u>Первая теорія</u> отождествляетъ понятіе преступленія съ понятіемъ грѣха. Сообразно съ ученіемъ этой школы верховное существо само подлинъ законы, открываемые въ религіи, и преступленіе есть нарушеніе этого божественнаго закона. Это понятіе о преступленіи какъ о нарушеніи божественной заповѣди проникло въ жизнь, видимъ мы изъ Уложенія Алексѣя Михайловича, гдѣ мы встрѣчаемся рядъ статей, начинающихся словами: <u>А будетъ кто забывъ страхъ Божій</u>, или: <u>а будетъ кто не боясь Бога</u> и пр.

Далѣе, въ эпоху Алек. Мих. церковь ведетъ ожесточенную борьбу съ остатками язычества,

<u>Листъ 3-ій Уголов. пр.</u>

Проф. Таганцевъ. Лит. Коппелевскій.

по этому падению свѣтовые цифры и то-же отличаются преступными движеніями. Далѣе, мы встрѣчаемъ имѣющій уходъ Ал. Ник., повѣшенный висящій во время пожара и трехъ-въ-одномъ сопротивленіемъ находящейся. Взявъ въ руки имѣющее дѣйствующее указаніе о наказаніяхъ мы не въ нѣкоторыхъ найдемъ относящемся отношеніе полиціи ареста и преступленія. Такъ подвергаются наказанію родители, не привозящіе своихъ дѣтей достигшихъ 7-ми летняго возраста въ школу. Такое отношеніе должно различать понятіе не только неправильно но даже вредно какъ для церкви такъ и для государства. Обладая религіей и правами имѣющими много сопротивленія, но не покрываютъ другъ друга. Есть религіи, принадлежащія обѣимъ общественнымъ отношеніямъ, но есть и такія, которыя принадлежатъ только къ одной изъ нихъ. Такъ въ области полицейскихъ правонарушеній видно не имѣетъ отношенія къ религіи; закупориваніе папиросы на мостовой или несвѣтящееся зажиганіе фонарей въ отношеніи нравственномъ не могутъ быть признаны грѣхомъ. Но даже и въ точномъ соприкосновеніи религіи и права стоятъ на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія. Религія обращаетъ вниманіе исключительно на внутреннюю сторону дѣянія, для нея нѣтъ надобности, чтобы идея проявилась во внѣшнемъ мірѣ: кто воззрѣлъ на женщину блудливаго своего тотъ уже совер=

шим, напротивъ, проявленіе въ внѣшнемъ мірѣ есть необходимое внѣшнее выраженіе внутренняго процесса, а слѣдовательно и преступленіе. Далѣе, какъ мы сказали, отвѣтственное понятіе грѣха и преступленія вредно; для потвержденія этого мнѣнія стоитъ разбирать тѣ мрачныя страницы исторіи, гдѣ сильныя религіи и права порождали такія явленія какъ инквизиціонное аутодафе. Мало того, что государство теряетъ лучшія силы и проливаетъ невинную кровь, но много теряетъ отъ разрыва тѣснаго союза съ необходимо — — присутствующимъ итогомъ внѣшнихъ насилій къ душевной совѣсти. Религіозное чувство слабѣетъ и религія обращается въ пустую обрядность и ханжество.

Совершенно аналогическія возраженія можно сдѣлать юристамъ, отождествляющимъ преступленіе съ безнравственнымъ дѣяніемъ. Область нравственности дѣйствительно стоитъ нѣсколько ближе къ области права чѣмъ религія, но они также не совпадаютъ вполнѣ. Граница между понятіями преступленія и безнравственнаго настолько не такъ рѣзка, какъ между понятіями грѣха и преступленія; поэтому въ законодательствѣ мы встрѣчаемся съ слишкомъ большимъ количествомъ случаевъ такъ сказать. Это тѣмъ болѣе понятно, что самое понятіе нравственности весьма условно. Прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, что для понятія существуетъ два рода нрав-

стибельности: нравственность субъективная или индивидуальная и коллективная или объективная.

Подъ нравственностію субъективною мы разумѣемъ совокупность убѣжденій лица объ отношеніяхъ его къ самому себѣ и къ обществу. Сообразно съ развитіемъ лица измѣняется и сумма этихъ убѣжденій. Но еще болѣе различій можно замѣтить между субъективною нравственностію отдѣльнаго человѣка по различію степеней его развитія, которыя мы часто мѣримъ между индивидуальною нравственностію двухъ лицъ болѣе или менѣе по сколько бо́льшимъ числомъ извѣстнаго класса людей, извѣстнаго общества всегда общія черты въ своей духовной конституціи, на столько мы можемъ всегда извѣстную сумму сходныхъ нравственныхъ убѣжденій, и вотъ эта то сумма убѣжденій и составитъ коллективную нравственность даннаго общества, даннаго класса людей. Наконецъ насколько человѣкъ, если можно такъ выразиться, вездѣ человѣкъ, т. е. насколько всѣ люди имѣютъ общія качества / безъ существованія которыхъ не могли бы существовать понятія о человѣкѣ / мы можемъ найти и извѣстное, правда не большое количество нравственныхъ убѣжденій общечеловѣческихъ, и получимъ такимъ образомъ нравственность общечеловѣческую, объективную.

Сравнивая область права съ областью нравственности какъ индивидуальной такъ и коллективной, мы замѣчаемъ прежде всего, что

Вышлите труба сами пожалуйста объясните книгобуж-
дающему стихотворению.

Обычно приобретенные изменения наследуются
по закону от умершего к потомкам наследующих
поколений, а не к другим лицам. Если умерший
не оставил завещания, то его имущество делится
между родственниками, как это установлено
законом. Если умерший оставил завещание, то
его имущество делится между родственниками,
как это установлено завещанием. Если умерший
не оставил ни завещания, ни родственников, то
его имущество переходит в собственность государства.
Если умерший оставил завещание, но не назначил
исполнителя завещания, то суд назначает исполнителя
завещания. Если умерший оставил завещание, но
исполнитель завещания отказался от исполнения
завещания, то суд назначает другого исполнителя
завещания. Если умерший оставил завещание, но
исполнитель завещания умер, то суд назначает
другого исполнителя завещания. Если умерший
оставил завещание, но исполнитель завещания
не может исполнить завещание, то суд назначает
другого исполнителя завещания. Если умерший
оставил завещание, но исполнитель завещания
не может исполнить завещание, то суд назначает
другого исполнителя завещания. Если умерший
оставил завещание, но исполнитель завещания
не может исполнить завещание, то суд назначает
другого исполнителя завещания.

Ваш Канаевский.

искать определение преступления въ области юридической.

Областью права мы называемъ совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ отношенія людей въ извѣстномъ союзѣ. Всякое изслѣдованіе свое въ область права, мы прежде всего наталкиваемся на одно понятіе, имѣющее по видимому весьма тѣсную связь съ понятіемъ преступленія. Мы говорили о такъ называемомъ неправдѣ. Юридическою неправдою называется такое явленіе, расходящееся съ требованіями юридическихъ нормъ. Прежде всего у насъ является мысль о тождественности области преступныхъ и юридической неправды. Для разъясненія этого вопроса, нужно всего обратиться къ действительной жизни. Возьмемъ для примѣра кражу. Анализируя послѣдствія кражи, мы замѣчаемъ въ ней два элемента: 1) нападеніе правонарушителя и 2) возмѣщеніе потерпѣвшаго. По большей части оба эти элемента совпадаютъ — большая часть правонарушеній влечетъ за собою оба послѣдствія.

Однако не трудно привести такіе случаи юридической неправды, которые не влекутъ за собою наказанія, а только возмѣщеніе потерпѣвшаго. Примѣромъ могутъ служить различныя bona fide и продажа съ обманомъ. Встрѣчаемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ законъ нашъ различаетъ различные роды обмана. Если обманъ былъ словесный, то онъ влечетъ за собою только возмѣщеніе потерпѣвшаго; если же для это-

обмана были предварительно сделаны приготовления, то кроме гражданской ответственности, обманщик влечет ответственность уголовную, т. е. наказание. Обращаясь к двумъ вышеприведеннымъ примѣрамъ, мы видимъ несомнѣнное причиненіе юридической неправды, такъ какъ, если бы здѣсь не было нарушенія юридической нормы, растратившій bona fide или продавшій вещь при помощи словеснаго обмана не были бы обязаны, первый, возвратить растраченное имущество, а второй, возвратить цѣну проданной вещи. Но мы видимъ далѣе, что въ данномъ случаѣ неправда не считается преступленіемъ, слѣдовательно, область юридической неправды шире области преступленія. Преступленіе есть только одинъ изъ видовъ юридической неправды. Второй элементъ неправды, влекущій за собою возмездіе потерпѣвшаго, извѣстенъ подъ именемъ неправды гражданской.

Всѣ теоріи, пытавшіеся разграничить эти два понятія, можно свести къ двумъ категоріямъ. Одни видятъ здѣсь принципіальное различіе, считаютъ гражданскую и уголовную неправду за два совершенно различные понятія, только случайно соединяющіяся въ извѣстныхъ случаяхъ. Другіе считаютъ напротивъ различія между этими понятіями несущественными, считаютъ ихъ видами одного и того же родового понятія.

Теоріи, признающія принципіальное различіе гражданской и уголовной неправды, въ свою оче-

ра... могут быть разделены на два направления: на теорию субъективных и объективных.

Объективная теория видит главное различие между преступлением и проступком в объекте. Действия злоумышленника, которыми нарушается субъективное право лица, подвергаются наказанию, потому что нарушение субъективного права есть вместе с тем нарушение определенной юридической нормы. Субъективная теория находит различие между преступлением и проступком в субъективной стороне деяния. Различие это состоит в том, что преступление совершается умышленно, проступок же — по неосторожности. Различие это, по мнению сторонников субъективной теории, имеет то преимущество перед объективной, что оно дает возможность провести границу между преступлением и проступком в тех случаях, когда объективная теория оставляет в этом отношении сомнение. Различие это, по мнению сторонников субъективной теории, имеет то преимущество перед объективной, что оно дает возможность провести границу между преступлением и проступком в тех случаях, когда объективная теория оставляет в этом отношении сомнение. Различие это, по мнению сторонников субъективной теории, имеет то преимущество перед объективной, что оно дает возможность провести границу между преступлением и проступком в тех случаях, когда объективная теория оставляет в этом отношении сомнение.

въ томъ, кто въ первомъ случаѣ юридическая норма нарушается сознательно, во второмъ, безсознательно.

Давая сознательные признаки для различія гражданской неправды отъ уголовной, какъ сознательной (bewußtes Unrecht) отъ несознательной (unbewußtes Unrecht)* теорія Гегеля легко осуществимая на практикѣ, не соотвѣтствуетъ однако воззрѣніямъ современныхъ кодексовъ. Такъ, по теоріи Гегеліанцевъ, неосторожное убійство должно считаться неправдою гражданскою, между тѣмъ, всѣ современные европейскіе кодексы считаютъ неосторожное убійство преступленіемъ. Съ другой стороны, должника по какой либо причинѣ не возвращающій долга, не смотря на то, что этимъ вполнѣ сознательно нарушаетъ юридическія нормы, подлежитъ, по современнымъ кодексамъ, отвѣтственности гражданской. Точно также вліяніе завѣдомо неправильнаго иска влечетъ за собою только гражданскую отвѣтственность. Такъ же защитниковъ этой теоріи въ настоящее время можно указать на Вальтера, Бренса и др.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ теоріи, признающія принципіальное различіе гражданской и уголовной неправды. Теперь перейдемъ

Употребленіе здѣсь вездѣ слова сознаніе, сознательный, мы конечно говоримъ здѣсь не о фактической а о юридической обстановкѣ ума. Добросовѣстный владѣлецъ знаетъ, что онъ владѣетъ вещью; онъ не знаетъ только, что этимъ своимъ владѣніемъ онъ нарушаетъ гр. норму.

<u>Листъ 5-й Уголов. Пр.</u>

Лит. Котляревскаго.

Проф. Таганцевъ.

-ть фразеологической теории, утверждающей, что между гражданской и уголовной неправдой не существует такого существенного различія; что онѣ только двѣ стороны одной и той же неправды.

Неправда въ сущности одна только; она можетъ имѣть различныя послѣдствія /подобно тому какъ движеніе можетъ произвести свѣтъ и теплоту/ и, смотря по различію послѣдствій, различается неправду гражданскую отъ уголовной. Различія послѣдствій дѣйствительно весьма существенны. Такъ, гражданская отвѣтственность носитъ характеръ имущественный. Въ которые западные кодексы отбросили даже личное задержаніе за долги, находя его несогласнымъ съ духомъ гражданскаго права. Отвѣтственность уголовная, напротивъ, имѣетъ въ виду личность преступника а не его имущество. Далѣе, уголовная отвѣтственность, въ силу своего личнаго характера, не можетъ переходить на другихъ лицъ; въ гражданскомъ правѣ мы видимъ на оборотъ отвѣтственность родителей за вредъ, причиненный дѣтьми; отвѣтственность наслѣдниковъ, за наслѣдователей. Что касается до того, что для разсмотрѣнія гражданской и уголовной неправды въ большинствѣ государствъ существуютъ особые для каждой установленія, то это очевидно несущественное различіе неправдъ: это, такъ сказать, различіе формальное а не матеріальное; и при томъ различіе, которое имѣетъ свою часть

уничтожено соединением двух понятий в одно.

Таким образом мы видим, что последствий гражданской и уголовной неправды действительно различны, но, говорить можно, отрицающая принципиальное различие неправды, одна и также причина может иметь различные последствия; имущественное движение эфира, оставаясь неизменным по своей сущности, может произвести и свет и теплоту.

И так, если все различие гражданской и уголовной неправды сводится к различию их последствий, то возникнет вопрос: когда все возникающие гражданские и когда уголовные последствия? Ответ на первый вопрос не представляет затруднения. Гражданская ответственность является тогда, когда правонарушением был причинен ущерб материальный; напротив, та сторона правонарушения, которая влечет за собою вред неосязаемый, вред для общества, подвергается уголовному преследованию.

Посмотрим теперь можем ли такое воззрение быть применено к жизни. Обращаясь к действительной жизни, мы встречаем 4 рода недозволенных действий 1е влекут за собою ответственность только уголовную; 2е и гражданскую и уголовную; 3е или гражданскую или уголовную и 4е только гражданскую.

Разъяснить первые два вида неправды не представляет никакого затруднения! Возьмем напр. богохульство! Очевидно бого-

хищение материального ущерба никому не приносит – ответственность за богохульение будет чисто материальная. Возьмем второй пример: положим, человек, осколок убил другого, выстрелил в него, но не убил его а только ранил, и раненый должен был потратить известную сумму на докторов, лекарства и пр. Очевидно виновный подвергается не только уголовной ответственности за покушение на убийство, но и гражданской, за вред и убытки, причиненные лицу пострадавшему. Положим далее, что пуля вовсе не попала в жертву; но тот, в кого стрелял, заболел от страха. Очевидно опять преступник отвечает не только уголовной порядком за покушение, но несет и гражданскую ответственность за убытки, причиненные больному лица, виновником которое он был. Если пуля не попала в жертву и не принесла вовсе вреда жертве, то преступник очевидно отвечает только уголовным порядком. Таким образом совершенно ясно когда отпадает гражданский элемент правонарушения.

Теперь посмотрим как объяснить случаи чисто гражданской ответственности за нарушение юридических норм. Защитники разбираемой нами теории прибегают к следующему объяснению: Всякое нарушение юридической нормы, говорят они, есть непременно уголовное. Но не всякое непременно уголовное

сть въ тоже время неправду наказуемая. Такимъ образомъ школа эта вводитъ деление условной неправды на неправду наказуемую и на ненаказуемую; это деление оправдывается исторически. Возьмемъ для примѣра мошенничество. Кассаціонный сенатъ опредѣлилъ, что обманъ въ торговыхъ подлогахъ уголовной отвѣтственности только въ такомъ случаѣ, если для этого обмана были сдѣланы особыя приспособленія. Но если мы разсматримъ мошенничество касательно торговаго обмана въ другихъ отрасляхъ или въ другое время то мы не найдемъ здѣсь единства взглядовъ. Книге законодательство 15-е и 16-е столѣтія не знаетъ вовсе наказанія за торговый обманъ. Вообще постановленія объ этомъ предметѣ измѣняются, смотря по степени развитія торговыхъ сношеній и принципахъ на которыхъ они . Значитъ ли это, что торговый обманъ былъ одновременно, но въ разныхъ странахъ, или въ разное время въ той же странѣ и гласданской и уголовной неправдою? Очевидно естественнѣе предположить, что обманъ всегда и вездѣ былъ и есть неправда уголовная, не только иногда онъ наказывался, а иногда нѣтъ.

Въ подтвержденіе мысли о существованіи, такъ сказать, неправды безразличной т. е. уголовной ненаказуемой неправды, можно привести слѣдующій фактъ. Какъ извѣстно уголовнаго уложенія считаются не только совершенные дѣянія

Проф. Таганцевъ. Лит. Типографія.

щенаго дѣянія, но и покушеніе на таковое. Между тѣмъ, во франц. кодексѣ мы замѣчаемъ слѣдующее: за покушеніе „tentative“ на тяжкое преступленіе „crime“ виновный всегда наказывается, за покушеніе на преступленіе меньшей важности „Délit“ виновный наказывается только въ томъ случаѣ, если на то есть особенное указаніе въ законѣ; наконецъ, за покушеніе на полицейское правонарушеніе „contravention“ виновный не наказывается. (О различіи между crime, délit и contravention упоминается только въ нѣкоторыхъ наказаніяхъ, но очевидно не вездѣ; во всѣхъ законодательствахъ, преступленіе, бывшее прежде „crime“ становится „délit“ или на оборотъ, въ зависимости отъ обстоятельствъ. Такъ „Délit“ покушеніе на что-либо по общему правилу наказуемо. Здѣсь мы имѣемъ нѣкоторыя дѣянія не наказуемыя и не наказуемыя вообще. Законодатель считаетъ извѣстныя преступныя стремленія незначительными, чтобы имѣть какую-либо заботу. Такое законодательство предполагаетъ только не много доводовъ въ пользу существованія такого или другого уголовнаго исправленія. Такъ, уголовное подлогъ строго наказывается по нашему праву, но неосторожное подлогъ наказывается только въ такомъ случаѣ, если имѣло нарушено одно изъ правилъ объ осторожномъ обращеніи съ огнемъ; правило, помѣщенное въ кодексѣ. Очевидно, законодатель можетъ не предвидѣть нѣкоторыхъ случаевъ неосторожнаго обращенія

ся отнесть, и въ этомъ случаѣ виновные не бу-
дутъ наказаны. Безумiе не можетъ считаться
дѣломъ съ невинностью намѣренiя, такое какъ
по общему правилу - никто злостное нарушение
уголовнаго закона совершаетъ преступно-злостно, хо-
тя и не въ томъ отношенiи какъ нарушилъ умыш-
ленно. Далѣе, мы видѣли въ нашемъ
изслѣдованiи случаи, когда умыселъ, совер-
шенное, видно изъ фактовъ, не находившагося, по мѣ-
стному его собственному часто, обнаруженiю въ
преступному его сознанiю. Очевидно, если подобное душевное разстройство бы въ
себѣ уголовнаго умысла, то не могло бы быть
наказано, если бы такого не подлежало. Причина
ненаказуемости лежитъ здѣсь не въ отсутствiи а въ недостаточности уголовнаго элемента.

Говоря о юридическомъ безразличiи потерпѣвшаго,
мы не должны понимать это безразличiе въ
смыслѣ, что юридическое безразличiе потерпѣвшаго
не имѣетъ за собою никакихъ послѣдствiй.
Часто многочисленные преступленiя не подлежатъ су-
дебной юрисдикцiи именно по тому, что пре-
лагаютъ отвѣтственности въ дисциплинарномъ
порядкѣ. Сюда напр. можно отнести кражу въ
учебномъ заведенiи. Не слѣдуетъ также упус-
кать изъ виду преслѣдованiе безразличной юри-
дически потерпѣвшаго общественными интересами.
Эти послѣдние представляютъ намъ въ этомъ случаѣ
добавочно дѣйствующiй критерiй.

Въ результатѣ же мы получаемъ такое опре-
дѣленiе преступленiя: это есть посягательство

на юридическія нормы, признаваемое въ данное время и въ данномъ обществѣ столь существенными, что государство, для противодѣйствія имъ, прибѣгаетъ къ наказаніямъ высшимъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ объемъ понятія преступленія, мы постараемся теперь представить въ общихъ чертахъ классификацію преступленій. Мы не станемъ останавливаться на всѣхъ дѣяніяхъ весьма многочисленныхъ, существующихъ въ законодательствѣ и въ теоріи, а остановимся только на тѣхъ, которыя имѣютъ особенную важность какъ въ практикѣ такъ и въ теоретическомъ отношеніи.

1. Преступленія раздѣляются на уголовныя (въ тѣсномъ смыслѣ) и полицейскія нарушенія. — Уголовное преступленіе въ тѣсномъ смыслѣ есть такое дѣяніе, въ которомъ нарушеніе закона соединяется съ нарушеніемъ права лица физическаго или юридическаго. Подъ полицейскимъ же правонарушеніемъ разумѣется такое дѣяніе, въ которомъ права лицъ не нарушаются а только подвергаются опасности. Такое строгое уложеніе знаетъ отличіе отъ этого дѣянія преступныхъ дѣяній на преступленія и проступки. (Въ современномъ уложеніи о наказаніяхъ, слово: преступленіе не противополагается слову проступокъ).

Съ точки зрѣнія теоретической, это дѣленіе можетъ имѣть оправданіе, такъ какъ разница между этими двумя видами неправомѣрности дѣйствительно существуетъ. Такъ, характеръ отвѣтственности

почти за полицейскую и уголовную ненаказуемость весьма различен.

При полицейских нарушениях, существенный элемент, направление злой воли на причинение вреда во внимание не принимается. Это преступное деяние наказывается по тем же основаниям, как тот же преступный, совершенный по неосторожности. Во преступлении мы видим отрицание. Различие между этими двумя видами весьма различно. Постановления полицейские изменяются постоянно. Постановления уголовные, характеризующие санкционные изменяются крайне не согласно. Полицейские предписания имеют часто местный характер, тогда как уголовные постановления носят характер общий. Первые имеют часто значение только для одного какого-либо города, имеют напр. уставы: строительный, пожарный; вторые существуют обычно на всей территории государства. Это различие между полицейскими и уголовными нарушениями служит причиной тому, что это различение недостаточно проводится в практике

Листъ 1-й Уголов. Пр.

Инсп. Таганцевъ.

Лит. Тюлебекина.

и въ теоріи. Но различіе это не принципіальное, не существенное; по этому, новое уложеніе, изд. 66 г. отбросило прежнее дѣленіе уголовныхъ непроводовъ на преступленія и проступки и употребляетъ эти 2 термина безразлично.

II.) Какъ въ кодексахъ зап. Европы такъ и у насъ, существуетъ дѣленіе преступленій по тяжести наказанія. Такъ, въ code pénal, мы встрѣчаемъ дѣленіе преступленій на crimes, délits и contravention и, соотвѣтственно этому, въ Германскомъ кодексѣ: Verbrechen, Vergehen и Uebertretungen. Дѣленіе это имѣетъ значеніе процессуальное; такъ crimes подсудны ассизамъ (суду присяжныхъ), délits, суду исправительной полиціи, а contravention, полицейскому трибуналу.

У насъ существуетъ также тройственное дѣленіе; такъ, французскому понятію crimes соотвѣтствуетъ преступленіе, подлежащія юрисдикціи окружныхъ судовъ съ участіемъ присяжныхъ. Сюда относятся, влекущіе за собою лишеніе правъ, всѣхъ или только нѣкоторыхъ. Преступленія, влекущія за собою наказаніе свыше 1½ года тюремнаго заключенія, но безъ лишенія правъ, разбираются въ окружныхъ судахъ безъ присяжныхъ. Наконецъ преступленія, за которыя полагается наказаніе не свыше одного года тюремнаго заключенія, подсудны мировому институту. Не смотря однако на свое практическое значеніе, вышеприведенное дѣленіе не имѣетъ теоретической основы. Законодателю стоитъ только нѣсколько измѣнить степень на-

казанія и преступленіе переходитъ изъ одного раз-
ряда въ другой.

III. Существуетъ еще дѣленіе преступленій, по характеру преслѣдованія, на уголовно-общественныя и уголовно-частныя. Дѣленіе это также имѣетъ большой практическій интересъ. Собственно говоря, право и обязанность преслѣдованія должно, во всѣхъ случаяхъ, принадлежать государству; но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ виду особыхъ обстоятельствъ, допускается исключеніе. Именно въ двухъ случаяхъ: 1) Вредъ, причиненный обществу нѣкоторыми дѣяніями, такъ незначителенъ въ сравненіи съ частнымъ вредомъ, причиненнымъ этимъ же преступленіемъ, что его такъ сказать, недостаточно для того чтобы сильно возбуждать преслѣдованіе. Таковы случаи легкой обиды, легкіе побои, истребленіе или порча чужого имущества. Въ этихъ случаяхъ преслѣдованіе можетъ быть начато только по волѣ частнаго лица, потерпѣвшаго отъ правонарушенія. 2) Инициатива преслѣдованія предоставляется частному лицу въ тѣхъ случаяхъ, когда, по мнѣнію закона, преслѣдованіе преступленія можетъ принести еще большій вредъ уже и безъ того пострадавшей жертвѣ, оставляя безнаказаннымъ преступника; таковы напр. случаи, касающіеся чести женщинъ, какъ напр. изнасилованіе, или кража между родителями и дѣтьми. Давъ такихъ образомъ общее понятіе о первомъ элементѣ науки уголовнаго права о преступленіи, переходимъ теперь ко 2-му элементу – наказанію.

Наказание.

Преступление есть дѣяніе, совершаемое частнымъ лицомъ. Наказаніе есть дѣйствіе, совершаемое государственною властью по отношенію къ лицу, нарушившему законъ. Здѣсь прежде всего предоставляется вопросъ: Кто можетъ быть субъектомъ наказанія и по какому праву?

На первыхъ ступеняхъ развитія человѣческаго субъектомъ карательнаго права является обиженный индивидуумъ и его семья, за тѣмъ родная община. Но по мѣрѣ развитія общественной жизни карательное право отнимается у частныхъ государственною властью. У насъ по этому карательное право есть прерогатива монарха, и всякій судебный приговоръ произносится во имя верховной власти: По указу Его Императорскаго Величества! Второй вопросъ: откуда государственная власть получила это право? представляется болѣе сложнымъ.

Въ исторіи науки уголовнаго права можно указать нѣсколько теорій утверждающихъ, что карательное право есть узурпація въ рукахъ государственной власти. По этому мы раздѣляемъ теоріи, касающіяся права государства наказывать, на двѣ категоріи. Къ первой мы относимъ теоріи отрицающія, ко второй признающія это право. Довольно полное изложеніе, какъ однихъ такъ и другихъ, въ учебникѣ уголовнаго права Бернера (Перевод. съ исправленіями и дополненіями Н. Нехлюдова). Мы беремъ изъ всѣхъ этихъ теорій только одну, въ

лицъ лучшаго ея представителя Роберта Оуена такъ какъ теорія Оуена наиболѣе послѣдовательна.

Новѣйшія изслѣдованія говорятъ Робертъ Оуенъ „доказываютъ, что „господствующій человѣческій типъ" <u>„такова роза"</u> на которой окружающая его „соціальная среда" пишетъ ея характеръ. Человѣкъ не родится ни добрымъ, ни злымъ; эти качества получаетъ онъ отъ окружающей среды, и по этому общество не имѣетъ права наказывать или даже порицать преступнаго человѣка, а терпѣливо переносить то, что само произвело. Утверждаютъ что преступленіе есть что либо исключительно зависящее отъ индивидуальнаго характера извѣстнаго человѣка, при современныхъ данныхъ статистики невозможно. Уголовная статистика несомнѣнно доказываетъ, что преступленіе есть такое же необходимое слѣдствіе соціальныхъ условій, вызвавшихъ его какъ движеніе земли по эллипсу слѣдствіе всемірнаго тяготѣнія. Не смотря однакожъ на всѣ доводы, заключенія, высказанныя Оуеномъ, не должны удерживать критики. Не правильнее ли утверждать, что такъ какъ общество вызвало извѣстное зло, то оно имѣетъ не только право, но даже обязанность искоренить его. Аналогическое явленіе мы можемъ видѣть въ медицинѣ. Человѣкъ, пользующійся, забольвъ вслѣдствіе неправильнаго образа жизни; слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ долженъ терпѣливо переносить болѣзнь и не имѣетъ права лечиться отъ нея, такъ какъ вызвалъ ее? Теорія Оуена имѣла одного

лютъ 8-го Уголов. Пр.

Проф. Таганцевъ.

Лист Котляревской.

хорошую сторону, тѣмъ, что она указала на невозможность вслѣдствіе того времени на наказаніе, какъ на мѣсто, какъ на средство причинить преступнику страданіе. Въ то время нач. 19-го ст. наказаніе носило именно такой характеръ: „Смертная казнь и членовредительное наказаніе" были одни изъ употребительнѣйшихъ наказаній; самое тюремное заключеніе разсматривалось не какъ средство исправленія преступника, а какъ средство причиненія страданія.

Вообще всѣ массы теорій, отрицающихъ право государства наказывать, смѣшиваютъ обязательно существующія интересы дѣйствительнаго примѣненія карательнаго права. Можно отрицать примѣненіе смертной казни, требовать переустройства тюремъ и другихъ исправительныхъ заведеній, но это не значитъ еще, что бы можно было отрицать самое право и даже необходимость наказанія.

Теоріи, признающія право государства наказывать можно раздѣлить на двѣ отдѣла: на теоріи формальныя и теоріи матеріальныя. Первыя отрицаютъ право государства наказывать изъ матеріальныхъ элементовъ.

Къ теоріи формальныхъ относятся: теорія, отрицающая право государства наказывать изъ историческаго факта. Факта этого дѣйствительно нигдѣ не существовало; нѣтъ такого общества, такой эпохи, когда бы не существовало идеи угрозы, преслѣдующей государствомъ.

Этотъ фактъ служитъ оправданіемъ наказанія, которое является постояннымъ спутникомъ общественной жизни. Бо такое доказательство очевидно не имѣетъ силы. Историческое доказательство всегда имѣетъ условную цѣнность; оно свидѣтельствуетъ только, что нѣчто было, но не говоритъ по чему оно было и; слѣдовательно, будетъ ли оно совершаться далѣе. Чего можетъ быть, что условія общественной жизни были до сихъ поръ таковые, что необходимо было наказаніе; но это отнюдь не значитъ, что съ передѣлкой общественнаго строя не-уничтожится наказаніе. Безспорнымъ препятствіемъ въ этомъ отношеніи является рабство. Существованіе рабства считалось въ древности до такой степени необходимымъ явленіемъ, что даже наиболѣе выдающіеся умы считали немыслимымъ государство безъ рабства.

Частью однако другія условія общественной жизни и институтъ рабства почти безвозвратно.

Переходимъ теперь къ теоріямъ наказанія, дающимъ болѣе основательные доводы въ защиту карательнаго права государства. Такъ какъ страдающимъ субъектомъ является индивидъ и цѣлое общество и, слѣдовательно, имъ все можетъ принадлежать карательная власть, то теоріи, признающія право государства наказывать, можно раздѣлить, по отправной точкѣ, на 2 категоріи: на теоріи индивидуальныя и теоріи общественныя

В первых случаях, смотря по тому, в какой стороне человеческой природы ищется это основа, мы получаем три группы теорий: 1-е группа ищет основу карательного права в физической, 2-е в нравственной, 3-е в интеллектуальной природе человека.

Представителем первой теории, в конце прошлого столетия, является Hammel, писавший под псевдонимом Александра Гота /Alexander v. Goch/. По учению Гоха в мире, как окружающем, всякое явление есть результат предопределения. Свободы воли не существует, так как, что бы действия человека суть необходимый результат законов природы. Некоторые отыскивают, говорит он, ближайшие причины их отдаленных. Это, пожалуй, и правда; но дело в том, что всякая причина одинаково важна: не будь отдаленной, не было бы и ближайшей. Если в мире допустить существование свободы, то мир отрешится из строгого цепного в хаос. По этому, по учению Гоха, человек, совершивший преступление, в существе только то делает, что делает камень, упавший с высоты и разбивший чью нибудь голову. Государство, наказывая преступника, руководится тем же инстинктом как человек, убивающий быка, который его тронет, или, бегущий собаку, которая на него бросается.

Взгляд Гоха находит себе действительно-

иную игру въ жизни человѣка невольнаго.

Первобытный человѣкъ мстилъ инстинктивно обидчику, не разбирая ни пола ни возраста, не разбирая мотивовъ, побудившихъ лицо на обиду, но руководствуясь единственно животными инстинктами. Очевидно что слабая сторона разбираемой теоріи заключается въ томъ, что она хочетъ поставить уголовное право на ту первобытную точку, когда судья не обращаетъ никакого вниманія на субъективный элементъ преступленія. Основаніе по этой теоріи является чисто внѣшній внѣ всякаго разумнаго основанія и по этому, собственно говоря, должно быть отвергнуто, какъ скоро государство начинаетъ эксплуатировать сознательную жизнь.

Далѣе, подобно всѣмъ индивидуальнымъ теоріямъ, эта теорія страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что она предполагаетъ не только подобіе, но почти полное отождествленіе индивидуальной и государственной организаціи, что очевидно болѣе чѣмъ сомнительно. Какъ бы ни разнствовали теоріи Гала, представляетъ теорія френолога Доминбарта.

Опять учитъ, говоритъ Доминбартъ, что каждому эксцентричному преступнику надлежитъ отвѣчать по мѣрѣ и разрушенію. Эта отождествленіе, по мнѣнію Доминбарта, присущаго подъ внѣшній видъ, нападаетъ на черепъ! Основаніе, подающее вниманіе, интересное изученія эксцентричныхъ лицъ.

Лицъ Орд. Унив. Пр.

Проф. Пачкуевъ. Лит. Конисевской

взаимно надъ другими, основано на естественномъ законѣ: оно есть реакція возбужденнаго чувственнаго разстройства. Возраженіе противъ теоріи Данкварта существенно то же самое что и противъ Гоббса.

Вторая группа теорій ищетъ основу права государства наказывать въ нравственной природѣ человѣка. Представителемъ этой школы является Кантъ. Ученіе его, по отношенію къ праву государства наказывать, сводится къ слѣдующему. Человѣкъ карается по тому, что въ числу свойствъ его нравственной природы принадлежитъ постулатъ воздаянія равнаго равное. Существованіе этого постулата, происходящаго изъ человѣческой природы, не можетъ быть, по мнѣнію Канта, доказано какъ вообще существованіе всѣхъ происходящихъ постулатовъ и понятій человѣческой природы, какъ основныя понятія о бытіи, свободѣ и пр. Взятъ въ силу этого то категорическое требованіе нашей нравственной природы (существующее въ каждомъ человѣкѣ, если оно не задушено въ немъ воспитаніемъ и средой) государство имѣетъ не только право но и обязанность наказывать преступника. Основы Кантовской теоріи уже болѣе возвышены тѣхъ основаній предшествовавшихъ теорій, но и противъ нее можно сдѣлать то же возраженіе, что и противъ предыдущихъ а именно: категорическій постулатъ нравственной природы можетъ обязывать право

отдѣльнаго индивида не исходить, но отсюда не
можетъ еще возникнуть правомъ государственнаго. Съ
другой стороны, выводя карательное право го-
сударства изъ правомѣреннаго требованія возда-
нія равнымъ за равное, мы должны, чтобы быть
послѣдовательными, поставить въ обязанность
государству воздаяніе не только злымъ за зло,
но и воздаяніе добромъ за добро, т. е. награжде-
ніе добродѣтели, а такого выводъ не рѣшил-
ся сдѣлать послѣдователь Канта.

Остается разсмотрѣть 3-ю группу теорій,
ищущихъ основы государственнаго карательно-
го права въ чувственной природѣ человѣка,
и считающихъ наказаніе необходимымъ продук-
томъ законовъ логики. Виднѣйшимъ предста-
вителемъ этого направленія является Гегель.

Согласно Гегелю, право есть воплощеніе во внѣ
общей воли абсолютнаго разума. Коль скоро
подобная воля выполняется во внѣшнемъ мірѣ,
она можетъ нарушена и на нее можно посягнуть
внѣшнимъ образомъ. Напротивъ того, она ста-
ется недоступною посягательству самой въ
себѣ. Но если право заключается въ себѣ благо
существующей воли, то злонамѣренно воля, нару-
шающая право, становится въ противорѣчіе
съ самой собой. Это внутреннее противорѣчіе
требуетъ исхода, уничтоженія. Это уничто-
женіе называется наказаніемъ, въ примѣненіи котораго,
однако, мы разумѣемъ волю злого посягнувшей
на чужую неприкосновенную волю. Но если право,
какъ требованіе воли, неприкосновенно въ самомъ

себѣ, то онъ добавочно противузаконенъ вамъ по логическому закону исключительности, ибо онъ самъ себѣ, и можетъ быть нарушима. / Законъ исключительности заключается именно въ томъ, что если мы допустимъ что нибудь, какъ существующее, то этимъ самымъ отрицаемъ реальное существованіе его противоположенія! / Сказаніе есть такимъ образомъ отрицаніе положенія въ самомъ себѣ преступленіе! это есть отрицаніе вами, отрицавшими право. Теорія Гегеля, какъ опирающаяся на недозволенныя основанія вышеуказанія абсолютна и предполагая какое то фантастическое, вовсе не свойственное намъ значеніе законовъ логики, очевидно не выдерживаетъ критики.

Въ виду несостоятельности индивидуальныхъ теорій, переходимъ къ изложенію теорій общественныхъ, берущихъ за исправную точку не индивида а государство или общество. Теоріи эти можно раздѣлить на двѣ группы. Теоріи первой группы берутъ за исправную точку цѣлое общество; по мнѣнію наказаніе не въ самой природѣ общества а во внѣ. Къ такимъ теоріямъ принадлежитъ теорія теологическая.

Теорія теологическая считаетъ право государства наказывать, за даръ божества и безусловно считаетъ человѣческое право функціей христіанскаго права божественнаго. Сторонники этой теоріи можно предоставить самимъ

возникновений. Эта теория уже в безусловной зависимости от основного положения, как объяснить бытие совершенства человеческого правосудия и вообще уголовного права если приписать это последнее дару божества? Все божеское должно быть совершенно, неизменяемо, непогрешимо, а между тем, мы видим беспрестанное изменение уголовных норм, доказывающее их несовершенство.

Общественная теория второй группы ищут основы государственного карательного права в самом государстве, в условиях общественной жизни. Наиболее удовлетворительными из этих теорий являются так называемые правовые теории „Rechtstheorien", ищущие основы права показывают в обязанности государственной власти: охранять юридический порядок в обществе. Существование этой обязанности они выводят следующим образом.

Право, говорят они, не есть какое либо случайное явление в народной жизни; оно есть столь же необходимый ея аттрибут как религия, поэзия или язык. Мы не можем иметь мысли о обществе, которое существовало бы без юридического строя. Действительно, что такое юридический строй? Юридический строй есть система юридических норм, разрешающая столкновения лиц, возникающих по поводу вещей или других лиц. Мы не можем представить себе общество без стол-

Ученик 10 кл. Иванов. Пр.
Проф. Малинцев.

Учит. Катаевской.

кновений интересовъ, ибо въ такомъ случаѣ нашъ
пришлось бы представить себѣ общество безъ
потребностей. Какъ скоро существуютъ по-
требности и средства ихъ удовлетворенія ога-
ничены, необходимо должно возникнуть стол-
кновеніе. Разъ мы не можемъ представить се-
бѣ общество безъ потребностей и вытекающихъ
отсюда столкновеній, мы необходимо должны
допустить существованіе правилъ для раз-
рѣшенія этихъ столкновеній.

Въ послѣднее время встрѣчаются очень
возраженія противъ этой теоріи. Указываютъ
на то, что юридическія нормы не являются
необходимымъ атрибутомъ человѣчества.
Однако, при внимательномъ разсмотрѣніи
этого взгляда, нельзя не видѣть его ошибки.
Нормы могутъ быть различны, но онѣ всег-
да будутъ существовать. Если понятныя
нормы уничтожимъ, то вновь возникнутъ
новыя. Институтъ собственности предста-
вится, положимъ, не нормальнымъ явленіемъ
и будетъ уничтоженъ; но умно въ томъ, что
нормы, опредѣляющія отношеніе человѣка къ
вещи, не изчезнутъ, а замѣнятся только дру-
гими. Если напр. по теоріи соціалистовъ и ко-
мунистовъ, мы предположимъ идеальное от-
ношеніе людей къ вещамъ, исключающее пра-
во безусловныхъ отношеній человѣка къ ве-
щи, то и въ этомъ случаѣ явится новая
норма, которая именно будетъ запрещать
всякую попытку стать въ такое безусловное

отношение къ вещи. Если нормы явлются такимъ образомъ необходимымъ атрибутомъ существенной жизни, то разумѣется, что наказаніе есть существенное условіе общежитія, и государство, какъ правовой институтъ, не можетъ допускать ихъ нарушенія.

Такимъ образомъ, правовая теорія выводитъ совершенно логично изъ природы государства право государства охранять юридическій порядокъ въ обществахъ. Но тѣ существенныя понятія охраны и уголовной кары? Въ разъясненіи этого вопроса много дала философія прошлаго столѣтія, указавшая на непригодность такого отождествленія, и, съ начала 19го столѣтія, стала ходячею мысль, что охранительное дѣйствіе государства обнимаетъ не только кару, но и предупрежденіе преступленій. Ученіе о правѣ предупрежденія преступленій не подлежитъ наукѣ уголовнаго права. Въ немъ все заключается предупредительная дѣятельность государства и какими средствами борется государство съ готовящимися правонарушеніями?

Бороться много съ преступленіями вообще іи деле, и бороться мало съ отдѣльными готовящимися правонарушеніями. Сообразно съ этимъ, различаютъ два вида дѣятельности государства: общій и специфическій. Остановимся сперва на первомъ.

Современная наука показываетъ намъ, что преступленіе не есть какое нибудь случайное

явлений, причина которого кроется въ индивидуумѣ
отдѣльнаго преступника, не есть результатъ из-
вѣстныхъ общественныхъ причинъ и условій, ра-
вумѣется этимъ не необходимо подчиняющійся
организмъ общественной жизни, какъ явленія
физическія и законамъ механики. Дѣйствитель-
но, мы основываемъ удачныя, выработанныя чело-
комъ статистики, мы можемъ заранѣе предсказать
наперёдъ впередъ, сколько въ данномъ году будетъ
совершено преступленій; и не только количество
преступленій вообще, но количество преступле-
ній даннаго рода: с. Напр. мы можемъ ска-
зать какими орудіями будутъ совершены изъ-
вѣстнаго рода преступленія и въ какія мѣсяцы,
сколько. Всѣ эти предсказанія можемъ мы сдѣ-
лать съ большею точностью, нежели предсказаніе
о томъ мѣстѣ, которое ~~будетъ~~ упадетъ въ данномъ
году. Конечно, мы не можемъ еще предсказать ко-
личество преступленій не десять лѣтъ впередъ,
это значило бы, что общественныя условія оста-
нутся неизмѣнными въ теченіе такого промежут-
ка времени, а это только невозможно: ихъ можемъ
и должны измѣнять мы сами. Но въ теченіи ма-
лаго, опредѣленнаго нами періода времени мы,
такимъ образомъ, предсказываемъ съ точностью
до извѣстныхъ предѣловъ. Опредѣливъ эмпири-
чески, сколько данное общество дастъ преступ-
никовъ, мы можемъ принять мѣры противодѣй-
ствія преступленіямъ. Опредѣливъ эмпирически
причины преступленій, мы можемъ устранить
ихъ или ослабить ихъ дѣйствіе и, такимъ обра-
зомъ, предупредить преступленія.

ступленія входить въ область полиціи благосостоянія. Сюда относится напр. ученіе о мѣрахъ къ улучшенію обстановки, улучшенію народнаго быта, регулированію отношеній труда и капитала и т. п.

Но преступленіе, какъ всякое соціальное явленіе, кромѣ причинъ, которыя вызываютъ его, существуетъ еще, для того чтобы появиться въ жизни, извѣстныхъ условій соціальной жизни, которыя могутъ содѣйствовать легкости совершенія преступленія, или наоборотъ, затруднять его. Ученіе о тѣхъ элементахъ, которые противодѣйствуютъ борьбѣ государства съ этими условіями, входитъ въ область полиціи безопасности.

Борьба съ причинами и условіями, вызывающими преступленія, можетъ быть названа общею предупредительною мѣрами. Но, рядомъ съ нимъ, стоитъ другая дѣятельность государства, до сихъ поръ стоящая въ загонѣ, именно: борьба съ отдѣльными преступленіями. Исторія и опытъ ежедневной жизни показываютъ намъ, что большинство преступленій совершается не внезапно, что преступленіе зрѣетъ, растетъ большаго числа въ теченіе долгаго періода времени, въ особенности при такихъ назрѣвающихъ тяжкихъ преступленіяхъ.

Тяжкое преступленіе есть по большей части плодъ обдуманности плодъ зрѣлаго умысла, который, въ теченіе долгаго времени, зрѣетъ и проявляется въ различныхъ симптомахъ

Листъ 11-й Отдѣл. Пр.

Проф. Таганцевъ. Лит. Катковской.

таких, что заранее можно предвидеть, что готовится это преступление! Разумеется, государство не может относиться безучастно к таким готовящимся преступлениям, и меры, принимаемые государством в таких случаях, могут быть двоякого рода: если более достаточно проявившаяся воля, то государство может бороться с него, помощью уголовной кары, если же воля не обнаружилась столь явно, то государство противопоставляет преступлению меры полицейского надзора. Цель этих мер заключается в том, чтобы устранить возможность совершения преступления. Меры первого рода входят в область уголовного права.

Можно наперед сказать, что как бы рационально ни была устроена полицейская деятельность государства, всегда возможны такие случаи, когда все меры предупредительного характера окажутся недостаточны, когда преступление будет совершено, не смотря на все меры. С этого момента уже начинается карательная деятельность государства.

Прежде чем перейдем к вопросу о том, в чем состоит карательная деятельность государства, нужно не обратить внимание на то обстоятельство, что государство не всегда отвечает наказанием, то-есть причиняет специальное зло. Но этому необходимо установить государство имеет ли право совершить

права, отъ ряда другихъ субъектовъ этого права.

Нарушеніе юридическаго порядка, какъ мы выше видѣли, можетъ быть двоякаго рода, ибо изъ этихъ нарушеній влекутъ за собою уголовное преслѣдованіе, другія не влекутъ и, потому, называются неправового безразличного. Послѣднее понятіе, въ свою очередь, слагается изъ 2-хъ частей 1) Правонар. не влекущіе за собою никакихъ вредныхъ послѣдствій; 2) Правонар., вызывающія вредъ, но лишь не со стороны государства со стороны другихъ институтовъ въ государствѣ существующихъ, государственныхъ признанныхъ, но преслѣдуемыхъ исключительно лицами, какъ субъектами нарушеннаго права. Это право извѣстныхъ учрежденій издавать юридическій нормы, подводится подъ понятіе власти дисциплинарной.

Эта дисциплинарная власть въ своихъ проявленіяхъ весьма сходна съ высшею государственной, почему, необходимо разграничить эти два понятія. Вызвавъ вредъ извѣстную общину: власть, принадлежащая сельскому сходу надъ его членами, доходитъ до права ссылать ихъ за порочное поведеніе. Кромѣ того, сообщество влечетъ за собою преслѣдованіе государственной властью; но, если они совершены малолѣтними (лицами 10-ти лѣтъ), если воспитанниками учебнаго заведенія, находящимися дисциплинарными порядкомъ.

Для того, чтобы установить границы дисциплинарной власти необходимо прежде всего

обратить внимание на тѣ учрежденія, которыя его пользуются, по тому, что, только при правильной ихъ классификаціи, мы можемъ составить себѣ понятіе объ объёмѣ дисциплинарной власти.

"Учрежденія, имѣющія дисциплинарную власть, дѣлятся на 2 группы: одно изъ нихъ вызываетъ только государство, большею частью до него, и, хотя существуютъ въ государствѣ и пользуются имъ, но стоятъ болѣе или менѣе независимо отъ него; таковы: семья, церковь, общество. Другія учрежденія возникаютъ по волѣ государства и имъ подчиняются, напр. совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, офицерскіе суды.

Приведенное нами раздѣленіе имѣетъ особенное значеніе для разграниченія власти дисциплинарной отъ карательной. Границы дисциплинарной власти учрежденій перваго рода опредѣляются исторически:— путемъ борьбы, идущей отъ самого начала государственной жизни, между представителями дисциплинарной власти и государствомъ. Напротивъ, границы дисциплинарной власти, возникающей по волѣ государства, опредѣляются на основаніи научной теоріи, выработанной государствомъ.

Власть церкви, семьи и общины сложилась исторически и государство, шагъ за шагомъ, ограничилось окружать ее предѣлы. Въ семьѣ напр. дисциплинарная власть принадлежитъ отцу семейства, или родителямъ вообще. По римскому праву, власть отца семейства была очень

велика. Семейной-церковной власти преступления не только домашніе но и общественные. Это заключается въ Диецезальномъ Архіерейскомъ судѣ, но онъ былъ настолько не уже разширенъ власти нашихъ. Отецъ имѣлъ, какъ извѣстно, jus vitae ac necis. Почти въ такомъ же объемѣ обнимается родительская власть у древнихъ Германцевъ и Славянъ. Въ настоящее время въ законѣ говорится, что церковная власть, принадлежащая Епископамъ, невелика; но въ нашемъ Уложеніи она ограничена сверхъ. Любопытенъ отрывокъ, /1592/ подобія которой мы не найдемъ ни въ одномъ цивилизованномъ Европейскомъ государствѣ. Статья эта гласитъ: „За упорное неповиновеніе родительской
„власти, развратную жизнь и другіе поступки, ко-
„торые, по требованію родителей, безъ особаго судеб-
„наго разсмотрѣнія, подвергаются заключенію
„въ смирительномъ домѣ на время отъ 2^х до 4^хъ лѣ-
„тъ." Это право родителей надъ дѣтьми не ограничивается ни полемъ, ни возрастомъ, и прекращается надъ лицами мужескаго пола съ моментомъ ихъ вступленія на государственную службу; а, относительно лицъ женскаго пола, съ моментомъ выхода замужъ. Очевидно, что и въ настоящее время у насъ власть семейная удерживаетъ значительную долю карательной власти государства.

Относительно власти церкви мы остановимся въ исторіи нашей такъ и уст. Евр. съ 12го Іюлія 11г.

Проф. Таганцевъ. Сост. Таганцевъ.

съ тѣмъ убѣжденіемъ, что судъ церковь подлежитъ не одно нарушенію церковной узы, но и цѣлыя группы узъ, имѣющихъ вполнѣ свѣтскій характеръ, каковы напр. преступленія противъ семейнаго союза, имѣнія преступленія, нарушенія насильственнаго права. Далѣе, руководствуясь условіемъ юрисдикціи церкви подлежатъ кромѣ лицъ духовнаго званія, такъ называемые церковные люди, т. е. лицые, служилые, служилые и вообще имѣющіе пристанище у церкви.

Наконецъ, третій любопытный примѣръ, исторически сложившейся дисциплинарной власти, представляетъ, теперь въ сущности уже вымершая власть помѣщиковъ надъ крестьянами. Въ концѣ XVIII° и началѣ XIX° столѣтія помѣщики имѣли право ссылать своихъ крестьянъ „безъ суда“ въ каторжныя работы. По Своду Зак. 1832 г. помѣщикамъ предоставлено право вразумлять непослушныхъ крестьянъ по своему усмотрѣнію, лишь бы только это вразумленіе не сопровождалось увѣчьемъ или смертью. Съ тѣхъ поръ идутъ постоянныя ограниченія помѣщичьей власти, вплоть до самаго ея уничтоженія въ 1861 году.

Иной характеръ имѣетъ дисциплинарная власть тѣхъ учрежденій, которыя вызываются по волѣ государства и имъ подчиняются. Здѣсь кладется въ основаніе уже извѣстный принципъ, который вѣроятно будетъ имѣть обязательную силу и въ будущей перестройкѣ семьи, церкви и общины. Если государство

признает, за известными ограничениями, право преследовать своих членов за их проступки, что оно находит, кто должна судить лиц, имеющих свой особый интерес, отдельный их помимо интереса общегосударственного. Особенности этого интереса и определяемые им объем и характер дисциплинарной власти этого круга надо в его членами. Государство признает напр. дисциплинарную власть школы. Какой интерес заставляет группироваться в школе известную сумму лиц? — Интерес воспитания и обучения; — следовательно, власть школы может подчиняться только проступки, нарушающие этот интерес, идущие вопреки его требованиям. Вторы дисциплинарной власти школы очевидно могут вытекать только из интересов воспитания и образования.

Во всяком случае недопустимо упускать из виду, что всякая дисциплинарная власть имеет характер исключительный; по правилу все существует публичная общая государственная власть. Поэтому, если возникает какая либо коллизия между государственной и дисциплинарной властью, то такая коллизия без сомнения должна быть разрешена в пользу государства.

Обращаемся теперь к изследованию тех авторов характерной особенности государства, которая входит в область науки уголовного права. Прежде всего нам

представляется вопрос: когда имѣетъ мѣсто карательная дѣятельность государства?

Всѣ юристы согласны въ томъ что дѣятельность эта можетъ начаться только тогда, когда было совершено преступленіе. Если мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ нашихъ. Уложеніи случаи, гдѣ наказанія назначаются не за преступныя дѣянія а за дѣянія противныя, напр. не бытіе у исповѣди или у причастія, то эти единичныя исключенія имѣютъ только мѣстное значеніе, что они постепенно изчезаютъ изъ современныхъ кодексовъ, и въ скоромъ времени, можно надѣяться, вполнѣ изчезнутъ.

Болѣе спорнымъ представляется другой вопросъ, касающійся карательной дѣятельности государства; именно вопросъ о цѣли и средствахъ наказанія.

Въ исторіи науки уголовнаго права, мы встрѣчаемся съ нѣсколькими теоріями, которыя даже вовсе отрицаютъ существованіе или необходимость какой либо цѣли наказанія. По этому теоріи, касающіеся этого вопроса, мы можемъ раздѣлить на два отдѣла: на теоріи признающія и на теоріи отрицающія цѣлесообразность наказанія.

Теоріи, отрицающія цѣлесообразность наказанія, изъ которыхъ такъ подъ именемъ теоріи абсолютныхъ. Изъ этихъ, преимущественно защищаемой абсолютныхъ теоріи, наиболѣе извѣстны З. этого Канта, Гегеля, и этого философа. Изъ отличныхъ такихъ Канта

и Гегеля въ ихъ теоріяхъ карательнаго права видно, что наказаніе не можетъ никогда въ виду никакой цѣли. Цѣль можетъ достигаться наказаніемъ, но наказаніе применяется вовсе не для этой цѣли, а единственно вслѣдствіе нравственнаго императива у Канта, или логическаго постулята у Гегеля. Наказаніе удовлетворяетъ извѣстнымъ потребностямъ; но это не значитъ, что удовлетвореніе этихъ потребностей есть цѣль наказанія. Дыханіе напр. поддерживаетъ существованіе организма человѣка, но это не значитъ что онъ дышетъ съ цѣлью поддержать свою жизнь. Наука показываетъ, что дыханіе происходитъ безъ участія воли и есть результатъ физическихъ законовъ./

Въ подобныхъ взглядахъ много возвышеннаго. Если отрицать существованіе такихъ требованій въ человѣкѣ, въ его природѣ, то вся жизнь чрезвычайно опошлится. Придется отбросить всю нравственную природу человѣка. Такимъ образомъ ученіе абсолютистовъ справедливо въ высокую, не смотря на свою односторонность, формулу: „Pereat mundus et fiat justitia„ Если бы, говоритъ Кантъ, общество должно было бы завтра распасться, то оно прежде должно наказать преступника, находящагося у него въ тюрьмѣ. При такомъ взглядѣ Канта на наказаніе, очевидно средствомъ наказанія отрекаются не какими либо цѣлями и задачами

ными принципами. Руководящим принципом здесь является тот же постулат воздаяния равным за равное.

Принципом наказания Кант ставит принцип материального возмездия, выражающийся таким образом, что всякий преступник, посягающий на благо другого, в сущности посягает на свое собственное благо. У него должно быть по этому разрушено то самое благо, которое он отнимает у другого. [око за око, зуб за зуб]. Этот материальный талион проводится Кантом до крайних пределов, так что напр. за убийство он налагает смертную казнь, за изнасилование, кастрацию.

Гегель, подобно Канту, отрицает всякую психическую целесообразность наказания. Государство наказует, потому что оно не может не наказывать; иначе, право не было бы абсолютной идеей; неправды не было бы чисто-разумным понятием. Касательно средств наказания; они незначительно расходятся с Кантом.

Подобно Канту, он признает талион, но в более глубоком смысле. Наказание, по Гегелю, не должно быть специфическим равенством. Так как преступление, по Гегелю, есть отрицание от воли общей. Объем наказания определяется степенью отступления частной воли от требований общего права. Насильственное внешнее материальное вреда, насильственным преступлением, а внутренний вред, лежащий в характере воли.

Здесь сподвижательно, принимается во внимание субъективный элемент: воля преступника. /Это так наз. Діалектическое, внутреннее возмездіе./

Что касается 3-ей теоріи - теологической - то она имѣетъ мало значенія. Она очевидно тяжкое отрицаетъ всякую цѣлесообразность наказанія, которое является только исполненіемъ воли божества. Относительно способовъ кары, она не даетъ опредѣленнаго отвѣта.

Перейдемъ теперь ко второй группѣ, т.е. къ теоріямъ, требующимъ отъ наказанія цѣлесообразности. Это такъ называемыя теоріи относительныя. Отправная точка всѣхъ этихъ теорій слѣдующая: Государство не есть случайное соединеніе людей но самъ является необходимымъ результатомъ человѣческой природы, однако отличается временемъ получаетъ разумную осмысленность, и, если отнять у государства цѣлесообразность, то существованіе его теряетъ всякое значеніе. Задача государства сводится къ достиженію актуальнымъ союзомъ и цѣлому общества возможно полнаго благосостоянія /понимаемаго слово въ самомъ широкомъ смыслѣ/. Это достигается черезъ устраненіе препятствій, мѣшающихъ народному развитію. Юридическая дѣятельность, какъ одна изъ видовъ государственной дѣятельности, имѣетъ въ виду также устраненіе препятствій народнаго развитія какового является преступленіе.

Государство, для борьбы съ преступленіемъ, имѣетъ 2 средства: 1) запрещеніе подъ угрозой наказ. и

самое наказаніе. Сообразно съ этимъ, мы встрѣчаемъ 2 группы теорій. Теоріи 1-ой группы хотятъ бороться съ преступленіемъ не помощью наказаній а помощью угрозы. Такова теорія „психическаго принужденія" Фейербаха, теорія, проникшая въ начала столѣтія почти во всѣ европейскія кодексы.

Теорія психическаго принужденія хочетъ устранить не видимое жизни, но удерживать отъ преступленія самою угрозою наказанія. Угроза уголовнаго закона должна быть приноровлена такимъ образомъ, чтобы то лишеніе, которое вытекаетъ для преступника изъ наказанія, было любому несравненно чувствительнѣе тѣхъ выгодъ и наслажденій, которыя могутъ быть даны ему преступленіемъ. Каждое преступное проявленіе воли предполагаетъ предпочтеніе себѣ того наслажденія, которое доставитъ лицо отъ совершенія преступленія. Стало быть, если мы допустимъ угрозу уголовнаго закона, то мысли о наслажденіи противопоставятся мысли о превышающихъ его страданіяхъ и лишеніяхъ. Воля будетъ парализована такимъ образомъ въ своемъ преступномъ настроеніи; она испытываетъ психическое принужденіе и преступленіе остается несовершившимся. Если мы внимательнѣе посмотримъ на эту теорію, то убѣдимся, что она скорѣе абсолютная чѣмъ относительная теорія. Наказаніе не имѣетъ цѣли, кромѣ достигнута угрозою. Въ практикѣ

эта теория ведетъ къ страшно жестокимъ нак-
раніямъ, такъ какъ имъ приходится соот-
вѣтствовать не средней а высшей степени на-
пряженности злой воли. Наконецъ, не имѣетъ
смысла примѣненіе наказанія къ преступни-
ку, такъ какъ самая преступность указыва-
етъ уже на то, что наказаніе не было приго-
дно для даннаго преступника.

Вторая группа теорій отрекается достиг-
нуть цѣли самымъ наказаніемъ и собствен-
но только эти теоріи и можно назвать от-
рицательными. Постановка вопроса дѣлится эти-
ми теоріями слѣдующимъ:

Государство признаетъ совершившееся пре-
ступленіе złомъ, и по тому отрекается его
уничтожить. Но выраженіе „уничтожить
преступленіе" должно очевидно пониматъ-
ся метафорически, такъ какъ никакія си-
лы земныя не могутъ сдѣлать бывшее не-
бывшимъ; очевидно это выраженіе должно
пониматъ въ смыслѣ борьбы съ послѣдстві-
ями преступленія. Каждому понятно, что
преступленіе оставляетъ послѣ себя много
послѣдствій, и мы имѣемъ различныя теоріи,
смотря по тому, противъ какого изъ этихъ
послѣдствій теоріи считаетъ необходимымъ
направить наказаніе. Но наказаніе может-
но стараться направить не только проти въ
одного но и противъ нѣсколькихъ или даже
всѣхъ вредныхъ послѣдствій преступленія.

Проф. Таганцевъ. Лит. Коптевской.

Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ такъ называемыя субъективныя теоріи, во второмъ, теоріи смѣшанныя. Послѣдствія, истекающія преступленія, обѣщаютъ убійцѣ подъ первымъ видомъ удовлетвореніе желаній, относящихся къ объекту, а подъ вторымъ, относящіяся къ самой личности преступника. Совершивъ напр. убійство, убійца самымъ матеріальнымъ образомъ избѣжитъ наказанія и его смѣшаетъ; общество дастъ другой примѣръ, какъ было трудно справедливости добиться, насколько опасенія за прочность своихъ правъ, заставятъ преступленіе это оставить другимъ послѣдствіемъ самого преступленія, именно, въ его волѣ. Больше изъ такихъ возможныхъ послѣдствій дало названіе особой теоріи наказанія. Напр. Преступленіе, какъ мы сказали, ждетъ другой причины. Здѣсь уже подлежитъ психологическій законъ запрещительности или отвращенія примѣровъ. Запрещительность удовлетворяетъ до того, что запрещено, что далѣе наказуемо, можетъ распространиться какъ заразa. Далѣе, совершившееся преступленіе, отличаясь извѣстными, указываетъ лицамъ, на будущее направленной волей новые способы совершенія преступленія. По этому уже въ древнихъ мѣрахъ мы встрѣчаемся съ противодѣйствіемъ послѣдствіямъ преступленія въ теоріи удовлетворенія. Теорія эта принята и въ нашемъ законодательномъ правѣ. Такъ въ Уложеніи 1845 г. мы встрѣчаемся съ наказаніями въ видѣ слѣдующаго:

„Учитель также не понуждение, чтобы кто-нибудь смотрел, иным не побудительно было интересоваться думать." Гл. 3. ст. 1. (4)

Другое средство мотивировать нравственное действование есть большее о обществе отчетливое понятие, чтобы каждый, отчетливо всего, на что он в свою очередь отправляющегося на экономическом быть должен. Я должен иметь общую теорию Фихте, существенная задача которой есть изложение отношения нравственного

Единственное напоминание по этому, которое признает Фихте: изучение из государственного или отечественного права, по которым, поскольку, должно быть замечено, нравственным требованием. Теория Фихте еще более односторонняя, чем теория

(4) Из учения гениальных, приверженцем этой теории был Кистер, их нравственное отношение. Теорию устранения укорена в странной односторонности. Единственного этого теории устранения, есть этого существенной жизни, исследования, ненависти, вражды, желаний и т.п. не в значении, не имеют устранения не имеют иметь значение. Защитники теории должны, правильно, значительно, что-либо отвлеченных чувствительных, вместо разбития народов этим необходимо, чтобы стать к таких отношениях физических понятиях. Незначительным достоинством интерес мышления: мышление свободы, побочных обязанностей, поэтому, не образованием Европейца так же сильно, сильнее, как полезно нужно на будущее. Задача

шенія: она беретъ еще болѣе хаотичное послѣдствіе ученія теоріи упрощенія. Но тому зло, что теорія не умѣетъ подыскать наступающее какую бы то ни было частицу наказанія, такъ что мелкое полицейское правонарушеніе влечетъ тѣ же послѣдствія что и тяжкое преступленіе.

Мы разсмотрѣли такимъ образомъ двѣ теоріи, старающіяся уничтожить вредныя послѣдствія, оставляемыя преступленіемъ въ обществѣ; но кромѣ этихъ общественныхъ послѣдствій, преступленіе оставляетъ еще и иныя послѣдствія въ самой личности преступника. Тративъ этихъ послѣдствій и направленія наиболѣе популярныя въ наше время, изъ единственной теоріи которая исправленіе

упрощенія считаетъ преимущественно всего въ томъ, чтобы сдѣлать наказаніе ненужнымъ, чтобы число лицъ избѣжавшихъ наказанія по возможности увеличилось. По этому, дѣйствительно, обвиненіе въ несправедливости не имѣетъ мѣста противъ современной теоріи упрощенія, но слабость ея заключается въ томъ, что она отвлекаетъ назначительнаго судью наказанія преслѣдованіе одного и притомъ второстепеннаго послѣдствія преступленія. Наконецъ, дѣйствительно вредное преступленіе убійство, сильныя стороны, имѣетъ одобреніе общества и подаетъ дурной примѣръ; но это вообще несправедливо, по отношенію къ мелкимъ преступленіямъ

Теорію эту часто можно повторять и потомъ
указать защитникамъ ея возраженіе, что они
дадутъ государству неисполнимую задачу. Ка-
кимъ образомъ говорящій противъ наказа-
тельной теоріи, можетъ государство, въ тече-
ніи или отсутствіе тюремнаго заключенія,
переработать характеръ 30ти или 40ти лѣ-
тняго человѣка, сдѣлать изъ закоренѣлаго преступ-
ника нравственнаго человѣка? Это пере-
ломъ, подобный возрожденію можетъ сдѣлать раз-
ко человѣкъ, исполняющій задачи, которая
задается исправительная теорія. Государ-
ство, по этой теоріи, вовсе не должно думать
изъ преступниковъ лишить ихъ опасности во
время. Вполнѣ достаточно, если человѣкъ, вы-
шедшій изъ тюрьмы, будетъ знать, такъ ска-
зать, запрещательную добродѣтель, т. е. не
будетъ болѣе совершать преступленій. Удо-
влетворительное рѣшеніе подобной задачи
не предполагается вовсе недостижимымъ.
Дѣйствительная жизнь показываетъ, что
люди рѣдко бываютъ злы такъ сказать отъ
природы; большею частью, причина преступ-
ленія бываетъ нерадивыхъ къ труду, не-
привычка сдерживать свои дѣйствія и сдер-
живать первые порывы страстей, или недостатокъ
дисциплинированія подчиненія. Научиться объ
одерживать себя сдерживать свои поступ-
ки можетъ каждый, что большинство
преступниковъ не имѣетъ силы воли

Листъ 15 Узлов 16

Инв. № 7[illegible]

[illegible] Потылевскій

побудов преступления, сумасшедших тех отнюдь исправительно нравственными, т. е. не будущих более совершать преступлений.

Опыт государств учредивших в последнее время исправительной системы наказаний, подтвердил действительно важность подобного исправления, так как со введением этой пенитенциальной системы, число рецидивов уменьшилось вдвое. Однако и против теории исправления можно сделать справедливое возражение; не только, с другой стороны, должно видеть, что теория эта, подобно всем другим вышеизложенным, страдает односторонностью. Она ставит целью наказания преследование только одного из многочисленных последствий преступления, а это ведет к следующим несправедливым выводам.

Если задача наказания заключается исключительно в исправлении преступного, то лицо, совершившее хотя бы весьма важное преступление, но раскаявшееся в нем вполне, должно быть освобождено от наказания, так как наказание будет в данном случае совершенно излишним. Из этих выводов если последний можно согласиться, по этого мало; по теории исправления выходит, что неисправимый преступник должен быть тоже освобожден от наказания, так как не имеет другой цели кроме исправления, оно безполезно

Наказание исправление должно иметь целью

приговоренных к лишению свободы, когда можно испробовать надъ преступникомъ исправительныхъ средствъ. Къ такимъ преступленіямъ, за которыми слѣдуетъ такое долгосрочное наказаніе, весьма удачно на 150000 правонарушеній такихъ преступленій, попадается не болѣе 5-ти, 6-ти тысячъ. Остальныя преступленія влекутъ за собою незначительныя денежныя штрафы и аресты, или тюремныя заключенія, продолжающіяся нѣсколько дней, поэтому недѣли, двѣ. Очевидно наказаніе, исправительная система не можетъ взять на себя задачу исправленія преступника въ такіе небудь 5, 6 дней. Изъ разсмотрѣнія всѣхъ изложенныхъ нами относительныхъ теорій видно, что всѣ недостатки ихъ происходятъ отъ ихъ односторонности, и что по этому наказаніе должно избирать своего цѣлью не борьбу съ какимъ либо одинокимъ изъ послѣдствій преступленія, но всѣ послѣдствія въ ихъ цѣлости. Этимъ мы заканчиваемъ общій отдѣлъ ученія, относящійся къ науку уголовнаго права.

Теперь намъ необходимо сказать еще нѣсколько словъ о томъ, съ какой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать основныя понятія, составляющія предметъ науки уголовнаго права: преступленіе и наказаніе. Оба эти понятія заключаютъ въ себѣ двѣ стороны. Два момента ихъ изученія: сторону соціальную и сторону юридическую.

Преступленіе есть предосудительное извѣстное

явление общественной жизни, разнообразных образов отличающее их массою других социальных явлений и в то же время, преступление есть известное юридическое отношение, без знания которого между многими его совершившими и общественными интересами явлений.

Почему также наказание несомненно имеет в себе два момента: наказание есть не только юридическое но и социальное явление, имеющее глубокое экономическое значение, почему как оно должно отвечать, способствуя экономическому развитию страны. Спрашивается какая из этих двух сторон должна быть преимущественно в уголовном праве?

До последнего времени на вопрос этот отвечали в том смысле, что уголовное право занимается исключительно преступлением, а наказание, по новейшее время является только в качестве средства борьбы с преступлением. Новейшему же направлению науки уголовного права удалось установить другое отношение. Взаимное ли такое соединение? Очевидно, что необходимо было внести в теорию уголовный материал из исследования, относящихся этого должен быть определен как общественно массового явления. Данная наука должна допускать такой же метод исследования, как противоположная, наука материального внутреннего строя явлений.

Подходящему к юридическим явлениям

материалъ безусловно однородный, какъ такъ,
такъ и здѣсь предметъ изслѣдованія „преступленіе и наказаніе„ — но эта однородность ма-
терiала только кажущаяся, видимая. Дѣло
въ томъ, что въ одномъ случаѣ преступленіе
и наказаніе разсматриваются какъ юридиче-
ское дѣйствіе, въ другомъ какъ явленіе соціаль-
ной жизни. Поэтому для юриста имѣетъ
значеніе индивидуальная сторона преступле-
нія, напр. для соціолога отдѣльное пре-
ступленіе ничто. Основной принципъ изученія
соціальныхъ явленій состоитъ именно въ томъ,
что изслѣдователь долженъ взять группу яв-
леній за возможно большій періодъ времени, тог-
да индивидуальная сторона изчезаетъ и оста-
ется общій типъ, который и подлежитъ изслѣ-
дованію въ области соціологіи. Это различіе
отражается на каждомъ изслѣд. вопросѣ. Для
соціолога напр. <u>время</u> какъ моментъ имѣетъ
чрезвычайно важное значеніе: онъ изслѣдуетъ
въ какомъ отношеніи стоитъ время года къ
преступленію, изслѣдуетъ <u>вліяніе темпера-
туры, пола, возраста</u>, и т. п. на преступленія,
тогда какъ для юриста эти вопросы имѣютъ
весьма второстепенное значеніе и совершенно съ
другой стороны имѣютъ для опредѣленія мѣры
уголовной отвѣтственности. Методы изслѣдова-
тельной юридической и соціальной стороны пре-
ступленія и наказанія такіе должны быть раз-
личны такъ какъ юристъ оперируетъ съ отдѣль-

<u>Листъ 16-й Уголов. Пр.</u>

Проф. Таганцевъ

Лит. Котляревскій.

ными преступлениями, тогда какого сущности наказания должно ее существо фактов.

Источники права.

Источники уголовного права как и права вообще суть: обычай и закон; но роль, которую они играют в уголовном праве, несколько иная, нежели их роль в праве гражданском.

Значение обычая, как древнейшего источника права, понимают подъ юридическим обычаем совокупность юридических правил, выработанных всеми народами или какими нибудь классом народа, напр. торговли — правил, которая приобретает обязательную силу, путем постоянного применения. Какое же имеет значение обычай, как источник уголовного права? Для ответа на этот вопрос, мне должно прежде всего разбить его на две части: какое значение имеет обычай 1) для законодателя и 2) для суда? Роль обычая в той и другой различна. В отношении къ законодательству в истории уголовного права мы встречаемся два момента. В первобытных государствах обычай есть почти единственный источник из которого законодатель черпает свои нормы. Возьмите „Русскую правду" — по форме, это законодательный памятник — по содержанию, обычное право. (Месть за убийство). Но с тех пор как государственная жизнь, тем быстрее отечественное становится роль обычая, нежели какая нибудь из них приобретает все большее и большее значение источника государственной. Но все

такие, чтобы сознание, что обычай везде и всегда удержался остаться одними из главных источников, из которых законодатель может черпать свои постановления. Такое положение вещей, какое возникло в новейшем законодательстве, в котором между обычаем и законом начинает со всякой стороны создаться противоречие, не нормально: в особенности потому, что наше уголовное право имеет дело по преимуществу со внутренними сложными народа. Судя по этому случаю часто оказывается в весьма неудобное положение, будучи часто вынуждены наказывать за такие поступки, которые по народному воззрению, вовсе не преступны, и применять наказания, не согласные с народными взглядами.

Совсем иной характер в уголовном праве имеют обычаи по отношению к суду. Современное уголовное право выработало чрезвычайно важное для гражданской жизни и свободы положение, что для юридической практики только то может быть преступлением, что запрещено законом. (Nullum crimen sine lege). Какие бы невыгодные следствия для общества от беззаконного или вредных деяний, эти невыгоды будут значительно меньше невыгод, могущих произойти от возможности наказывать какое бы то ни было деяние по усмотрению судебной власти.

Это положение уголовного права определяет значение в нем обычаев, именно: таких как

преступность деяния, может быть определена только законом, то хотя бы какое-нибудь деяние и считалось, на основании местного обычая, правонарушением, оно до тех пор не может быть подвергнуто уголовной ответственности, пока законодатель не санкционирует его этого вида.

Совершенно новым образом поставлено дело в праве уголовном. В успехах уголовного судопроизводства прямо говорится, что судья не может остановить без разбора дела за нежелании соответствующего в законе постановления и должен в этом случае сам придумать свое основание для решения дела или решить его на основании обычая.

В законодательствах уголовных материальных, существует материальное право. (Стр. 90 Улож.) оно гласит: „Наказание за преступления и проступки определяется не иначе как на точном основании постановлений закона."

В уголовном законе мы различаем 2 рода дис. описательную и охранительную или диспозитивную и санкцию. Напр. Кто, отлучаясь из отечества не явится в оное по требованию правительства, (диспоз. часть) тот подвергается лишению всех прав состояния и выходу из предлов государства (наказание. (санкция). Очевидно мы не можем представить себе уголовного закона, в котором не доставало бы одной из этих частей. Закон без диспозитивной очевидно логический абсурд. Отсутствие

на сколько ограничивает законодательное право въ частной собственности. Всѣхъ нашихъ XII-ти томовъ удобнѣе помѣстить въ одномъ томѣ, но каждому изъ нихъ въ отдѣльности присвоить особенное значеніе; повиновеніе всѣмъ и каждому изъ нихъ въ добромъ мирѣ и согласіи и на правилѣ этомъ, слѣдственно отсутствіе въ нихъ сколизіи, не могутъ быть очевидно и должно дополненіе и пополненіе не менѣе строгихъ законовъ.

Изъ числа диспозитивной части по, переобщихъ уголовныхъ законовъ, мы не рѣдко встрѣчаемъ съ явленіями на первый взглядъ, именно съ условными значеніями въ законахъ, по будущему, недостаетъ диспозитивной части. Законъ говоритъ напр. за нарушеніе предписаній установленныхъ свѣтскою властію, виновные подвергаются такому наказанію. Здѣсь по видимому недостаетъ диспозиціи. Но, вдумываясь болѣе въ законъ, мы увидимъ, что здѣсь диспозиціи не отсутствуетъ, но что она помѣщена не въ уложеніи а въ другихъ томахъ свода.

Законы подобнаго рода часто называютъ бланкетными, такъ какъ законодатель дѣлаетъ какъ бы бланкъ съ санкціею, въ которой уже послѣ вписывается диспозиція. Такая форма законовъ, особенно полицейскихъ, распространена въ зап. Европѣ, благодаря удобствамъ, которыя она представляетъ.

Листъ 17= Уголов. Пр.

Проф. Таганцевъ. Завѣд. Кистяковскій.

Действительное постановление полицейских, разных строительных и технических условий постоянно меняется, и к тому же, особенно часто весьма различно для различных местностей; поэтому введение их в уголовный кодекс повлекло бы за собою необходимость частого его пересмотра, что влечет за собою весьма вредные последствия: подрывание уважения закона и пр.

Что касается санкции, то она может быть 3-х родов: безусловно определенная, относительно определенная и безусловно неопределенная.

Очевидно различие этих трех форм санкции, основывается на различной степени доверия законодателя к судейской власти. Но какая все из этих трех форм санкции предпочтительнее?

Всякому понятно, что никто не может абсолютно неопределенные формы санкции. / В роде напр. следующих: наказать как в суде, наказать по мере вины, наказать как за мошенничество/ наиболее неудобная. Подобная санкция оставит на произвол судей. Один судья может приговорить к смертной казни за незначительный проступок, к денежному штрафу, другой, к каторжным работам. Поэтому, как мы сказали, безусловная неопределенная санкция ни в каком случае не должна быть из современных кодексов.

Казалось бы, что в этих же интересах удобства

ранской свободы и справедливости, дѣлало обязательнымъ всего изгнать первую форму осужденія, чтобы онъ впредь руководясь этими принципами, могли приступить къ составленію новаго уложенія. Депутаты, избранные департаментами изложили: Екатерина II-я въ своемъ наказѣ своимъ комиссіи составленія новыхъ уложеній, выполняя тотъ же самый планъ, что судья должен[ъ] опредѣлять только увеличеніе въ которомъ слѣдуетъ, а меньшая, уменьшеніе или отпущеніе. Тутъ же безусловную опредѣленность санкціи потерялись провести составители французскаго уложенія 1791 г. Но современная наука уголовнаго права пришла къ заключенію, что абсолютно опредѣленная санкція не можетъ быть приведена къ справедливости, такъ какъ законодатель очевидно не можетъ предвидѣть и оцѣнить всѣ субъективные отягчающія обстоятельства, всѣ обстоятельства смягчающіе вину или уменьшающіе вину. Въ виду подобныхъ соображеній изъ всѣхъ 3хъ формъ санкцій, относительно опредѣленная есть почти единственно употребительная въ западной Европѣ нынѣшнихъ. Въ нашемъ Уложеніи о наказаніяхъ [illegible] 3 формы; 1) пропорціональная, 2) безусловная въ весьма ограниченномъ числѣ случаевъ.

Весьма широкій просторъ судьямъ даетъ 2 санкція. Такихъ на все королевство существуетъ только 16 судей, которые перегрузкамиъ

съ мѣста на мѣсто шатающихся, употребляющихъ
ихъ, значительное количество ихъ должно служить
благодѣтельнымъ средствомъ къ пресѣченію
побѣговъ изъ мѣстъ ихъ жительства. Большаго удобства,
въ отношеніи къ такимъ людямъ, заслуживаетъ
предложеніе, чтобы паспорта выдавались
не отъ полиціи, а отъ волостныхъ правленій.
Но это предложеніе, какъ кажется, можетъ
быть принято только послѣ того, какъ
будетъ окончательно рѣшенъ вопросъ объ
отмѣнѣ круговой поруки.

Въ числѣ затрудненій, встрѣчаемыхъ
при производствѣ уголовныхъ дѣлъ, за-
служиваетъ вниманія, между прочимъ,
недостатокъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ
Губерніи опредѣленныхъ правилъ
о подсудности уголовныхъ дѣлъ, за-
висящей отъ мѣстопребыванія
подсудимыхъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ
подсудность опредѣляется по
числу уголовныхъ дѣлъ, а въ
другихъ по роду преступленій.
Такое различіе въ порядкѣ подсудности
можетъ имѣть вредное вліяніе на
ходъ производства дѣлъ. Такъ
напримѣръ, если подсудность
опредѣляется по числу дѣлъ,
то можетъ случиться, что
дѣло, которое должно быть
разсмотрѣно въ скорѣйшемъ
времени, будетъ отложено
до слѣдующаго засѣданія,
потому что въ засѣданіи
назначено уже столько дѣлъ,
что разсмотрѣть ихъ всѣхъ
не будетъ возможности.
Если же подсудность опредѣляется
по роду преступленій, то
можетъ случиться, что
дѣло, которое должно
быть разсмотрѣно
немедленно, будетъ
отложено до слѣдующаго
засѣданія, потому что
въ засѣданіи назначено
столько дѣлъ, что
разсмотрѣть ихъ всѣхъ
не будетъ возможности.
Если же подсудность

составленіе уложенія о наказаніяхъ, ни-
чего не имѣя что, какъ сводъ отмѣненныхъ и измѣ-
ненныхъ, во многихъ дополненіяхъ исторически
сложившихся законоположеній. Дѣйствуя-
тельно, разсматривая наше Уложеніе о нака-
заніяхъ, мы встрѣчаемъ полное несоотвѣтствіе
заглавію, не только по внутреннему смыслу,
но даже по языку. Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь
нѣкоторыя статьи, которыя буквально повто-
ряютъ статьи уложенія отмѣн. Мин. не гово-
ря уже о массѣ позднѣйшихъ указовъ тоже
все буквально внесенныхъ въ это самое Уло-
женіе.

Такимъ образомъ наши преслѣдованія не-
обходимо опредѣлить главнѣйшія понятія
изъ законовъ, вошедшіе въ наше дѣйствующее
право, или оказавшіе на него болѣе или ме-
нѣе значительное вліяніе.

Первой изъ понятій подобнаго рода есть
Уложеніе Алекс. Мих. Конечно обзоръ этого по-
нятія въ нашихъ дѣйствующихъ уложе-
ніяхъ правилъ не такъ труденъ какъ обзоръ со-
отвѣтственныхъ правилъ Свода законовъ,
особенно въ 2-мъ отдѣленіи новаго Уложе-
нія должны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до-
вольно запутаться. Два пункта, о ко-
торыхъ мы говорили здѣсь, суть новое опре-
дѣленіе преступленій противъ Власти (ст. 2-я) и о
преступленіяхъ государственныхъ, особенно
о преступленіяхъ противъ особы государя
(ст. 13-я, позднѣйшая). Этихъ двухъ статей слѣдуетъ соот-
вѣтствія 18-ти Уложенія.

Проф. Таганцевъ

Прив. Тютневскій.

вошли 1-ая глава Уложения 1649 г. „Кто. Какъ, С'съ
пошлинникахъ и церковныхъ мятежниковъ", и
2-ая глава: „О похудѣвшей чести и какъ ее возста-
новя здоровье осѣщать".

Дальнѣйшее разсмотрѣніе нашего законодательства идетъ слѣдующимъ путемъ. Благодаря особымъ этимъ реформамъ, которыя начинаются у насъ со времени 1649 г. несомнѣнно издается масса указовъ сенаторскихъ или такихъ, добавленныхъ новыхъ статей. Найтись въ такой безчисленной массѣ, отыскивать необходимо трудно; поэтому, со времени Петра Вел., мы видимъ ряды комиссій, гдѣ хотѣли стремились привести въ какую-нибудь систему или составить новое уложеніе. Итогомъ изъ трудовъ этихъ комиссій остались недѣйствія на дѣйствующее Соборное Уложеніе.

Изъ эпохи Петра сохранились извѣстія о 4-хъ комиссіяхъ, работавшихъ отъ 1700 до 1720 г. года, и извѣстныя подъ названіемъ палаты объ Уложеніи. Комиссіи этой было поручено свести Уложеніе 1649 г. со всѣми новѣйшими узаконеніями, по тому продукту работъ комиссіи получили названіе Сводное Уложеніе. Въ виду неудовлетворительности работъ этой комиссіи и новой накопившейся массы сенаторскихъ указовъ, нерѣдко противорѣчившихъ другъ другу, Петръ издаетъ въ 1714 году чрезвычайно интересный указъ, на основаніи котораго отмѣняются всѣ узаконе-

ніи противорѣчащія Уложенію Алексѣя Мих.
Но для приведенія этого указа въ исполне-
ніе, нужно было бы до сихъ поръ изданные
указы собрать, чтобы уничтожить тѣ изъ
нихъ, которые противорѣчили Уложенію.
И вотъ явилася комиссія 1714 года, кото-
рая существовала въ теченіе 1½ года, но е.я
работа осталася безъ всякаго результата.
30 Мая 1716 года появился воинскій ус-
тавъ Петра Вел. Заглавіе его не вполнѣ со-
отвѣтствуетъ содержанію, такъ какъ, кромѣ
спеціальныхъ военныхъ постановленій, мы
встрѣчаемъ здѣсь напр. отдѣлы „краткое
начертаніе процессовъ и тяжбъ / т. е. краткое
начертаніе гражданскаго и уголовнаго судо-
производства/.
2го Апрѣля того 1716го года, особеннымъ
указомъ повелѣно принимать его въ граждан-
скихъ судахъ, руководствуясь имъ наравнѣ
съ Уложеніемъ. Исполненіе этого приказа
было весьма затруднительнымъ. Уложеніе
Алекс. Мих. все таки вопрекіи на русской
почвѣ, содержало въ себѣ начала, выработан-
ныя русскою жизнью; воинскій же уставъ былъ
чуждымъ заимствованіемъ съ Запада. Это-
былъ переводъ такъ называемой „Саксонской
конституціи", которая, въ свою очередь, есть
обработка Каролины. Уставъ этотъ былъ
изданъ болѣе чѣмъ двухъ языкахъ, нѣмецкомъ
и русскомъ, причемъ русскій переводъ былъ
сдѣланъ такъ дурно, что даже обвиненному

изследованіемъ, для уразумѣнія смысла нѣкоторыхъ изъ постановленій, приводится къ нѣмецкому тексту.

Въ воинскомъ уставѣ появляется цѣлый рядъ преступленій, которыхъ не знало до тѣхъ поръ русское законодательство, такъ что преступленія эти попали, не такъ какъ обыкновенно, изъ законовъ въ кодексъ, но обратно: изъ кодекса въ законъ. Такъ въ Россіи, въ мирное время, не существовало дуэлей, кулачные бои были явленіемъ совершенно другого рода./. Воинскій уставъ назначаетъ за дуэль, въ случаѣ смерти противника, квалифицированную смертную казнь, повѣшеніе заочно. Точно также въ воинскомъ уставѣ появляется преступленіе, которое не знало прежде законодательство, какъ напр. такія подлежащія публичнымъ преступленіямъ, какъ богохульство, заговоръ, бѣгство и т. п.

Одновременное дѣйствіе такихъ разнородныхъ кодексовъ какъ: Уложеніе Царя Мих. и Воинскій уставъ, въ соединеніи съ недоразумѣніями, которыя истекали отъ неправильности и неточности языка этого послѣдняго, и отсутствіе массы новыхъ юридическихъ понятій, производили такую путаницу въ юриспруденціи, что въ 19-мъ году Петръ Великій, видя ошибки судовъ, играющихъ въ законы какъ въ карты, подбирая какія имъ нужно законы: какъ масти.

Наиболѣе важныя комиссіи въ слѣдующія царствованія, были: Комиссія 1753-го года, при Елисаветѣ Петровнѣ, Комиссія эта была

лами, прежнихъ подвержены ученій. Въ 54-мъ
приказѣ этихъ самыхъ вновь вновь ихъ общее мнѣніе
сената и синода, но только безъ дальнѣйшаго
хода и не были утверждены Императрицею.
При Екатеринѣ II-мъ въ 1767-мъ году, была созвана
комиссія, изъ участіемъ народныхъ представи-
телей, для составленія новаго уложенія, руко-
водствуясь которыми, Екатерина написала свой
знаменитый наказъ, который есть сводъ мно-
гихъ, заимствованныхъ его у французскихъ за-
конодателей, и особенно у Монтескье. Об-
щая комиссія просуществовала только 1½ го-
да, не смотря на все изъ частныхъ преимуще-
ствованій до 74-го года. Положенія, выработанныя
этими комиссіями пособія безспорно для
уголовнаго права, по своему направленію не остави-
ли безъ вліянія на уголовно-юридическія воз-
зрѣнія.

Болѣе конкретную попытку реформы
уголовнаго законодательства видимъ мы въ
царствованіе Александра I. Въ 1804-мъ году
была учреждена комиссія для составленія
уголовнаго кодекса. Въ 1808-мъ году комиссія
этой поручила заняться Сперанскому. Комис-
сія эта задалась мыслью создать не сводъ а
самостоятельный уголовный кодексъ, построе-
нный на началахъ научныхъ, совершенно неза-
висимо отъ предшествовавшаго законодатель-
ства. Съ этого цѣлаго вызвали были въ Пе-
тербургъ Профессора Казанскаго университета

Листъ 19-й Уголовн. Пр.

Проф Таганцевъ. Лит. Колтевской.

Якоб. В 1812 году проэкт Уголовного кодекса был окончен; наступила французская война, Сперанский был удален и комиссия передана в заведывание Розенкампфу. В 1815 году проэкт был внесен на обсуждение Государственного Совета. Проэкт этот оставался без движения до 20 годов; в 25 году умер Император Александр и проэкт так и остался неутвержденный. Всего вначале в этом проэкте то, что в нем впервые является общая часть. Если мы будем сравнивать Свод Законов 32 года с проэктом 13 года, то увидим, что этот последний был главным источником, из которого составители Свода черпали свои общие положения

В царствование Николая I была наконец утверждена комиссия для составления законов, переименованная впоследствие во 2 Отделение собственной Его Величества Канцелярии

Плодом трудов этой комиссии был Свод Законов 1832 года, вступивший в действие с 1 Января 1835 года. XV том этого свода содержал в себе уголовные законы. Но вскоре оказалось, что, как свод вообще, так и особенно XV том страдают большими недостатками. Особенно замечательных недостатков XV тома явилась его неполнота. Весь том заключал в себе около 800 статей, что при системе свода весьма немного; это происходило от того, что множество уголовных

статей разбросано было по другимъ томамъ Св. Зак.

Въ законахъ о финансовыхъ и др. постановленіяхъ и преступленіяхъ противъ финансовой части. Это весьма важное неудобство, въ особенности юриста-практика, которому должно, для изученія дѣла, перебирать нѣсколько томовъ.

Затѣмъ, много недостатковъ представляла и система наказаній. Не было, что называется, и постепенности наказаній. Разныя мѣры взысканій не были приведены въ систему. Это въ. по ихъ невозможности правильнаго опредѣленія наказаній. Первую встрѣчаемся мы въ IV-мъ томѣ съ безусловно неопредѣленной формой санкціи въ родѣ „наказать по силѣ вины“, или: „наказать, памятуя, что и судья человѣкъ“, или „наказать какъ нарушителя законовъ“.

Все изобиліе этого законодательства отражало произволъ въ дѣлѣ примѣненія наказаній.

Такъ какъ недостатки эти не были устранены и во второмъ изданіи Свода (1842 года) то была составлена особая комиссія для составленія Уголовнаго Уложенія. Новый уголовный кодексъ подъ именемъ „Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ“ былъ опубликованъ 15-го Августа 1845 года и вступилъ въ силу 1-го Мая 1846 года.

(Въ вѣкъ) Въ 185-мъ году, при новомъ изданіи свода, уложеніе было внесено въ первую часть XV-го тома; но вѣкъ оно было внесено переосмотрѣно и вышло новымъ изданіемъ въ 66-мъ году.

Извѣстнымъ образомъ изъ всѣхъ частей свода, уго-

уголовные законы подвергались полному пересмотру. Это объясняется особенно чувствительностью уголовных норм ко всякого рода общественной жизни. С между 185[5]-го дых годов нового издания Свода законов до 66-го года, года нового издания Уложения, / были совершены 3 реформы, оставившие глубокий след на нормах уголовного права, / Судебной части крупных формах мы не говорим.

Прежде всего здесь должно отказаться от <u>реформы 19-го февраля 1861-го года</u>. Реформа эта отразилась на всех законодательствах, так как изменила главы, говорившие о взаимных отношениях крестьян и помещиков по первым двум членам. Особенно сильное влияние на Уложение оказало уничтожение такой обширной административной власти, какою была власть помещика.

<u>Вторая крупная реформа</u>, по отношению к уголовному законодательству, была <u>реформа 4-го апреля 1863-го года, ограничивавшая применение телесных наказаний</u>. Вместо них были отменены, как на государственных, так и на частных заводах, и отчасти по удаленных от центров губерниях, применение розог и плетей; оставлена только розга. Объем действия наказания определено уложением наказаний в основу телесных наказаний; понятно, что уничтожением этой основы, без которой розга была применяться. Объявлено <u>[illegible]</u>

<u>непрочным</u>; к тому ещё мы упомянем есть реформа 19-го Ноября 1864-года <u>по изданию новых уставов наказаний и уголовного судопроизводства.</u> Понятно, что реформа <u>формальная</u> пра-ва не могла не отразиться на нравах <u>материальных</u>. Вместе со новыми уставами суд-производства был издан, как известно, <u>Уго-ловный уложения:</u> <u>Уставы о наказаниях налагаемых мировыми судьями.</u> Со изданием этого последнего чувствуется пресечение безусловно из Уложения и вошли в Уставы. Кро-ме того Мировой уставы издали и другое дополнение на Уложение. Именно со изданием его нужно было передвинуть многие ряды статей которые не вошли в Мировой устав. На-основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 27-го Декабря 1865 года о <u>согласовании Уложения с Мировыми уставами</u>, Уложение было пересмотрено и постановлено издать и в 1866 году было 3-м изданием. Не смотря нужно на эту позднейшую переработку, Уложение наше страдает такими капитальными недостатками, что требует полной пере-работки. Действительно, та частичная издания, которыми подверглись Уложение, далеко не уничтожили тех недостат-ков, на которые мы уже выше указали.

Главные возражения против Уложения можно свести к следующим положениям.

Проф. Таганцев.

Лит. Копиевская.

Прежде всего, какъ мы уже сказали, Уложеніе о наказаніяхъ есть собственно не Уложеніе а Сводъ исторически сосуществовавшихъ матеріаловъ, т. е. ту или иную, имѣющую въ данный моментъ условное значеніе, редакцію этихъ матеріаловъ. Институты права уголовнаго отличаются отъ всѣхъ прочихъ извѣстнымъ постоянствомъ. Институты собственности остаются въ законахъ страны тѣми же, какими они были во времена Іисх. Мих. Ѳед., Екатерины II и Александра II. Совпаденіе въ одномъ кодексѣ столь различныхъ воззрѣній ведетъ къ отсутствію всякаго смысла въ опредѣленіи мѣры наказанія. Нерѣдко однѣ и тѣ же совершенно однородныя наказываются съ различною степенью строгости, и, съ другой стороны, мало важныя, наказываются одинаково строго съ тяжкими преступленіями. Законодательства государствъ наказываютъ нами здѣсь болѣе или менѣе подробно перечисленныя преступленія, уголовнаго права и частей требуютъ уголовные кодексы. Здѣсь въ 40-хъ годахъ, почти во всѣхъ этихъ государствахъ, въ Германскихъ государствахъ были изданы общіе новые кодексы; въ 60-хъ годахъ почти во всѣхъ этихъ государствахъ были замѣнены новѣйшими, находящимися, нынѣ дѣйствующее германское уголовное уложеніе составлено въ 71 году. У насъ, между тѣмъ, Уложеніе существуетъ съ 45-го года, слѣдовательно въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ.

Второй недостатокъ нашего Уложенія — его многостатейность объясняется плохого его составленія. Въ эпоху 1832–45 года, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ доктринъ, законодательство отличалось крайне недовѣрчиво къ суду. Поэтому законодатель старался предусмотрѣть всѣ индивидуальные оттѣнки преступленій, такъ, чтобы дѣятельность судьи ограничивалась бы только подведеніемъ даннаго дѣянія подъ статью. Разумѣется это вело къ казуистичности и многорѣчивости. Такъ, уложеніе 62 года первоначально имѣло около 2200 статей и даже въ настоящее время заключаетъ въ себѣ 1,711 статей. Тогда какъ старѣйшій изъ Западной Европы уголовныхъ кодексовъ, code pénal, имѣетъ только всего около 400 ст. Новое Германское уложеніе около 360 т. с. въ 5 разъ менѣе нежели у насъ. Неудобство, проистекающее отъ этой многостатейности, особенно чувствительно для юриста практика, которому необходимо по возможности, знакомство съ Уложеніемъ, во всемъ его объемѣ.

Но еще болѣе существенной недостатокъ Уложенія есть его неполнота. По видимому одно временно многостатейность и неполнота есть вещь невозможная; но, принимая во вниманіе казуистичность нашего Уложенія, мы легко объяснимъ себѣ это кажущееся противорѣчіе.

Дѣйствительно, стараясь перечислить разные индивидуальные случаи, индивидуальные

...ступки правонарушений, законодатель никогда не
въ состояніи предвидѣть всевозможные подобные
случаи, возникающіеся въ общественной жиз
ни уже по тому, что въ развитіи общественной
жизни—явятся все новые факты, которыхъ преж
няя жизнь не знала и которые по тому самому
не предвидѣнными законодателемъ. Если же
законодатель уметъ общія опредѣленія, то но
вые явленія легко могутъ быть подъ него подве
дены, и обязаны въ общихъ нормахъ предполагаемые
имъ не дѣйствительно представляются уже такой тре
вогой, какъ исчисленіемъ отдѣльныхъ возможныхъ слу
чаевъ.

Такимъ образомъ нашей практикѣ приходи
ся безпрепятственно воспользоваться въ такого рода слу
чаяхъ исполнительной Закона, которое при другой
другой распорядительной части не имѣло бы силы.

Законъ запрещаетъ напр. подделку государ
ственныхъ кредитныхъ билетовъ. Въ статьѣ
Закона есть два постановленія изъ которыхъ од
но запрещаетъ подделку денегъ на простой бу
магѣ отъ руки, а второе запрещаетъ подде
лку механическимъ средствомъ на искусствен
но приготовленной бумагѣ. Но эта подробность
закона вѣдь только къ его исполнителю, такъ
какъ эти два постановленія не обязываютъ двухъ
случаевъ подобнаго рода: подделку механи
ческимъ способомъ на простой бумагѣ, и подделку
на искусственно приготовленной бумагѣ отъ
руки. Подобнаго рода случаевъ и представляется
въ самомъ умѣ на практикѣ/.

Человек от своего рождения не имеет никаких понятий, и никогда не приходит в сознательное состояние, не получив впечатлений от внешних предметов. Все познания, которые приобретает он в течение своей жизни, суть произведения опыта и наблюдения.

Будучи сам собою неспособен к умозаключениям, ребенок руководствуется в своих действиях примером старших. Он перенимает у них все, что видит, и, подражая им, учится говорить, ходить, есть, одеваться и проч. Все это, конечно, не может назваться воспитанием, потому что не требует ни размышления, ни произвольного усилия. Воспитание начинается только тогда, когда ребенок, достигнув известной степени развития, может понимать, что ему говорят, и когда он сам может говорить. Воспитание должно действовать на душу и тело вместе, потому что они находятся в тесной связи между собою. Душа имеет влияние на тело, а тело на душу. Поэтому воспитание должно заботиться о том и о другом вместе. Оно должно стараться о том, чтобы тело было здорово, сильно и проворно, потому что здоровое, сильное и проворное тело служит удобным орудием для души, а душа, в свою очередь, должна стараться о том, чтобы тело было ей покорно, повиновалось ее велениям и было ее верным слугою. Воспитание должно стараться о том, чтобы душа была добродетельна, просвещена и деятельна. Добродетельный человек должен быть добр, справедлив, великодушен, умерен, воздержан, терпелив, кроток, благочестив, трудолюбив, правдив, верен своему слову, скромен, благоразумен, осторожен, бережлив, щедр, благодарен, снисходителен, милостив, миролюбив, ласков, вежлив, учтив, скромен, опрятен, чистоплотен, аккуратен, расторопен, проворен, внимателен, осмотрителен, терпелив, настойчив, постоянен, твердо держится своих правил, не боится ни труда, ни опасности, ни неприятностей, когда дело идет о том, что он признает справедливым, добрым и полезным. Просвещенный человек должен иметь ясные понятия о Боге, о природе, о человеке, о его назначении, о его обязанностях, о его правах, о добре и зле, о красоте и безобразии, о пользе и вреде, о средствах и целях, о причинах и следствиях, о настоящем, прошедшем и будущем, о людях и их делах, о прошедших временах и народах, о науках и искусствах, о ремеслах и промыслах, о природе и ее произведениях, о земле и ее произведениях, о воде и ее произведениях, о воздухе и его явлениях, о теле человеческом и его устройстве, о душе человеческой и ее способностях, о человеческих обществах и их устройстве, о государстве и его постановлениях, о законах и их духе, о правительстве и его формах, о церкви и ее учении, о религии и ее истинах, о вере и ее таинствах, о нравственности и ее правилах, о добродетели и ее свойствах, о пороке и его безобразии, о счастии и его источниках, о несчастии и его причинах, о средствах к счастию и к несчастию, о средствах к добру и к злу, о средствах к истине и к заблуждению, о средствах к красоте и к безобразию, о средствах к пользе и к вреду, о средствах к здоровью и к болезни, о средствах к силе и к слабости, о средствах к проворству и к неповоротливости, о средствах к опрятности и к нечистоплотности, о средствах к аккуратности и к неаккуратности, о средствах к расторопности и к медленности, о средствах к проворству и к неповоротливости, о средствах к терпению и к нетерпению, о средствах к настойчивости и к непостоянству, о средствах к твердости и к непостоянству, о средствах к твердости и к непостоянству, о средствах к твердости и к непостоянству.

Лист 21-й. Углов. Ив.

Проф. Малинцев.

въ судебной практикѣ. Такъ по нашему закону, если преступникъ признанъ заслуживающимъ снисхожденія, то судъ предоставляется низшую наказанія одного или двухъ степеней, и въ случаѣ не имѣнія низшихъ степеней того же рода, переходитъ къ высшимъ степенямъ ближайшаго низшаго рода наказаній. Но тутъ мы встрѣчаемся со слѣдующаго рода затрудненіями. Во первыхъ, къ которымъ наказаніямъ вовсе не полезно будетъ въ общей шкалѣ. Такъ напр. задумъ полагается заключеніе въ крѣпости на такіе сроки, какихъ не знаетъ общая часть. Такъ же въ этихъ случаяхъ поступать, если преступникъ будетъ признанъ заслуживающимъ снисхожденія? Далѣе, законъ назначаетъ наказаніе за оскорбленіе самого себя ссылку въ Якутскій край (Восточная Сибирь). Этому наказанію въ общей шкалѣ не предусмотрѣно равное, и потому, не допускающее сличенія, не смотря ни на какія обстоятельства.

Далѣе: при переходѣ отъ одного рода наказаній къ другому, мы встрѣчаемся съ неудобствомъ состоящимъ въ томъ, что извѣстныя ступени въ общей шкалѣ наказаній пред назначаются только для извѣстныхъ лицъ. Такъ Уложеніе знаетъ 4 рода лишенія наказаній: смертная казнь, каторжныя работы, ссылка на поселеніе въ Сибирь и ссылка въ Закавказскій край. Значеніе этихъ родовъ, какъ мы уже выше говорили, состоитъ въ томъ, что если преступникъ признается заслуживающимъ снис-

хождения, то судъ можетъ перейти отъ низшей степени наказанія одного рода къ высшимъ степенямъ слѣдующаго высшаго рода. Однако если бы судъ долженъ былъ отъ ссылки на поселеніе въ Сибирь, къ ссылкѣ на поселеніе на Кавказъ, то онъ не могъ бы этого сдѣлать, такъ какъ ссылка на Кавказъ назначается исключительно за преступленія религіозныя.

Наконецъ и тѣ наказанія, присвоенныя переходу отъ одного рода къ другому, указываютъ на непризнаніе другъ къ другу. Высшая низшая степень смирительнаго дома 2–4хъ мѣсяцевъ. А высшая степень слѣдующаго низшаго рода наказанія тюрьма отъ 8 мѣсяцевъ до 1-го года 4 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, найдутъ высшаго заслуживающаго снисхожденія, мы назначаемъ ему весьма малую услугу, такъ какъ вмѣсто 2–4хъ мѣсяцевъ заключенія въ смирительномъ домѣ, онъ подвергается тюремному заключенію 8–16 мѣсяцевъ. Если принять при этомъ въ соображеніе, что разница между тюрьмою и смирительнымъ домомъ существуетъ только на бумагѣ, то можно видѣть на сколько несостоятельно назначается въ этихъ случаяхъ наказаній.

Конечно трудно будетъ исправить этотъ недостатокъ до тѣхъ поръ, пока у насъ будетъ существовать столько родовъ наказаній. Возмемъ напр. лишеніе свободы. Законъ нашъ знаетъ около семнадцати родовъ лишенія свободы, какъ то: каторжныя работы, ссылки на поселеніе

определительное, решительное судно, мировой судья и пр. Исходя из этой общей классификации можно было ожидать, что решение свободы является в 3-х видах: определительное, присудительное и постановительное. Свобода всех судебных установлений и распоряжений, подобных их, тех видов было должно являться единой высшей категорией судебного решения.

Второй общий принцип нашего уголовного права, нуждающийся дополнительно, есть: основание основательности, необходимость мирового суда. Название его должно быть истолковано из этого основания. По закону, можно подумать, основание по этому уголовному нашему должно быть необходимость мирового судебного установления вообще. Последнее нет: основание суда в присяжном, по убеждению в правосудии со вредностью. Присяжного определительного должно быть необходимо, чтобы судебное мировому институту; но так как обычное судебное учреждение всегда необходимо в данных подсудимых, то суд мировой должен быть необходимо и относительно мировой.

Мировой уставъ есть, какъ мы сказали, законъ общій, т. е. обязателенъ особо только для тѣхъ лицъ, которыя отвѣтствуютъ и по Уложенію.

Различіе это имѣетъ захлюченіе въ томъ, что Уставу подсудны преступленія маловажныя, (Степень важности опредѣляется различными санкціями).

Далѣе, какъ мы сказали, мировой уставъ судитъ преимущественно, это значитъ: 1) что Уставъ подвергаетъ ограниченному толкованію, и 2) въ случаѣ несогласія, въ основу толкованія кладется Уложеніе. Въ дополненіе къ сказанному нужно еще замѣтить, что введеніе Мирового устава, вмѣсто существовавшаго уголовнаго, принесло новыя затрудненія. Дѣйствительно въ одномъ государствѣ два уголовные кодекса, при которыхъ каждый имѣетъ свою власть общую. Эти общія части нерѣдко въ своихъ опредѣленіяхъ противорѣчатъ другъ другу такъ, что выходитъ, что государство одновременно держится двухъ различныхъ воззрѣній на преступленіе и наказаніе. Эта логическая непослѣдовательность ведетъ на практикѣ къ большимъ затрудненіямъ и неудобствамъ.

Возьмемъ на пр. фактъ рецидива. И Уставъ и Уложеніе знаютъ фактъ повторенія преступленій—рецидиву; но понятія рецидива опредѣляются различно. По Уложенію, повтореніе преступленія есть, учиненіе во второй разъ преступленія, послѣ суда и наказа-

Листокъ 22-й Уголов. Пр.
Проф. Таганцевъ.

Лит. Конисевскій.

ніе за первое. — По Мировому же Уставу, повторение есть учиненіе второй разъ преступленія, посл. повлекшаго судебнаго приговора за первое." Не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, которое изъ этихъ опредѣленій вѣрнѣе, посмотримъ какъ нашими подсудимыми понятія эти разграничивались двухъ одновременно дѣйствующихъ источниковъ права. Положимъ напр. человѣкъ, отбывшій наказаніе за кражу по опредѣленію Мирового судьи, вновь попадается въ кражѣ и приговаривается Мировымъ судьей къ наказанію. До отбытія еще этого наказанія онъ совершаетъ новую третью кражу, положимъ въ самой же камерѣ или у Мирового судьи, гдѣ постановленіе приговора). По такъ какъ, по Мировому Уставу, преступникъ совершаетъ 3го кражу, то Мировой судья препровождаетъ его въ окружной судъ; но по Уложенію о наказаніяхъ, здѣсь нѣтъ рецидива, такъ какъ преступленіе совершено, хотя послѣ приговора, но до отбытія наказанія. Такимъ образомъ, опять говоря, преступныхъ въ данномъ случаѣ не подсудетъ ни окружному ни мировому суду.

Возьмемъ другой примѣръ: въ числѣ обстоятельствъ смягчающихъ вину, такъ Уложеніе такъ и Мировой Уставъ знаютъ молодость, но вліяніе, оказываемое молодостію на градацію наказанія рѣшительно по Уложенію и по Уставу. Теперь положимъ: мальчикъ 10-ти лѣтъ совершилъ кражу со взломомъ и принесъ—

ствующихъ съ разумѣніемъ; но по малолѣтству
они приговариваются по уложенію о наказа-
ніяхъ, вмѣсто арестантскихъ ротъ въ заключе-
ніе въ монастырѣ на времена отъ 40 дней до 8-
мѣсяцевъ. Положимъ, что въ то же время дру-
гой мальчикъ, того же возраста, совершитъ
простую кражу; слѣдовательно, онъ подсуденъ
Мировому Уставу, и приговаривается тѣмъ же
къ 1½ мѣсяца тюремнаго заключенія. Вопросъ
образуется, гдѣ въ болѣе тяжкое преступленіе
/кража со взломомъ/ вмѣняется слабѣйшее
нежели тяжкаго /простая кража/. Полагаю так-
же какую нибудь услугу окажутъ присяжные
маловѣтному преступнику, отрицая, изъ
сострадания къ нему, факта взлома, такъ какъ
это послужитъ не къ облегченію а къ усугубле-
нію наказанія. Любопытно положеніе, что составители Устава, вводя у насъ такое
раздѣленіе въ законодательствѣ, ссылаются на
примѣръ зап. Европейскихъ государствъ. Но
такая ссылка указываетъ только на невѣжест-
во составителей. Мы встрѣчаемъ правда
нерѣдко въ Западно-Европейскихъ государствахъ
выдѣленіе извѣстныхъ преступленій въ от-
дѣльный кодексъ, но никогда этотъ второстепенный кодексъ не имѣетъ своей отдѣльной общей части.
Подобное явленіе представляетъ code pénal,
въ которомъ незначительныя преступленія,
contraventions, выдѣлены въ особый отдѣлъ. Это
общая часть одна и обсуждена въ такомъ выдѣ-
леніи очевидно имѣетъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію особенныхъ или спеціальныхъ источниковъ права. Сюда относятся:

1) <u>Воинскіе уголовные законы.</u> Эти законы, какъ самостоятельное отдѣльное кодексое явились у насъ первый разъ при Петрѣ Великомъ. Уложеніе Ал. Мих. заключало въ себѣ особую главу „О ратныхъ людяхъ и ихъ преступленіяхъ," которая не представляла ничего самостоятельнаго, а была только частью общаго кодекса. Въ 1714 году вышелъ какъ мы видѣли спеціальный Воинскій Уставъ, но менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ онъ былъ замѣненъ общимъ. Воинскій уставъ по отношенію къ военному сословію просуществовалъ до 1839 года. Въ дополненіе къ нему было издано въ 1813 году <u>Полевое уложеніе</u> - такъ назывались "военно-уголовные законы дѣйствовавшіе только въ военное время, хотя вскорѣ явилось Высочайшее повелѣніе, по которому военно-уголовныя дѣла и въ мирное время могли подлежать Полевому Уложенію въ случаяхъ требовавшихъ быстраго судопроизводства. Въ 1839 году изданы были „Новые военно-уголовные уставы," второе изданіе которыхъ вышло въ 1859 году. Они не имѣютъ самостоятельнаго характера, а были только повтореніемъ Свода Законовъ. Это явленіе объясняется тѣмъ, что составленная въ 1846 году комиссія, для пересмотра военныхъ узаконеній, представила только въ 1864 году (прав. на довольно обширный) проектъ военно-уголовныхъ законовъ. Но комиссія окончательно разошлась.

Пр. Таганцевъ. Лит. Кохановской.

Вабинин этотъ проектъ, отвергнувъ его въ самомъ принципѣ и составивъ новый кодексъ, который былъ обнародованъ 1го Мая 1868г. и вступилъ въ силу съ 1го Сентября того же года. Въ 1869 году этотъ кодексъ былъ инкорпорированъ въ Свод военныхъ постановленій. 1го Марта 1875г. обнародованъ новый уставъ, который и вступилъ въ силу съ 1го Августа 1875 года. Говоря о военно-уголовныхъ законахъ нашъ необходимо еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ причинахъ, вслѣдствіе которыхъ во всѣхъ Европейскихъ государствахъ военно-уголовные законы закючены въ отдѣльный кодексъ. Въ объяснительной запискѣ къ уставу о наказаніяхъ военно-уголовныхъ касательно этого случая приведено то соображеніе, что поступки военно-служащихъ на столько специальны, что они не могутъ быть регулируемы общими гражданскими законами. Конечно этотъ мотивъ самъ по себѣ не могъ послужить достаточнымъ основаніемъ для выдѣленія военныхъ законовъ въ отдѣльный кодексъ. Дѣйствительно, разбирая наше Уложеніе о нак., мы найдемъ въ немъ такія нарушенія, которыя представляются не менѣе специальными, какъ и преступленія военно-служащихъ. Таковы напр: проступки акцизныхъ чиновниковъ, казначеевъ, матеріалистовъ, диспонентовъ и пр. Если бы выходя изъ принципа, указаннаго въ объяснительной запискѣ, то необходимо было бы составить отдѣльное кодексы для каждаго класса подобныхъ и, сверхъ того съ этимъ вводить массу специальныхъ судебныхъ учрежденій: очевидно это была

бы наказуемость. Если мы ближе ознакомимся съ военными постановленіями, то увидимъ, что истинное основаніе воздѣленій ихъ изъ общихъ законовъ лежитъ въ совершенно особомъ взглядѣ законодателя на существо военной службы.

Въ основѣ идеи о преступныхъ военно-служебныхъ лежитъ нарушеніе военной дисциплины. Въ силу этого принципа одно и тоже преступленіе разсматриваемое съ точки зрѣнія военно-уголовныхъ законовъ имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ какое оно имѣетъ на основаніи общ. уголовн. законовъ. Такъ напр. дѣйствіе разсматриваемое по общимъ законамъ, какъ покушеніе на убійство, — если оно будетъ совершено рядовымъ по отношенію къ офицеру — разсматривается по военнымъ законамъ, какъ оскорбленіе или поднятіе руки на начальника. По видимому военное законодательство смотря съ гораздо снисходительнѣе на это дѣяніе, такъ какъ по общимъ законамъ оскорбленіе считается болѣе легкимъ преступленіемъ, чѣмъ покушеніе на убійство. Между тѣмъ по военнымъ законамъ за поднятіе руки на начальника полагается болѣе сильное наказаніе — смертную казнь, чѣмъ покушеніе на убійство, влекущее за собою каторжныя работы.

15го Августа 1875г. дѣйствіе военно-уголовнаго кодекса было распространено и на флотъ.

Отношеніе воинскаго устава о наказаніяхъ къ Уложенію о наказаніяхъ опредѣляется тремя статьями придаваемыми первому именно военно-уголовному кодексу есть кодексъ полный,

<u>вспомогательной</u> и <u>особенной</u>. Итакъ военно-уголовный кодексъ есть кодексъ полный; это значитъ, что онъ имѣетъ помимо особенной части свою самостоятельную общую часть. Поэтому каждый судъ, применяющій военно-уголовн. законы, обязанъ руководствоваться не только особенной, но и общею частью устава. Но выдѣлить объ этомъ нѣчто говорить такъ какъ само собою разумѣется, что военные суды обязаны руководствоваться въ своихъ рѣшеніяхъ общею частью военнаго устава. Но дѣло въ томъ, что правильныя дѣйствія военныхъ законовъ не совпадаютъ съ предѣлами подсудности, лицъ военному суду. Поэтому бываютъ случаи когда военно-служащіе подлежатъ юрисдикціи общихъ судовъ и наоборотъ-когда лица цивильныя подсудны судамъ военнымъ. Такъ напр. совершеніе общаго преступленія совершеннаго цивильнымъ человѣкомъ, если онъ военной подсуденъ суду гражданскому, но отвѣтственность опредѣляется по военскому уставу; при чемъ должно быть, какъ мы сказали, принята во вниманіе не только особенная, но и общая часть устава. Есть кромѣ того исключительные случаи, когда наказаніе назначается по общимъ законамъ, а затѣмъ исключается на основаніи общей части военскаго устава о нак. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ когда преступленіе совершено рекрутомъ, временно еще безсрочно отпускномъ если во время исполненія приговора эти лица находятся на дѣйствительной службѣ.

2.) Военскій уставъ есть кодексъ вспомогатель-

нему праву.

Наш обзоръ источниковъ действующаго права былъ бы весьма недостаточенъ, если бы мы не сдѣлали хотя краткаго обзора уголовныхъ кодексовъ Зап. Европы. При современномъ развитіи международныхъ сношеній знакомство юриста съ иностранными законодательствомъ есть дѣло не любопытства, а необходимости, такъ какъ очень часто приходится имѣть прямо примѣненіе въ судебныхъ случаяхъ постановленій иностранныхъ государствъ или по крайней мѣрѣ въ судебныхъ случаяхъ принимать ихъ въ соображеніе въ своихъ рѣшеніяхъ. Теперь перейдемъ теперь къ краткому обзору уголовныхъ кодексовъ главнѣйшихъ государствъ Зап. Европы.

Изученіе уголовн. законодательства въ настоящее время весьма облегчено благодаря отличнымъ иностраннымъ изданіямъ уголовныхъ кодексовъ, вошедшихъ въ составъ Германской Имперіи и введенію одного общаго имперскаго уголовнаго кодекса.

Подобно тому какъ отправной точкой нашего Уложенія о наказ. служитъ Уложеніе Царя Алексѣя, такъ въ основу Германскаго уголов. кодекса положенъ былъ кодексъ Карла V. „Carolina" 1532 г. Не смотря на его древность кодексъ этотъ (съ нѣкоторыми только измѣненіями и дополненіями въ составѣ изданія новаго Германскаго (1871,-72) Уложенія признавался источникомъ права Германской государства.

Въ 1532 г. [illegible] годовъ прошлаго [illegible]

[illegible]

Пр. Пашкевичъ. Доц. Тальбергъ.

Carolina была главным почти исключительным источником положительного права Германских государств. В начале нынешнего столетия появляются наконец новые кодексы. В истории кодификации в Германии, различают обыкновенно 2 эпохи, границу между которыми составляет 48-й год.
Из кодексов первой эпохи особенно выдаются два:
1. Прусское уложение Allgemeines Preussisches Landrecht, обработанное известным немецким юристом конца прошлого столетия Коппеном (1794 г.)
2. Баварское уложение 1813 года. Творцом его был знаменитый Анзельм Фейербах, который придал этому кодексу вполне характер Уложения (в других отраслях законодательства действовали своды). Баварское уложение имеет особенное значение для русского юриста, так как оно имело значительное влияние на наш „проект 1813 года." В 1848 году, как мы сказали, начинается новая эпоха для Германского законодательства. Причина почти одинаково во всех этих государствах. Вводятся новые элементы в немецкое право заимствуется в виде добавлений в виде восставшего революционным этого права. В числе своих требований революция поставила почти повсеместно требование реорганизации формального права (судоустройства и судопроизводства) гласного устного, состязательного процесса состязательных и введения суда присяжных. (Последний институт был введен во многих государствах в сороковых годах). Как состязательный процесс, так и суд присяжных были заимствованы из Франции.

и отсюда должны появиться почти с 48-го года в целом почти новых кодексах удивительно сильное влияние Франции. Из этих кодексов образцом на себя влияние Strafgesetzbuch für Preußen 1851 г. и Баварское уложение 1861 года.

В 1868 году было приступлено к составлению общего уголов. их уложения для всего Северо-Германского союза. В 1870 году проект этого был окончен и утвержден союзным Рейхстагом. В 1871 года кодекс вступил в силу в сев. Германском союзе, а с 1-го Января 1872 г. сделался действующим во всей Германской Империи. В 1873 г. издан был в дополнение к нему кодекс военно уголовный. (Существует на русском языке перевод Германского уложения, но весьма неудачный. На немецком языке лучшее издание Kübo.)

Французское законодательство имеет одним из основных источников начала высшей военного франц. революционного. Ныне действующее во Франции уголовное уложение code pénal получило свою окончательную обработку в 1810 году и вступило в силу с 1-го Января 1811 года. Это самый старый из ныне действующих Европейских кодексов. Это по видимому весьма странное явление, что уголовный кодекс действует более полу-столетия в стране так часто меняющей формы своей государств: объясняется тем, что в составлении его принимали участие лучшие юристы не только Франции, но и всей Европы того времени, напр. Treilhard, Oudot, Portalis). Благодаря этому обстоятельству диспозитивная часть code pénal пове-

ей обработки Лезюпрю со всех почт идущей до Европы, что-же касается санкции, что подлежащей ½ смягчая. существенной кодексы значительно особенно на нее. Чуже умыслу надо заметить, что code pénal, как определяет отдельно деяние, действие и бездействие, отличая первого чрезвычайно суровой санкцией, что для того бы достаточно другие законодательства направляющее ко исключению: Изо этой подлежащих изъятий особенно важно было бы Англия: 1. 1832 г. Введение, сюда относятся отступления 2. 1848 г. Отмена смертной казни за политические преступления. 3. 1863 г. Акт, подписанное Вторжение, подавление преступление, т.е. передача в исключительное ведение суда graves в подсудимого. Суд pénal Канады своим вмешательством достаточно ей к новому уголовному законодательству суда отличается. Канада. Канада. Канадский Кодекс 1859 года, которой не так строг, как code pénal. В нем более 60 деяний, подлежащих смертной казни. Изъятие из этой Франции

из 1861 г. Обработка, которая доставит отличный материал для предстоящей, вторично уже недалекой будущей, кодификации.

Перейдем теперь к последнему отделу учения об источниках права; именно рассмотрим правила, которыми необходимо руководствоваться при пользовании этими источниками.

Учение о применении законов сводится к трем основным вопросам. 1. Вопрос о разъяснении и пополнении закона действующего. 2. Вопр. о действии закона во времени. 3. Вопр. о действии закона по пространству.

Вопрос о толковании закона возникает в каждом процессе, когда констатированный факт должен быть подведен под статью закона. Видимое противоречие, что идеальное формального закона должно быть таким, когда все же нужно было бы иначе, а должное было бы прямо применить закон к данному случаю. Но очевидно, что это противоречие кажущееся. Всякий закон, какой бы казуистический он не был, есть всегда общее правило. Цель его состоит именно в двигании законодательства по зашитых направлениях не к индивидуализированию, не в ущерб единству законов, а напротив к возможно наибольшему обобщению. Причина этого заключается в общечеловеческих недостатках казуистического законодательства (пример, прецедентный образ и пр.) Таким образом этим совершенное законодат. этим более обширное поле представляется толкованию деятельности. Сознание не

Отд. Типография.

возможности избежать при толковании дела без толкования закона проникать само по себе в правительственные сферы так, что в нашем уставе судопроизводства отказ в толковании закона приравнивается отказу в правосудии, тогда как напр. в основных законах сохранилось еще со времен Екатерины II правило, что в применении закона не должно быть допускаемо никакое толкование.

В чем же заключается толкование, какие средства его, какую цель оно должно преследовать? Для разъяснения этих вопросов необходимо обратиться к материалу толкования - к юридической норме. Всякая норма есть выражение воли законодательной власти по данному вопросу. Откуда бы суд ни взял эту норму из законов: кодекса, из судебных обычаев или народного возгрения, непременно встречает в этой норме два элемента: волю и форму, в которой выражена эта воля. Задача толкования заключается по-тому в том, чтобы определить истинное отношение, существующее между формою и содержанием закона и тогда уже определить подходит ли данный конкретный случай под данную норму. Из сделанного нами определения толковательной деятельности судьи следует, что суд при подведении конкретного факта под данное юридическое определение должен руководствоваться как содержанием закона, так и его формою. Если судья по-тому будет обращать внимание только на форму, то он при

судебъ будетъ оставить безнаказанными мас-
су очевидно-преступныхъ случаевъ только потому,
что, благодаря недостаточному знанію состa-
вителей уголовнаго кодекса, имѣть законодатель-
ной власти была не точно передана. Возьмемъ
для примѣра 1469 статью нашего Улож. о нак. Если
мы будемъ толковать ее буквально, то встрѣти-
мся съ рядомъ абсурдовъ. Статья эта говоритъ, что
если кто нибудь по невнимательству или сувѣрію убь-
етъ урода, рожденнаго отъ человѣка вмѣсто то-
го, чтобы извѣстить о томъ полицію, то онъ под-
вергается извѣстному наказанію. Спрашивает-
ся: если кто либо убьетъ урода не по невнима-
нію сувѣрію, а положимъ изъ злобы, мести и т.п.
или же убивъ его извѣститъ полицію о рожденіи
урода, то неужели онъ долженъ остаться безнака-
заннымъ. Очевидно, это было бы нелѣпо, а между Улож
этотъ логическій выводъ изъ буквальнаго смысла
статьи.

Второй примѣръ: Въ отдѣлѣ о подлогѣ чужаго
имущества. Уложеніе говоритъ, что за подлогъ
чужаго имущества учиненный изъ злобы или ме-
сти полагается такое-то наказаніе. Буквоѣдъ,
заимствуетъ отсюда такой выводъ,
что подлогъ учиненный изъ корыстныхъ цѣлей
не наказуемъ. Держась исключительно буквы зако-
на мы благодаря невнимательству составителей на-
шего Уложенія должны будемъ освободить отъ
отвѣтственности большинство преступниковъ
и сохранивъ уважаемую свободу на которую такъ
напираютъ формалисты подвергнемъ угрозѣ,

нести и имущество граждан большой опасности благодаря ненаказуемости преступлений против этих основ общественного благосостояния.

Но избежав формализма, буквоедства суд не должен впасть в другую крайность, разъяснив смысл законодателей вовсе не сказанную в законе. Эту ошибку легко сделать горячему конституционному государству, где каждый обвиняемый законом подвергается подробному, часто долгому судебному разбирательству в законодательных комиссиях и палатах и мотивы его издания известны. Однако если издавший закон не соответствует этим мотивам, то суд обязан не считаться с ними, потому что он не может знать причины, почему эти мотивы не воплотились в законе. Проанализировав теперь первый основной вопрос о том, что должно быть разъяснено толкованием, (объект толкования) обратимся ко второму вопросу кто может быть субъектом толкования деятельности.

В этом отношении различают толкование легальное, судебное и научное. В связи с этим делением будет дальше толкование по его обязательной силе: на автентическое и не аутентическое. Аутентическое толкование соответствует легальному т.е. исходит от законодательной власти и потому становится обязательным для всех судебных мест. Благодаря этому его характеру многие юристы и в том числе Савиньи вовсе не считают аутентическое разъяснение законов толкованием, а просто не-

вымъ закономъ и потому не признаютъ за нимъ обратной силы (конечно только въ теоріи). Дъйствительно такъ назыв. аутентическое толкованіе носитъ характеръ скорѣе новаго закона, чѣмъ истиннаго толкованія, такъ какъ будь это толкованіе правильно или не правильно, оно все таки должно быть принято-ничего на практикѣ. Нельзя также не признать извѣстной доли опасности для гражданской свободы со стороны исчальнаго толкованія такъ какъ законодатель можетъ придать обратную силу любому издаваемому имъ закону, сказавъ, что этотъ послѣдній служитъ только разъясненіемъ какого либо изъ существующихъ уже законовъ. Или стоитъ, напр. законодатель сдѣлать указаніе такого рода, что краткосрочный арестъ означаетъ не только временное лишеніе свободы, но и прекращеніе всѣхъ правъ состоянія и это новое постановленіе получитъ обратную силу. Толкованіе идущее отъ судебныхъ мѣстъ и представителей науки очевидно обязательной силы имѣть не можетъ и потому считаніе не аутентическимъ. Положеніе, что судебное рѣшеніе не можетъ считаться аутентическимъ, т.е. не можетъ имѣть значенія обязательнаго толкованія такъ просто и очевидно, что въ западной литературѣ никогда и не возникало спора объ этомъ предметѣ и никакое судебное мѣсто не считалъ себя какой нибудь не претендовавшимъ на обязательную силу своихъ толкованій. Русское пра-

Листъ 27 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Колисевскій.

щѣннаго департамента Прав. Сената вызвала
однако у насъ нѣсколько монографій по этому предме-
ту и пользованіе самыхъ различныхъ авторі-
тетовъ пришли къ тому заключенію, что никакое
судебное рѣшеніе не можетъ имѣть обязатель-
ной силы для другихъ судебныхъ учрежденій, а сво-
дователю и Сенату не можетъ безъ санкціи за-
конод: власти придавать своимъ рѣшеніямъ
значенія и силу аутентическаго толкованія.
Какимъ же образомъ Прав: Сенатъ присвоилъ
себѣ право легальнаго толкованія, право сосѣдст-
вующее прерогативу законод: власти." Это обязы-
вателя доводило просто. До введенія новаго устро-
судопроизводства, высшей судебной инстанціей
для дѣлъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ
былъ Государственный Совѣтъ. Въ нѣкоторыхъ
случаяхъ представлявшихъ особенный интересъ
со стороны интерпретаціи какого нибудь за-
кона, рѣшенія Госуд: Совѣта послѣ утвержде-
нія ихъ Государемъ Императоромъ издавались
въ „Сборникѣ рѣшеній Госуд. Совѣта по граж-
данскимъ дѣламъ." Понятно что, получивъ такимъ
образомъ утвержденіе верховн. законод: власти.
Эти рѣшенія эти имѣли значеніе обяза-
тельныхъ интерпретацій. Съ введеніемъ новыхъ
Судебн. Уставовъ Госуд. Сов. утратилъ значеніе суда
ной инстанціи и Сенатъ неправильно присво-
илъ своимъ рѣшеніямъ ту силу, которою по-
сле законно пользовались рѣшенія Госуд. Сов. по
упомянутымъ дѣламъ. Въ своихъ претензіяхъ Сенатъ
опирается на 930 и 933 ст. Устава уголов. судоп.

по ним этих статей никак еще нельзя вывести обязательную силу Сенатской интерпретации. Так Статья 930 говорит только, что „судъ въ которой дѣло обращается для новаго рѣшенія обязанъ въ изъясненіи точнаго разума закона подчиняться суждениямъ правительствующаго Сената". Очевидно „суждение" Прав: Сената имѣетъ въ данномъ случаѣ значеніе лишь разъясненія закона въ приложеніи къ данному случаю, а никакъ не толкованія обязательнаго для всѣхъ судовъ по всѣмъ однороднымъ дѣламъ. Статья 933 говоритъ, что „рѣшенія Сената печатаются во всеобщее свѣденіе для руководства къ единообразному исполненію закона и приложенію." Но очевидно, что отъ приложенія къ свѣденію и руководства еще далеко до юридической обязательности.

Итакъ нѣтъ ни одной статьи закона, которая говорила бы объ обязательности сенатскихъ рѣшеній въ смыслѣ утвердительномъ. Но помимо этого отрицательныя доводы можно привести еще положительные доводы въ защиту положенія о необязательности судебн. рѣшеній кассаціоннаго департамента.

Для этого нужно обратиться къ тѣмъ мотивамъ, которыми руководствовалась законодательная комиссія при составленіи вышеприведенныхъ 930 и 933 статей Устав. угол. судопр. Дѣло въ томъ, что наше кассаціонное судопроизводство цѣликомъ заимствовано изъ Франціи. (Въ мотивахъ комиссіи мы прямо встрѣчаемъ ссылки на Франц: законодательство) Между тѣмъ

по французскому праву кассационное решение не только не обязательно для всех судов, но не обязательно даже и для того суда, в который направляется дело для нового решения. Отсюда происходит, что часто по одному и тому же вопросу в данном деле устанавливается несколько кассационных решений. Чтобы остановить такое бесконечное движение процесса французский кассационный сенат имеет одно орудие: если суд, в который передано дело для нового решения, решит его противно мнению кассационного сената, то этот последний может вновь свое мнение на соединенное заседание всех департаментов, решение общего собрания кассационного суда на утверждение законодательной власти и тогда это получает обязательную силу и значение. Это любопытно тем более, что французский Сенат в отличие от русского не отправляет никого лишнего, так как в них заседают лучшие юристы всей новой Франции, больше часто занимающиеся теорией законодательства и цивилистов. Редакторы судебных уставов 1864 г. установили одно исключение против французского образца. Зная, что благодаря несовершенству наших русских юридических и отчасти особенно юридических образований у большинства судей, сенаты будут завалены делами, редакторы суд. уст. для устранения в движении процесса лишних мнений сената обязали тот суд, в который передается дело для нового решения, отступить от данных кассационным сенатом разъяснений, только если все члены присутствующие в этом суде единогласно признают их неверными с юридической

вание, но не самую пользу обязательности сенатских
рѣшеній 1) потому что благодаря обширности
періи, а также невѣжеству и неопытности
стовъ практиковъ, сенату ежегодно приходится
рѣшать нѣсколько тысячъ дѣлъ и потому рѣше
нія его не могутъ отличаться зрѣлою обдуман
ностью. 2) сенатъ нашъ по составу своему далеко не
можетъ быть названъ образцовымъ, такъ какъ
большинство его членовъ имѣетъ весьма малую
научно-юридическую подготовку. —
Относительно способовъ толкованія ученіе ука
зовъ права безусловно сходится съ ученіемъ ци
вилистовъ и публицистовъ. Поэтому мы только
вкратцѣ изложимъ способы толкованія юрид.
нормъ общія всѣмъ отраслямъ права.
Толкованіе закона совершается двоякимъ спо
собомъ или на основаніи самого же закона или
на основаніи данныхъ внѣ закона нормъ.
Первый способъ является въ 3-хъ основныхъ фор
махъ: 1) <u>Грамматическое</u> толкованіе, т.е. разъяс
неніе смысла закона на основаніи его грамматической
конструкціи. Грамматическое толкованіе прина
лежитъ къ соображеніе всѣ знаки препинанія, точ
ныя значенія терминовъ, вообще грамматическую
конструкцію закона и можно бы было весьма полез
но, если бы большинство кодексовъ, а особенно наши
русскіе уложенія и своды не были переполнены
грамматическими ошибками, преимущественно
въ знакахъ препинанія. Особенно осторожно на
добно обращаться съ грамматическимъ толкова

Пр. Таганцевъ. Лит. Коптевскій.

ниемъ при изложеніи смысла нашего Уложенія бла-
годаря тому, что редакторы его, преследуя стили-
стическія цѣли разрушили всякую терминологію, такъ
какъ желая избѣжать повторенія того же слова
могутъ быть непріятныхъ для слуха, но необходи-
мыхъ въ подобныхъ случаяхъ. Они одно и тоже поня-
тіе выражаютъ нѣсколькими терминами и
вслѣдствіе этого приключеніе бываютъ и наобо-
ротъ одними и тѣми же словами выражаютъ раз-
личныя понятія.

2. Систематическое толкованіе. Систематическая интерпретація основывается на связи данныхъ постановленій съ другими постановленіями этого кодекса по отношенію занимаемому ими въ кодексѣ мѣсту, какъ предполагается, что законодатель постановленія не разбросалъ какъ попало, а сведенія въ извѣстную систему. Возьмемъ для примѣра 1606 ст. 2-го, говорящую о подсудности имущества; спрашивается можно ли подвести подъ эту статью подсудность собственно имущества. Обращаясь къ систематическому толкованію мы видимъ, что статья эта помѣщена въ отдѣлѣ, говорящемъ объ истребленіи имущества и дѣлаемъ отсюда заключеніе, что высшеуказанная статья имѣетъ въ виду только подсудность чужого имущества.

3. Логическое толкованіе. Что касается логическаго толкованія, то здѣсь дѣло идетъ уже не о разграниченіи отношеній одной статьи къ другой, а о тѣхъ ли побудительныхъ соображеніяхъ по содержанію и грамматической конструкціи. Если мы хотимъ

ей конструкціи есть исключеніе, и исключеніе такъ
чувствительно не терпитъ распространительнаго
толкованія, то мы должны вывесть о существова-
ніи противоположнаго общаго правила.
Толкованіе основанное на данныхъ внѣ закона
источникахъ носитъ общее названіе историческа-
го толкованія. Дѣло въ томъ, что большинство
положеній современныхъ законодательствъ со-
зданось историческимъ путемъ поэтому для раз-
рѣшенія смысла даннаго постановленія можно
обращаться къ тому источнику изъ котораго
заимствовано данное законодательство и въ этомъ источ-
никѣ можетъ находиться не только самый законъ, но
occasio и ratio legis, что конечно можетъ
имѣть вліяніе на смыслъ законодательства, вліяніе
очень важное въ законѣ. Особенное значеніе имѣетъ
историч. толкованіе для нашего законода-
тельства, такъ какъ оно есть сводное. Обра-
щеніе къ источникамъ (Полн. Собр. Зак.) обыкно-
венно затрудняетъ, которыя вслѣдствіе
различія бывшаго въ Уложеніи отъ
тѣмъ весьма было затруднено его историческое
толкованіе. (Для этой цѣли Уставъ могъ
снабдить источниками историч. толкованія
заимствованныя изъ статьи Уложенія отъ.)
Вступивъ въ ходъ всѣхъ средствъ-толкованія судъ
можетъ придти къ различнымъ выводамъ.
Тѣмъ, что весьма вѣроятно, онъ найдетъ, что
форма вполнѣ соотвѣтствуетъ мысли
законодателя, или же найдетъ, что форма
не-точна или шире мысли, которую законъ

выразить законодатель. Въ первомъ случаѣ судья долженъ прибѣгнуть къ толкованію экстенсивному (распространительному), во второмъ къ рестриктивному (ограничительному). Такъ напр. вышеприведенная статья объ убійствѣ урода очевидно требуетъ экстенсивнаго толкованія. Такимъ можетъ встрѣтиться такой случай, что данная норма можетъ быть истолкована или экстенсивно или рестриктивно. Въ такомъ случаѣ всѣ криминалисты требуютъ толкованія закона въ пользу подсудимаго. Это требованіе это безусловно принятое и нашею практикою и неоднократно подтвержденное кассаціонною Сенатомъ должествуетъ не только во имя своей гуманности, но имѣетъ и весьма солидную юридическую основу. Дѣло въ томъ, что въ разсматриваемомъ нами случаѣ сопри-касаются два интереса: съ одной стороны элементъ частный – личность преступника, которая можетъ пострадать вслѣдствіе неправильнаго толкованія закона, съ другой стороны элементъ публичный – общество, которое можетъ пострадать отъ ненаказуемости преступника.

Очевидно, вредъ причиняемый въ данномъ случаѣ частному лицу далеко превосходитъ вредъ причиняемый обществу безнаказанностью преступника. Что значитъ для общества ненаказуемость даннаго преступленія – это капля въ морѣ для результатовъ соціальной среды. Напротивъ, какъ велика перспектива для

изводимая публичным наказанием въ отнятии жизни, лишение свободы, имущества, чести потрясает жизнь индивида въ ея основах. Отсюда извѣстная оговорка почему-то приписываемая Екатерине II-ой лучше оправдать 10 виновных, чѣмъ наказать одного невиннаго.

Рядомъ съ вопросомъ о толковании стоитъ еще болѣе интересный вопросъ о пополнении закона. Много споровъ и недоразумѣний возникло по этому предмету, но большинство, какъ такъ и другихъ произошло отъ неясной постановки вопроса, именно не различения двухъ весьма различныхъ родовъ дѣятельности пополнение пробѣловъ закона и пополнение пробѣловъ законодательной системы. (Эти двѣ точки отправленія, изъ которыхъ исходятъ пополнение пробѣловъ законодательства нерѣдко совершенно неправильно называютъ однимъ аналогіею. Аналогія есть только одно изъ средствъ пополненія.)

Судья пустивъ въ дѣло всѣ средства толкованія можетъ нерѣдко придти къ заключенію, что хотя данный случай предусмотрѣнъ закономъ, но вслѣдствіе состава преступленія или въ санкціи закона находится пробѣлъ, или же судья можетъ придти къ заключенію, что данное дѣяніе, хотя весьма вредное для общества и частныхъ лицъ вовсе не предусмотрѣно въ законодательствѣ. Пробѣлы втораго рода, какъ мы это постараемся доказать не только могутъ, но и должны быть пополняемы судомъ, пробѣлы же втораго рода, т.е. пробѣлы въ системѣ законодательной могутъ быть пополнены

Листъ 29 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Коцевскій.

ение только законодательного власть. Неполнота закона выражается на практике весьма нередко и оставляет в этих случаях преступления безнаказанными было бы в некоторых случаях положительным абсурдом. Возьмем напр. такой случай: человек, желая нанести удар одному лицу неумышленно промахнулся и ударил другое лицо. Как поступить в подобных случаях. Статья 1456 Уложения говорит только об одном случае подобного рода неповедения, именно за убийство по ошибке не того кого хотел убить преступник, а другого- наказание полагается как за обыкновенное убийство. Очевидно, что встречаясь с ошибкой в объекте в случаях убийства или другого преступления, судья может и должен по аналогии ст 1456 Статьи не признать за подобной ошибкой способности изменить санкцию в ту или другую сторону.

Другой пример. По общему правилу частная обида может быть преследуема только по частной все инициативе. Статья 1539, говорящая об обидах в печати, не говорит какого это рода обиды и потому может она быть преследуема по инициативе прокурорского надзора. Очевидно судья должен понимать этот пробел и не ограничиваться в решении дела, благодаря неполноте закона. Данные в статьях о самоубийстве говорится, что за подстрекательство к самоубийству виновные наказываются как пособники к убийству. Но убийство бывает различных квалификаций. и простое. и сообразно этому санкция может значительно изменяться; очевидно суд

не только можетъ но даже долженъ пополнить пробѣлы закона и опредѣлить точнѣе характеръ и градусъ уголовной отвѣтственности.

Въ исполненіи закона нами приходится встрѣчаться не только въ несовершенныхъ кодексахъ въ родѣ нашего, но и въ лучшихъ правильно конструированныхъ. Нерѣдко эти пробѣлы бываютъ даже умышленные, такъ напр. Германское угол. уложеніе ничего не говоритъ о покушеніи надъ негодными объектами (куклой, трупомъ), такъ какъ вопросъ объ этомъ еще не достаточно разработанъ въ наукѣ и законодатель хотѣлъ предоставить разрѣшеніе этого спорнаго вопроса судебной практикѣ. По поводу пополненія пробѣловъ закона наши новые уставы гражд. и угол. судопроизводства высказываются весьма категорически, и отказъ въ подобныхъ пополненіяхъ приравниваютъ отказу въ правосудіи.

Современно иначе разрѣшается вопросъ относительно пополненія пробѣловъ въ законодательной системѣ. Франція, Германія и другія конституціонныя государства видятъ какъ одно изъ основныхъ положеній въ конституціи законъ, по которому ни одинъ гражданинъ не можетъ быть наказанъ за дѣянія не запрещенныя въ уголовныхъ кодексъ подъ страхомъ наказанія.

Такая постановка дѣла вполнѣ рациональна. Дѣйствительно какимъ образомъ судья можетъ знать, какія причины заставили законодателя умолчать въ кодексѣ объ извѣстномъ родѣ дѣяній: пропущено ли это отъ недосмотра или законодатель имѣлъ на это свои причины - этого судья не мо-

зрение знать. Наконецъ допустимъ даже такой случай, что законодатель нечаянно забылъ упомянуть въ кодексе о какомъ либо маловажномъ преступленіи; положимъ, что потомъ это невозможное обстоятельство, какъ только случай подобнаго рода представится на судъ законодатель можетъ очень скоро исправить свою ошибку и назначить за преступленіе на будущее время наказаніе. Въ результатѣ получится 3 мелкихъ, пусть даже одной десятыхъ преступленій, но какъ все-таки будетъ вредъ, нанесенный обществу безнаказанностью 3хъ, 4хъ, 10ти преступниковъ въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который непремѣнно произойдетъ для настоящаго, если судья дать будетъ произвольно наказывать за дѣянія законами не предусмотрѣнныя. Отсюда первая идея парадоксальная, но необходимая въ уголовномъ правѣ положеніе: что не запрещено, то дозволено, положеніе, которое составляетъ основу гражданской свободы.

У насъ вопросъ о толкованіи закона, какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ имѣетъ весьма запутанный характеръ, какъ мы сказали отчасти отъ того, что большая часть не ученая, или чистая практика не различаетъ двухъ совершенно различныхъ вещей, которыя законъ отъ толкованія кодекса. Въ этомъ отношеніи нужно отдать полную справедливость редакторамъ Судебныхъ уставовъ, которые въ 1ой статьѣ гражданскаго и 12 уголовнаго судопроизводства очень ясно выставили необходимость этого различенія въ уголовномъ правѣ. Именно относительно гражданскаго суде-

произв. Устав говорит, что „судъ не можетъ оста-
новливаться въ рѣшеніи дѣла за неясностью, про-
тиворѣчіемъ, неполнотою или недостаткомъ закона".
12-я Глава уголов. судопроизводства, повторяя
эту статью вполнѣ выпускает только послѣднія слова
тѣмъ ясно показывает, что судъ долженъ по-
полнять законъ въ случаѣ его неполноты, но не
можетъ пополнять кодексъ въ случаѣ недостат-
ка закона. Это послѣднее правило подтверждае-
тся также и 771 ст. Уст. угол. судопр., которая го-
воритъ, что судъ обязанъ освободить подсудимаго
если найдетъ, что дѣяніе имъ совершенное не за-
прещено закономъ подъ страхомъ наказанія. По-
этому если напр. присяжные найдутъ, что под-
судимый тайно взялъ чужую вещь со взломомъ, но
безъ умысла (подобный случай дѣйствительно встрѣ-
чался на практикѣ), что судъ обязанъ освободить
его такъ какъ законодательство наше не знаетъ
неумышленной кражи. Въ Уложеніи касательно
пополненія закона имѣется 151 статья.
Статья эта говоритъ, что если за подлежащее
разсмотрѣнію суда преступное дѣяніе не указа-
но опредѣленнаго наказанія, то судъ приговари-
ваетъ виновнаго къ одному изъ наказаній, назначаемыхъ за
преступленія сходныя. Такъ напр. въ Инструк-
ціонной нашей статьѣ о подстрекателяхъ къ само-
убійству, которое по закону подвергается на-
казанію, какъ пособники къ убійству судъ обязанъ
опредѣлить къ какому роду убійства наиболѣе под-
ходитъ данный случай самоубійства, такъ какъ

Пр. Поликарповъ. Лит. Копневскій.

убійство бываетъ различныхъ родовъ: простое и квалифицированное, умышленное и неумышленное, сообразно съ этими варіаціями санкція.

Итакъ роль судьи заключается въ томъ, чтобы данному констатированному факту применить действующій законъ, истолковавъ его вышеуказанными способами и въ случаѣ надобности пополнивъ. Мы сказали, что судья долженъ къ данному применить действующій законъ. Но нерѣдко могутъ возникнуть вопросы какой законъ надобно считать действующимъ. Вопросъ этотъ въ свою очередь, распадается на два вопроса: 1) какой изъ последовательно сменившихъ другъ друга законовъ долженъ быть признанъ действующимъ въ данное время? или вопросъ о действіи закона во времени, 2) законъ какой местности долженъ быть применимъ къ данному лицу или вопросъ о действіи закона по пространству лицъ.

О действіи закона во времени.

При определеніи того какой законъ долженъ считаться действующимъ въ данное время предъ всѣмъ очевидно предстаетъ вопросъ: началось ли действіе закона и не прекратилось оно. Моментомъ начала действія закона считается его обнародованіе. Порядокъ изданія и обнародованія закона указанъ въ законахъ основныхъ. Моментомъ обнародованія считается для Петербурга напечатаніе его въ Сенатскихъ Ведомостяхъ а для Петербурга полученіе закона губернскимъ правленіемъ.

Хотя и то, что при нашихъ путяхъ сообщенія не-

рядко новый законъ можетъ быть извѣстенъ въ данной мѣстности ранѣе, (напр. по телеграфу) чѣмъ онъ будетъ получен официальнымъ путемъ въ губернскомъ правленіи. Спрашивается можетъ ли судъ руководствоваться новымъ закономъ въ промежуткѣ между временемъ изданія закона и моментомъ полученія его губернск. правленіемъ. Положимъ напр. что вышло новое постановленіе по акцизному вѣдомству, въ которомъ разрѣшается питейнымъ домамъ продавать водку нѣкоторое количество градусовъ. Содержатель питейнаго заведенія въ губерн. городѣ, узнавъ объ этомъ постановленіи начинаетъ продавать водку по новымъ правиламъ до полученія этихъ правилъ губерн. правленіемъ. Спрашивается можетъ ли онъ быть привлеченъ за это къ отвѣтственности. Сенатъ вполнѣ рационально далъ въ подобныхъ случаяхъ утвердит. отвѣтъ. Обнародованіе можетъ быть <u>общее</u> - для всей Имперіи или спеціальное для отдѣльныхъ мѣстностей.

Иногда законъ вступаетъ въ дѣйствіе не съ момента обнародованія, а нѣсколько спустя. это бываетъ обыкновенно въ случаѣ обширности новаго кодекса для доставленія возможности предварительнаго ознакомленія съ нимъ. Въ такомъ случаѣ очевидно моментъ вступленія закона въ дѣйствіе долженъ быть опредѣленъ законодательною властію.

Что касается вопроса о прекращеніи дѣйствія закона, то какъ извѣстно законъ теряетъ силу съ теченіемъ срока, на который онъ былъ изданъ

и прекращения actio закона, напр. с введением во всей империи нового устава судопроизводства теряют свою и временныя правила о введении их в действие. 2 закон теряет свою всегдашнюю принятой его отменою abrogatio или косвенной отменою, называемой также закона derogatio. Последний способ отмены представляет нередко большия затруднения на практике, так как нередко весьма трудно бывает определить какие именно постановления отменяются, как противоречащие смыслу нового закона и какия нет.

Для надлежащаго еще определить моменты возникновения и прекращения действия закона необходимо еще определить какой путь последовательно сменившихся друг друга законов должен быть применяем к данному случаю. Вопрос этот есть вопрос специального уголовного права в науке он известен подь названием вопроса об обратной действии закона. Мы рассмотрим сперва общия положения выработанныя по этому вопросу наукою права и затем рассмотрим насколько эти принципы применимы в уголовном.

Ст. 60 Основных законов вполне согласно с требованиями науки выставляет след. два положения. 1. Всякий закон действует только на будущее время. 2. Никакой закон не может иметь обратной силы. Таким образом и по нашему государственному праву с одной стороны всякое карательное действие совершенное до издания и

го закона не можетъ быть имъ регулируемо и съ другой стороны всякое гор. дѣйствіе совершившееся послѣ изданія новаго закона до его отмѣны должно быть имъ регулируемо. Логически возможны 2 исключенія изъ этого правила или нов. зак. распространяется на дѣянія совершенныя до введенія его въ силу или старый законъ распространяетъ свое дѣйствіе на дѣянія совершившіяся послѣ его прекращенія. Посмотримъ на сколько эти изъятія допускаются вообще практикъ. На это отвѣтъ прежде всего даетъ 61 ст. Уст. осн. зак., которая гласитъ: „Изъ сего общаго правила (60 ст. У.) изъемлются слѣдующіе случаи: 1. когда въ законѣ именно сказано, что онъ есть только подтвержденіе и изъясненіе смысла закона прежняго 2. когда въ самомъ законѣ постановлено, что сила его распространится на времена предшествовавшія его обнародованію." Вдумываясь въ смыслъ этой статьи не трудно замѣтить, что въ первомъ пунктѣ мы имѣемъ дѣло съ легальнымъ толкованіемъ, которое только неправильно названо новымъ закономъ и здѣсь слѣд. изъ исключенія, что все касается до 2-го пункта, то оно попало въ сводъ случайно и не имѣетъ научнаго смысла.

Такимъ образомъ вышеуказанное два принципа формулированныя въ 60 ст. У. могутъ оставаться вообще безусловными, теперь посмотримъ на сколько эти принципы будутъ выдерживаться въ условіяхъ права. На первый взглядъ мы встр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Коневской.

часть здесь множество исключений. Положим, напр. преступник совершил преступление в местности, в которой еще не было в то время введено новое Уложение действ.-вступил и через 5 лет был опять было задержан; но это время в той местности Уложение введено в действие и очевидно для разбирательства его дела старые судебные будут не достаточны, а дело будет разбираться по новым судам, по принципам нового формального права. Как же примириться с этим главным законом, который есть признанное правило, а не отвлеченный логический закон и потому не может быть распространяем на прошлое. действия, совершившиеся до введения его в действие. Это можно объяснить очень просто, если мы вспомним, в значение формального права и определим что собственно нормируется законами судопроизводства. В процессе мы видим два рода действий 1) действия преступника, обсуждаемые судом и 2) юрид. действия суда очевидно формальное право определяет только эти последние, а так как всякое юрид. действие должно быть по общему правилу определяемо по законам действовавшим во время его совершения, то и действия суда, составная сторона процесса должна быть определяема не по законам действовавшим во время совершения преступления, а по зак. действ. во время судебного разбирательства. Так обр. применение здесь только касающееся и новое постановление формального права не распространяется на прежние действия. Что в формальном праве нового

допускающая исключения из общего правила въ об-
щую сторону именно передъ старой закономъ
сохраняетъ извѣстную силу нѣкоторое время
послѣ изданія новаго. Когда напр. въ 66-мъ году вво-
дились новые судебные уставы, то на основаніи
временныхъ правилъ, изданныхъ по этому пово-
ду, дѣла которыя уже разбирались въ старыхъ су-
дахъ должны были быть окончены старымъ су-
дебнымъ порядкомъ. Цѣль законодательства въ данномъ
случаѣ была - не обременить на первыхъ порахъ
новый судъ, мало опытный въ этомъ не запутъ-
ливомъ для обвиняемаго.—

Обращеніе къ постепенно-историческому
праву. Большинство современныхъ юристовъ въ
ученіи того взгляда, что наказаніе должно быть
опредѣляемо по законамъ дѣйствовавшимъ въ мо-
ментъ совершенія преступленія, причемъ въ ин-
тересахъ гуманности требуютъ примѣненія на-
казаній по новымъ законамъ, если эти послѣдніе
назначаютъ за данное преступленіе мягчайшее
наказаніе. Но примѣненіе принципа обратно-
го дѣйствія мягчайшихъ законовъ принципа
гуманнаго, но имѣющаго юридической подкла-
ди едва ли всегда удовлетворительно на практикѣ.
Положимъ напр., что законодатель задумалъ бы
измѣнить извѣстную систему тюремнаго заклю-
ченія - или каторжныхъ работъ, которыя, благода-
ря существующей теперь распущенности, пред-
ставляютъ изъ себя весьма сравнительное и
не достигаютъ своей цѣли наказанія, а потому бы
весьма полезно, однако есть препятствіе, находя-

шіеся уже въ тюрьмахъ или каторжныхъ работахъ въ моментъ вступленія въ дѣйствіе новаго закона должны были бы оставаться по тѣмъ образомъ дѣйствія наичайшихъ законовъ на старомъ положеніи, что было бы абсурдомъ; такъ положимъ, никакого смысла оставлять въ дѣйствіи систему, которую законодательство признало вредной. Возьмемъ другой примѣръ, положеніе законода. нашло, что воспитаніе способствующихъ раз. врату малолѣтнихъ находящихся подъ ихъ опекой не достаточно посадить въ рабочій домъ, но необходимо въ интересахъ опекаемыхъ освободить ихъ навсегда изъ подъ опеки столь безнравств. воспитателей. Очевидно, что если откроется поворотъ къ разврату, производившееся хотя бы и до изданія новаго закона, новый законъ хотя и наичайшій будетъ применяемъ и слѣд. получитъ обратную дѣйствія. Наконецъ далеко не всегда легко опредѣлить какое наказаніе должно считаться наичайшимъ.

Обращаясь къ постановленіямъ положительнымъ правамъ и здѣсь встрѣчаемъ иногда примѣры, что обратную силу получаетъ не наичайшій, а напротивъ болѣе тяжкій наказаніе, такъ напр. въ правилахъ о введеніи въ дѣйствіе съ 23 Марта 1846 года Уложенія о Нак.-сказано, что преступленія совершенныя до введенія дѣйствія Уложенія обсуждаются по старымъ законамъ за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ старыхъ законахъ наказаніе мягче.

Но какъ объяснить подобныя явленія, если дѣйствительно дѣятельное отступленіе отъ

начала по которому никакой закон не имеет обратного действия или это только такое же каноническое постановление, как и в формальном праве.
Относительно этого вопроса существуют два мнения: представителями одного являются защитники абсолютных теорий наказания, второе мнение поддерживается представителями теорий относительных. Согласно первому мнению наказание есть необходимый аттрибут преступления, связанный с ним так тесно, что не может иметь самостоятельной юрид. природы, поэтому оно необходимо должно регулироваться нормами действующими во момент совершения преступления и всякое отступление от этого правила противно юридической логике и не должно быть терпимо, как обратное действие закона.
Иначе ведут свою аргументацию представители теорий относительных. Наказание, говорят они имеет с преступлением известную связь но вовсе не такую тесную, чтобы совершенно потерять самостоятельность своей юрид. прав, и в силу этого нарушаемое законами, действующими во момент его совершения. Но значит ли это что суд может привлечь по новым законам к ответственности лицо совершившее деяние не бывшее за собою условии ответственности по законам действовавшим во время его совершения - очевидно нет.
Характер юрид. ответств. в смысле наказу-

Пр. Таганцевъ. Лит. Копневской.

смотря лишь на наказуемость определяет наряд-
ный отдельно от нашего собственного приказа, но отличает
лишь по степени наказуемости деяния неимущего
должна своего избежать и качество наказания лишен-
ного права суду, что наказание есть чистое сво-
его рода лишение права отдельно, либо в дополнение
другого наказания постановляет вопрос передать
отдельно возражение, что наказание должно
должно подчеркивать трагедийную свободу, так
как за деяние, за которое виновного собственного
наказания подлежит отдельное взыскание
на следующий день может быть назначено
лишь когда и совершивший это деяние должен
будет подвергнуться, если суд над ним не
будет окончен до вступления в силу этого
отдельно постановления. На это можно сделать
возражение, что подобные статьи в решении
сенатом указывают на только государственную
силу, но не суд не может быть в праве отдать
такой свободы и до постановления во ряду 2-го
случая 61 ст. осн. зак. практикуется на долго.
Такими образом, определяя общее право наказа-
ния новыми законами, мы еще не даем этому
закону обратной силы. Но в виду условий
нашей жизни нередко практикуется обратное пра-
вило т.е. старые законы сохраняют силу
в прошлом силу настолько времени суда назна-
чаемого и вступления в силу нового закона.
Наказ имущ. в случае пересмотра на
меньшее наказание, каковое новое наказание будет по
суду не отвечающее в глазах интересам и.

опирая территориальную систему современных об. территориях Дании" имеет возникновение в вещ-
ей силе.

"Море не переведено на положение берегу: и хотя
две государственных границы имеют на водяном ста-
тьи, однако они не простираются далее земли."

Отношение государств к территориальному
пространству составляет важную часть международ-
ного права, для которого это пространство
имеет большое; следовательно и практическое значение
Отношение состоит прежде всего на территории свое-
государства. Под территорией разумеется вооб-
ще всё сушу и воды не только внутри государ-
ства, но свободное море на расстоянии пушечного вы-
стрела от берега. Более точное определение поня-
тия территории составляет вопрос международ-
ного права. Но признавая этим принципом
международного права, что всякое владение, собственное
государство на пределах нашей территории обязательно
должно уважать это владение как бы принадлежа
оно государству, так и за всякою другою сторонною вла-
дение, должно в основу международных отношений
класть такое начало взаимного признания прав.
Для морского принципа, по которому всякое
государство имеет право иметь свои военные суда в чужих вла-
дениях на его территории совершенно пред-
ставляет и личность государства. Подчинение этого
рассматривается подлежит всем государствам, подчи-
ненным, во время государства (от 1821 г. относится
ли из России, представляющие или временно в
ней пребывающие (от 1119) Военные силы другой

подданной совершил въ Германіи преступленіе, хотя бы противъ нашихъ интересовъ оно будетъ наказано по Германскимъ законамъ.

Изъ этого правила есть однако исключеніе, которое какъ обыкновенно всякое исключеніе еще больше подтверждаетъ общее правило - это исключеніе касается 4-хъ восточныхъ государствъ Персіи, Турціи, Японіи и Китая. За первыми 2-мя изъ этихъ государствъ мы вовсе не признаемъ территоріальн. права. Такъ если нашъ подданный совершитъ преступленіе въ Турціи, то преступленіе это подлежитъ разсмотрѣнію нашихъ консуловъ, если же преступленіе очень важно/если оно влечетъ наказаніе свыше тюремнаго заключенія, то виновный препровождается для суда въ нашу ближайшую смѣжную губернію. Такимъ взаимностью здѣсь не пользуется и турецкій подданный совершившій преступленіе на нашей территоріи не подлежитъ для суда турецкому правительству. Сходныя правила существуютъ относительно Персіи. Японія и Китай пользуется гораздо большими правами: преступленія совершенныя на ихъ территоріи русскими подданными или китайцами на русской землѣ, не будутъ разбираться нашими судами, причемъ къ виновному применяется его національный законъ.

Но если территоріальной принципъ такъ простъ то откуда же могутъ возникать затрудненія въ какой законъ долженъ быть примѣненъ къ данному случаю. Дѣло въ томъ, что здѣсь возможны два исключенія: или преступникъ совершилъ преступленіе за границей будетъ къ намъ или государству, гдѣ онъ

совершил преступление не желает судить его и передает его нам. Теперь возникает вопрос, как нам поступить по государству куда бежит виновный преступник. Возможны очевидно следующия 3 решения этого вопроса: 1) государство выдает преступника к себе преступника, но это не всегда возможно и принято это метод, каждого которого не может входить в область уголовного права; 2) государство может оставить преступника у себя и тогда возникает вопрос: о праве суда над совершившим преступление за границей, 3) государство может выдать его обратно тому государству, где было совершено преступление и тогда является вопрос: о праве выдачи преступника.

По поводу первого вопроса было высказано мнение, что иностранцы мнений, но их все можно свести к двум группам. Теории первой группы выходят из понятия о государстве, как изолированной единицы, теории второй группы из понятия о международного союза.

Из теории первой группы наиболее популярная до последнего времени в науке и практике была теория территориальная, которая выходит из того, что преступление может быть судимо только той страной, где оно совершено, говорит что она имеет права судить всякого кто нарушил ее уголовные законы и должна выдавать преступника и должна оставить безнаказанным. Что было говорить об известных фактах и потом, он не может быть применяема только по отношению

Пр. Шапошников. Лит. Житковский.

за преступников бывших и наконец по принципам международного права свои подданные не выдаются и потому территориальная теория может повести к следующему напр. абсурду.

Русский подданный совершил в Германии важное преступление против русских же интересов и после того бежал к нам. Россия вовсе не желает, чтобы мы ей выдавали своего подданного тем более, что ея интересы вовсе не затронуты данным преступлением и потому преступник должен остаться безнаказанным. Таким образом теория территор. благодаря узкости своего юридического взгляда ведет к нелепостям и сегодня ей государство должно оставлять безнаказанным множество преступников. В виду несостоятельности этой теории защитники, которой между прочим являются Фенердах, Кестнер и др. для разрешения коллизии разноместных законов выставлен другой принцип защитников которого является в настоящее время Бернер и Бар. Сущность в кратких словах заключается в следующем. Понятие государства обусловливается не только территорией, но и народонаселением. В виду этого граждане бел. государства, пока они не сложили с себя признаки подданства должны подчиняться законам своего государства и потому мы имеем полное право судить нашего подданного если он совершив преступление за границей возвратится к нам. Но против национальной теории можно сделать 2 возражения. 1) подданный нашего государства, находясь за границей очень часто не может при всем

своих граждан исполнять постановлений наших законодательства, напр. подвергнуто въ Германіи издание ими сочинений предварительной цензуре, или же исполнять постановления своего государства они должны будетъ нерѣдко нарушать законы того государства гдѣ они пребываютъ. Отсюда защитники національнаго принципа должны для спасенія своей теоріи совершенно произвольно постановить исключеніе для всѣхъ такихъ нарушеній, которыя могутъ быть судимы только въ мѣстѣ ихъ совершенія.

Второе возраженіе противъ теоріи національной заключается въ томъ, что она не обнимаетъ всей суммы дѣяній, которыя должны быть наказаны по требованію здраваго смысла.

Положимъ напр. въ Берлинѣ составилась шайка изъ русскихъ и иностранцевъ съ цѣлью подлога русскихъ кредитныхъ билетовъ, которая потомъ переселилась въ Россію. Сходную національную принадлежность мы можемъ наказать только нашихъ подданныхъ иностранцы же, которые совершили столь важное преступленіе противъ нашихъ интересовъ должны остаться безнаказанными. Точно также вообще иностранецъ совершившій на своей родинѣ преступленіе и бѣжавшій къ намъ долженъ быть наказанъ. Берлеръ соглашается, что въ подобныхъ случаяхъ государство имѣетъ право суда, какъ мѣру самообороны. Но это очевидная натяжка. Оборона и судъ двѣ совершенно разныя вещи и къ тому же юридически дозволеніе Самообороны можетъ имѣть мѣсто только до совершенія преступленія. Такимъ образомъ теоріи территоріаль-

дая и международная вытекающая изъ узкаго взгляда на государство, какъ изолированную, отъ внѣшней среды не удовлетворительное. Гораздо удовлетворительнѣе другая теорія, выходящая изъ болѣе широкаго понятія международнаго союза. Сознаніе солидарности интересовъ давно уже давно проникаетъ въ право и въ гражданскомъ правѣ защищаетъ и гарантируетъ правовыя институтовъ иностранныхъ государствъ уже для всякаго предоставленія права и сношенія заключенныя въ одномъ государствѣ признаются дѣйствительными и въ всѣхъ другихъ государствахъ. Поэтому и явился вопросъ: какимъ образомъ принципъ всеобщей солидарности былъ принятъ и въ правѣ уголовномъ. (Одна изъ лучшихъ обработокъ этого вопроса принадлежитъ Рейнеру Мало – Die Lehre vom Asyle) Дѣйствительно въ государствахъ составляющихъ международный союзъ взгляды на преступленіе и причисленіе наказанія довольно сходны, какъ одинаковыя и особенныя типы преступленій. Отсюда-дѣяніе признаваемое преступнымъ въ одномъ государствѣ считается такимъ же и въ всѣхъ другихъ государствъ. Поэтому государство, въ которое бѣжалъ преступникъ получаетъ право судить его за то, что принялъ участіе въ международномъ союзѣ-государствъ со цѣлью обязанности охранять общій порядокъ порядокъ. Но какъ совершенно справедливо замѣчаетъ современныхъ культурныхъ различіяхъ въ различныхъ государствъ, это правило относится не ко всѣмъ преступл., а только къ преступленіямъ общественнымъ насущнымъ и что должны быть

рядъ ограниченій этого принципа. Именно государство не можетъ судить подсудимаго къ нему преступника за совершенныя имъ за границей преступленія политическія и религіозныя, если разсматриваемыя преступленія не направлены противъ нашихъ интересовъ. Дѣйствительно было-бы странно было бы, если-бы Франція напр. судила бы подсудимаго къ ней русскаго подданнаго за то, что онъ пытался ввести въ Россіи республиканскую форму правленія или совратить православную въ католическую вѣру. Обратимся теперь къ постановленіямъ нашего положительнаго права, касающимся даннаго вопроса. Постановленія эти изложены въ ст. 173 и 174 Улож. о нак.

Законъ нашъ 1) признаетъ національность преступника. Если совершившій за границей преступленіе и явившійся или выданный нашъ преступникъ русскій подданный, то для наказуемости его, если преступленіе направлено противъ нашихъ интересовъ, необходима наличность слѣдующихъ условій 1. Преступленіе должно быть нарушеніемъ правъ личности, общества или государства, сыновъ. наказанію не подлежатъ полицейскіе проступки. 2. Очевидно необходимо, чтобы данное преступленіе было запрещено нашимъ Уложеніемъ или его вспомогат. источниками.

Что касается вопроса о томъ моментѣ, чтобы дѣяніе признавалось преступнымъ закономъ того государства, гдѣ оно совершено, то объ этомъ прямыхъ указаній въ законѣ нѣтъ, но изъ общаго духа

Уг. Таганцевъ. Лит. Коневской.

законодательства можно сказать вообще, что наше государство требует, подобно западным кодексам, чтобы деяние было 3) запрещено под страхом наказания в той местности, где оно совершено, 4) наказано, чтобы данное деяние не было уже наказано по законам места совершения или не было бы погашено местного давностью, помилованием или примирением пострадавшего с виновным. Если совершенное нашими же подданными преступление направлено против интересов иностранного государства, то кроме этих условий необходима еще жалоба потерпевшего или его родственников или же дипломатической миссии того государства, если же преступление совершено другими лицами всякое преступление совершенное нашими подданными против интересов иностранного государства считается уголовно-частным. Разница в наказаниях в первом из разсмотренных нами случаев определяется безусловно по нашему законодательству.

Что же касается второго случая, то здесь существуют несколько в общем случаев практического применения постановления, что за случаем совершения преступления следует наказание по данному преступлению, то наказание по справедливости за этим случаем. Мы сказали, что положение это на практике значения, действительно наша система наказаний далеко не совпадает с иностранными и потому большого часто нельзя определить какое из наказаний строже.

Что наир. строже 12 лет каторжной работы

мых (Выдача въ политическихъ Государствъ – очевидно лишь весьма трудно.

Что касается иностранцевъ, то, если преступление направлено противъ нашихъ интересовъ, для подсудности необходима наличность тѣхъ же условій, какъ и для подсудности нашихъ подданныхъ. Если же преступленіе совершенное иностранцевъ не нарушаетъ правъ нашего государства или нашихъ подданныхъ, оно подсудно нашимъ судамъ. Так. обр. въ этомъ случаѣ мерилъ постановленія нашего законодательства и въ) выдачѣ со требованіями международной солидарности.

Вмѣсто суда государство, какъ мы видѣли могло прибѣгнуть къ выдачѣ укрывшагося преступника, опираясь или на соображенія чисто юридическія или въ видахъ уголовной политики. Очевидно теоріи территоріальная, національная и космополитическая дѣлятъ различныхъ государствъ на имѣющихъ выдачи. По теоріи территоріальной всякій преступникъ долженъ быть безусловно выданъ для суда тому государству, гдѣ онъ совершилъ преступленіе.

Принципъ національный дѣлаетъ исключеніе относительно собственныхъ подданныхъ, которые не выдаются. Наконецъ по космополитическому принципу во имя международной солидарности интересовъ, каждое государство имѣетъ право суда надъ находящимся на его территоріи преступникомъ, гдѣ бы преступленіе не было совершено, а потому выдача практикуется только въ видахъ уголовной

Положение напр. въ томъ видѣлся преступникъ совершивший преступленіе въ области международ. сношения уже настолько установились, что помимо общему арестанта судебн. слѣдователь въ будущемъ дарствъ упразднѣбнаго завѣдующія отношеніями государствъ, но все-таки свидѣнія доставленныя имъ будутъ больше о частью неполны, отрывочны и во всякомъ случаѣ ведения процесса бы менѣе, гдѣ преступленіе совершено будетъ легче и вторичное доставленіе, чѣмъ процесъ ведущійся за тысячи верстъ отъ этого мѣста — у насъ. Такъ обр., признавая въ видахъ мы опираемся на требованія уголовной политики. Видача преступника квалифицируется или на основаніи трактатовъ или по началамъ вдаимности. Въ 1660 года мы въ большинствѣ государствъ заключили на этотъ счетъ трактаты. Между первоначальными государствами мы не заключали еще трактатовъ съ Франціей, Англіей и Соед. Штатами. Положеніе мы требовать выдачи всякаго преступника совершившаго преступленіе у насъ и скрывшагося въ другое государство. Трактаты и обычное право даютъ намъ отрицательный отвѣтъ указывая намъ на рядъ ограниченій опредѣляющихъ чьего преступника или рядомъ преступленій. По отношенію къ лицамъ во всѣхъ трактатахъ существуетъ одна поговорка, гласящая выдаются уголовные подданные. Международное право объясняетъ это тѣмъ, что будто бы этимъ нарушается принципъ суверенности государства. Помимо

законъ что до 1861 года Англія спокойно выдавала своихъ подданныхъ и никто не находилъ, чтобы это ранило ея достоинство.

"Кромѣ того иногда посредствомъ трактатовъ значительно расширяется самое понятіе подданства, такъ въ нашихъ трактатахъ съ Гольландіею и Австро Венгріею разсматриваются, какъ подданные Франки всѣ лица долго жившіе на ея территоріи, владѣющіе тамъ недвижимаго собственностію и построившіе тамъ дѣла. Иногда условія эти имѣютъ характеръ чисто случайный. Такъ напр. мы не выдаемъ этихъ преступниковъ турокъ, которые бѣжавъ къ намъ изъ Турціи приняли христіанство, и обратно Турція не выдаетъ этихъ русскихъ, которые бѣжавъ изъ Россіи приняли исламъ.

Гораздо обширнѣе область исключеній по свойству самаго преступленія. Въ первыхъ въ виду политической преступности акта выдачи и въ виду издержекъ съ нимъ сопряженныхъ, выдача существуетъ только по отношенію къ тяжкимъ нарушеніямъ. Преступленія, которыя въ данномъ случаѣ считаются тяжкими, перечисляются въ трактатахъ, если же такого перечня нѣтъ, то принято считать тяжкими преступленіями такія дѣянія, которыя влекутъ за собою наказаніе свыше тюремнаго заключенія. 2) Не выдаются ни въ какомъ случаѣ политическіе преступники. (Въ трактатахъ это выражается тѣмъ, что отказываясь въ перечнѣ тяжкихъ преступленій шире не довольствуясь этимъ

Пр. Таганцевъ. Лит. Конисевской.

иногда прибавляется специальное постановление, что преступники политические выдаче не подлежат.)
Основания этого правила двоякия: юридическия и политическия. Въ юридической точки зрѣния выдача есть суррогатъ суда, такъ какъ выдачѣ подлежат. принц. лишь тѣхъ кого мы имѣемъ право судить. Между тѣмъ, благодаря условности политических преступлений, какъ относительно, (иногда) такъ и относительно времени. (Сегодня данной человѣкъ-преступникъ, а завтра если политич. идеи за которыя онъ боролся восторжествуютъ - онъ доблестной правительницъ) Преступления эти не могутъ подлежать суду иностраннаго государства.
Особенно если идеи произведшия человѣка обвиняемаго въ политич. преступлении сходятся съ убѣжденіями страны въ которой онъ ищетъ убѣжище. Сюда присоединяются различныя соображенія уголовной политики, законод. правящихъ образомъ въ томъ, что какъ показываетъ исторія процессовъ надъ политическими преступниками рѣдко отличается тѣхъ безпристрастнаго и хладнокровія, которыя необходимо для справедливости рѣшенія. Къ преступленіямъ политическимъ по общему правилу относятъ два рода преступлений: бунтъ, т.е. попытка насильственнаго ниспроверженія существующей формы правленія и измѣна, т.е. попытка нарушить международныя отношенія между различными государствами во вредъ своему отечеству.
По видимому сюда. понятіе политич. прест. достаточно опредѣленно, однако на практикѣ бываетъ нерѣдко такія осложненія, что трудно бываетъ

ет ъ опредѣлить подлежатъ ли въ данномъ случаѣ преступники выдачѣ или нѣтъ. 1. Въ покушеніяхъ покушеніе на здоровье, жизнь или свободу монарха, считается преступленіемъ политическимъ и слѣд. выдачи. такихъ дѣяній выдачѣ не подлежатъ, но очевидно, что здѣсь кромѣ полит. преступленія совмѣщается также и простое преступленіе, за которое по общему правилу преступники должны быть выданы. Относительно этого пункта на практикѣ дѣйствуютъ двѣ системы. Или въ трактатѣ прямо оговорено, что покушеніе на жизнь, здоровье свободу или честь монарха есть преступленіе политич. и преступники объ этомъ въ такомъ преступ. - выдачѣ не подлежатъ. (такова напр. наша трактатъ съ Голландіей). Если же въ трактатѣ такой оговорки нѣтъ, то преступники обыкновенно не выдаются.

2) рода ограниченія являются въ тѣхъ случаяхъ, когда обыкновенное преступленіе является только средствомъ для достиженія недозволенныхъ политическихъ цѣлей. Относительно подобныхъ дѣяній въ послѣднее время установилось правило, что они обсуждаются не по цѣли, которая преслѣдовалась преступникомъ, а по той формѣ, въ которую воплотилась преступная воля. Поэтому преступники по этому принципу выдаются съ тѣми условіями, чтобы они были судимы, какъ обыкн. преступники. Въ первый разъ правило это было применено по поводу убійства Линкольна. Не смотря на то, что цѣль этого убійства была политическая, убійцы захваченные одни въ Саксоніи,

чужой въ Египтѣ, были выданы правительству Соединенныхъ штатовъ. Въ болѣе близкое къ нашимъ временамъ Нечаевъ обвинявшійся въ убійствѣ совершенномъ имъ. цѣлого былъ выданъ нашимъ Швейцарскимъ правительствомъ и былъ судимъ, какъ простой убійца. Точно также какъ сообщники его (захваченные въ Россіи) судились за политич. преступленіе.

Теперь намъ необходимо сказать еще нѣсколько словъ о формальной сторонѣ института выдачи. Для того чтобы выдача могла имѣть мѣсто необходимо наличность слѣдующихъ условій: 1) государство, требующее выдачи должно доказать, что требуемое имъ лицо дѣйствительно то, на которое указываетъ п. 2. Необходимо удостовѣреніе въ фактѣ преступленія. Для этого считается въ настоящее время достаточнымъ постановленіе судебн. слѣдователя или какого либо компетентнаго судебнаго мѣста того государства, гдѣ преступленіе совершено. Такъ напр. достаточно предъявить копію постановленія судебной палаты о предачѣ суду, или постановленіе суд. слѣдователя о задержаніи данной личности. Только Англія и Соединен. штаты, не довольствуясь этимъ требуетъ провѣрки доказательствъ виновности лица, выдачи котораго требуютъ. При чемъ содержаніе актовъ обвинительныхъ этому виновность провѣряетъ имѣющій судить.

Наука, какъ исправить положеніе. пріема.

Была эпоха, какъ въ западныхъ (XV, XVII ст.) такъ и въ нашемъ (XVII ст.) законодательствѣ, когда ученые наука по отношенію къ виновнымъ требовала обя-

на весьма существенно. Теперь, благодаря усовершенствованной дифференциации, положение вещей упрощается. Какую бы грань ни играла наука, какое бы значение она ни имела для уголовного права, ее заключения источник уголовного права для суда, она не может быть не может. Если мы отрицаем право судьи пользоваться в своей практике научными общими правилами, то конечно должны лишить преступников обвинительного приговора. Это преступление и наказание. Теперь мы переходим к более подробному и обстоятельному анализу свойств того и другого понятия. При этом нам необходимо рассмотреть 1) наши общие признаки, т.е. те качества без которых не мыслимо самое понятие преступления и наказания и 2) особые, видовые признаки отграничивающие одно понятие от другого, т.е. определение науки уголовного права, его задачи и от чего оно должно отличаться.

Листов 36 Отдел 2-й.

Чл. Тихомиров. Лит. Ленинград.

I Общая часть.

Общая часть по двум основным юридическим понятиям распадается на свои очередные 2 книги. Первая книга заключает понятие преступления. Книга вторая говорит о наказании.

Книга I о Преступлении.

Предметом изучения первой книги общей части является по данному нами определению состав преступлений, т.е. совокупность тех характеристических признаков при наличности которых известное деяние считается преступным. Но всякое деяние предполагает непременно действующее лицо или виновника деяния и объект деяния. Отсюда первая книга общей части распадается на 3 отдела:
1) Учение о субъекте или виновнике преступления,
2) Учение об объекте преступления 3) учение о преступных действиях.

Отдел I. Виновник преступления.

Так как юридические отношения могут возникнуть только между лицами, то понятно что и субъектами преступления может быть только лицо и в настоящее время считается абсурдным обвинять, как это случалось в древности и даже в средние века в преступлении какое либо неодушевленное предметы. Мы знаем однако, что субъектами права бывают не только физические, но и так наз. юридические лица и потому возникает вопрос могут ли эти последние совершать преступления. Вопрос этот несомненно должен быть решен в отрицательном смысле на основании соображений во 1ых не

посредственно изъ самаго понятія юридич. лица. Въ самомъ дѣлѣ юрид. лицо есть только фиктивный конструктъ, который не имѣетъ своей воли, воля его предъявляется государственной властью, безъ утвержденія со стороны которой юрид. лицо не можетъ существовать, поэтому фиктивная воля лица юрид будучи только проявленіемъ воли законодательной власти стоитъ выше закона и не можетъ быть преступна. 2) Юридич. лицо, какъ имѣющее только фиктивное существованіе, можетъ дѣйствовать только чрезъ представителей, а представительство въ совершеніи преступленій есть абсурдъ. Къ этимъ юридическимъ соображеніямъ какъ это обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ присоединяются и соображенія уголовной политики. 1) Очевидно большинство наказаній: каторжныя работы, тюремное заключеніе, вообще лишеніе свободы не применимы къ юрид. лицу; здѣсь возможны развѣ смертная или денежный штрафъ. 2) Пришлось бы придумать особую форму процесса, такъ какъ наше право не допускаетъ заочнаго уголовнаго процесса.

Итакъ субъектами преступленія могутъ быть только лица физическія и если мы встрѣтимъ 3, 4 статьи въ нашемъ положительномъ правѣ, говорящія о преступленіяхъ лицъ юрид, то эти статьи не имѣютъ ни теоретическ., ни практическ. смысла.

Но изъ лицъ физическихъ не всѣ и не во всякое время могутъ быть субъектами преступленій, такъ напр. всякій знаетъ, что 2хъ или 3хъ лѣт-

[illegible] [illegible] [illegible] [

сть понятіе о виновности или признаніи свободной воли.

"Такъ какъ вопросъ о свободѣ воли до сихъ поръ возбуждаетъ споры въ философской и юридич. литературѣ, только нѣсколько остановимся на немъ.

Защитники свободы воли человѣка опираются главнымъ на свидѣтельство нашего сознанія. Отъ меня вполнѣ, говорятъ они, зависитъ пойти направо или налѣво, сдѣлать что-либо или не сдѣлать, если это дѣйствіе не превышаетъ моихъ физическихъ силъ. Но достовѣрность свидѣтельства сознанія была впослѣдствіи сильно заподозрѣна. Дѣйствительно мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для того, чтобы утверждать, что сознаніе наше открываетъ намъ истину, а между тѣмъ относительно нѣкоторыхъ случаевъ мы имѣемъ другое свидѣтельство сознанія, которое прямо противорѣчитъ сознанію свободы человѣческихъ дѣйствій.

Именно мы бываемъ твердо убѣждены, что отъ насъ или другой знакомой намъ человѣкъ поступитъ такъ или иначе при извѣстныхъ обстоятельствахъ и если съ нами не согласятся въ этомъ, то признаемъ это противорѣчіе за обвиненіе въ незнакомствѣ съ характеромъ даннаго человѣка.

Такимъ образомъ если придавать безусловную вѣру свидѣтельствамъ сознанія, то придется признать, что дѣйствія человѣка не произвольны, а опредѣляются вполнѣ моимъ характеромъ и совокупностью условій, въ которыя онъ поставленъ. Такимъ образомъ въ самомъ сознаніи мы встрѣ-

Пр. Таганцевъ. Сост. Колосовскій.

чаемъ свидѣтельства, противорѣчащіе свободѣ воли.
Второе возраженіе, которое дѣлаютъ противъ
защитниковъ свободы воли, заключается въ томъ,
что мы во всей природѣ видимъ господство твер-
дыхъ законовъ и потому странно было предпола-
гать, чтобы природа сдѣлала исключеніе для
человѣка. Въ этомъ отношеніи можно вспомнить
слова Александра Гекса, что если мы признаемъ
свободу воли за какимъ либо существомъ, то міръ
изъ гармоническаго цѣлаго превратится въ хо-
осъ. Наконецъ третье самое сильное изъ доказа-
тельствъ, которое можно привести противъ сво-
бодоволи есть свидѣтельство нравственной ста-
тистики. Мы можемъ напр. на основаніи дан-
ныхъ уголовной статистики предсказать съ большою
точностью сколько въ будущемъ году будетъ совер-
шено преступленій и не только общее число пре-
ступленій, но и число преступленій каждаго рода.
Нѣкоторые возражаютъ на то, что подобныя
предсказанія относятся только къ числу престу-
пленій извѣстнаго рода, которыя дѣйствительно со-
вершатся въ данной мѣстности, почто заранѣе,
такъ какъ статистика не можетъ указать тѣхъ,
которыя именно совершатъ эти преступленія
въ будущемъ году, это законосмѣрность преступле-
ній, какъ явленія соціальнаго, не противорѣчитъ
индивидуальной свободѣ. На такое воз-
раженіе забываютъ, что соціальное явленіе
есть только сумма индивидуальныхъ явленій, и
потому предсказаніе соціальнаго явленія за-
ключаетъ въ себѣ предсказаніе однородныхъ слу-

чаемых, т.е. явлений индивидуальных.

2. Внушение предполагает 1) сознание совершаемого и его результатов или, при известных психических условиях, возможность такого сознания 2) остановку сознания и выбора какого-либо определений по закону достаточной причины выбора предполагающей в данный момент с одной стороны достаточный запас идей известной умственной капитали, а с другой способность ими пользоваться.

1. Мы сказали выше, что защитники относительной теории наказания, будучи последовательны должны отрицать свободу воли.

Действительно, уже самая принципиальная из относительных теорий — теория психического принуждения необходимо предполагает, что мотивация, что поступки человека есть результат предшествовавших причин и условий.

Теперь переходим к анализу условий, которые парализируют способность к внушению. Мы сказали, что условий этих может заключаться в организме человека или в его социальном положении. Разберем сперва условия первого рода. Здесь возможны в свою очередь две группы условий или лицо не приобрело еще способности к внушению или приобрело ее утратило.

К условиям первой группы т.е. условиям второго рода, которых лицо оказывается недоразвившимся наука и положительное право относят:

А.) Малолетство. Всякому известно, что сознание отношений в которых стоит данное действие к окружающим развивается в человеке только после

нено и от теоретической точки зрения. Способ-
ко вменению может быть признана только за та-
кимъ субъектомъ, которой достигъ въ этомъ отно-
шеніи полнаго сознанія. Но малолѣтство въ во-
просѣ о наказуемости играетъ еще другую роль
1) благодаря тому, что организмъ малолѣтняго
хотя уже сознающаго поступки еще не сформиро-
вался и потому многія наказанія не могутъ быть
применены къ нему. Далѣе несовершеннолѣт-
ній преступникъ 2) у котораго организація фи-
зическая настолько сформировалась, что онъ спосо-
бенъ выносить наказанія налагаемыя на преступ-
никовъ достигшихъ уже зрѣлаго возраста можетъ
можетъ быть при опредѣленіи размѣра наказа-
нія приравненъ взрослому, такъ какъ сопрасте-
ность молодой натуры и недостатокъ жизненна-
го опыта значительно уменьшаютъ въ виновности.
3) Так. обр. въ виду указанной физической (въ то-
мъ смыслѣ) и психической недоразвитости свя-
занныхъ съ малолѣтствомъ, малолѣтство можетъ
или повлечь за собой невмѣняемость или из-
мѣнить уголовную отвѣтственность въ смыслѣ
смягченія или смягченія наказанія.
Собственно говоря вопросы о невмѣняемости и
вопросъ объ измѣненіи характера и размѣра
уголовной отвѣтственности малолѣтнихъ до-
лженъ разсматриваться отдѣльно, по въ виду ус-
ловной взаимной связи этихъ вопросовъ, они разсма-
триваются обыкновенно совмѣстно, какъ въ пра-
вѣ положительномъ такъ и въ наукѣ.
Мы какъ опредѣлимъ прежде опредѣляющіе раз-

личныя эпохи въ жизни человѣка-1) эпоху невмѣняемости, 2) эпоху, когда общія наказанія должны быть замѣнены особенными, 3) эпоху, когда малолѣтство влечетъ за собою только смягченіе общихъ наказаній. Самое естественное по видимому рѣшеніе этого вопроса было бы-предоставить это дѣло суду, такъ какъ развитіе опредѣляется весьма многими условіями и нельзя сказать, чтобы дѣти однихъ лѣтъ стояли бы всегда на одной ступени развитія. Даже одинъ и тотъ же ребенокъ далеко не одинаково понимаетъ всѣ преступленія; онъ можетъ напр. понимать преступность кражи или убійства, но не преступленій болѣе сложнаго характера, какъ подлогъ или мошенничество. Но передать вопросъ въ руки суда рѣшеніе этого вопроса было бы въ высшей степени нецѣлесообразно все зависѣло бы отъ личныхъ взглядовъ судьи; одинъ судья привлекалъ бы къ отвѣтственности 2ух, 3ехъ малолѣтнихъ малолѣтокъ, другой оставилъ бы безнаказанными 14, 15 летнихъ юношей. Между тѣмъ судейскій произволъ былъ бы здѣсь особенно опасенъ. Чрезмѣрно привлеченіе малолѣтокъ на скамью подсудимыхъ имѣетъ страшно демонстрирующее вліяніе, какъ на все общество, такъ и въ особенности на самого малолѣтку.

Ненаказуемость же всѣхъ малолѣтнихъ действовало бы также весьма пагубно, какъ на нихъ самихъ, такъ и на общество.

Во виду этого въ современныя законодательства сами устанавливаютъ извѣстныя границы, когда и опредѣляютъ эпохи невмѣняемости, давая

Ст. 38 Улож. Нр.

Пр. Таганцевъ

Лит. Коневской.

ния и смягчения наказаний.

Система прежнего нашими законодательством была неудовлетворительна и явно не соответствует нашим климатическим и географическим условиям. В основу ея положено деление на семилетние периоды. До 7 лет детство, от 7-14 отрочество, от 14-21 юность. Деление это установилось под влиянием господствующей в физиологии французской теории образования человеческого организма через каждые 7 лет, теории, которая давно уже опровергнута наукой. Такое деление на 7 летние периоды законодательство должно совершенно неосновательно отличать нашего прежнего деления на возрасты кодекса 1845 г. и Свода законов, т.е. до 10 лет от 10-17 и от 17-21. Законодательство, как видно из Уложения, само сознает несостоятельность своей системы и поэтому, как мы сейчас увидим не выдерживает ее.

В первом возрасте до 7 лет дети не подлежат никакому уголовному наказанию, а должны быть отданы родителям для внушения им впоследствии о вреде совершенного ими преступления. Они не должны подвергаться судебному приговору, подпадая под власть судебных разбирательств; а если бы судебный следователь открыл, что преступление совершено ребенком не достигшим 7 лет, он обязан прекратить производство. Если бы оказалось, что ребенок совершил преступление вместе с взрослыми, то и в этом случае он может быть спрошен только в качестве свидетеля и никогда не может являться на скамью подсудимых. Второй возраст от 7 до 10 лет Уложение разделяет на свои периоды на 2: от 7 до 10 лет 10-14. Малолетние от 7 до 10 лет наказанию не подлежат,

а обязать только родственников для домашнего исправления. Это домашнее исправление в существе своем для вора никакого значения, т.к. оно определяется не по суду, а вполне оставляется на произвол родственников; поэтому Сенат в рационально признал, что возраст до 7 лет и возраст от 7-10 л. юридически тождественны. Во возраст от 10 до 14 л. суд должен в каждом отдельном случае решить вопрос о том действовал ли обвиняемый с разумением или без разумения, если решено будет, что он действовал с разумением, то он подвергается наказанию, в противном случае он должен родственникам исправление (ст. 138). Малолетние этого возраста могут быть подвергнуты только двум наказаниям: выговору, иногда и розгам. Надо в для них назначается ссылка на поселение со всеми своими последствиями, а вместо другого наказания ссылка на время до совершеннолетия. В крайности он должен в монастыре на исправление, если же наказание выше крайности, то они вовсе освобождаются от наказания. Такая замена наказаний является весьма несправедливой: трудно представить себе наказание менее подходящее к малолетним, чем ссылка на поселение. Ссылка на поселение как вид преступника в совершенно особенных условий жизни, ему дается кусок земли, который он должен обрабатывать и тем кормиться. Очевидно совершенно абсурдно предположить, чтобы 10, 11 л. мальчик мог завести самостоятельное хозяйство и сам прокормить себя семейством. Законодатель сам понимает эту несообразность и потому дети моложе 17 лет, приговоренные вместо на поселение до 14 лет не ссылаются а содержатся в

о ранениях общественной опасности.

Следующий за ним возраст, продолжается от 14-21 года при нашей климатич. условиях даже в северных губер. мало как является еще вполне развившимся, поэтому бы и естественно всего продлить второй возраст. Но законодатель для сохранения своей исключительной власти, считает нужным здравого смысла и разумения 2 периода от 14 до 17 и от 17-21 предписывать, во первых каждый раз давать вопрос: действовал ли преступник с полным разумением. Если судом найдено, что преступник действовал с полным разумением, тогда наказывается на равне с прочими лицами 17-21 года. Если же будет признано, что он действовал без полного разумения, то подвергается наказанию на равне с теми, кои 10-14 лет. возраст. Как действовал он разумно. Подобная постановка вопроса лишена, как мы сказали здравого смысла и действительно наказывание человека действовавшего без разумения противоречит основным принципам выработанным. Возраст от 17 до 21 г. с. процессуальной стороны никаких особенностей не представляет и потому существующий порядок должен остаться. Но этого нельзя сказать относительно 2 периода, т.е. от 14-17 лет. разумением) наказания условливается в высшей степени слабо. Именно смертная казнь совсем не допускается, в нашем законе 15 статья гласит, подобной суровости не

казнен может быть только преступник, кот. во время совершения преступления был совершеннолетним.) Безсрочная каторга заменяется каторгой двадцати-лет. Срочная сокращается одной третью. Наказания исправ. смягчаются обыкн. на одну или 2 степени.- Есть еще нек. спец. соображения для малолет. преступников (ст. 143 и 144); так, они не выправляются у позорного столба, далее отвлечение малолет. уменьшается на одну или 2 ст., если они были во вменены в преступление. Но есть случаи, когда наш закон безо всякого разумного основания отказывает малолет. и несовершилет. во всякой снисходительности, это именно случаи рецедивы ст. 146. На основании 146 ст., если малол. или несоверш. летн. был наказан за преступление и посл. снова совершил преступление, то он наказывается, как совершил. летн. Свод на основании этой статьи, если нарв. десятилет. мальчик совершил преступление и был отдан за это на год в монастырь и по выходе из оного совершил вновь преступ., то он может быть приговорен к смерт. казни, посредственной или срочной каторги.

Законодатель очевидно хочет мотивировать свою суровость в данном случае тем, что ребенок, кот. не исправляется нашей исправительной системой, должен быть испорченным до глубины души, но всякому сколько-нибудь знакомому с нашими порядками известно, что они не исправляют, а напротив развращают заключенных и что всем ребенок попавший в тюрьму не будет испорченным быть, тем более трудно признать высоконравственных. Сознавая всю несостоятельность 146 ст. Сенат старался дать ей по возможности либеральное толкование. Из этих толкований наиболее важно то, что для применения ее необходимо чтобы рецидивист был приг-

Пр. Таганцев. Лит. Конисевский.

ными должностными лицами.

Система Мирового устава по отношению к малолетним гораздо проще, но также неудовлетворительна. Мир. уставъ указываетъ 2 малолетства 2 периода: первый до 10 лет (ст. 10) и второй отъ 10-15 л. Малолетнія до 10 л. никакому наказанію не подвергаются, для однихъ судебн. разсмотрѣнію не подлежатъ (ст. 10) и тѣ же вѣрш. малолѣтніе отъ 10-15 л. наказанію подвергаются въ половинномъ размѣрѣ. Недостигшихъ 14-ти л. мир. судья можетъ не подвергая наказанію отдать ихъ родителямъ или родственникамъ на исправленіе (ст. 11). Наконецъ ст. 6 Мир. Устава указываетъ новое наказаніе — отдачу подъ надзоръ правительства. Ст. 6 Устава говоритъ, что мир. судья можетъ удостовѣрить для несовершеннолѣтнихъ отъ 10-15 л. злонамѣренное дѣйствіе отдавая виновнаго въ исправительное заведеніе. Тутъ мир. судья не долженъ стѣсняться сроками, такъ что вмѣсто предписанныхъ мир. уставомъ отдачи виновнаго въ пріютъ на 3 или 5 лѣтъ, онъ можетъ отдать его на годъ, но этотъ послѣдній не оправдавшись можетъ подвергнуться 15 л. возрасту. Такъ что напр. 15 л. преступникъ не можетъ быть отдаваемъ въ пріютъ болѣе чѣмъ на 3 года. Дѣйствіе нужно дополнить. По законодательству еще очень недостаточно относится къ этому новому наказанію и судъ можетъ прибѣгать къ нему въ довольно редкихъ случаяхъ.

На ряду со многими, какъ условіе уменьшающее отвѣтственность можетъ служить недостатокъ въ силу которыхъ преступникъ не имѣетъ способности къ умств. развитію, идіотизмъ. Зак. Евр. подъ названіемъ <u>идіотизма</u>, а въ нашемъ законодательствѣ называемый безуміемъ. Опредѣлить понятіе идіотизма очень трудно, природа не дѣлаетъ скачковъ между полов. по напряженности умств. способностями. Здѣсь возможно безконечное число переходныхъ ступеней

душ 2х состояний. Поэтому законодательство наше предоставляет решение вопроса о состоянии лица экспертам при чем идиотизм вменяет за собою невменяемость, слабоумие и психопатия только как см. ст. 134 Уголов. Улож.

3) К признакам душевнобольной способности к вменению относятся как в науке так и в нашем законодательстве <u>психо-психозы</u>; в виду того что ложь и слух суть главные факторы в формировке сознательных представлений. Но т.к. не самый процесс органов слуха или речи составляет причину невменяемости, а ущербность, поэтому ущерб. развитие головного мозга должно быть признано причиной невменяемости. Но ущербность головного мозга может быть различна, поэтому необходимо определить степень ущерба, дающего право на признание невменяемости. 2. Душевнобольным должны признаваться <u>только</u> те из них, которые в момент совершения преступления находились в таком состоянии, когда душевная болезнь лишала их возможности сознавать свои действия или руководить ими. 3) Условия невменяемости бывают: психологические, психопатологические, психические и социальные. 4) Как причину душевнобольную невменяемость можно поставить все состояние <u>дикости</u>, т.е. такое состояние лица, когда оно вследствие условий, которые воспитание не имеет никакого понятия об общественном порядке строго. Законодатель

наше собственно не знаетъ подобнаго состоянія, но намекъ на признаніе за состояніемъ дикости способности удерживать способность по вниманіе или слѣдить уголовн. отвѣтственность, мы видимъ въ изъятіяхъ отъ дѣйствія общихъ уголовныхъ законовъ нѣкоторыхъ иностранцевъ «до коль дикіе нравы ихъ образованіемъ не смягчаются». Переходимъ теперь ко второй группѣ умиражающихъ вмѣняемость, т.е. къ тѣмъ причинамъ, въ силу которыхъ лицо, уже обладавшее способностью ко вмѣненію, теряетъ ее. Утрата эта можетъ быть временная или продолжительная и можетъ совершиться или въ слѣдствіе болѣзни, или вслѣдствіе какого нибудь ненормальнаго, хотя и не болѣзненнаго организма. Въ первыхъ, умиражающимъ вмѣняемость относятся:

1. <u>Пьянство</u>. Въ литературѣ и въ жизни очень часто смѣшиваютъ два весьма различныя понятія: опьяненіе, въ формѣ болѣзненнаго состоянія, т. наз. <u>запой</u> и <u>опьяненіе простое</u>, не имѣющее характера болѣзни. Между тѣмъ по вопросу о вмѣненіи необходимо различать эти два состоянія. — Состояніе запоя характеризуется въ теченіе довольно продолжительнаго времени соматическими измѣненіями — разстройствомъ правильности дыханія и кровообращенія, слѣдующимъ психическимъ разстройствомъ, доходящимъ до потери сознанія, обилія движеній. Но необходимо замѣтить, что способность ко вмѣненію утрачивается именно въ силу этихъ данныхъ явленій, а не въ силу самаго факта запоя. Бываютъ такія крѣпкія натуры, на которыхъ запой не производитъ такого разрушительнаго, какъ во время запоя, отношенія къ окружающ. среды и

подобныя лица обвинять не удерживаютъ способности
къ вмѣненію. Что касается нашего законодательства
по этому предмету, то обращаясь къ истор. толков.
96 ст. Уложенія, мы находимъ, что къ числу причинъ за
кущихъ за собой не вмѣняемость: душевныя бо-
лѣзни, действія законодателя относятся и запой.
. Опьяненіе простое не сопровождается тѣх. недоста-
ками потрясенія организма, какъ запой. Притомъ всего пре
дое опьяненія прямо. въ значит. возбужденіи физич.
и психич. дѣятельности, за этой возбужденностью слѣд.
реакція — упадокъ силъ, кончающ. нерѣдко обморокомъ
или летаргіею. По вопросу о вмѣняемости необходимо
различать 2 степени: полное и неполное.
Что касается перваго случая, то полное опьяненіе, т.е. та-
кое состояніе человѣка, когда онъ не сознаетъ что дѣлаетъ,
не сознаетъ отношеній своихъ къ закону долж.
но очевидно влечь за собою невмѣняемость. Можно на-
казать пьянаго человѣка за самый фактъ опья.
ненія но наказывать за преступленіе, совершенное въ
безсознательномъ состояніи полнаго опьян. было бы, очев, абсур.
Что касается неполнаго опьяненія, то оно можетъ измѣнить въ
размѣрѣ уголовной отвѣтственности въ обѣ стороны: такъ
мы можемъ разсматривая подобный случай, какъ совмѣстное со-
вершеніе 2хъ преступл. или же можемъ считать ненормальн.
состояніе человѣка причиною смягченія наказанія.
Законодат. наше различ. 2 вида опьяненій, не на основа
ніи выработаннаго наукой психол. принципа сознательн.
или безсознательности, а по признакамъ, имѣвшимъ опьянѣ.
ніемъ: различаетъ опьяненіе злонамѣренное, когда же

Таганцевъ. Лит. Кобылевской.

служникъ нарочно подготовить себя совершенно напрасно, чувствуя въ себѣ недостаточно силы воли или рѣшимости для совершенія преступленія въ трезвомъ состояніи и 2) опьяненіе неумышленное, не имѣющее въ виду подобной цѣли. Умышл. опьян. признается у насъ отягчающ. вину обстоят., но едва-ли такая постановка правильна, т. к. въ такомъ случаѣ выходитъ, будто воля преступника-подсудимаго совершающ. любое преступл. менѣе вредна для общества, чѣмъ воля человѣка, нуждающ. для соверш. преступленій въ искусственномъ подготовленіи.

Что же касается до опьяненія неумышл., то оно по нашему законодат. недостаточно служитъ нами основаніемъ ни къ отягченію уголовной отвѣтственности. Есть, однако, родъ правонарушеній, когда развитіе нами положеній о вліяніи простого опьяненія на отвѣтственность неприложимо, это именно такія преступл. въ коп. которыхъ опьяненіе входитъ, какъ составной элементъ. Сельско-судебн. уставъ, напр. наказыв. тѣхъ, кто болѣе двухъ разъ въ году былъ пьянъ, нисколько трезвъ, ясно что въ этомъ случаѣ пьянство извиненіемъ служить не можетъ, т. к. оно то именно и наказывается. Подобное же случаи предусмотрены 42 ст. Мировъ. Устава, по кот. „появленіе въ публ. мѣстѣ пьянымъ до безпамятства или въ безобразномъ видѣ въ опьяненіи влечетъ за собою арестъ или денежное взысканіе. Сюда же могутъ быть подведены различные случаи нарушеній служебныхъ обязанностей, явившихся, вслѣдствіе опьяненія. Если бы кто-нибудь, напр., будучи вызванъ въ качествѣ свидѣтеля, не явился бы въ судъ, ссылаясь на то, что онъ былъ пьянъ до безчувствія въ то время, когда онъ долженъ былъ явиться, то это не могло бы служить ему оправданіемъ. Рядомъ съ опьяненіемъ, какъ сходное съ нимъ по внѣшнимъ признакамъ состояніе, ставятъ обыкновенно состояніе аффекта, страстнаго порыва, кот. конечно, должно имѣть вліяніе на

бытьнемость. О такомъ сострояніи нашъ законъ прямо не говоритъ, но нельзя никакого сомнѣнія, что высшая степень афф. фектированнаго состоянія, когда челов. утратив. всякое самообладаніе, подходитъ подъ понятіе безпамятства и умопомѣшательства, о кот. говоритъ 96 ст. Ул. Если же аффектъ не достигъ этой высшей степени развитія и являетъ только въ видѣ болѣе или менѣе сильнаго возбужденія или упадка душевныхъ и физич. силъ, то такое состояніе должно быть подведено подъ понятіе „сильнаго раздраженія", слѣдствія. по ст. 134 Ул. причинною уменьшенія отвѣтственности.

Къ числу причинъ, вліяющ. на бытьность должно быть отнесены также и такъ наз. сонный состояній субъекта, т. е. состояніе сна, просонокъ и лунатизмъ. Въ нашемъ зак. мѣстѣ этихъ состояній, уменьшающ. бытьность, упомянуто только одно: лунатизмъ или „сноход.ство" (ст. 97 Улож. Въ. ленъ, состояніе сна и просонокъ можетъ быть подведено (хотя не безъ натяжки) подъ вышеуказан. ст. 96 Улож. говорящую о состояніи безпамятства.

Отъединенные, аффекты, сонный сонъ состояній временныя, скоропреходящія, теперь мы разсмотримъ другія, болѣе глубокія потрясенія организма, уничтожающія способность субъекта къ вмѣняемости; это именно: одряхленіе и душевн. болѣзни. Такъ какъ одряхленіе, являющееся собственно закономѣрнымъ естественнаго регресса, можетъ быть ускорено. ускоряемо различн. обстоят. какъ то: распущенностью образомъ жизни субъекта, тѣми душевными потрясеніями, кот. ему приходилось испытывать, то оно не можетъ быть опредѣлено какимъ либо опредѣленнымъ срокомъ. Есть люди, сохраняющ. свои душевн. силы до глубокой старости и есть люди, приходящіе

въ состояніе аффектовнаго душевнаго въ 40, 45 лет. Вопрос
разъясненія вопроса о душевности должно быть въ каж-
домъ данномъ случаѣ дѣломъ эксперта.
Но преступность парализуетъ не только умст-
венную дѣятельность субъекта, но и его физиче-
скія, что невольно вызываетъ вопросъ: можно ли
применять къ преступн. тѣ наказанія, кот. воо-
ще применимы къ преступникамъ? Какъ наше, такъ
западное законодательство признаетъ необхо-
димость замѣны наказаній на преступ-
никовъ. Преступившихъ возрастомъ пуб.
ертат возрастъ въ 20 иногда въ 60 лѣтъ. Замѣна эта
по нашему законодательству состоитъ въ слѣдующ:
1. Преступившіе преступники не могутъ быть под-
вержены къ каторжной работѣ, кот. замѣняется
имъ ссылкой на поселеніе.
2. Они не подлежатъ заключенію въ арестантскихъ
ротахъ, кот. замѣняется для нихъ рабочимъ до-
момъ;
3. Не подлежатъ тѣлесному наказанію. Изъ этихъ
4. Не подлежатъ выправкѣ у позорнаго столба.
Послѣдней категоріи причисл. душевнобольные,
являются душевными больными. Законод. наше пос-
тупаетъ совершенно основат., не давая перечня этихъ
болѣзней, т. к. досихъ поръ еще даже въ наукѣ не уста-
новилось правильной системы. Судъ же такой пере-
чень былъ бы также нецеленъ, т. к. ему важно знать
не форму душевной болѣзни, а только то обстоят.,
на сколько въ данномъ случаѣ душевной лица были
результатомъ сознательной дѣятельности и на сколь-
ко нормальны были его предъявленія осуществле-
вершаемаго имъ проступка и его отношеніе къ закону.

Перейдем теперь к анализу второй группы условий уни-
тожающих вменяемость к условиям исправляющим - въ соціаль-
номъ положеніи субъекта. - Хотя по основному началу угол.
права - всякое преступленіе совершенное на территоріи
иностраннаго государства наказывается по его законамъ, въ
томъ мѣстѣ оно не было совершено, но однако изъ этого общаго
положенія мы встрѣчаемъ рядъ изъятій, какъ и въ зако-
нодательствѣ и въ наукѣ сводятся къ двумъ основнымъ
группамъ А. Изъятія, основанныя на началахъ права
государственнаго Б. изъятія, основанныя на началахъ
между народнаго права.

Разсмотримъ сперва изъятія ~~государственнаго~~ государственнаго права. По
общему правилу во всѣхъ монарх. государ., какъ
ограниченныхъ, такъ и неограниченныхъ, покушен-
ныя и насильственныя не подлежатъ дѣйствію зако-
новъ уголовныхъ предоставленныхъ вѣдѣнію власти.
Дѣйствительно въ монарх. государ. монархъ есть единс-
ственный источникъ судеб. и исполнит. власти и потому
онъ не можетъ быть въ судеб. инстанціи, кот. могла бы его су-
дить, ни исполнит., кот. могла бы привести судебное
рѣшеніе въ исполненіе. Единств. исключ. изъ общаго
правила: princeps legibus solutus est представляетъ кон-
ституція 1852 г. Исторія показала безсиліе этого по-
ложенія.

Въ государственныхъ конституц. принципъ неотвѣтствен-
ности монарх. власти нѣсколько смягчается отвѣтствен-
ностью министровъ за дѣла монарха, но эта отвѣт-
ственность можетъ распространяться очевидно только на
правонарушенія, имѣющія характеръ публичный.
Въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ прямаго указа.

Листъ 41 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Коніевскій

ния по вопросу о неприкосновенности монарших особ
лагически изъ понятія самодержавія
это изъятіе отъ дѣйствія уголовныхъ законовъ не на
спространяется на другихъ членовъ царствующаго дома,
ма, которые во всѣхъ Зап. Евр. госуд. признаются
ственными по общимъ законамъ съ изъятіемъ только
въ нѣкот. случаяхъ порядка подсудности. Подлежащему
ду порядокъ отвѣтственности лицъ царствующаго дома
бленія не общимъ законамъ, а въ каждомъ отдѣльномъ
случаѣ непосредственнымъ усмотрѣніемъ монарха.
2. Другое изъятіе по началамъ государ. права, существу
только въ государ. конституц. это безотвѣтственность
членовъ законодат. собраній при отправленіи ими
возложенныхъ на нихъ обязанностей, поэтому они
напр. не отвѣчаютъ за оскорбленія нанесенныя ими, на
несенныя имъ въ рѣчи за нарушеніе цензурныхъ по-
становленій въ высказываніяхъ ихъ въ палатѣ членовъ.
Изъятія относящіяся на начала международ. права
сводятся къ двумъ категоріямъ: 1. Изъятія, устано
новленія трактатами, 2. Изъятія по началу взаимности
Ори. – Единственный народъ изъявшій отъ дѣйствія
русскихъ угол. законовъ въ предѣлахъ Россіи, на основа-
ніи трактатовъ-это Китайцы, и то только въ томъ
случаѣ, если преступленіе совершено было Китай-
ской границы.
Русскіе же подданные на основаніи Тянь-Цзин-
скаго трактата 1858 г. безусловно изъяты отъ дѣй-
ствія Китайскихъ судовъ. Далѣе неподсудны, какъ мест-
ными и посторонними судами на основаніи трактатовъ рус-
скіе подданные совершившіе преступленіе въ Пер-
сіи, Турціи или Японіи.
2. На основаніи принципа взаимности или

экстерр... юрисдикции опирающейся въ свою очередь на прин... ипъ независимости отдѣльныхъ государствъ вѣчныхъ ...ваимнозависимыхъ государствъ, между прочимъ и нашимъ изъятіе отъ дѣйствія уголов. законовъ слѣдующихъ: а) представителя верховной власти ино... ихъ государствъ при ихъ согласіи сюзерену... собой. б) Если они пребываютъ данной страной въ ка... отъ представителей верховной власти. 2. Если они ...ъ отъ фактически обладаютъ ею тою власть...

Поэтому если лицо фактически уже владѣетъ верховной властью, но еще не признано представителемъ верховной власти со стороны другой державы, то оно не пользуется правомъ неприкосновенности во предѣлахъ территоріи этой послѣдней. Еще болѣе практическаго значенія имѣетъ второе указанное нами условіе—фактическая власть. Весьма нерѣдко за предѣлами верховной власти, т.е. международной вліяніе (sanctoisie) сохраняется тотъ или иной видъ власти долго послѣ того, какъ фактическая власть измѣнилась. Такъ напр. долгое время послѣ объединенія Италіи мы изъ вѣжливости признавали за медіатизированными королями и герцогами ихъ прежніе титулы, но понятно, что прикосновеніе къ нимъ признака неприкосновенности должно было прекратиться въ тотъ моментъ, какъ мы признали государя Италіи обѣихъ Сицилій и Сардинскаго короля королемъ всей Италіи. Конечно, это правомъ экстерриторіальности можетъ пользоваться всякое лицо, находящееся въ нашей странѣ, находящееся въ нашей территоріи, во время всего времени, пока за нимъ это право.

Право на неприкосновенность при указанномъ условіи

ихъ пользуется вообще глава исполнительной власти
всякаго иностраннаго государ., сюда же распространяется
не только на монарховъ, но и на президентовъ респу
бликъ. Что касается тѣхъ случаевъ, когда представи-
тельныя власти путешествуютъ инкогнито, то они въ
то время разумѣется, какъ частныя лица, но
такъ какъ они могутъ снять съ себя инкогнито, какъ
только пожелаютъ, то они могутъ во всякое время
воспользоваться правомъ неприкосновенности.
б) На основаніи того же принципа неприкосно-
ва не подлежитъ уголовному законодательству данной стра-
ны дипломатическій представитель другого государ-
ства безъ различія всѣхъ наименованій. Что касается мо-
мента съ котораго дипломатическій агентъ начинаетъ
пользоваться правомъ неприкосновенности, то преобла-
дающій взглядъ по которому право это возникаетъ съ момента
принятія аккредитивныхъ грамотъ, (lettre de créance)
другіе имѣютъ болѣе широкій взглядъ, по которо-
му право неприкосновенности признается за дипломат.
агентомъ съ момента его вступленія на территорію
даннаго государства.
Само собою, если дипломатическій агентъ по дорогѣ
въ страну, въ которую онъ отправленъ, проѣзжаетъ черезъ какое нибудь государство (оно уже по-
лучило миссію), то онъ и тамъ пользуется
правомъ экстерриторіальности. Такъ напр. фран-
цузскій посланникъ проѣзжающій ~~въ~~ Россію черезъ
Германію будетъ и въ этой послѣдней пользоваться
правомъ неприкосновенности.
Если представитель какой нибудь чужды является
въ коллегіальное учрежденіе, то право неприкосно-
венности распространяется и на членовъ этой

коменіи.

Далее хотя по началамъ международнаго права внѣземельность распространяется только на официальный персоналъ посольства (посланникъ, секретари посольства, атташе и пр.), но по международной вѣжливости предоставляется право внѣземельности обыкновенно тѣмъ членамъ семейства дипломат. агента, которые живутъ при немъ не отправляя самостоятельной службы. Что касается прислуги дипломат. агентовъ, то по крайней мѣрѣ по нашему законодательству она можетъ быть изъята отъ дѣйствія нашихъ общихъ уголов. законовъ только въ силу особаго трактата.

Наконецъ надобно еще замѣтить, что какъ наука такъ и практика признаютъ, что консулы, какъ представители только коммерческ. интересовъ страны отъ дѣйствія мѣстныхъ законовъ не изъемлются.

Въ послѣднее время возбуждался также вопросъ о томъ, относится ли внѣземельность только къ персоналу посольства или же и къ дому занимаемому посольствомъ. Въ 17, 18м и началѣ 19го столѣтія за домомъ посольства признавалось двоякое значеніе: всякое преступленіе, совершенное въ домѣ посольства разсматривалось, какъ преступленіе, совершенное въ томъ государствѣ гдѣ было посольство. 2) съ жилищемъ посланника было связано такъ назыв. право убѣжища droit d'asyle, т.е. если лицо совершившее преступленіе укрывалось въ домѣ посольства, оно

Пр. Таганцевъ. Лит. Кошевской

считалось пребывавшимъ на чужую территорію и потому могло быть судимо иностраннымъ законодательствомъ только въ такомъ случаѣ, если было совершено какимъ-нибудь актомъ власти. Мотивы такого расширенія понятія внѣшней безопасности государства въ прежнее время при грубости нравовъ при первобытномъ состояніи законодательствъ особо послужили основаніемъ къ весьма затруднительному положенію и трудно было оградить его отъ фанатизма ума, не признававъ священности, неприкосновенности посольства.

Такія отношенія въ современномъ международномъ правѣ предполагаютъ неограниченное и единственное изъятіе, установленное для дипломатовъ посольства имѣютъ процессуальный характеръ, именно объемъ и власти въ дѣлахъ посольствъ могутъ быть совершаемы не иначе какъ по предварительному сношенію съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Взглядъ нашего законодательства на вопросъ о внѣшней безопасности дома посольства былъ окончательно высказанъ по поводу покушенія на убійство, совершеннаго въ 1867 г. въ домѣ русскаго посольства въ Парижѣ русскимъ подданнымъ Никитенковымъ противъ атташе нашего посольства Танѣева. Никитенковъ былъ арестованъ и привлеченъ къ суду французскими властями, и наше министерство воздержалось вмѣшательствомъ по французскимъ дѣламъ по праву внѣшней безопасности.

Французскій кассаціонный судъ не нашелъ возможнымъ допустить такое широкое толкованіе этого

принципа съ тѣмъ согласился и нашъ Сенатъ.
"На основаніи принципа внѣшней неприкосновенности судовъ дается изъятіе изъ дѣйствій мѣстныхъ законовъ иностранныя вспомогательныя войска и иностранныя военныя корабли не только въ открытомъ морѣ, но и въ портахъ иностраннаго государства (отдѣлъ такъ, конечно, въ мирное время).
"Что касается купеческихъ кораблей, то подданныхъ греческаго подданнаго Свалоса, обвиняемаго въ убійствѣ, на палубѣ греческаго корабля, стоявшаго въ Керчи греческаго же подданнаго кассаціонный сенатъ далъ весьма обстоятельное разъясненіе, въ которомъ онъ признаетъ начала, принимаемыя и западными государствами. Именно: кассаціонный сенатъ признаетъ, что общему правилу купеческіе корабли подлежатъ дѣйствію мѣстныхъ законовъ, что въ видахъ уголовной политики, если преступленіе незначительно или, какъ сказано, не нарушаетъ спокойствія гавани и капитанъ или шкиперъ корабля не сочтетъ нужнымъ обратиться къ содѣйствію мѣстныхъ властей, можно предоставить рѣшеніе дѣла своей отчизнѣ, на флагѣ коей корабль. ——

Статья II. Объектъ преступленія.

1. Въ ученіи объ объектѣ преступленія мы постараемся прежде всего опредѣлить, что можетъ быть объектомъ преступленія и затѣмъ выходя изъ этого опредѣленія объекта разсмотрѣть вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ дѣяніе, расходящееся съ требованіями юридическихъ нормъ, утрачиваетъ свой противоправомѣрный характеръ, перестаетъ быть преступнымъ. Мы уже выше опредѣлили преступленіе, какъ посягательство на юрид. нормы, на ихъ основы общественнаго быта, которыя государство признаетъ нужнымъ охранять подъ страхомъ наказаній, слѣд. объектомъ преступленія является только юрид. норма. Но очевидно что юрид. норма не можетъ быть нарушена сама въ себѣ, можно отрицать ее, находить ее несообразною съ требованіями общественности, но отъ этого норма не перестаетъ существовать; но норма можетъ быть нарушена въ своемъ конкретномъ проявленіи, т. е. можетъ быть нарушено чье либо субъективное право, вытекающее изъ этой нормы, но самое право субъективное есть понятіе отвлеченное и можетъ потому воплощаться въ какой нибудь вещи. Напр. право собственности можетъ проявиться въ столькихъ предметахъ, что общее выраженіе „право

Пр. Таганцевъ. Лит. Копыевой.

собственности" не дает еще решительно по-
-нятия и необходимо обозначить тот пред-
-мет, в которых это право выража-
-ется. Что такое напр. повелит граница?
Чужая движимая вещь, являющаяся во-
-площением судейского права, которое,
в свою очередь основывается на юрид.нор-
-ме. Не следует однако забывать, что
если нам позволяется себе говорить о соб-
-ственности права и о границах пред-
мета как объектах преступлений, то
это только фигуральное выражение, не
имеющий научного смысла, ограничива-
-ющих их объектами преступлений явля-
-ется только юридическая норма. Оп-
-ределяя понятие, что где нет юрид. нормы
там не может быть и преступления,
подлогу и не может быть совершено
преступление против собственности, так
как чего не может находиться
в юридическом отношении к самому
себе. Отступления от этого правила,
встречающиеся в законодательстве Гол-
-ландии и Швеции не объясняются
преступлений являются только юридическая норма. Оп-
-ределяя понятие, что где нет юрид. нормы
там не может быть и преступления,
подлогу и не может быть совершено
преступление против собственности, так
как чего не может находиться
в юридическом отношении к самому
себе. Отступления от этого правила,
встречающиеся в законодательстве Гол-
-ландии и Швеции не объясняются
тем, что деяние преступлением
является не уничтожение собственного
блага, а деяние, имеющее повлечь раз-

=рушение нужнаго благ, пожаров других домов, или не, если домов застрахован, то самоубийство его вовлекает в убытки страховое общество. Что таково именно воззрение нашего закона на этот предмет видно между прочим из того, что Уложение запрещает приостановление своего недвижимого имущества только лишь тому, кто самоубийством своим должен причинить ущерб и сам домовладелец может приостановить свой дом по самоубийстве не подвергаясь за это уголовной ответственности. Точно также всякий нар. имеет право отрекаться себя иск, чего или другой какой либо имеет, но если членовредительство совершается нар. с целью избавить отправления воинской повинности, то членовредительство не только нарушает свое благо, но нарушает права государства и подлежит уголовной ответственности. Точно также нака-

=зуваемый самоубийство, но это уменьшает степень виновности лица при совершении преступления. Кто остается от той же вины в нашем Уложении следует отнести наказуемость самоубийства. Самоубийца лишается христианского погребения и оставленное им духовное завещание считается недействительным. Но уже в настоящее время постановления эти существуют только на бумаге. И так же как самая определения обычая

преступлений мы видели, что преступление не может быть совершено противъ собственности лица, изъ того же опредѣленія слѣдуетъ, что преступленіе не можетъ быть совершено противъ окружающихъ насъ неодушевленныхъ предметовъ или животныхъ. Въ 1871г. явились у насъ постановленія противъ жестокаго обращенія съ животными, но отступленіе отъ вышеуказаннаго положенія замѣчательно. Дѣйствительно не трудно видѣть, что жестокое обращеніе съ животными должно быть помѣщено не какъ преступленіе противъ животныхъ, а какъ дѣяніе возмущающее чувство благопристойности. Законъ охраняетъ здѣсь не животныхъ, а нравственное чувство человѣка. Законъ не запрещаетъ имѣть дрессировать или держать у себя дома животное, которое я не имѣю права истязать на улицѣ. Самое мѣсто, занимаемое въ Уставѣ мировомъ, стр. 43. этими постановленіями подтверждаетъ такое заключеніе. Далѣе преступленіе не можетъ быть совершено противъ отвлеченныхъ понятій. Не можетъ быть совершено противъ Божества; противъ вѣры можно совершить грѣхъ, но не преступленіе. Между тѣмъ въ нашемъ Уложеніи есть цѣлый отдѣлъ, говорящій о преступленіяхъ противъ вѣры, но

большая часть преступлений, ошибочно-
-нимъ въ этомъ отдѣлѣ суть преступле-
-нія противъ церкви, какъ общества, но-
-торое отправленіе государственной, а не
противъ вѣры. Встрѣчающіяся здѣсь вро-
-чемъ и такія „преступленія", какъ нѣко-
-торыя у неловѣрія нев. пріятія, не вмѣс-
-тившіяся въ указанной классѣ есть оста-
-токъ смѣшенія понятій грѣха и преступ-
-ленія. – Переходимъ теперь ко второй
части ученія объ объектѣ преступленія,
именно постараемся опредѣлить исходя
изъ вышеизложеннаго наши опредѣленія объ-
-екта преступленій т.е. условія, при кото-
-рыхъ дѣянія, подходящія
подъ требованія нормъ уголовнаго права,
утрачиваютъ свой преступный характеръ.

2. Основаній такого ряда такихъ ис-
-ключеній, лишающихъ гражданскую пра-
-вильную важность, можетъ быть различ-
-ная научная особенность <u>норм. нормъ</u>, въ
томъ, что эти нормы никогда не могутъ
быть абсолютными. Ни одно правило или
требованіе закона не имѣетъ безусловна-
-го характера и нѣтъ такого требова-
-нія, которое должно быть исполнено при
всякихъ возможныхъ условіяхъ и обстоя-
-тельствахъ. Напр. законъ запрещаетъ посяг-
-ательство на жизнь другого лица, но если
защищающееся отъ грознаго нападающаго на

<u>Лекція 44 Уголов. Прав.</u>

Пр. Тальберга. Лит. Копіевой.

-мения человека, но убийство в этом слу-
-чае не подлежит уголовной ответствен-
-ности: Есть даже случаи, в которых
убийство не только дозволяется, но пря-
-мо требуется указанием, напр. на войне.
Иначе обязанность терпеть убой допус-
-кается вне пределов. Повидимому мне
здесь опять касаться вопроса о невме-
-няемости, но это надо сделать толь-
-ко на первой ступени в отношении
-ста уменьшающей ответственность
причине, лежащей в свойстве разви-
-тия существенно отличающегося отно-
субъективных условий не вменяемости,
как в существе, так и в последствиях,
как это легко видеть на своем при-
-мере. Положим, напр. совершено два убий-
-ства: одно сумасшедшим, другое в состо-
-нии необходимой обороны. Как первый,
так и второй останутся безнаказан-
-ными, это бесспорное основание, но здесь
есть не большая разница. Так как не-
-наказуемость первого лишит нас в
субъективном, психическом состоянии,
то самое явление не перестанет харак-
-тера преступности и вне пособия
сумасшедшего подлежащее уголовной от-
-ветственности, если только не оказа-
-тся другие условий уничт. ответств.
и для того. Совершенно иная последст-
-ия видим во втором случае. Отличие

совершенное в состоянии необходимой обороны, не смотря на нарушение в пор. пределах совершенно теряет характер преступности и потому, помогавшие обороняющемуся, точно также не подлежат уголовной ответственности.

Отягчающими причинами, увеличивающими преступность деяний, служат или в самом законе, или в сопровождающих деяний обстоятельствах.

Рассмотрим сперва первые случаи, когда покушательство на юрид. нормы утрачивает свой преступный характер в силу самого закона.

В. Первый случай сюда относящийся будет тот, когда лицо, совершившее деяние, нарушающее требование юридической нормы, в свое оправдание ссылается на то, что оно явилось исполнителем требований другого закона. Исполнение закона является в подобном случае большею частью должностным лицом, но не всегда исполнение законных требований служит первого рода, иногда является и частного человека, например. Карательный трибунал требует явки подсудимого в заседание, передавая нарочному ордер. Карательную власть, по подобному случаю поручившую, суть случаи исполнительные и должны быть все перечислены в законе. Понятно, что должностные лица, нарушающие

-ривка лица во имя требования закона,
должна быть обставлена чувствительными
ограничениями во правах которыми
должностн. лицо, нарушающего права дру-
-гого, остается непреступного. Эти огра-
-ничения сводятся къ слѣдующимъ пунк-
-тамъ: 1/. Лицо должно довѣствовать въ
предѣлахъ компетенции. Компетенцией
не опредѣляется высотою положенія, за-
-нимаемаго лицомъ въ іерархіи государст.
должностей, (напр. полномочіе
-ствовать кого либо, но лишеніе внутрен-
-нихъ дѣлъ, стоящій выше его въ іерархи-
-ческомъ отношеніи не имѣетъ этого
права). Въ какомъ видѣ въ особыхъ инструк-
-ціяхъ опредѣляется тотъ родъ дѣлъ, въ
которыхъ распространяется компетен-
-тность лица, принятіе въ которыхъ
-нарушеніемъ свободы, должностного лица
-тителей закона обставляется чувстви-
-ми формальностями, неисполненіе этихъ
формальностей влечетъ за собою обязатель-
-но уголовную отвѣтственность исверх
того даетъ тому лицу, права котораго на-
-рушаются, право сопротивленія исполните-
-ному закона. 2/. Необходима наличность по-
-вода, дающаго право компетентному ли-
-цу осуществить требованіе закона. Такъ,
напр. полицейскій служитель, арестовавшій
лицо, для того, чтобы не подлежать от-
-вѣтственности, долженъ имѣть возможность

доказать не только своего компетентность на совершение такого действий, но и то, что арестованное лицо подало достаточный повод к арестованию.

В некоторых законодательствах выставляется еще условие приказ надлежащей власти, но понятно, что это условие не существенно, тем более, что исполнение этого условий возможно только тогда, когда исполнитель закона стоял в известной иерархической зависимости, как напр. солдаты, устраняющие возможность, не имеют права спрашивать без приказания начальства.

Но самая возможность существования подобных отношений приводит к высшей степени важному вопросу о том, на сколько понятие приказа может заключать понятие закона и приказ условиях лицо может ссылаться в свое оправдание на приказ. – Понятно что первое условие есть компетентность власти давшей приказ, точно также необходимо при исполнении приказа, как и при исполнении требований закона соблюдений известных формальностей. Что же касается повода, то данный приказ конечно может счесть неудобным сообщать его и потому относительно получающего приказ наличность повода

Лист 45 Уголов. Пр.

Пр. Таганцев. Лит. Коневской.

всегда предполагается и до отсутствія дока-
-въ дѣянія отвѣтственности подлежитъ
за привазывающаго. Относительно дальнѣй-
-шихъ условій какъ въ доктринѣ, такъ
и въ практикѣ существуютъ два воззрѣ-
-нія, первое изъ нихъ считаетъ совершеннаго
отказывающее считаетъ существенныя усло-
-вія совершенно достаточными. Второе
этого требуетъ еще особенныхъ условій

пользовано, но пригодавший отвечает всегда в более строгой степени.
Б. Законные права могут быть прекращены по условиям нарушения безнаказанно органами власти не только государственной, но и дисциплинарной.
Каждый 3) лицо, имеющее чужие права, может сослаться на права свои как частное лицо. Несомненно существуют такие случаи, когда осуществление данного права одним лицом затрагивает сферу чужого права. Под 142 ст. Мирового Устава надлежит разуметь случаи, когда осуществление личного права одним лицом затрагивает сферу чужого права, но когда это нарушение не может быть истолковано (qui suo jure utitur neminî facit injuriam), но когда человек, для осуществления своего частного права, лишь прибегает к насильственным действиям. Под 142 ст. Мирового Устава надлежит разуметь случаи, когда осуществление личного права, по своему существу, не должно сопровождаться нарушением чужого права, но когда человек, для осуществления своего

своего дома, или не внушает постороннимъ лицамъ/ опасенія напр. что каждый имѣетъ право дѣлать обыскъ у заподозрѣнныхъ лицъ. Понятно, что осуществленіе такого права можетъ повести на практикѣ къ значительнымъ неудобствамъ. - Мы разсмотримъ такимъ образомъ группу тѣхъ дѣяній, раздѣляющихся въ зависимости отъ характера преступности въ силу постановленій самого закона, теперь передадимъ ко второй группѣ неправомѣрныхъ дѣяній, характеръ преступности въ силу особыхъ обстоятельствъ или сопровождающихъ. Относящіяся сюда дѣянія могутъ быть подведены подъ двѣ категоріи: а/ содѣйствія въ состояніи принужденія, б/ содѣйствія состоянія лица пострадавшаго.

Дѣянія первой группы дѣлятъ содѣйствіе дѣлу учителя: ученіе о необходимой оборонѣ и ученіе о крайней необходимости. Наиболѣе удачно разграниченіе этихъ двухъ понятій, принятое и нашимъ законодательствомъ, строится на градаціи лицъ пострадавшихъ. Если въ состояніи принужденія, вредъ причиненъ тому лицу, отъ котораго грозитъ опасность, то мы имѣемъ дѣло съ необход. обороной, если же вредъ причиненъ 3-му лицу, то дѣяніе считается совершеннымъ въ

состояние крайней необходимости.

Т. Необходимая оборона есть такимъ образомъ такое состояніе, въ которомъ лицо, защищаясь отъ грозящей ему опасности, причиняетъ вредъ тому отъ кого ѣму опасность угрожаетъ. Основанія безнаказанности такого дѣянія сводятся къ двумъ группамъ: субъективной и объективной.

Субъективныя основанія обороны заключаются въ волѣ лица обороняющагося; воля его не направлена какъ у преступника на нарушеніе гориб. нормы, а напротивъ на ограниченіе ея отъ нарушенія и слѣдовательно никакъ не можетъ считаться преступною. Въ объективной сторонѣ оборона не только не преступна, но правомѣрна, такъ какъ она является лишь пособіемъ государственной дѣятельности предупрежденія преступленій. Переходя теперь къ условіямъ необходимой обороны, мы должны определить существенные элементы.

Оборона, какъ мы видѣли, есть дѣятельность одного лица, направленная на защиту права отъ нападенія другого лица. Слѣд. составные элементы обороны: а) нападеніе и в) защита.

Что касается нападенія, то здѣсь необходимо рѣшить 2 вопроса: 1) отъ кого

лекцъ 46 Зак. Прав.

Пр. Таганцевъ. Лит. Копыловой.

кого момента исходить нападение и 2) при каких условиях оно нарушает дозволенное отражение. Первый вопрос не представляет особенных затруднений. Так как борьба с опасностью представляет природой моменту получить юрид. значение только тогда, если при этом будет нанесен вред третьему лицу (наприм. состояние крайней необходимости) то вопрос о необходимой обороне может быть решен о нападении только со стороны человека. Переходим теперь ко второму вопросу: при каких условиях нападение делает лицу право насильственной обороны? Условия эти двоякого рода: а) юридические, б) фактические. Мы видим, что оборона находится себе юрид. оправдание в том, что она является отражением юрид. порядка от нарушения, силой. Для законности обороны необходимо прежде всего, чтобы нападение нарушало юрид. порядок, было бы противозаконно. Отсюда следует, что не может быть законным сопротивление противозаконным (это конечно не значит, чтобы не могло быть сопротивление против незаконной защиты, если они превышают его компетенцию). Далее не законно сопротивление против осуществления дисциплинарных

и вообще какого бы то ни было частного права, если это осуществление совершается в законных границах. Наконец так как самая оборона есть вид частного права всякого лица, то против оборонительных деяний оборона не имеет места.

И так нападение, против которого допускается оборона, должно иметь характер противозаконный, это условие юридическое, но его недостаточно, необходимо еще наличность одного фактического условия, именно нападение должно иметь характер действительный (péril actuel), а не быть только каждущимся или воображаемым. Этот последний элемент обороны служит основанием для определения моментов, в которые возникает и кончается право на оборону. Относительно первого момента во время существования преступления, уже отживший, что право обороны возникает только тогда, когда уже совершено покушение. Очевидно, что такой преступник совершенно лишен. Представим себе напр. такой случай, что в меня кто-нибудь прицелился, нуждается получил право самообороны только с того момента, когда нападающий приложил собаку курка, так как до этого пора совершается только приготовление, а не покушение.

Понятно, что подобное воззрение должно могло существовать и потому в наше время законодательство и наука признают возникновение права обороны в то мгновение, как только грозящая опасность принимает характер действительный.

Несколько труднее определить момент, когда прекращается право обороны и начинается граница между обороной — действием, уничтожающим отвлеченную вместо-сиятельную личность, и самоуправством, как действием преступным. Оборона, как мы видели, направляется против грозящей действительной опасности, отсюда ясно, что оборона должна прекратиться, как только опасность потеряет свой действительный характер, это может произойти или вследствие того, что нападающий прекратит нападение или же вследствие того, что опасность уже реализовалась — преступление окончено. Действие направленное всего этого против нападавшего уже не будут оборонного, это будет уже самоуправство. Здесь однако является вопрос, когда преступление должно считаться оконченным. Если мы примем за момент окончания преступления тот момент, когда преступление будет

считается юридически оконченным, то
придем к нелепым выводам.
Представим себе напр. что кто-нибудь,
желая завладеть чужим имуществом,
напал на его владельца, чтобы его
ограбить. По закону преступление счи-
тается оконченным, как только
произошло нападение и все что процеду-
-дет уже может влиять на от-
-ветственность не сильнее смягчения или
усиления. Неужели хорошо дело с момен-
-та начала нападений лишается права
обороны. Со этой же точки зрения хоро-
-ший, застав у себя в комнате вора,
успевшего уже похитить какую-нибудь
вещь, не имеет права отнимать ее
у него. Самый закон дает в этом
случае право обороны владельцу вещи.
И так в результате мы получим
следующее: защитой, которым обла-
-дивается оборона не есть защита хоро-
-шего оконченного преступления, но
защита фактического имения бла-
-ги права. Этим оборона отличается
от двух смежных с нею понятий нака-
-зания и самоуправства. Место сто-
-ящее лицо, направленное не к
защите блага, не к возстановлению
нарушенного права, а к удовлетворению
чувства обиды вредом причиненным

Лекции 47 Сравн. Прав.

Пр. Таганцев. Лит. Кочевской.

преступнику. Гораздо труднее провести границу между самоуправством, как действием наказуемым и обороной, как действием правомерным, так как во время обороны входит случаи, в которых не только предупреждается правонарушение, но и насильно восстановляется нарушенное право. Наиболее затруднительно между самоуправством и обороной можно видеть во случаях времени: если нарушивший чужое право находился только короткое время в спокойном обладании вещью, то насильственное отнятие этой вещи ея собственником будет самоуправством; если же между захватом и отнятием вещи нет спокойного промежутка времени, то отнятие вещи ея собственником считается обороной. Выставляют еще одно условие обороны — чтобы нападение имело характер неотвратимости т.е. чтобы оборона была единственная и последняя возможность. Человек, убивший другого, бросавшегося в его дом, если не мог избавиться от вторжения иначе, запер дверь, будет конечно оправдан пред судом.

Таковы общие понятия о том, какие приемы характеризуются в учении об обороне первый ея элемент: нападение.

Учение о другом элементе обороны о

защитѣ сводится къ двумъ вопросамъ:
1.) Какіе интересы блага или права могутъ быть защищаемы путемъ обороны и 2.) Какимъ опредѣленіемъ размѣровъ дозволенной самозащиты. Зап. Евр. законодательства совершенно рационально принимаютъ, что обороняться можно всякое право, всякое благо, хотя бы самое незначительное. Само собою разумѣется, что право на жизнь, на свободу, здоровье можетъ быть защищаемо путемъ обороны, споръ можетъ идти только о по-
-слѣдствіяхъ нападенія, причиненныхъ имуществу или лицу. Что касается до чести, то нѣкоторые отрицаютъ право обороны чести не потому, чтобы честь была такимъ ничтожнымъ благомъ, но потому что, будто бы оборона въ этомъ случаѣ нарушаетъ по самому существу дѣла. Есть дѣйствительно случаи, когда оборона чести не имѣетъ мѣста, но этого нельзя выводить въ общемъ правилѣ. Обыкновенно забываютъ, что рядомъ съ обидою словомъ, стоитъ обида дѣйствіемъ, противъ которой конечно можетъ обороняться. Но оборонительная и противъ словесной обиды: если напр. кто либо обругаетъ меня и я вижу, что онъ не собирается ударить, и по убѣжденію потомъругающагося я защищаю оскорбленную честь, ударяю разъ или т. п. Вотъ почему положеніе, что оборона въ защиту чести

не допускается, совершенно неверно и не
верно особенно въ нашемъ законодательствѣ,
въ обидно напр. считается тяжкiе по-
-бои, если они только не грозятъ опасно-
-стью жизни.

Другую группу представляютъ престу-
-пленiя имущественныя. Здѣсь дѣйстви-
-тельно можно представить случаи, когда
праву обороны необходимо поставить гра-
-ницы, но и здѣсь попытки ограничить
право обороны ридаютъ имущества обяза-
-ны телесныя. Первое ограниченiе дол-
-жно быть основываться не ценно-
-сти имущества, но спрашивается, где
провести грань между имущественными цѣн-
-ными и малоцѣнными. Денежная сумма
здѣсь никакъ не можетъ служить мѣри-
-ломъ, такъ какъ субъективная цѣна,
pretium affectionis какого нибудь клочка бу-
-маги, ничтожной суммы денегъ, можетъ
быть весьма велика. Гаманшъ сдѣлалъ
другое ограниченiе, говоря, что оборона бу-
-дучи можно тогда, когда потеря не-
-вознаградима. Здѣсь есть нѣкоторое ос-
-нованiе, но какъ знать, чтобы не ска-
-зать ровнымъ вознаграждения или потеря
имѣетъ. Денежная потеря напр. сви-
-тера можетъ легко вознаградить, но не
здѣсь это бываетъ далеко не такъ, не
всегда воры хотятъ красть, или же онъ
можетъ или растратить раньше, чѣмъ

будетъ сдѣлано. Относительно права охранять имущество, нашъ законъ говоритъ, что право это принадлежитъ всякому гражданину въ томъ случаѣ, если кто нибудь пытается насильно ворваться въ его имущество, или не хочетъ уйти добровольно.

И такъ всякое благо можетъ быть охраняемо обороной. Наше законодательство до сихъ поръ еще не приняло этого взгляда и въ статьяхъ 101, 102 перечисленныя блага, которыя могутъ быть насильственно обороняемы, поэтому это перечень неполный.

Что касается до объема обороны, то въ этомъ отношеніи система, которой держится нашъ законъ, представляется вполнѣ правильною. Единственное ограниченіе, которое законъ ставитъ обороняющемуся, заключается <u>въ градусѣ нападенія</u>. Слѣдовательно, если человѣкъ защищаетъ хотя бы имущество блага, но противъ такого нападенія, отъ котораго онъ можетъ отдѣлаться иначе, какъ убивъ нападающаго, то убійство въ этомъ случаѣ не считается преступленіемъ.

Мы говорили до сихъ поръ объ охранѣ собственныхъ благъ, но наука и законодательство знаютъ еще оборону правъ другого лица. Ст. 103 Уложенія говоритъ,

<u>Листъ 48 Уголов. Прав.</u>

Проф. Таганцевъ. Лит. Копневской.

употребление мѣръ необходимой обороны дозволяется не только для собственной своей защиты, но и для защиты другихъ, нападающихъ въ такомъ положеніи. Нѣкоторые юристы выставляютъ въ этомъ отношеніи ограниченіе такого рода, что оборона нужно должна допущена только противъ повторяющагося нападенія. Но такое ограниченіе не правильно, такъ какъ потерпѣвшій можетъ не знать, что по бѣгству его кто либо, или даже можетъ не имѣть силы или возможности задержать.

Наконецъ необходимо сказать еще нѣсколько словъ о превышеніи предѣловъ необходимой обороны, действіе самаго раздраженія. Законодательство наше знаетъ это состояніе и приписываетъ его обстоятельствомъ смягчающимъ вину. Такъ по ст. 1467 Улож.: „Кто при необходимой мѣрѣ обороны превзойдетъ пославшіе отпоръ предѣлы, но безъ нужды, послѣ отвращенія грозящей опасности, нанесетъ нападавшему на него смерть, тотъ (вмѣсто наказанія ровнаго покушенію убійства) подвергается наказанію не свыше тюремнаго заключенія отъ 4 до 8 мѣсяцевъ.

Есть еще одно условіе выставленное

нашим законом по отношению к необ-
ходимой обороне — это оповещение бли-
жайшему нападению или обнаружен-
ному факту о нарушении прав совершен-
но исключает всякую оборону, но условие
это имеет только процессуальное
значение.

Говоря о превышении обороны перехо-
жу к пределам ее пределам наших неуме-
нию оборону, когда человек нано-
сит вред другому, защищаясь отвлеч-
но от его стороны нападения. Такое
отождествление совершенно неверно, так
как никакая оборона может иметь
оправдания, только на основании зако-
на, а не в интересах необходимой
обороны.

Д./ Перейдем теперь к учению о край-
ней необходимости. Первым вопросом
здесь, как и в теории необходимой обо-
роны, является вопрос об основании
дозволенности действий, совершенного
в этом состоянии. — В учении о необхо-
димой обороне мы видели два основания
безнаказанности — субъективное, заклю-
чающееся в благе лица, пострадавшего от
нарушения закона, но жертвующего на
его защиту, и объективное основание,
заключающееся в том, что оборона,
как законная помощь от государствен-
ной деятельности предупреждения

-тивоправности правонарушений есть отсутствие=
-ствие весьма полезная для государства.
Деяний совершенное в состоянии крайней
необходимости по своей субъективной сто-
-роне тождественно с необходимой обо=
-ронной и потому деяние совершенное под
влиянием крайней необходимости допус-
=кает одинаковое на него субъективное
оправдание. Но с объективной стороны
состояние крайней необходимости не
имеет того значения, как необходимая
оборона, так как здесь правонарушение
не предотвращается, а только вред пе-
-реносится на другое лицо — состояние край=
=ней необходимости с объективной сто-
-роны есть сходов. деяние не правомер-
-ное, но только терпимое.
Как и оборона состояние крайней необ-
=ходимости заключает в себе два существо=
=ственные элемента: нападение или про-
-тивная опасность и защита.
Опасность может происходить имеет
сила стихийные (огонь, вода, животны.) или
от человека. И оборона практическая
может быть вызвана стихийными сила-
-ми, но так как действий стихийных
сил никакого юридического значения не
имеют, то мы и не говорим о них,
изучая учение об обороне; в состоянии
же крайней необходимости, подви-
-жная опасность, угрожающая от сил

природы может быть применен к человеку. – Опасность грозящая отдельной личности человека может быть безусловная или условная (когда лицу угрожают страданием, если оно не выполнит какого-либо условия), в таком последнем случае грозящая опасность может оценить техническое понуждение (vis compulsiva). По существенного различия между этими двумя видами опасности в данном случае нет, так как в существе лицу, находящемуся в состоянии крайней необходимости всегда предстоит дилемма или самому подвергнуться страданию и причинить страдания перенести его на другое лицо?

Понятно, что вопрос о оправдании действия крайней необходимостью может иметь место только в том случае, если грозящая опасность не является осуществлением требования закона или осуществлением частного права. Далее, как и при обороне, опасность должна быть не мнимая, а реальная и неотвратимая.

В учении об аффекте выступают 2 вопроса: 1) Какие блага и права могут быть аффектными и 2) каковы

Лист 49 Уголов. Прав.

Пр. Таганцевъ. Лит. Капгеровой.

-мышлять быть обвинён обманным. Что каса-
-ется первого вопроса, то ответ на него должен быть такой же, какъ и въ ученіи о необходимой оборонѣ: состоя-
-ніе крайней необходимости можетъ служить оправданіемъ причиненія вреднаго права или блага, какъ бываетъ они или были. Нашъ законъ въ этомъ отношеніи стоитъ на совершен-
-но невѣрной точкѣ зрѣнія: онъ гово-
-ритъ, что крайняя необходимость мо-
-жетъ служить оправданіемъ только то-
-гда, когда опасность грозитъ лицу. Весь поэтому ограниченія, какъ и въ ученіи о необходимой оборонѣ, оказа-
-лись неудачными.

Не допускается ли наличность одного-
-рода благъ третьимъ лицомъ, надъ которы-
-ми въ состояніи крайней необходимости. Съ точки зрѣнія теоріи этотъ вопросъ должен быть рѣшенъ несомнѣнно въ утвердительномъ смыслѣ. Если напо-
-мнить, что страхъ смерти укралъ что нибудь, то его нельзя подвергнуть наказа-
-нію; но если смерть грозила не самому-
-то, а его семьѣ, то субъективныя осно-
-ванія безнаказанности остаются тѣ-
-же. Дѣйствительно такъ какъ край-
-няя необходимость, въ которой вредъ-
-ноносъ спасъ надъ. имѣетъ то совершен-
-но уничтожаетъ преступность дѣянія,

не вем сограничить действия освобождающего от ответственности.

Западное законодательство стоит в этом отношении ограничения, но вем эти ограничения несостоятельны. Так напр. Германское законодательство требует, чтобы лицо, защищающее права другого лица, находящегося в состоянии крайней необходимости, было лицензиатом последнего. Попробуем кто-нибудь, спасая лицензиата от нападения, сломать окно в затопленном доме. Неужели он будет отвечать перед судом за порчу чужого имущества, если спасенный им не был лицензиатом его освободителя. Наше законодательство безусловно отвергает право частной защиты 3-их лиц. Тем более закона прямо говорит о собственной защите. Понятно, что на практике это правило далеко быть обойдено.

В учении об обороне охраны права и благ в состоянии крайней необходимости, наследием обращает существующей разницей между этими состояниями и состоянием необходимой обороны. При обороне граница пресекается только в разумных пределах — здесь вопрос ставится иначе. Здесь опасность

-ждения не можетъ лишить, которое отра-
-жаетъ, вредъ наносимый лицу въ нападе-
-ніи не уравновѣшивающему. Какія же ограни-
-ченія могутъ быть поставлены здѣсь?
Въ такія времена общественной и госу-
-дарственной жизни, какія. въ состояніи
крайней необходимости, есть только
перемѣщеніе опасности съ одного лица
на другого, слѣдовательно такое нару-
=шеніе опасности можетъ быть тер-
=пимо только до тѣхъ поръ, пока оно
безразличенъ для общества и государства.
Поэтому ссылка на крайнюю необходи-
=мость допускается только тогда, ко-
=да благо или право защищаемое зако-
-номъ, которое нарушается ими
равно ему.

Далѣе законъ знаетъ такой обще-
ственныя положенія лица, при кото-
-рыхъ ссылка на необходимость, даже
въ защиту самаго цѣннаго блага—жи-
-зни не допускается. Можетъ ли напр.
солдатъ отказаться идти на войну
изъ опасенія, что его убьютъ. См. 180
Воинск. Уст. говоритъ, что общій по-
-ложеній о крайней необходимости
не могутъ быть примѣнимы къ воен-
-ному званію.

Е./ <u>Согласій пострадавшаго</u>. Какъ интересно затянуть вопросъ о согласіи пострадавшаго относится преимущественно къ преступленіямъ частнымъ. Въ такихъ преступленіяхъ какъ богохульствій, преступленія противъ экономическаго быта страны, противъ общественной нравственности конечно не можетъ быть и рѣчи о согласіи пострадавшаго, такъ какъ невозможно найти субъекта, который имѣлъ бы право дать на это согласіе.

Обращаясь къ преступленіямъ противъ частныхъ лицъ мы сразу наталкиваемся на цѣлые разряды преступленій, которыя очевидно совершенно теряютъ характеръ преступности если совершены съ согласія, пострадавшаго. Сюда относятся 1) всѣ имущественныя преступленія. Возможно ли напр. украсть чужую вещь съ согласія ея собственника. Обращаясь затѣмъ къ преступленіямъ противъ личности мы должны признать что безнаказанность если они совершены съ согласія пострадав. лица. Начнемъ съ незначительныхъ преступленій; всякому понятно, что обида, нанесенная или дѣйствіемъ совершенная съ согласія пострадавшаго не можетъ имѣть такого уголовнаго от-

Пр. Таганцевъ. Лит. Котлевскій.

-вственности уже по одному тому, что преступность обиды лежитъ не въ объективной ея природѣ, а въ томъ, что она противорѣчитъ волѣ лица, противъ котораго она направлена. –

Возьмемъ преступленія высшаго порядка – преступленія противъ свободы лица. Право лица на свободу, говорятъ, не отрицаемо, но легко видѣть на подобіе примѣровъ, что лишеніе свободы совершенное въ сонномъ состояніи, становится явленіемъ вопред. безразличнымъ. Можно ли напр. сказать человѣка за то, что онъ запертъ другимъ въ его сонномъ.

Наиболѣе спорнымъ является вопросъ о преступленіи противъ здоровья, не выдѣляясь въ этотъ родъ преступленій, мы и здѣсь не можемъ отыскать вопред. основаній для наказуемости. Причиненіе вреда собственному здоровью, какъ дѣйствіе направленное противъ собственныхъ благъ, есть дѣяніе не преступное въ <u>объективной</u> точкѣ зрѣнія и подавно не подлежащее наказанію. Такому дѣянію должно быть такое признано не преступленіемъ. Конечно, если поврежденіе здоровья нарушаетъ въ то же время какой либо другой правъ, то онъ будетъ считаться преступленіемъ; такъ напр. нанесеніе увѣ-

ничтожное членовредительство не лишало
судьи военной службы.

Наконец остается еще почитание
ство на высшее благо, принадлежащее
человеку, на его жизнь, которое считает-
ся в большинстве Европейских за-
конодательств неотчуждаемым. Суще-
ствование такого запрещения у нас
становится понятным, так как
у нас считается преступлением по-
крушение на собственную жизнь, а пра-
ва лицам не признается право произ-
вольного распоряжения своею жизнью,
то и полномочие другому лишить себя
жизни не может иметь силы.

Однако словом, когда закон ограни-
чивает не только полномочий блага,
но и самое благо, то самый посяга-
тельство силы не имеет. Но понятно,
что каждое согласие потерпевшего не
всегда освобождает совершившего дан-
ное деяние от уголовной ответствен-
ности. Для того, чтобы это имело за-
кую силу необходимы нижеследующие
дующие условия: 1.) Дееспособность
лица, давшего согласие. Согласие, данное
лицом недееспособным не имеет
никакого значения, но чтобы лицо не
было привлечено к ответствен-
ности, нужно еще доказать, что ему
была доступна недееспособность

сознательная. Впрочем относительно несовершеннолетних недееспособность б. закон не предполагается, так что для суждения ответственности, обвиняемый должен доказать, что ему недоставало быть возраста лица.

2.) Согласие должно быть добровольное, а не вынужденное.

3.) Отсутствие какого либо права, со согласия его обладателя может быть совершено только в том объеме, в каком оно принадлежит лицу, давшему свое согласие. Так напр. кто-нибудь не вправе похитить другому вверенную ему принадлежащие сокровища, если даже будет признан публично, что прежний ее, не отвечая за обиду, может отвечать за нарушение общественной тишины и спокойствия.

4.) Согласие лица должно быть выражено, для этого нет надобности в письменном акте, но дело в том, что согласие не предполагается, иначе говоря, требуется consensus expressus.

Этими мы заканчиваем вторую общую часть учения о преступлении и переходим к третьей части учения о преступном деянии.

Отдел III. Преступное деяние.

Когда мы говорим о преступлении, как о деянии наказуемом карательною

деятельность государства, то мы непременно предполагаем, что такое деяние есть не только деяние правонарушительное фактъ, но, что въ этомъ нарушеніи требованій закона выражалась извѣстная преступная воля, слѣд. что оно есть продуктъ опредѣленнаго душевнаго акта. Вотъ эта-то особенность преступленій, что оно не есть только правонарушительный фактъ, а есть деяніе и сверхъ того основаніе дѣленія преступленій даетъ деяніе въ свою очередь на 2 главы. 1.) Ученіе о внутренней и 2.) ученіе о внѣшней сторонѣ преступленія. И такъ:

Глава I. О внутренней сторонѣ преступленія.

Какъ мы объ этомъ неоднократно выше говорили, мы уже видѣли, что для того, чтобы говорить о преступленіи, какъ о продуктѣ человѣческой дѣятельности, недостаточно одного только фактическаго признанія дѣянія, нарушающаго законъ, но необходимо еще, чтобы это лицо удовлетворяло нѣкоторымъ условіямъ. А именно лицо должно обладать способностью сознавать совершаемое, а также способностью и возможностью руководствоваться сознаніемъ. Предѣлами этой способности основаніе

Пр. Таганцевъ. Лит. Копыловой.

условий, уничтожающих. бывают дей-
ствия. Первое условие этого рода есть фи-
зическое принуждение (vis absoluta) неод-
вижде, давь говорить наше учение,
отъ непреодолимой силы. Понятно, что
человѣкъ не можетъ быть наказанъ,
если напр. его рукой насильно подпи-
ли подписью другой отъ. Физическое при-
нуждение на первый взглядъ представ-
ляетъ большое сходство съ крайней необ-
ходимостью, но разница между ними за-
ключается въ томъ, что состояніе край-
ней необходимости предполагаетъ всегда
дилемму (претерпѣть страданіе или
перенести его на другое лицо) тогда
какъ, тогда нар. физическое принужде-
ніе не допускаетъ такого выбора.
Бываютъ случаи, когда физическое при-
нужденіе влечетъ за собою активное на-
рушеніе закона, тогда нар. преступное
бездѣйствіе. Такъ напр. наше законо-
дательство въ постановленіяхъ, гово-
рящихъ о невѣдѣ въ судѣ свидѣтелей
экспертовъ и пр. считаетъ разные
роды, нашествіе непріятеля, разстрой-
ство семейныхъ дѣлъ и т.п. непреодо-
лимыми силами, наличность которыхъ
уничтожаетъ отвѣтственность за
неявку въ судъ свидѣтелей и пр.
Мы сказали уже, что бездѣйствіе
дѣятелей предполагаетъ со стороны субъекта

случаев совершаемого им результатов. Непредвидение результатов дает основание учению о случае и о недостаточности в доказательствах.

Неосторожное действие отличается от случая возможностью предвидения последствий. Положим напр. кто-либо ведет шагом на смирной лошади, но вдруг лошадь его либо испугалась, понесла и причинила какой-нибудь вред третьему лицу, здесь мы имеем дело со случаем. Положим такой пример: кто-либо лошадь пускает в карьер в многолюдной улице и задавливает человека. Он не имел намерения совершить это, но мог предвидеть последствий. Понятно, что преступление совершенное действие, хотя не имеет никакого вредного движения и помощи действий также должно отвечать безнаказанность. Некоторые авторы однако выставляют требование, что случайное действие может повлечь за собою уголовную ответственность, если оно явилось результатом недозволенного действия. Положим напр. вор отправился ночью с фонарем украсть что-нибудь, вследствие выбивает у него руке фонарь и зажегши пожарь и дом. начал., но тогда тогда числом Кистяковский требуется

нападе въ такомъ случаѣ лицо было не-
вправѣ не только за храмину, но и далеко
отдаленнаго пожара. Два же такія тре-
бованія справедливо, въ подвѣдомствѣ случа-
ях сего завѣдомства предъ судомъ въ
двухъ преступленіяхъ: краженъ и подже-
гѣ, разбирая каждое изъ данныхъ дѣлъ
по его индивидуальнымъ обстоятель-
ствамъ, судъ конечно должностъ будетъ
опредѣлить ему по второму обвиненію,
какое изъ двухъ причиненныхъ имъ тре-
буемыхъ законами возстановленіе нару-
шенія въ отношеніи. Послѣдственно
какое отношеніе на дѣйствіе имѣетъ сте-
пень ея. Въ подожженіи, если въ нѣкоторыхъ
случаяхъ обвиняемый предъ судомъ въ
двухъ преступленіяхъ: кражѣ

Неосторожность в свою очередь имеет нѣсколько видовъ. Первый изъ этихъ видовъ преступное легкомысліе или преступная невнимательность наиболѣе близко подходитъ къ понятію случайности и единственное различіе заключается въ возможности предвидѣнія результатовъ, примѣръ см. выше.

Второй видъ неосторожности есть такъ наз. преступная самонадѣянность, когда человѣкъ знаетъ, что отъ дѣянія подобнаго тому, которое онъ совершаетъ, бываютъ печальныя послѣдствія, но надѣется на своего счастіе или искусство. Человѣкъ напр. выѣхалъ въ густую толпу вершомъ на горячей лошади, надѣясь на свое искусство управить его, что можно своими послѣдствіями какой нибудь несчастный случай. Хотя неосторожность вовсе не лежала въ данномъ случаѣ причинить кому либо вредъ, тѣмъ не менѣе она содержитъ въ себѣ вредный элементъ преступнаго самонадѣянности, противъ котораго государство должно бороться.

Въ виду того, что государство въ данномъ случаѣ имѣетъ дѣло съ волею хотя вредною, но не злою, различіе и условій отвѣтственности отличаются

Пр. Таганцевъ. Лит. Копневской.

от отвлекательности за преступле-
ний увеличивает.

Глава 1./ предусмотрено недостаточно-полных действий наказываемого вины, если предусмотренное действий необходимого вреда, тогда как по преступлению увеличивает при наличии вины отвлекательность. 2./ Для наказуемого недостаточного действий необходимого вреда, тогда как по преступлению увеличивает при наличии вины отвлекательность. 3./ Вред должен заключаться в причинении; недостаточный вред причинения какому-либо лицу наказуемого слабо, даже если он предусмотрен, но как недостаточность считается весьма сильно смягчающим отвлекательность обстоятельством, то наказание придется сократить до столь малого размера, что почти совершенно отбрасывается. 4./ Необходимо специальное указание закона на то, что недостаточно совершенное действие вины отвлекательно. Отвлекательное предположение наруше-
ния какой либо более совершенной обязанности, почти всегда не предусмотренной недостаточностью действий, должно быть отвлекательно. Умышленное лишение

кого-либо лицами. Есть наконец такие преступники, неисправимое совершение которых вовсе не зависимо, напр. кража, разбой, хулиганство.

Общее наше Уложение знает в существующих видах предыдущих лиц, переходящих свой преступный характер, если они совершили по неосторожности. Когда описанный напр. неприличный поступок. Есть даже случаи, когда неосторожное лишение жизни не наказуемо по Уложению, это именно когда имеет по неосторожности убийство только что родившегося ребенка.

Еще совершенно Римское законодательство постаралось установить различные степени неосторожности (напр. culpa lata, c. levis c. levissima) и совершенно ее зависимости видоизменяет различие ответственности; но все эти попытки оказались неудачными и были отброшены потом все новыми кодификациями и потомство. Дело в том, что между видом неосторожности лишения жизни могут существовать самые разнообразные степени, которые невозможно подвести под какие-либо определенные категории. Вопрос должен быть

быть разрушением во каждом отдельном случае и сила суда. Далее пытались установить градацию наказуемости на различии фактов, вызвавших неосторожность, так различают неосторожность как последствий деяний запрещенного и незапрещенного закона. По этому по аналогии вопросу о случайности отвергли мы видеть, что такое градации не должно делать различий в характере ответственности.

Наше Уложение по вопросу о градации ответственности за неосторожность проступка держится самого неудобного на практике взгляда, одновременно принимает градацию наказуемости по степени предвидимости результатов и по различию фактов, вызвавших деяние. (ст. 110).

Если принять во внимание неудовлетворительность наказаний, назначаемых вообще за неосторожные деяния, то окажутся почти все недостатки нашей системы. Система эта еще усложняется при отграничении преступлений. Что касается Мирового Устава, то постановления его о неосторожных деяниях (ст. 9) приведут в смущение всякого судью. Статья эта определяет наказание за такие деяния.

1) въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ уставомъ
назначено наказаніе именно за неосто-
рожность" не затѣмъ по смыслу ста-
тьи и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ
мировой судья можетъ сдѣлать выго-
вору, замѣчанія или внуше-
нія. Такое постановленіе попало въ
Мир. Уст. совершенно случайно. При
изданіи новыхъ судебныхъ уставовъ
первоначально предполагалось, что ми-
ровой судья, какъ представитель общества,
какъ представитель общественнаго
мнѣнія можетъ быть обиженъ не
только властью судебною, но отчасти
и педагогическою. Поэтому напр. пред-
полагалось дать мировому судьѣ пра-
во, въ случаѣ неосторожно совершен-
ныхъ преступковъ, дѣлать выговоры
ему внушенія; но внушеніе это доле-
жало было имѣть конечно педаго-
гическій, а не уголовный характ-
теръ. Когда проектъ Мир. Уст. рас-
сматривался въ Гос. Совѣтѣ, то какъ
было сказано, для единства редакціи"
на мѣсто внушеній поставили выго-
воръ, замѣчаніе, внушеніе. Такая за-
мѣна въ корень уничтожила смыслъ ста-
тьи, вмѣсто педагогической мѣры введе-
дено было уголовное наказаніе со всѣ-
ми юридич. послѣдствіями, вмѣненіемъ

Пр. Таганцевъ. Лит. Котляревскій.

въ формулярѣ и пр. Первоначально-
бывавъ на этой стадіи мировой су-
дья сталъ давать выговоръ, замѣчаніе,
внушеніе за неосторожность, какъ самос-
тоятельный проступокъ, т.е. сталъ
налагать взысканіе за неосторожное
совершеніе такихъ дѣяній, которыя
умышленное совершеніе не было запреще-
но закономъ. Хозяинъ одного питейна-
го заведенія, напр. переѣзжая въ другое
мѣсто забылъ снять вывѣску. Если бы
онъ оставилъ ее умышленно, то не могъ
бы подвергнуться никакой отвѣтствен-
ности, такъ какъ подобное дѣяніе ус-
ловіемъ Кодекса не предусмотрѣно,
но развѣ, что онъ совершилъ это по за-
бывчивости мировой судья считалъ
себя въ правѣ дать ему выговоръ,
замѣчаніе, внушеніе. Сенатъ впро-
чемъ въ скоромъ времени отмѣнилъ раз-
ъясненіе въ томъ смыслѣ, что взыска-
ніе можетъ быть налагаемо за нео-
стор. совершеніе лишь дѣяній запре-
щенныхъ уголовнымъ закономъ.
Итакъ, чтобы неостороян. совер-
шеніе дѣянія могло быть наказано, не-
обходимо: 1) чтобы это было дѣяніе
<u>запрещенное</u> закономъ, 2) не подлежащее
безъ особаго указ. закона, отвѣтствен-
ности неосторожное совершеніе та-
кихъ дѣяній, въ составѣ которыхъ

непрошенно входит в понятие умысла
и 3./ деяние это должно входить в круг
деяний, на которое, если они совер-
шены умышленно, распространяется
компетенция Мирового суда.

Переход от деяний неосторожных
к деяниям умышленным в теоре-
тическом смысле составляет так
наз. преступное безразличие - Сознае-
мость знает, что последствием
совершаемого им действия будет
нарушение чего либо права и хотя
ему его не направлена непосредствен-
но на нарушение этого права, но
оно относится к нему безразлично.
(Примеры поджог дома, в котором
имеются больной человек). Преступ-
ное безразличие переходит уже в
категорию умышленных деяний, от-
личаясь от деяний неосторожностью
тем, что субъект знает последст-
вия своего деяния и допускает их
наступление.

На основании обвинить нельзя, вос-
становление нашло в уголовном о случае
и о неосторожности разных. и случаи
правонарушений, являющихся результа-
том ошибок в праве или фак-
тах. То есть если ошибка уголовно-
го деяния, деяние признается
случайному, если же она неумышленна

то можетъ быть подведена въ качествѣ случая, или подъ понятіе преступной (несообразности) небрежности, или подъ понятіе преступнаго безразличія).

Умышленное дѣяніе въ тѣсномъ смыслѣ предполагаетъ наличность злой воли, сознательно направленной на нарушеніе какой-либо гарид. нормы. Для опредѣленія составныхъ элементовъ, входящихъ въ понятіе умысла, необходимо обратиться къ генетическому анализу злой воли отъ момента ея возникновенія, до проявленія ея во внѣшнемъ мірѣ. Возьмемъ для этого какой-нибудь примѣръ. Положимъ человѣкъ умышленно убилъ другаго. Убійство признается умышленнымъ, именно потому что человѣкъ 1) хотѣлъ убить. Психологическій анализъ воли показываетъ, что воля не является безпричинно, содержаніе свое она заимствуетъ изъ различныхъ источниковъ, вообще изъ предшествующей духовной дѣятельности. Такъ напр. человѣкъ можетъ убить другаго изъ зависти, ревности, изъ корыстныхъ побужденій. Отсюда мы получаемъ первый элементъ умысла, мотивъ, вызывающій актъ хотѣнія и дающій ему содержаніе.

Хотѣвъ если мы говоримъ, что человѣкъ

хотевъ убить другаго, то этимъ мы высказываемъ, что воля его была направлена на нарушеніе зак.-нормы, что у него было намѣреніе совершить преступное дѣяніе. Наконецъ 3.) говоря что человѣкъ хочетъ убить другаго мы со ipso высказываемъ, что у него въ умѣ было намѣреніе совершить опредѣленное преступное дѣяніе, при чемъ оно рисовалось въ его воображеніи съ большимъ или меньшимъ количествомъ индивидуальныхъ потребностей, онъ назначалъ мѣсто, время, орудіе которымъ онъ совершитъ преступленіе. Одинъ словомъ у него былъ опредѣленный планъ, по которому онъ намѣревался выполнить преступленіе.

Такова общая характеристика составныхъ частей умысла, но разбирая болѣе подробно эти различные элементы съ точки зрѣнія уголовнаго права мы видимъ, что они могутъ быть сведены къ различнымъ категоріямъ, путь которыхъ каждый изъ нихъ имѣетъ свое самостоятельное значеніе въ опредѣленіи умысла и его виновности.

Прежде всего для того, чтобы являлась возможность сознательнаго направленія воли къ преступному результату необхо-

Пр. Тананцевъ. Лит. Конисевскій.

Этих возбуждений въ человѣкѣ чувственного желанія, стремленія, какъ такого спинозы, который можетъ вызвать соотвѣтственную дѣятельность. Этотъ побудительный поводъ можетъ называться мотивомъ. Безъ него невозможно возникновеніе самаго чувства.

Если этотъ мотивъ по содержанію въ томъ самомъ время является и тѣмъ препятствіемъ къ которому направляется эта дѣятельность, то цѣлъ понятія-мотива включаетъ и понятіе чувства преткновенія. Этихъ двухъ понятій по содержанію въ большей части случаевъ совпадаетъ. Напр. предъ совершеніемъ кражи у человѣка является желаніе обладать какою-либо вещью, это желаніе и будетъ мотивомъ преступленія, въ другой сторонѣ обладанія этой вещью и будетъ преткновеніе, чувство, къ которой направляется преступная дѣятельность. Однако содержаніе мотива не всегда вполнѣ совпадаетъ съ понятіемъ чувства. Понятіе чувства обыкновенно уже, оно заключаетъ въ себѣ болѣе конкретныхъ элементовъ. Напр. человѣкъ движется сознаніемъ мотива, а чувствомъ онъ почувствуетъ себя ограбить кого-либо. Но мотивъ чувства, конечно недостаточно характеризуетъ понятіе чувства

за этой постановкой должно следовать выбрание пути, для достижения цели; напр. цель является удовлетворение голода, но является еще вопрос, каким путем достигается эта цель; необходимо дать чувственное определение направлений своей деятельности для достижения цели. В виду полного отсутствия в русском языке какого бы то ни было термина по этому вопросу, является можно было употребить для этого известный-намерений.

Внимательно вматриваясь в понятие умышленного действия, мы замечаем, что мотив, цель и постановка намерений не исчерпывают собою понятие умысла. Одного выбора пути еще недостаточно, необходимо еще для действия обеспечивалось в данный момент более или менее точно обозначенным индивидуальным подробностям. Лицо, имея чувственное намерение, должно затем создать индивидуальный план для своей деятельности, план, в котором действие получит индивидуальную окраску, индивидуальные черты.

Сознание мотива, постановка цели, выбор пути, создание плана, все это составляет собственно теоретическую

Действительность нашего мышления, чтобы
мочь, чтобы путь общения теоретиче-
ской перейти во практическую, требу-
ется еще чувственное умение, в ко-
му которого умысел получает реаль-
ное осуществление. Этот элемент
может быть назван исполнительно-
распорядительной деятельностью и составля-
ет уже переходный акт от внут-
ренней стороны преступления к
внешней его стороне. В этом акте
совершается уже первый шаг дви-
жения умысла во внешний мир. (*)

Само собою разумеется, что наше
Уложение страдает теми же недо-
статками какими было теперь
законодательство, по этому предмету, недостат-
ки-выражается постольку в Уложе-
нии чувственно; чувственно-наглядно.

Ранняя указанность наших действующих
умысла имеет важное значение, как
для определения состава преступления,
так и по отношению к наказуемо-
сти. Начнем с первого. Желая ха-
рактеризовать преступление мы дол-
жны остановиться не только на внеш-
ней стороне его, но и перейти к

(*) Потому неправильна попытка Неклю-
дова отождествить понятие умысла с
понятием преступной решимости, ибо рас. обр.
умысел является лишь внешним актом.

внутренний и отыскать элементъ характеризующій его. Какой же этотъ элементъ? Конечно это не цѣль. Цѣлью у даннаго лица есть желаніе имѣть, въ этомъ желаніи не заключается ничего преступнаго, все зависитъ отъ пути, который лицо изберетъ для удовлетворенія своего голода; если онъ купитъ себѣ что-либо съѣстное, то въ этомъ ничего преступнаго не будетъ, но если онъ для удовлетворенія голода украдетъ что-либо, то такой поступокъ должно быть наказуемъ. Съ другой стороны самыя различныя цѣли могутъ достигаться одинаковымъ путемъ, такъ какъ-бы цѣлью не было совершеніе убійства, это цѣлью остается убійствомъ. Подобно цѣли и мотивъ имѣетъ второстепенное значеніе при опредѣленіи даннаго преступленія. Напр. человѣкъ выстрѣлилъ изъ ружья. Точно, что выстрѣлъ изъ ружья самъ по себѣ не имѣетъ юридическаго значенія, все зависитъ отъ намѣренія, съ которымъ онъ былъ сдѣланъ. Если этимъ выстрѣломъ воспроизведено намѣреніе убить кого-либо, то это фактъ преступный; если же стрѣлявшій имѣлъ только разрядить ружье или попасть въ цѣль, то это

Пр. Таганцевъ. Лит. Коневской.

фактъ юридическій двоякаго значенія. Одна и та же форма дѣйствія можетъ относиться къ самымъ разнообразнымъ преступленіямъ.

Совершенно иную роль играетъ тотъ или иной элементъ, который характеризуетъ преступленіе дѣянія - намѣреніе.

Путь избранный для достиженія цѣли служитъ самымъ характеристическимъ признакомъ при опредѣленіи преступныхъ дѣяній.

Теперь разсмотримъ значеніе различныхъ элементовъ преступнаго умысла при опредѣленіи наказуемости преступнаго дѣянія. При опредѣленіи преступленія главную роль, какъ мы видѣли играетъ путь, но этому элементу нельзя приписывать того же значенія при опредѣленіи наказуемости. Помянувъ путь, избранный человѣкомъ - убійство. Мы замѣтимъ, что наказуемость за убійство весьма различна: по нашему Уложенію напр. она варіируетъ отъ полицейской каторжной работы до тюремнаго заключенія. Въ западн. законодат. она колеблется еще больше: такъ по Франц. праву за убійство можетъ быть назначено наказаніе отъ каторжной каторги до самыхъ незначительныхъ

неправильности наказаний. – Из двух вопросов о наказуемости деяния не один первый только выдвигает мотивы цели. – Посягательство на нарушение совершенно чуждо политического интереса и посягательство совершенно ради интересов общественных, ради, может быть, неправильно понятого общего блага по внутреннему содержанию, по значению своему для общества, а след. и по отношению к наказуемости совершенно различны. Деление даже подавляющего большинства деяний (кроме различных) на такие, которые могут быть чувствительны обществ. сознанию, при которых некоторые мотивы действия более освобождают от ответственности. Так напр. вызов на поединок по общему правилу считается преступлением, но если он был произошел вследствие тяжкого оскорбления, нанесенного ближайшим родственникам вызывающего, то становится ненаказуемым. И так для определения преступлений важен путь, а для определения наказуемости мотивы.

И так мотивы разграничения деяний суть: 1) наказуемые цели; 2) [illegible]

Это можетъ показаться съ перваго взгляда, такъ какъ это разграничение имѣетъ существенное значение для опредѣления состава преступления и его наказуемости. Есть еще одна сторона въ ученіи объ умыслѣ, когда это разграничение указываетъ нашимъ законодательствомъ существенное значение - это именно при дѣленіи умысла на виды. Большинство такихъ дѣленій содержится еще въ нашемъ Уложеніи.

1) Различаютъ два вида умысла по отношенію опредѣленности того предмета, къ которому стремится воля въ. Когда кто-либо направляетъ свою дѣятельность къ данной цѣли, то эта цѣль можетъ рисоваться передъ нимъ въ строго опредѣленной формѣ, или же имѣетъ характеръ различныхъ, неопредѣленныхъ, отвлеченныхъ дѣленій умысла на dolus determinatus и D. indeterminatus.

Если кто-либо предпринимаетъ дѣйствія, долженствующее причинить вредъ другому, не предполагая себѣ точно въ чемъ именно будетъ состоять вредъ, то это будетъ умыслъ неопредѣленный, въ противномъ же случаѣ опредѣленный. Значеніе дѣленія этого существующ. у насъ въ Уложеніи сводится къ тому, что если преступникъ

мочь и должен быть предвидеть, что дея-
тель им совершаемое может имѣть по-
следствіем настолько правонар., что
онъ отвѣтственъ за важнѣйшее изъ на-
ступившихъ послѣдствій, ст. 108.
Опредѣленный умыселъ въ свою очередь
дѣлится на умыселъ прямой и альтер-
нативный. Первый случай имѣетъ
мѣсто, когда человѣкъ имѣетъ одну
цѣль; второй, когда человѣкъ ставитъ
себѣ двѣ или нѣсколько цѣлей, съ тѣмъ
чтобы осуществить если не одну такъ
другую. Наконецъ существуетъ еще дѣ-
леніе умысла основыв. на постановкѣ
чувственнаго результата, какъ предъ-
ла дѣйствія. Человѣкъ совершивъ чувс-
твенное дѣйствіе предвидѣлъ, что результа-
томъ его могутъ быть чувственныя
правонарушенія, но его отношеніе къ
этимъ правонар. можетъ быть разли-
чно: онъ предпринимаетъ дѣйствіе или
для того, чтобы эти факты произо-
шли, или невзирая на то, что они
могутъ произойти. Въ первомъ случаѣ
это будетъ преступный умыселъ, во
второмъ – преступная безразсудность.
Практическое различеніе этихъ двухъ
видовъ умысла такое весьма затруд-
нительное.
Нашъ опытъ ѣхать еще нѣсколько

Листъ 56 Уголовн. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Копыловъ.

слов о вліяніи на міру наказанія того душевнаго момента психической дѣятельности, въ которомъ сознательной цѣли дѣятельности переходитъ въ практическое осуществленіе и которой въ доктринѣ и въ законод. уложеніи подъ названіемъ <u>умышленія</u>. Понятій умышленности имѣютъ въ основаніи дѣленія умысла на 2 типа: на умыслъ заранѣе обдуманный и <u>умыслъ внезапный</u>, смотря потому, явилась-ли умышленность результатомъ надлежаще обдуманнаго намѣренія, или лишь внезапнымъ впечатлѣніемъ какого-либо раздраженія, вообще ненормальнаго состоянія, въ которомъ находилось лицо. Это дѣленіе имѣетъ уже гораздо болѣе практическаго значенія, нежели всѣ предыдущія дѣленія умысла, какъ въ зап. Европѣ, такъ и у насъ дѣланія, ибо раздраженіе наказывается весьма слабо, сравнительно съ дѣяніемъ заранѣе обдуманнымъ (ср. ст. 4 пред. 105 Улож.)

Чтобы покончить съ внутреннимъ отношеніемъ преступленія, надобно сказать еще нѣсколько словъ о рѣдкомъ ненормальномъ въ умѣ случаѣ <u>совмѣщенія</u> въ одномъ и томъ же дѣяніи обѣихъ формъ виновности <u>умышленной и неосторожной</u>.

По отношению къ такимъ дѣяніямъ
преимущественно въ законод. дѣлѣ систе-
мы ихъ разсматриваютъ какъ по-
правленіе о совокупности какъ два
отдѣльныхъ дѣянія, одно умышленное,
другое неосторожное, или же въ нѣко-
торыхъ особенныхъ случаяхъ указа-
ныхъ законовъ подобное дѣяній разсма-
тривается какъ совершенно самостоя-
тельное преступленіе, напр. умышлен-
но нанесеніе побоевъ, повлекшихъ за собою
по неосторожности нападавшаго —
смерть — считается совершенно само-
стоятельнымъ родомъ преступленія.

Въ частности при отклоненіи въ одномъ
дѣяніи двухъ формъ виновности умы-
шленной и неумышленной могутъ
встрѣтиться затрудненія при опре-
дѣленіи юридической природы и сте-
пени виновности даннаго рода дѣя-
ній: а) при maлѣ нау. отклоненіи уда-
ра aberratio ictus и в) при ошибкѣ въ
объектѣ error in objecto.

Подъ именемъ aberratio ictus разумѣе-
ютъ въ уголов. правѣ такого рода пре-
ступное дѣяніе, въ которомъ по нера-
вившемуся отъ преступника обстоя-
тельствамъ въ самый моментъ вы-
полненія задуманнаго заранѣе пре-
ступленія ударъ достается не тому
лицу, которому онъ предназначался,

а другому. Человекъ напр. задумалъ убить другаго, но въ моментъ выполненія преступнаго намѣренія, лицо, противъ котораго направлялся выстрѣлъ, успѣло увернуться и тѣмъ убійцамъ реализ- ся 3е лицо. Очевидно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ какъ съ внутренн. такъ и съ внѣшней стороны совершенно самостоятельныя преступленія, направленныя на различные объекты.

По отношенію къ первому объекту характеръ дѣянія опредѣляется довольно легко: дѣло есть дѣяніе умышленное и смотря потому на какой стадіи его развитія произошло отклоненіе удара, оно можетъ быть разсматриваемо или какъ покушеніе, или какъ приготовленіе, но по внутренней сторонѣ это несомнѣнно дѣяніе, имѣющее характеръ умысла.

По отношенію ко второму объекту внѣшняя сторона дѣянія та же; вредъ дѣйствительно произошелъ — значитъ это преступленіе оконченное, но какая здѣсь была форма виновности, a priori сказать нельзя. Дѣяніе будетъ случайное, если лицо не могло предвидѣть, что наносимый имъ ударъ можетъ достаться не тому, кому предназначался; дѣяніе можетъ быть неосторожное, если лицо предвидѣло

возможность такой аберрации удара, после доказано, что это не случится. Наконец 3-тьей момент быть и уменьшенность, напр. если лицо задумало лишить почв. 2-ва, хотя и несколько человек в лицах и в моменте выполнения задуманного убийства, вместо первой жертвы, против которой во 2-ом моменте направился удар, убивает вторую.

Несколько иначе стоит вопрос об ошибке в объекте, error in objecto. При ошибке в объекте 3-тье выполняется не над тем предметом, против которого оно направилось, но причина этого момента не в объекте, как при aberratio ictus, а в субъекте. Человек задумал напр. убить другого, вошел в его дом, но в темноте по ошибке убил не того, кого думал, а совершенно постороннего 3-е лицо. Здесь имеется налицо два преступных деяния. По отношению к одному лицу это будет обнаружение умысла или приготовление; по отношению же ко второму объекту – к лицу, пострадавшему от налицо несомненно оконченное уменьшенное деяние. Мы сказали уменьшенное, действительно существо преступного деяния, как мы выше видели составляет намерение, т.е. тот

Пр. Таганцев. Лит. Коллегиум.

путь, который избрал человек для достижения цели, а не самое достижение или недостижение предполагаемого результата. Человек убил в данном случае не того, кого думал, но это убийство совершено им сознательно, он знал, что его поступок лишит человека жизни, он желал и только того, кого он лишил жизни. Обращаясь к постановлению нашего положительного права, мы встречаемся с самой неразработанной постановкой вопроса. Уложение говорит об объекте и отклонении удара только при убийстве (ст. 1456) не предвидя, что подобные случаи могут быть при всевозможных преступлениях. Далее Уложение не отличающее error in objecto от aberratio ictus, вместо принятия начала совокупности, постановляет относительно обоих случаев, что виновный всегда наказывается за то преступление, которое задумал совершить. Неразработанность такого постановления видна уже из того, что поясняя случаи выкидыша, что человек может напр. умертвить два раза тоже самое лицо. Напр. человек задумал отцеубийство, но по ошибке убил не отца, а другое лицо. По Уложению он в таком случае наказывается за

отцеубийство - подлежащее ли после убитого лица, то будет ли оно наказано за отцеубийство.

Таковы соображения о внутренней стороне преступления.

Глава II.

Внешняя сторона преступлений.

Основной принцип, выработанный современной наукой и защищаемый противоположного направления, заключается в том, что уголовный кодекс не подлежит воле человека сам по себе; внешней уголовной закономерности, внешней человеческой волей написается только тогда, когда эта воля получила внешнее выражение в преступном деянии. Принцип этот есть основа гражданской свободы, отбросив его мы легко можем перейти снова в инквизиционный процесс, когда человека наказывали за его мысли, мнения, убеждения.

Первый вопрос в учении о внешней стороне преступлений состоит в том, с какого именно момента начинается ответственность лица за проявление его воли во вне.

В обнаружении воли во внешнем трудно установить три момента возможных деяний: 1. воля еще не проявилась осуществиться, 2. воля

осуществившейся, 3. воля осуществления. Понятно, что о преступной воле, которая еще не въ силѣ не выразилась, немыслимъ быть и рѣчи въ уголовномъ правѣ, но разъ воля какъ-нибудь выразилась, проявилась, то возникаетъ вопросъ въ какомъ случаѣ и какъ она наказуема. Воля, не начавшая еще осуществляться можетъ выразиться или въ. <u>приготовленіи</u> къ преступному дѣянію. Разсмотримъ сперва проявленіе преступной воли. Ст. 7 Улож. говоритъ: къ лицу приготовившему умышленно приспособленія, похвальбы и предложенія совѣщаться какое-либо зло. Очевидно это только приблизительное исчисленіе способовъ обнаруженія умысла. Но спрашивается можетъ ли обнаруженіе такимъ способомъ умысломъ подлежать уголовной отвѣтственности. Всѣ цивилизованныя законодательства отрицательно, и это совершенно справедливо. Дѣйствительно ежедневный опытъ показываетъ намъ, что отъ намѣреній совершить что-либо до исполненія задуманнаго плана очень далеко. Нерѣдко человѣкъ повидимому совершенно рѣшившійся привести въ исполненіе какой-либо планъ, но какъ только дѣло дойдетъ до дѣйствія,

то у него не хватает энергии. Далее при-
шлось бы во такомъ случаѣ наказывать
лицъ нанесшихъ опасность, такихъ кото-
рые не умѣютъ сдерживать своихъ чув-
ствъ, сейчасъ же ихъ разбалтываютъ,
напротивъ лица, двадцатирѣдко, прося-
бя обдумывающей заранѣе остаются
ненаказанными. Уложеніе наше въ ст.
141 говоритъ, что для наказуемости по-
добнаго умысла необходимо особенное указа-
ніе закона. Но такое указаніе мы встре-
чаемъ только одинъ разъ. А именно въ
преступленіяхъ политическихъ, гдѣ для
наказуемости достаточно одного чувст-
венія умысла. Постановленіе это есть
надежда той эпохи, когда, <u>другое по-
нятіе</u> о государѣ считалось тяж-
кимъ преступленіемъ. Можно надѣяться,
что съ новыми чувствіями Уложенія, чув-
ствуя и эти послѣдніе остатки ин-
квизиціонной эпохи.

Признавая абсолютную ненаказуемость
одного умысла, мы однако не
отрицаемъ наказуемости такихъ при-
знаковъ умысла, которые составля-
ютъ самостоятельное преступленіе.
Такъ напр. ст. 139. 140. 141 Улож. Сов. совер-
шенно справедливо наказываютъ нака-
занія за угрозу не словомъ или напи-
саніемъ, на томъ основаніи, что такой

<u>Лицъ 58 Уголовн. Пр.</u>

Пр. Таганцевъ. Лит. Коневской.

деяний нарушающих общественное спокойствие, след. здесь наказывается преступное деяние, а не выражающий лишь умысел. Поэтому лицо будет наказано, хотя бы оно доказало, что сделало угрозу или бросило подметное письмо шутя.

Теперь скажем о второй ступени обнаружения умысла, которая стоит ближайшим к последствиям деяниям. На всех преступлениях требуется для своего совершения особенные приготовительные действия. Для того, чтобы нанести кому-нибудь побои, требуется не много приготовлений, но по мере важности преступления большего числа возрастает и необходимость предшествующих приготовительных действий. Стало также приготовление к преступлению со юридической точки зрения, очевидно, это не есть еще начало преступления - факт покупки револьвера или порошку сам по себе есть деяние не уголовной точки зрения безразличное. Приготовление к преступлению, как деяние, предшествующее началу преступления, есть след. только видовое понятие обнаружения умысла. А однажды став на точку зрения ненаказуемости такого умысла, мы должны признать и всех

сознательность приготовительныхъ дѣйствій. Какъ въ Зап. Евр. законодательствахъ, такъ и въ нашемъ Уложеніи наказаніе за приготовленіе къ преступленію наказаніе только въ немногихъ, специально въ законѣ обозначенныхъ случаяхъ. Наказанія эти имѣютъ тотъ смыслъ, что предупредить приготовит. дѣйствій, являющихся неизбѣжнаго слѣдствіемъ для дальнѣйшей преступной дѣятельности, государство парализуетъ возможность дѣйствительно осуществленія преступной воли. Законный запретъ является здѣсь орудіемъ предупредительной полиціи.

Обращаясь спеціально къ постановленіямъ нашего уложенія, мы замѣтимъ, что здѣсь понятіе приготовительныхъ дѣйствій весьма ограничено. Уложеніе называетъ приготовленіемъ къ преступленію пріисканіе, пріобрѣтеніе и приспособленіе средствъ къ совершенію преступленія. Сюда относятся напр. дѣйствія, которыми можно воспользоваться для подлога, для скрытія краденныхъ вещей по нашему закону не считаются приготовительными дѣйствіями. Если человѣкъ напр. задумалъ совершить убійство, купилъ револьверъ, то это по закону считается приготовительнымъ

дѣйствія, но если они еще покушается только оружіе, то дѣло не будетъ преступленіи, такъ какъ Уложеніе говоритъ только о приготовленіи и приобрѣтеніи средствъ.

Какъ мы уже сказали въ нашемъ законѣ по общему правилу приготовленіе къ преступленію не наказуемо, но ст. 112 устанавливаетъ рядъ изъятій изъ этого правила. А именно наказуемы приготовительныя дѣйствія: 1) если они сами по себѣ безопасны. Къ числу противозаконныхъ. Это собственно говоря вовсе не изъятіе изъ общаго правила, такъ какъ здѣсь наказывается не обнаруженіе умысла, а совершеніе самостоят. бывшаго частію полицейское правонар. 2) наказуемы по Уложенію такія приготов. дѣйствія, которыя сами по себѣ опасны для общества частныя лица или для общества. Но очевидно, что если они, опасныя дѣйствія не запрещены специальнымъ закономъ, то ихъ совершеніе не можетъ подлежать отвѣтственности, если же они запрещены, то подадутъ подъ первую группу. Значеніе дѣйствительныхъ изъятій имѣетъ только 3-ій пунктъ 1/2 ст. по которому приготовительныя дѣйствія безопасныя по себѣ существу наказуемыя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ

это указано законом. Эти случаи по нашему закону сводятся к двум группам: К первой группе относятся преступления, при которых выполнительное действие наказуемо. К таким преступлениям наш закон относит 4: 1) преступления покушения, 2) подстрекательство и соучастие, 3) убийство и 4) подлог. Приготовление к двум первым из этих преступлений наказывается с одинаковой строгостью, как и совершение; это уже совершенно неправильно, так как не субъективный не объективный моменты приготовления не может быть отождествлен с исполнением.

Ко второй группе относятся те преступления, при которых наказание подлежит не все приготовительных действий, а только некоторые категории. Так напр. приготовление к покушительству по общему правилу не наказуемо, но один из видов приготовления к покушительству - подлог собственного имущества для получения страховой суммы есть должен наказуем.

От первой ступени обнаружения воли в действии переходим ко второй - к вопросу об условиях осуществимости

Лист 59 Уголовн. Пр.

Пр. Таганцева. Лит. Коневского.

къ ученію о покушеніи. Первой задачей въ ученіи о покушеніи является опредѣленіе границъ понятія покушенія и главнымъ образомъ опредѣленіе тѣхъ признаковъ, по которымъ можно различать покушеніе отъ предшествующихъ ему степеней обнаруженія воли — приготовленія къ преступленію. Повидимому мы нашли весьма опредѣленный логическій признакъ, по которому дѣло покушенія (покушеніе и приготовленіе къ прест.) рѣзко отличается одного отъ другого — это начало осуществленія. Если воля еще не начала осуществляться, то мы не можемъ говорить о покушеніи, напром. если воля начала осуществляться, то это значитъ, что человѣкъ перешелъ уже отъ приготовленія. Дѣятельности къ покушенію. Но такъ какъ можетъ осуществленіе преступной воли удобно для практики логическаго разграниченія понятій покушенія и приготовленія, на столько же онъ непригоденъ на практикѣ, для опредѣленія въ данныхъ конкретныхъ случаяхъ, въ какой ступени внѣшняго проявленія воля мы имѣемъ дѣло.

Человѣкъ напр. задумавъ совершить кражу, вышелъ въ одной рубашкѣ квартиры

как определить есть-ли это только приготовление к совершению краже или покушение; признав осуществление имеет-ли место в этом только, так как трудность вопроса и зависит именно в определении того, есть ли данный случай приготовление к осуществлению, или начало осуществления. — И так мы видим, что вопрос о проведении границ между понятием приготовления и покушения сводится к определению момента, с которого воля начинает проявляться на преступление начинает осуществляться. Не трудно видеть, что подойти к этому моменту можно с двух сторон и рассматривать его можно с двух точек зрения: с субъективной, подводя под понятие воли, проявляющейся во внешнем мире и объективной, отправляясь от понятия окончания преступления.

Защитники субъективной теории говорят: судья должен при определении данного факта удалять внимание на столько в данном деянии выражалась преступная воля. Если она выражалась на столько, что можно констатировать, на что она была направлена, то данное деяние есть поку-

мыслей, еще не успѣя опредѣлить, на
что именно была направлена злая во-
ля преступника, но данное движе-
ние есть не болѣе какъ приготовленіе къ
преступленію. Положимъ человѣкъ
напр. бьетъ кого-нибудь кулакомъ, ка-
жется, несомнѣнно, что онъ хочетъ
предпринять - ударить ли кого-нибудь,
или совершить убійство, или что-ни-
будь т. п. - въ данномъ случаѣ по ученію
субъективной школы, мы имѣемъ дѣ-
ло съ приготовл. къ преступленію.
Возьмемъ другой примѣръ: человѣкъ
сунулъ руку въ чужой карманъ, но
былъ задержанъ, не успѣвъ ничего вы-
нуть изъ него - въ данномъ случаѣ
съ субъективной точки зрѣнія мы
имѣемъ покушеніе на кражу.
Но при ближайшемъ анализѣ дѣлъ
повидимому другой признакъ - ненака-
занность воли, оказывается далеко не
абсолютнымъ. Все здѣсь зависитъ
отъ того, кто будетъ опредѣлять на
сколько очевидно изъ даннаго факта
направленіе воли. Конечно законода-
тель не можетъ взять на себя задачу
опредѣлить тѣ признаки, по кото-
рымъ можно было бы распознать во-
лю въ каждомъ данномъ случаѣ - ибо
это есть quaestio facti, опредѣляющій-
ся личнымъ образомъ индивидуальными

признаками данного деяния. Такимъ образомъ принадлежитъ представленіе этого вопроса суду, а это вводитъ въ судебную практику струю произвола. Такое дѣяніе, которое для непонятнаго или поверхностно-глядящаго на вещи судьи, остается безъ всякаго значенія, для опытнаго слѣдователя, для сыщика по профессіи будетъ совершенно достаточно для того, чтобы обрисовать до мельчайшихъ подробностей направленія даннаго лица. Наконецъ проведенная во всей строгости начала выставл. новаго субъективнаго могутъ повести за собой нахальственность прокурорскаго обнаруженія такого ума, что какъ мы выше видѣли не можетъ быть допущено въ интересахъ гражданской свободы. –

Аргументація новой объективной кажется заслуживаетъ предпочтенія. Школа объективная для опредѣленія понятія покушенія исходитъ изъ понятія оконченнаго преступленія. Оконченное преступленіе есть такое дѣяніе, въ которомъ воспроизведены всѣ признаки, которые по закону входятъ въ составъ даннаго преступленія. Покушеніе по ученію новой объективной есть дѣяніе, въ

Пр. Таганцевъ. Лит. Коневской.

которыхъ составъ преступленія воспроизводителемъ не вполнѣ. Дѣйствительно начать осуществленіе преступленія можно; это и значитъ начать выполненіе дѣйствій, входящихъ въ составъ даннаго преступленія. Достаточность такого опредѣленія покушенія заключается въ томъ, что признакъ покушенія является здѣсь не процессуальнымъ, а опредѣленнымъ въ законѣ — это тѣ же признаки, которые характеризуютъ преступленіе, только не въ полномъ составѣ.

Но, говоря, что въ моментъ совершенія обвиняемымъ покушенія есть неполное выполненіе элементовъ состава преступленія, необходимо замѣтить, что для наличности покушенія не всегда достаточно совершенія одного изъ дѣйствій, входящихъ по закону въ составъ даннаго преступленія, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда преступность даннаго дѣянія ставится въ зависимость отъ обстоятельствъ, времени и мѣста, необходимо также наличность этихъ обстоятельствъ. Напр. преступное вторженіе по закону есть проникновеніе снова противъ воли хозяина въ церковь или присутственное мѣсто. Слѣд. преступность дѣянія ставится въ зависимость отъ мѣста

прошлой жизни, а потому характеризующая волю без свидетелей не всегда покушения на убийство. Во второй стороны начинают этапы объективных и даже совершение лицом действий, входящих в состав преступления, но не находящихся в непосредственной генетической связи с остальными действиями, входящими в состав преступления, не есть покушение на это преступление. Напр. узнавший чужой тайны не есть еще покушение на шантаж, или приход в церковь не есть покушение на богохульство.

Переходим теперь к вопросу о том, при всяких ли преступлениях возможно покушение. Этапы различных видов преступл. действий бывают различны. Этапный ряд может начаться не одинаково по отношению к различным видам преступлений. 1.) Невозможно покушение на действия неосторожные. Действительное покушение есть начало осуществления злой воли; неосторожные же действия характеризуются отсутствием учета, отсутствием злой воли. Объективной точки зрения мы также должны признать невозможность покушений на неосторожн. действ., так как мы видели, что неосторожность исключает злое за собою ответственность

только при наличности вреда, т.е. когда она является действием окончательным. Но и 2) не на всякое уменьшение действий возможно покушение; а) невозможно покушение при упущении возможности совершить преступление, именно в силу отсутствия действий, направленных на совершение деяния. Человек подлый дать, не желая достигнуть данного смертного его убивания, но допуская возможность этого факта; посредственный обстоятельствами ничто отнять его не помешав; мы не можем сказать, что здесь было покушение на умерщвление. б) Невозможно покушение на преступное бездействие, в силу того, что бездействие считается не чувственно ощутимого момента окончательным преступлением, а до того момента оно считается длящимся безрезультатным. Должностное лицо напр. должно в известное время зажечь фонарь на черной лестнице, сие он в этого не сделал, то в час. Это будет окончательное преступление, в час. хотя бы за минуту до будет безрезультатное действие. По той же причине невозможно напр. покушение на неявку свидетелей.

Обращаясь теперь к вопросу о наказуемости покушений, мы прежде всего встречаемся с двумя противоположными на

нарушение покушений: одних будет, которого держится и наше Улож. ст. 113 считает умыслом нарушивших при всяких явлениях, при которых они только воображены; другой будет, явившийся на смену предыдущего, требует для нарушения покушений специального указания закона. Этого будет держится французское и германское и др. законод. Такъ code pénal различаетъ при преступныхъ дѣяніяхъ: crimes, délits и contraventions, покушеніе на crime безусловно наказуемо, для наказуемости délit необходимо специальное указаніе закона, покушеніе на contravention безусловно ненаказуемо. Соответств. постановленія въ уголовныхъ законодат. относительно Verbrechen, Vergehen и Uebertretungen. Мотивы этого воззрения будет разсмотрѣны въ ненаказуемости такого или иного покушенія. Что касается самого размѣра отвѣтственности, то мы видимъ, что размѣръ отвѣтственности за покушеніе, которое бы совершенно достигло задуманнаго преступникомъ вреда или, чтобы оконче-

Листъ 61 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Колюбакинъ.

ное преступленіе, поставленное въ зависимости отъ различныхъ видовъ покушенія. Понятіе дѣянія покушенія на видѣ, встрѣчаемыя нами въ теоріи и въ законѣ имѣютъ много общаго съ понятіемъ дѣянія относящагося на группы. Такъ одна изъ первыхъ понятій дѣленія дѣяній покушеній по степени близости къ совершенію преступленій. Но по мѣрѣ не сколько приближенія, нѣкоторыми чередо дѣленіе были нѣсколько на сифра lata latior latissima употр. чередо и это дѣленіе покушенія, т. е. покушеніе вырѣзанное не даетъ никакого абсолютнаго масштаба.

Другое дѣленіе покушенія на видимыя приближенное Кейлиномъ до сихъ поръ сохранилось въ нѣкоторыхъ законодательствахъ. Это дѣленіе покушеній (попытки нами. Усилія) на оконченное и неоконченное. (Терминологія весьма неудачная, такъ какъ понятіе покушенія предполагаетъ неоконченность.) Дѣленіе это основывается на сравнительной характеристикѣ дѣйствій и фазъ, входящихъ въ составъ покушенія и оконченнаго дѣянія.

Если покушеніе было остановлено во время, когда преступникъ сдѣлалъ все, что было нужно (по Унам. все, что онъ считалъ нужнымъ) для совершенія

преступления и преступление не было выполнено только по независящимъ отъ преступника обстоятельствамъ, то считается покушеніе оконченное, если же покушеніе было остановлено ранѣе того, то неоконченное. Человѣкъ напр. выстрѣлилъ въ другаго и промахнулся — это покушеніе оконченное, но если онъ только прицѣлился, но не успѣлъ выстрѣлить, то это покушеніе неоконченное. По Уложенію 45 года покушеніе оконченное наказывалось наравнѣ съ преступленіемъ, а неоконченное одного, двухъ, трехъ степеней ниже. Законъ 9 Марта 1864 г. внесъ важное измѣненіе, теперь оконченное покушеніе наказывается одного, двухъ, трехъ, а неоконченное двухъ, трехъ, четырехъ степенями ниже оконченнаго преступленія. Такимъ образомъ по отношенію къ размѣру наказаній, раздѣлъ между оконченнымъ и неоконченнымъ покушеніемъ почти совершенно сгладился. Гораздо ближе теоретическаго и практическаго значенія по отношенію къ надлежащему опредѣленію вопроса о томъ, почему преступленіе не было окончено по собственной ли волѣ лица, или по причинамъ не зависящимъ отъ его воли. Это касается первой группы т.е. добровольно оставленнаго покушенія, то безъ разногласія теорія

признаком полнаго его ненаказуемости. Действительно въ такомъ дѣяніи нѣтъ ни объективнаго основанія наказуемости вреда, ни субъективнаго, такъ какъ для признанія уже другое направленіе. Мнѣніе Криминалистовъ утверждаетъ, что добровольно оставленное покушеніе должно оставаться безнаказаннымъ, только въ томъ случаѣ, когда мотивомъ оставленія было раскаяніе. Если же, говорятъ они, мотивомъ было другаго рода, напр. страхъ или желаніе совершить дѣяніе при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, то дѣяніе должно подлежать отвѣтственности. Но собственно законодательство и наука отбросили это положеніе по отсутствію вѣрныхъ критерій для опредѣленія внутреннихъ мотивовъ, руководившихъ лицомъ. Единственнымъ критеріемъ здѣсь можно бы служить добровольное согласіе лица, но самое сознаніе лицо удовлетворяетъ на словахъ или ложными раскаяніемъ. Но понятно, что если совершенное уже при этомъ покушеніи дѣйствіе составляетъ самостоятельное преступленіе, то оно отвѣчаетъ за него. Если напр. человѣкъ задушилъ убивъ другаго, но нашелъ еще теплую грудь, отказался отъ своего намѣренія, отъ того, что такъ сильно не будетъ отвѣчать за

убійство, но подлежитъ отвѣтственности за нанесеніе раны.

Здѣсь еще является вопросъ добровольномъ и наказуемо ли добровольное оставленіе покушенія оконченнаго. На первый взглядъ кажется, что понятіе оконченнаго покушенія, противорѣчитъ понятію покушенію оставленнаго, на дѣло это выходитъ не такъ. Мы уже выше сказали, что тотъ оконченное покушеніе не привѣтствуетъ, вѣрнѣе было бы назвать неудавшееся покушеніе (delit manqué), а такое покушеніе не противорѣчитъ возможности продолженія, а слѣд. и оставленія. Человѣкъ напр. выстрѣлилъ въ другаго изъ револьвера, промахнулся, но имѣя возможность сдѣлать второй выстрѣлъ, добровольно не сдѣлалъ его. Или человѣкъ подложилъ бомбу, но когда бомба начала дымиться, то онъ раздумалъ и самъ потушилъ ее. Такимъ образомъ положеніе выставили. Сенаторовъ, что оконченное покушеніе не можетъ быть оставлено, является неосновательнымъ. Постановленіе Угол. об. Этомъ предметѣ могутъ быть использованы въ двоякомъ смыслѣ. Мир. Устава прямо допускаетъ возможность добровольно оставить какъ нед. оконченное покушеніе. Мы разсматриваемъ такимъ образомъ

Листъ 62 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Коневской.

вменяет ей уголовную ответственность
прекращений покушений, по причинам
лежащим в воле субъекта; теперь
перейдем к анализу того случая, когда
покушение не достигло результата по
обстоятельствам, лежащим вне воли
преступника. Эти обстоятельства в
свою очередь могут быть двоякой и
совершенно посторонней силу, или же
заключающейся в самом деянии. Это
касается до первых, то перечислить
и предусмотреть их никакой закон
и никакая доктрина не в состоянии.
Но за то и доктрина и закон останав-
ливаются на этих обстоятельствах,
которые хотя малые лежат в воле
лица, но заключаются в самом дея-
нии. Таковы причины могут быть
главными образом две: <u>или негодность
средств</u>, или <u>негодность объекта</u>.
Рассмотрим сначала вопрос о юриди-
ческом покушении с негодными средст-
вами. Вопрос этот судебная служит
обильного пищею для контроверсов.
Различие взглядов на этот вопрос
обусловливается крайним разнообра-
зием случаев, дающих ему содержание
Возьмем несколько примеров: чело-
век выстрелил в фигуру, но не убил,
потому что рука не была на твердо-
стойкой; человек желал отравить

фирало, но по ошибкѣ вместо стакана
ядомъ далъ ему стаканъ съ чистой водой,
или человѣкъ умеръ отъ употребленія фирало и
употребилъ для этого заклинаній или
заговоровъ, въ этомъ случаѣ предста-
вителемъ чувствъ себя почувствій передающій-
ся по нервности средствъ. Спрашивае-
тся теперь, подлежитъ ли такій дѣя-
тель уголовной отвѣтственности, а
если подлежитъ, то въ какомъ размѣ-
рѣ? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ должно
разсмотрѣть, смотря потому, лежитъ
ли въ основѣ долженъ субъективное
или объективное воззрѣніе на понятіе
преступленія. Школа субъективная, ко-
торая, какъ мы выше видѣли, требу-
етъ наказуемости всякаго дѣянія, въ
которомъ злая воля преступника ясно
обнаружилась; подъ полнымъ покушеніемъ
понимаетъ каждое дѣяніе,
ясно обнаруживающее злую и нака-
зуемой преступника, по ученію школы субъ-
ективной дѣяніе должно быть наказано. При-
емлетъ описано строго должно быть
наказано человѣкъ, имѣвшій намѣре-
ніе своего врага заколоть кинжаломъ и нане-
сшій, выстрѣлившій изъ ружья въ
недостаточно сильномъ расстояніи. Ни одинъ
юристъ и ни одно законодательство
проводить будучи субъективной школы
во всей строгости, такъ какъ проведеній

этимъ возрѣніемъ вполнѣ вмѣстѣ законъ наказуемости мыслей и желаній человѣка, еще не нарушившихъ осуществленія, а объ такой задачѣ давно уже отказались уголовная статистика по причинамъ преступленія вполнѣ.

Итакъ смотрѣть на дѣло школа объективная. По ученію объективной школы элементъ преступленія, какъ мы видѣли въ выполненіи всѣхъ элементовъ, входящихъ по закону въ составъ преступнаго дѣянія, покушеніе не есть выполненіе не всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ преступленія. Строго говоря всякое оконченное покушеніе именно потому не переходитъ въ оконченное преступленіе, что средства, употребленныя преступникомъ сами по себѣ, или при данныхъ условіяхъ, оказались негодными, безвредными. Поэтому въ ученіи объективной школы, ученіи о наказуемости покушенія съ негодными средствами, стоитъ въ непосредственной связи въ вопросѣ о наказуемости оконченнаго покушенія вообще. Въ строго объективной теоріи покушеніе съ негодными средствами есть дѣяніе безразличное, такъ какъ оно не заключаетъ въ себѣ элементовъ, входящихъ въ составъ преступнаго дѣянія, по строгомъ приведеніи этого принципа вмѣстѣ за собою ненаказуемости

покушений вообще; поэтому въ законода-
тельствѣ и въ наукѣ господствуетъ въ на-
стоящее время теорія посредствующихъ
Изъ этихъ теорій наиболѣе удовлетвори-
тельно кажется разрѣшаетъ вопросъ
теорія Бара. Баръ различаетъ ошибку въ
составленіи плана отъ ошибки въ выпол-
неніи плана. Если самый планъ былъ
задуманъ такъ, что точное исполненіе
его не вело къ достиженію цѣли, то та-
кое дѣяніе кажется быть приравнено
добровольно отказавшемуся покушенію,
такъ какъ причина недостиженія цѣ-
ли лежитъ въ волѣ лица, слѣд. въ та-
кихъ случаяхъ покушенія не наказуемо.
Если же дѣяніе не достигло цѣли толь-
ко потому, что въ планѣ выполне-
нія средства оказались негодными, напр.
по ошибкѣ лица, бравшаго стаканъ во-
ды, вмѣсто стакана съ ядомъ, то та-
кая ошибка не вліяетъ на характеръ
отвѣтств. дѣянія, разсматр. какъ
простое покушеніе. Что касается на-
шего законодательства, то въ немъ
постановленія о ущербности негодныхъ
средствъ при покушеніи, явился у
насъ въ первый разъ 9го Марта 1864 г.
Старая сенатская практика большею
частію держалась того правила, что
покушеніе съ негодными средствами

Листъ 63 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Коневской.

безусловно ненаказуемо. Въ этомъ они опираются на неправильное опредѣленіе свойствъ Зак. покушенія, какъ совершенія такого дѣйствія, кое непрекращено результатомъ было бы задуманное зло. Въ 115 ст. Улож. формулировавшей постановленія военныхъ указ. указа 9го Марта 1864г. вопросъ о покушеніи въ нашей. средствами разрѣшивается такъ: По общему правилу покушеніе въ нашей. средствами наказуется, какъ оконченное покушеніе, за исключеніемъ того случая, когда при покушеніи по крайней невѣжественности средствъ учиненіе было средствами и очевидно невозможно; въ семъ послѣднемъ случаѣ покушеніе отвѣчаетъ, какъ за преступный умыселъ. Остается разсмотрѣть послѣдній вопросъ въ ученіи о покушеніи, вопросъ, который нашимъ закономъ вовсе не затрогивается, это именно: <u>покушеніе надъ негодными объектами</u>. Очевидно на этотъ вопросъ должно также и наши ученія субъективной такое дѣяніе наказуемо, какъ всякое покушеніе, ибо воля лица здѣсь обнаруживается вполнѣ. 2/ Въ нашей ученіи объективной покушеніе надъ негоды. объектами вовсе не наказуемо, такъ какъ отсутствіе дѣйствит. объекта устраняетъ виновность въ дѣйствіи какъ бы то ни было преступнаго элемента.

Окончив ученіе объ умыслѣ осуществ-
.ленія, переходимъ теперь къ умыслу
осуществившемуся – къ ученію объ <u>окон-
ченномъ преступленіи.</u> Собственно гово-
ря опредѣленіе понятій оконченнаго
преступленія не представляетъ особен-
ныхъ трудностей. Дѣяніе должно скла-
дываться оконч. прест., когда въ немъ воспроиз-
водятся всѣ законные составъ престу-
пленій, т.е. когда въ немъ воплощается
вся совокупность тѣхъ признаковъ, ко-
торые по закону входятъ въ составъ дан-
наго преступленія. Это опредѣленіе ни,
сто формальное и для законодателя ко-
нечно не имѣетъ значенія, но едва ли
можно и за юристомъ практикомъ при,
знать обязанность, слѣдовать тако-
му формальному опредѣленію. Дѣйстви-
тельно слѣдовать указанному опредѣле-
нію значитъ становиться въ зависи-
мость отъ случайностей редакціи зако-
на, такъ какъ нерѣдко, благодаря неудачно-
му выраженію мысли законодателя фор-
мальное опредѣленіе сильно расходится
съ опредѣленіемъ матеріальнымъ. Ма-
теріальное опредѣленіе понятій оконч.
прест. очень просто: законченное дѣйст-
віе, подлежащее подъ норм. норму, слѣд.
можетъ считаться оконченнымъ тог-
да, когда дѣйствительно нарушена нор-

<u>листъ 6й Уголов. Пр.</u>

Пр. Таганцевъ. Лит. Кониевской.

ма, заключающая въ себѣ запрещеніе нару-
шеніе закона. Противорѣчія несовпаденій
формальныхъ и матеріальныхъ опредѣленій окон-
ченнаго преступленія можетъ имѣть мѣсто
по нашему праву—разбой. Разбой есть два
синхронныхъ, захватъ чужого имущества—
очень строго наказываемый по закону въ
виду той опасной формы, въ которой
онъ является. Отсюда ясно, что разбой
долженъ считаться оконченнымъ, когда
имущество перешло въ обладаніе нападав-
шаго. Но обращаясь къ опредѣл. 1627 ст.
Улож. мы приходимъ къ другому выводу.
По буквальному смыслу этой статьи
разбой есть насильственное нападеніе на
кого либо для похищенія имущества.
Поэтому по точному смыслу статьи
разбой долженъ считаться оконченнымъ
съ того момента, какъ произведено напа-
деніе, хотя бы вещи не перешли въ обла-
даніе нападавшаго.

Касаясь сего вопроса по поводу разбоя
весьма важное опредѣленіе, что въ подоб-
номъ случаѣ судья долженъ стать вы-
ше буквальн. смысла закона и въ дан.
случаѣ разбой признать оконченнымъ
лишь съ момента фактич. перехода ве-
щи въ обладаніе нападающаго. Под
тому, какъ въ учебникѣ о внутренней сторо-
нѣ преступн. дѣяній мы разсматрива-
ли отношеніе двухъ формъ виновности дѣянія

лен. и неотторжной, такъ и въ разборѣ
внѣшней стороны дѣянія мы должны ска-
зать о случаяхъ отмѣнія въ одномъ дѣяніи
покушенія о окончанномъ преступленіи. По
общимъ правиламъ, какъ въ доктринѣ, такъ
и въ законѣ такія дѣянія разсматрива-
ются по правиламъ о совокупности, но
это касается только такихъ случаевъ,
когда покушеніе и оконченное дѣяніе
относятся къ различнымъ категоріямъ
преступленій. Но если эти дѣянія суть
только различныя стадіи осуществле-
нія одной воли, направленной на со-
вершеніе одного дѣянія, то должно быть
применено другое правило, по кото-
рому дѣяніе менѣе важное всегда покрыва-
ется болѣе важнымъ. Законъ, напр: запре-
щаетъ подъ страхомъ наказанія не
только выпускъ въ свѣтъ фальшивыхъ
кредитныхъ билетовъ, но и самое приго-
товленіе и покушеніе къ этому прест.
Тотъ кто купитъ машину для поддѣл-
ки монеты, кто поддѣлываетъ монету,
равно какъ и тотъ кто выпуститъ
ее въ обращеніе - подлежатъ наказанію.
Но очевидно, что, если всѣ эти дѣянія
совершены однимъ лицомъ, тогда подле-
житъ лишь наказанію, назначенному
за самое важное изъ этихъ дѣяній, за вы-
пускъ въ обращеніе. Отрицая указанной
принципъ приписывается, напр, всякаго убій

ну наказовать по крайней мере за 2 деяний - за покушение на убийство и за совершение оного. Предполагая, что преступление окончено, нам представится теперь заняться более подробным анализом той формы, в которой оно совершено, т.е. внешней стороны преступления, как деяния.

II. Преступление, как деяние.

Воля, проявившаяся во вне, может проявляться в различных формах, но все разнообразие этих форм может быть сведено к двум основным типам, сообразно с двумя категориями норм, регулирующих нашу жизнь. Нормы эти, как известно, могут быть запретительные, в которых запрещается нарушение чужого права или требовательные, в которых от нас требуется активное содействие общественному порядку. Отсюда по внешней форме 2 типа преступлений: преступное содействие, как нарушение запретительного закона и преступное опущение, как нарушение требовательного.

Нарушение, как требов., так и запрет. норм может быть совершено различными средствами и способами, но по общему правилу, установив какое либо требование или какой либо запрет, закон не определяет тех орудий, средств

ими способовъ, которыми норма могъ-
ретъ быть нарушена. Какими бы сред-
ствами не было совершено убійство
оно остается убійствомъ. Такимъ обра-
зомъ по общему правилу для характери-
ки преступленій съ внѣшней сторо-
ны средства или способовъ не имѣютъ
значенія, но иногда по исключенію раз-
личіе способовъ или средствъ служитъ
именно основаніемъ для различенія нѣ-
сколькихъ типовъ преступленій. Такъ
напр. взятіе чужой вещи можетъ быть
кражею, разбоемъ или мошенничествомъ,
смотря по способу взятія. Тайное взя-
тіе чужой вещи есть кража, насильствен-
ное захватъ есть разбой, наконецъ
обманомъ захватъ есть мошенничество.
Средства также не играютъ суще-
ственной роли въ опредѣленіи внѣш-
ней стороны преступнаго дѣянія. Но
относительно нѣкоторыхъ преступ-
леній преимущественно преступленій
противъ жизни и здоровья болѣе подхо-
вопросъ: наказуемо ли это преступле-
ніе, если оно совершено не физическими,
а психическими средствами. Ме-
дицина показываетъ намъ, что нравст-
венныя потрясенія нерѣдко влекутъ за
собою такія соматическія из-
мѣненія, которыя могутъ окончиться

Лист. № 85 Лит. Б.

Пр. Палаузовъ. Лит. Мотовской.

сильною разстройством организма и даже смертью. Разбирая по нашему закону состав преступлений против жизни и здоровья, мы находимъ, что определеніе закона обвиняетъ собою дѣяніе, состоящее изъ тѣла, какъ средства физическаго, такъ и средствами психическими. Дѣйствительно, если будетъ, напр. доказано, что человѣку нанесли удары, зная, что отъ этого должна неминуемо смерть послѣдовать умерло, то этимъ дѣяніемъ жизнь отнята, средствами физическими.

Самое существенное значеніе имѣетъ вопросъ о средствахъ при различіи двухъ категорій преступныхъ дѣяній. Преступное содѣйствіе и преступное содѣйствіе.

Человѣкъ можетъ достигать извѣстныхъ результатовъ или активно-сознательнымъ вліяніемъ дѣйствіемъ. Напр. человѣкъ можетъ лишить другого жизни, вонзивъ въ него, отравивъ ему голову, давъ ему яду, но онъ можетъ причинить смерть также бездѣйствіемъ, напр. отецъ можетъ лишить жизни ребенка, не давая ему пищи, сторожъ тюрьмы отказом дорого не подавший сигнала о

опасности подвергать свои бездействием причинить вредъ неприкосновенности. Женщина, допустившая погубление ею ребенка умысломъ будетъ ли-шена права давать ему помощи очевидно тяжкое совершаетъ убійство своимъ бездействіемъ.

Но отличительная черта именно такого отрицательнаго совершенія преступленій. Относительно виновности бездействій въ указанномъ нами примѣровъ, всякій конечно долженъ утвердительной отвѣтъ, но иногда указаны такіе случаи, гдѣ несмотря на безправственность бездѣйствія это не наказуемо. Такъ, напр. человѣкъ не повиновавшій удержавшаго его отъ паденія и убившій такимъ образомъ преступника смерти, несмотря на безправственность своего поступка не подлежитъ суду. отвѣтственности. По ст. 521 нашего Улож. лицо, не оказавшее помощи погибающему, если это можно сдѣлать это безъ явной для себя опасности, несмотря на душевность своего бездѣйствія предается только церковному покаянію, т.е. не уголовному взысканію это всей вѣроятности при новомъ пересмотрѣ Уложенія, тогда это будетъ освобождено отъ данной ему причины, указанной статьей. Все

исчезнет изъ Уложенія.

Не останавливаясь на многочисленныхъ теоретическихъ попыткахъ разграниченія наказуемаго и ненаказуемаго бездѣйствія, мы упомянемъ только почти общепринятой теоріи.

Большинство современныхъ законодательствъ и ученыхъ юристовъ признаютъ, что бездѣйствіе лица, повлекшее за собою нарушеніе чужаго права наказуемо только въ такомъ случаѣ, если самое событіе, повлекшее за собою нарушеніе права, было вызвано прямо или косвенно образомъ дѣйствующимъ лицомъ. Лишекъ, напр. безъ всякаго злаго умысла приготовилъ растворъ мышьяка, но, видя, что кто-либо хочетъ по ошибкѣ выпить этотъ растворъ, не предупредилъ его объ опасности, подлежитъ уголовной отвѣтственности за преступное бездѣйствіе. Въ приведенномъ примѣрѣ опасность была вызвана непосредственно лицомъ и потому оно отвѣчаетъ за тѣ результаты, которые имѣли бы мѣсто при отсутствіи. При этомъ очевидно, если онъ нарочно не отстранилъ опасность, то отвѣчаетъ за умышленныя дѣйствія, если же по небрежности, то отвѣчаетъ за неосторожность. Но дѣйстви-

бій лица могут быть лишь косвенного причинного опасного положения лица. Лице А, напр. заключило договоръ съ лицомъ В, что оно окажетъ ему помощь, если В. во время купанья попадетъ въ опасное место.

Допустимъ, что во время действія условій лицо А действительно намеревалось исполнить свое обязательство, но въ это время когда В находился уже въ опасности лицо А раздумало и не оказало ему помощи, результатомъ была смерть лица В. Если мы внимательно вникнемъ въ причины вызвавшія смерть лица В, то мы увидимъ, что самой силы природы причинившей смерть была вызвана не лицомъ А, лицомъ А. заключая контрактъ косвенного образомъ участвовало въ создании опаснаго положения. Безъ существованія этого контракта лицо В могло бы не рискнуло бы отправиться въ опасное место. Поэтому лицо А отвѣчаетъ за неоказаніе помощи.

Итакъ лицо отвѣчаетъ за преступную бездѣятельность, если оно само прямымъ или косвеннымъ образомъ участвовало въ созданіи опаснаго положенія лица. Если же одного изъ этихъ 2-хъ условій недостаетъ, то можно говорить объ отвѣтственности нравственной, но никакъ не

Пр. Таганцевъ. Лит. Житковской.

юридической. Некоторые юристы говорят, что при такой постановке вопроса почти надобности говорить о преступном бездействии разумеются прямыми или косвенными образом создано положение опасное для другого лица, мы имеем дело, говорят они, с преступным содействием. Но такое возражение напрасно. Возьмем следующий пример: одного человека умышленно создает опасное положение, угрожающее другому смертью. Другое лицо создало опасность, будучи опасной самой природой без намерения причинить кому-либо вред, но оно допустило своим бездействием вредный последствий. В первом случае, благодаря наличности умысла центр тяжести, характеристик. момента будущий переносится к моменту создания опасности. Напротив во втором случае, когда самое создание опасности по отсутствию злого умысла является действием безразличным, центральным пунктом действий является самое попущение. А это различие характеристик. момента весьма важно во многих случаях, напр. при определении давности.

Говоря о преступлении, как о законченном действии мы видели, что для понятия оконченного действия необходимы два условия: 1. действие или бездействие

ца, направленное к достижению известных результатов. 2. наличность этих результатов.

Но очевидно, что этих двух условий недостаточно для того, чтобы можно было говорить об окончанном преступлении. Человек, напр. выстрелив в другого и смерть этого последнего воспоследовала, но произошла она не от того пули, которая вовсе не попала в цель, а от какой-либо другой причины. Из этого примера видно, что для того, чтобы можно было говорить об оконченном преступлении необходимо еще доказать существование между действием лица и совершившимся фактом, той внутренней связи, которая в жизни и в науке известна под именем причинной связи.

Исходя из этой связи между действием человека и результатами этого действия мы видим прежде всего, что связь эта может быть прямая по отношению вероятности наступления результата: это будет тогда связь необходимая или вероятная или случайная. Возьмем следующий пример: 3 человека обвинялись в убийстве. Один умертвил свою жертву, отрубив ей голову другой выстрелил в упор из ружья, третий - ножом у-

дарить палки по голове. Въ первомъ случаѣ смерть явилась такимъ послѣдствіемъ (дѣйствія) лица, что невозможно себѣ даже представить, чтобы прервалась въ ней. Во второмъ предшествующее нанесеніе смерти не является вообще такимъ нездоровымъ результатомъ, бываютъ случаи, что повреждение мозга именно не приводитъ особенно быстро, что сотрясеніе въ упоръ; но во всякомъ случаѣ можно сказать, что смерть была вѣроятнымъ послѣдствіемъ повреждения. Что касается третьяго случая, когда смерть воспослѣдовала отъ легкаго удара палкой, то необходимо признать, что необходима была наличность особенной, случайной условій для того, чтобы незначительный ударъ причинилъ смерть.

Видоизмѣняя приведенное возраженіе указаніемъ дѣйствій легко замѣтить, что дѣйствіе причинной связи по степени предвидимости имѣетъ нѣкоторое субъективное значеніе. Большая или меньшая предвидимость результата зависитъ отъ знанія окружающихъ условій. Поэтому если, напр. преступникъ, зная, что жертва его имѣетъ какой-либо органическій порокъ или недостатокъ, воспользовался этимъ, чтобы причинить ей смерть такимъ

средствомъ, которое здравому человѣку смерти не причинитъ, то онъ будетъ отвѣчать за убійство тѣмъ же, какъ и человѣкъ отрубившій фруктовую голову.

Такимъ образомъ въ матеріальномъ правѣ, по отношенію къ умышленнымъ дѣяніямъ, вопросъ о предвидимости результатовъ значенія не имѣетъ, но, что касается дѣяній неосторожныхъ, то какъ при совершеніи такого дѣянія наказуемымъ является именно непредвидѣніе тѣхъ результатовъ, которые могли быть предвидимы (лицо, совершившее подобное дѣяніе, можетъ быть наказано только за необходимые и вѣроятные результаты. Еще болѣе важное значеніе имѣетъ вопросъ о предвидимости результатовъ въ правѣ формальномъ. Если результатъ былъ необходимымъ и вѣроятнымъ послѣдствіемъ, то подсудимый, чтобы избѣжать отвѣтственности, обязанъ доказать, что онъ находился въ какихъ нибудь особенныхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ не могъ предвидѣть вѣроятнаго результата, напр. въ состояніи невмѣняемости. Напротивъ, чтобы обвинить лицо за случайные результаты его

Листъ 67 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Тютневскій.

поступка обязательство доказать, что он находился въ такихъ условіяхъ, что онъ могъ знать и эти случайные результаты могутъ наступить.

Итакъ мы видимъ въ какихъ случаяхъ человѣкъ отвѣчаетъ за послѣдствія своего дѣянія, но, говоря о послѣдствіяхъ дѣянія необходимо точно условиться въ томъ, что такое дѣяніе будемъ разумѣть, какъ послѣдствіе дѣянія. Въ природѣ мы едва ли можемъ указать такое явленіе, которое было бы причиною другаго въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, необходима еще обусловленность условій для того, чтобы одно явленіе послѣдовало за другимъ.

Человѣкъ, напр. отрубилъ другому головѣ ногою, результатомъ этого была смерть.

Дѣяній скажетъ, что смерть была причинена ударомъ ноги, но это не совсѣмъ точно, ударъ ноги только вызвалъ къ дѣйствію извѣстныя силы организма, которые повлекли за собою смерть, однако ударъ ноги присоединился цѣлой ряду физіологическихъ условій, результатомъ ихъ взаимодѣйствія явилась смерть.

Слѣдовательно говорить о извѣстномъ дѣйствіи, какъ о непосредственномъ результатѣ исключительно дѣятельности даннаго лица будетъ неправильно.

Действія человѣка является только одинъ изъ многочисленныхъ факторовъ, обусловливающихъ данный результатъ. Поэтому возникаетъ вопросъ, когда предметомъ дѣйствія человѣка могутъ разсматриваться, какъ столь существенное условіе извѣстнаго преступнаго дѣянія, что оно послѣднее можетъ быть вмѣнено ему, какъ результатъ его дѣятельности. Конечно въ приведенномъ нами только что примѣрѣ связь между ударомъ ножа и смертью субъекта настолько тѣсная, хотя и не непосредственная, что мы не можемъ себѣ представить первое безъ втораго. Но связь эта бываетъ не всегда столь близка. Человѣкъ, нанесъ другому незначительную рану, но благодаря тому, что некому было перевязать рану, раненый истекъ кровью и умеръ, или вслѣдствіе случайно понизившейся температуры произошло разложеніе крови (заключавшейся въ ранѣ) сначала гнойное, затѣмъ общее и такое смерть. Наконецъ мы можемъ представить себѣ такой случай, что рана несмертельная сама по себѣ причинила смерть, благодаря неумѣлости врача.

Спрашивается должны ли подобные случаи быть разсматриваемы, какъ оконченное преступленіе или только, какъ покушеніе.

Обращаясь для решения этого вопроса к анализу тех отношений, в которых стоит действия человека ко внешней природе совместно управляющими в воспроизведении результата, мы прежде всего замечаем, что силы эти могут быть или 1. вызваны самим моим или 2. силой, принадлежащей лицу его волю, пользуется им, направляет его в известную сторону или устраняет препятствия или следовательно положительной условий, при которых эти силы могли бы направиться к желаемому результату, или наконец 3. силой, существующей помимо воли лица совершенно случайно присоединяющейся к его действию.

Доктрина и законодательство приходят теперь к заключению, что человек может отвечать лишь за результаты, вызванные его действием совместно с силами, вызванными или направленными к достижению данного результата. Особенно важно в теоретической и практической отношении является тот случай, когда сила принадлежащая к действию человека будет такова, что в свою очередь может быть привлечена к действию

ности.

Эта форма преступной деятельности и дает содержание учению, разсматривающему.

Преступление, как продукт деятельности нескольких лиц.

Конечно теоретический интересъ представляетъ только тотъ случай, когда лица участвующія въ совершеніи преступленія стоятъ въ извѣстномъ опредѣленномъ отношеніи другъ къ другу, такъ чтобы можно было говорить о совмѣстіи этихъ лицъ о соучастіи въ преступленіи.

Первымъ вопросомъ здѣсь является вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи должно стоять лицо къ совершаемому дѣянію и къ другимъ участникамъ въ преступленіи для того, чтобы его можно было считать соучастникомъ. Отношенія эти сводятся къ двумъ: субъективному, либо объективному. Либо къ 1. субъективной и 2. объективной.

Въ томъ, что умыселъ долженъ быть субъективной связью, сходятся, что лицо, дѣйствующее за одно съ другими, но находящееся въ состояніи невмѣняемости, не можетъ быть признано соучастникомъ. Кто либо, напр. подговариваетъ малолѣтнюю

Листъ 69= Голов. Бр.

Бр. Жалинцевъ. Лит. Шапиевской.

недостаточно, а иногда служит основанием для того, чтобы квалифицировать преступление как совершенное без заранее состоявшегося сговора.

Иногда приходится сталкиваться с следующими конкретными случаями, когда подсудимый будет отрицать свое участие в совершении преступления, но будет настаивать на том, что он принимал участие в совершении преступления, но будет настаивать на том, что он принимал участие в совершении преступления, но будет настаивать на том, что он принимал

чтобы было совпадение по отношению ко всем или индивидуальности подробностей плана.

Два лица, напр. сговариваются обокрасть кого-либо; одно предполагает достигнуть этого простого кражею, а другой кражею со взломом, убийством, несмотря на эти различия во подробностях действия, они будут различаться, как сообщники. Далее понятие совиновничества предполагает совпадение не только во внутренней стороне преступлений преступной воли, но и во внешней его стороне. Недостаточно, чтобы у нескольких лиц явились одинаковые намерения, необходимо еще, чтобы деятельностью представилась известное единство с внешней стороны.

Два человека напр. наносят побои третьему лицу, один несколько времени спустя после другого очевидно, что у них не было предварительного соглашения, то сообщения здесь не будет. Они, напр. несколько лиц совершают одновременно кражу в данном доме без всякого сговора, даже не зная друг друга, конечно их нельзя признать сообщниками.

Перейдем теперь к разсмотрению различных видов совиновниче-

amba.

Учреждение наше в сем. и употребляемо два главного вида сообщений в преступлении, сообщение по предварительному сношению и сообщение без предварительных сношений. Разница между сими двумя видами заключается в точке времени начала совершения преступного деяния. Это время бывает таких случаев, что иногда заранее сообщившейся совершитель одного преступления, нашедши исполнения условливающей совершению другого. Напр. неоднократно покупки заранее сообщились обокрасть дом, но дождавшись наступления удобного, чтобы совершение кражи не стоило им труда, ограничились одним оным.

Подобно сему, также существует заранее обдуманное покушение сообщения. Например, сообщение по время совершения одного преступления сообщением другого, чтобы совершить кражу

Что касается процессуальной стороны вопроса, то надобно заметить, что отсутствіе предварительнаго соглашенія презюмировано donec probatur contrarium.

Въ западномъ законодательствѣ встрѣчается еще 3ій типъ соучастія — шайка. Шайки организуются ради совершенія какого либо одного индивидуально опредѣленнаго преступленія или цѣлаго ряда такихъ преступленій или даже для совершенія вообще извѣстнаго рода преступленій индивидуально не обозначеннаго. Отличительная черта шайки отличается въ распредѣленіи роду участника ролей по предварительному соглашенію.

Легко видѣть, что между шайкой и указанными видами соучастія нѣтъ принципіальнаго различія это только квалифицированный видъ соучастія, поэтому наше Уложеніе совершенно справедливо говоритъ о шайкѣ не въ общей, а въ особенной части. Здѣсь законъ назначаетъ весьма тяжкія наказанія за составленіе шаекъ. Если кто либо изъ членовъ шайки учинитъ одно изъ преступленій для коихъ сія шайка составлена, то, буде въ законахъ не опредѣлено какое либо особое, именно за совер-

Пр. Таганцевъ. Лит. Жоголевскій

ніе такого преступленія посредствомъ мал-
ки, наказаніе, онъ приговаривается къ выс-
шей мѣрѣ наказанія за то преступленіе
въ законѣ положеннаго /ст. 927/.
Въ преступленіи учиненномъ нѣсколькими
лицами безъ предварительнаго соглашенія за-
конъ различаетъ 2 группы виновныхъ лицъ:
1. такъ наз. главныхъ виновниковъ и 2. уча-
стниковъ. Главными виновниками при-
знаются а/ распорядившіеся или управив-
шіе дѣйствіями другихъ; б/ непосредствен-
но совершившіе преступленіе, напр. при
убійствѣ лицо, нанесшее смертельный
ударъ. Наконецъ с/ главнымъ виновни-
комъ признается тотъ, кто, „присту-
пивъ къ дѣйствію прежде другихъ при
самомъ его началѣ" /ст. 12/. Этотъ послѣд-
ній пунктъ едва ли заслуживаетъ одобре-
нія, такъ какъ онъ основывается на совер-
шенно случайныхъ обстоятельствахъ. Про-
чіе виновные непосредственно помогавшіе
главнымъ, доставившіе средства къ совер-
шенію преступленія или устранявшіе
препятствія къ тому представившіе
признаются участниками.
Что касается отвѣтственности лицъ
дѣйствующихъ безъ предварительнаго
соглашенія, то всѣ участвовавшіе подле-
жатъ отвѣтственности за одно и то-
же преступленіе, но главные виновные
приговариваются къ высшей мѣрѣ нака-

заній за то преступленіе въ законахъ по-
ложено, а мѣра наказаній участниковъ
опредѣляется по мѣрѣ оказаннаго каждымъ
изъ нихъ содѣйствія въ учиненіи престу-
пленій одного или двухъ степеней ниже
того, коему подвергаются главные виновные.
Гораздо сложнее является вопросъ о соуча-
стіи по предварительному соглашенію.
Въ такомъ соучастіи является двоякаго
рода главныхъ момента. Соглашеніе и испол-
неніе. Лица участвующія только въ согла-
шеніи могутъ быть названы виновными
интеллектуальными, тѣ же лица, ко-
торыя принимали участіе и въ согла-
шеніи задуманнаго плана въ доктри-
нѣ и въ западныхъ законодательствахъ
извѣстны подъ именемъ виновныхъ
физическихъ. Итакъ различіе между этими
двумя родами соучастниковъ очень важное.
Лицо, участвовавшее только въ согла-
шеніи или составленіи плана, но не при-
нявшее участія въ исполненіи умысла
есть виновникъ интеллектуальный.
Лицо, участвовавшее, какъ въ согласіи
такъ и въ исполненіи есть виновникъ
физическій (отсутствіе соглашенія уни-
чтожаетъ самое понятіе соучастія).
Между интеллектуальными виновниками
различаютъ главныхъ и второстепенныхъ.
Главный интеллектуальный виновникъ

въ доктринѣ и въ законодательствѣ носитъ названіе подстрекателей или подговорщика, свидѣтельствуетъ техническое значеніе этихъ терминовъ нѣсколько отличается отъ общежитейскаго. Въ жизни подстрекателемъ или подговорщикомъ называютъ нерѣдко и физическихъ виновниковъ.

Для болѣе точнаго опредѣленія отвѣтственности главнаго интеллектуальнаго виновника необходимо опредѣлить тѣ условія, при которыхъ извѣстное лицо можетъ быть привлечено къ отвѣтственности, какъ подговорщикъ или подстрекатель. Условія эти трояко рода одни лежатъ въ самомъ лицѣ подговаривающемъ, другіе въ лицѣ подговариваемомъ и третьи въ томъ отношеніи, которое существуетъ между подговаромъ и дѣйствіями совершеннымъ подговореннымъ.

Со стороны лица подговаривающаго первое условіе есть наличность умысла, направленнаго на совершеніе извѣстныхъ преступленій, ибо какъ мы уже видѣли безъ умысла не можетъ быть соучастій. Поэтому, если, напр, кто либо на досугѣ разскажетъ при другомъ о какомъ либо новомъ плановомъ мошенничествѣ или просто посовѣтуетъ кому либо совершить преступленіе и слушa-

тесь бытодействіе этого разсказанія совѣта дѣйствительно совершить преступленіе, то здѣсь не будетъ подстрекательства.

Тоже также развитіе въ другомъ преступномъ наклонностей само по себѣ есть поступокъ безнравственной, нерѣдко преступной, но не можетъ быть разсматриваемъ, какъ подстрекательство, если не направлено на совершеніе индивидуально опредѣленнаго преступленія. Далѣе необходимо, чтобы лицо избрало другаго какъ средство для совершенія извѣстнаго преступленія или какъ говорятъ необход. animus instigandi.

Положимъ если, напр. кто либо задумалъ совершить преступленіе и нехотя разболталъ свой планъ другому лицу, которое предвосхитило его намѣреніе и само совершило это преступленіе — здѣсь нѣтъ animus instigandi, нѣтъ слѣдовательно и подстрекательства, хотя есть умыселъ.

Относительно того можетъ ли случаѣ подстрекательство совершеніе чрезъ посредство другаго лица такого преступленія, которое самимъ подговаривающимъ совершено быть не можетъ необходимо дать утвердительный отвѣтъ. Такъ, напр., осѣненіе можетъ быть подстрекаемъ

Пр. Тимашевъ. Лит. Колтевской.

лечь къ изыскиванію. Но утвердительной отвѣтъ относится только ко дѣяніямъ физически невозможнымъ для подговаривающаго; что же касается до дѣяній физически для него невозможныхъ, то подговаривающій не можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности. Если, напр., человѣкъ несумасшедшій подговариваетъ слѣпаго совершить преступленіе по должности, то подговаривающій не можетъ подлежать отвѣтственности за совершеніе этого преступленія, такъ какъ основаніе наказуемости и мѣра ея именно въ особомъ положеніи лица, совершающаго преступленіе, служба въ извѣстномъ мѣстѣ.

Что касается условій мѣрящихъ вѣлицу подговариваемаго, то они выводятся изъ требованій, чтобы лицо <u>могло быть склонено</u>. Поэтому подстрекательства, если подговариваемое <u>недѣеспособно</u>, въ такомъ случаѣ нѣтъ вовсе, какъ мы видѣли, соучастія. Именно необходима <u>дѣеспособность въ данномъ фактѣ</u>. Лицо, напр. пользуясь близорукостью другаго подговариваетъ его выстрѣлить въ человѣка, говоря ему, что это олень; здѣсь вовсе нѣтъ соучастія, слѣдов. нѣтъ и подстрекательства.

Что касается самыхъ средствъ подстрекательства или подговора-весьма разнообразны, напр. убѣжденія, подкупъ, обольщеніе, обманъ, то ихъ нѣтъ надобности перечислять

всѣ (перечень, помѣщенной въ Зст. Уложенія только примѣрный) необходимо только доказано, что преступное дѣяніе было продуктомъ преступной дѣятельности лица. Наконецъ при наличности всѣхъ указанныхъ условій, если подговоръ не удался, подговариваемый не согласился совершить преступленіе, то такое подстрекательство или подговорщество должно разсматриваться какъ приготовленіе, а не какъ покушеніе на преступленіе.

Итакъ резюмируя сказанное для наказуемости подстрекателей необходимо: 1. умысель со стороны субъекта, 2. способность быть обнаруженнымъ со стороны объекта, 3. причинная связь между дѣйствіемъ подстрекателя и совершеніемъ дѣянія и 4. дѣйствительная попытка совершенія.

Что касается самаго размѣра отвѣтственности подстрекателей, то прежде всего она стоитъ въ соотношеніи съ тѣмъ, на сколько болѣе подговаренное ужe выразилось. Смотря потому совершилъ-ли подговаренный приготовленіе, покушеніе или оконченное преступное дѣяніе и подстрекатель отвѣчаетъ за приготовленіе, покушеніе или оконченное преступленіе.

Но вопросъ объ этомъ соотношеніи усло-

ждается, если действій подговоренного не вполнѣ соотвѣтствуютъ подговору. Одинъ, напр. подговарилъ другаго совершить простую кражу и тотъ совершилъ кражу со взломомъ или подговорилъ другаго побить кого либо, а тотъ совершилъ убійство.

Конечно, если преступленіе совершенное отличается отъ подговора качественно, то подговорщикъ не можетъ считаться виновнымъ въ его совершеніи. Если же различіе только количественное, то подстрекатель отвѣчаетъ за тотъ эксцессъ, который онъ предвидѣлъ, какъ за умышленное, а за тотъ, который могъ предвидѣть, какъ за неосторожное дѣяніе. Напр. Подстрекатель подговорилъ другое лицо совершить кражу, но предвидѣлъ, что для этого нужно будетъ сдѣлать взломъ и взломъ дѣйствительно былъ совершенъ, то онъ отвѣчаетъ за квалифицированную кражу (кража со взломомъ), а не за простую.

Сказать a priori, кто долженъ быть наказанъ строже физическій виновникъ или подстрекатель довольно трудно.

Уложеніе наше признаетъ, что подстрекатель всегда наказывается строже, чѣмъ физическій виновникъ, но едва ли это правильно. Есть большая разница между тѣмъ кто только задумалъ и

тому, кто его выполнил, выполнение предмета извѣстной силы воли, извѣстной ловкости, которой прежде не бывало у подстрекаемаго.

Второстепенными интеллектуальными виновниками должны быть признаны тѣ, которые укрѣпили участниковъ въ преступномъ намѣреніи помогли, или совѣтами или указаніями или обѣщали содѣйствовать совершенію преступленія, создавая положительныя условія или устраняя препятствія, но не осуществившія обѣщанія. Наравнѣ со второстепенными интеллектуальными виновниками должны отвѣчать и тѣ, которые подстрекали не къ совершенію дѣянія, а только къ пособничеству; это можно вывести изъ указанныхъ уже нами соотношеній между наказуемостью подстрекателей и дѣйствіями совершенными по этому подстрекательству.-

Что касается физическихъ виновниковъ, то изъ закона знаемъ 2 категоріи: зачинщики и сообщники. Зачинщики по ст. 13 Уложенія суть, тѣ, которые умышленно содѣянное преступленіе согласились на то другимъ, и тѣ, которые управляли дѣйствіями при совершеніи преступленія или покушеніи на

Листъ 11-й Голов. Пр.

Пр. Тиханцевъ. Лит. Кошевскій.

одно или же первое к тому причастных." (Замечательно, что сводчик не причисляет лица, непосредственно совершившего преступление.")

Сообщники или пособники физические суть: 1. тот, который доставил орудия для совершения преступления (напр. кортик для убийства, отмычку для взлома;) 2. тот, который устранил препятствия к совершению преступления (напр. запер собаку, отворил дверь) и наконец 3. тот, который давал убежище, укрывал преступника.

Переходим теперь к наказуемости соучастников вообще.

Вопрос этот представляет особенный теоретический интерес потому, что здесь повидимому нарушается основной принцип уголовного права, что каждый отвечает только за себя. Совершается, напр. по сговору кража со взломом. Взломом производит один из участников, между тем все отвечают не за простую кражу, а за кражу со взломом.

Или кто-нибудь пособил сговорившимся убить кого-либо нанося ему несколько ран. Рана нанесенная каждым из участников сама по себе не смертельна, но совокупность их причинила смерть и вот в таком случае каж-

Дан из участников отвечает за убийство. Мало того будут отвечать, какое убийство из участников, которое может быть вовсе не приказалось в договоре, напр. отворение дверей.

Но противоречий с принципами уголовного права здесь нет. Дело в том, что согласие на совершение уголовно преступлений и преступная готовность, выраженная в форме согласий дает для каждого участников полный субъективный элемент наказуемости. Что же касается выполнений, то, как мы видели при совершении всякого преступления, действия преступника являются не единственной причиной, а только одним из условий совершившегося правонарушения.

Другими обусловливающими элементами являются различные силы, приводящие в действие человека этими силами являются в случае соучастия между прочими и действия остальных соучастников.

Наказуемость отдельных участников определяется 1. сообразно с той степенью участия, которую каждый из них принимал в совершенном преступлении, 2. сообразуясь с разли-

ными индивидуальными обстоятельствами данного дѣянія.

Вліяніе степени участія не велико по Уложенію. Главные виновные приговариваются всегда къ высшей мѣрѣ наказанія въ законѣ за то преступленіе назначенному. Изъ прочихъ участвовавшихъ тѣ, которыхъ участіе въ данномъ преступленіи было необходимо наказываются, какъ за простое преступленіе.

Наконецъ наказаніе полагается на одну степень противъ указанной въ законѣ для тѣхъ, которые не присутствовали на мѣстѣ преступленія, и для тѣхъ, которыхъ участіе не было необходимо. Наконецъ наказаніе полагается одного или двумя степенями противъ того, которому подвергаются главные виновные для участниковъ безъ предварительнаго соглашенія.

Сюда также относится вопросъ о соображеніи мѣры отвѣтственности соучастниковъ на основаніи индивидуальной обстановки данныхъ дѣяній. Особенныя обстоятельства, исключающія различіе отвѣтственности переходятъ или въ субъектахъ или въ самомъ дѣяніи.

Въ послѣднемъ случаѣ конечно обстоятельства отягощаютъ отвѣтственность всѣхъ участниковъ. Что же ка-

самая тѣсная обстоятельства, кото-
рыя связаны съ субъектомъ, то здѣсь
надобно различать два вида этихъ об-
стоятельствъ. Одни связаны исключи-
тельно съ личностью преступника,
напр. то, что онъ рецидивистъ или ма
лолѣтній или зависитъ отъ особыхъ
отношеній въ которыхъ лицо стои-
тъ къ жертвѣ, вообще въ его отно-
шеніяхъ къ объекту правонарушенія.
Относительно обстоятельствъ пер
вой категоріи не можетъ быть
не можетъ; понятно безъ дальнѣй-
шихъ разъясненій, что, напр. несовер
шеннолѣтіемъ или легкомысліе одного
изъ участниковъ не можетъ вліять
на міру отвѣтственности другихъ.
Насколько сложнѣе является вопросъ
въ тѣхъ случаяхъ, когда преступле-
ніе получаетъ особенный характеръ,
квалифицируется въ силу извѣстныхъ
отношеній существующихъ между
жертвою и кѣмъ либо изъ соучастни-
ковъ.

Кто либо подстрекаетъ, напр., друго
го на злоумышленіе, спрашивается
будетъ ли подстрекательство, если само
оно не совсѣмъ убито, наказано высо-
кая степень наказаній, положенная
за простое убійство или же за отце-

Пр. Таганцевъ. Лит. Кониевской.

убійство. Кажется первое будетъ справедливое. Дѣйствительно особенность которыя полагаются закономъ за убійство родителей, потому что человѣкъ рождающійся порвалъ такую глубокую нравственную связь, которая связываетъ родителей и дѣтей, предполагается дѣйствительно исторгнутою до глубины души.

Между тѣмъ для посторонняго міра, какимъ въ нашемъ примѣрѣ является подсудимая эта связь не существуетъ и трудно подыскать юридическое основаніе для вмѣненія его въ отвѣтственности наравнѣ съ отцеубійцей.

Въ другой сторонѣ, напр. убійство матерью незаконнаго новорожденнаго ребенка подсудимъ самой незначительной уголовной отвѣтственности, по конечно соображеній, по которымъ для самой матери которая, полагаясь за обыкновенное убійство, заплатитъ тюрьмой вовсе не приложимое къ лицамъ посторонимъ.

По тѣмъ же основаніямъ подстрекательство или пособничество лицъ несудящихся въ совершеніи судебныхъ преступленій не можетъ подлежать отвѣтственности, если не заключаетъ въ себѣ преступленія общаго.

Это видно также и изъ того, что большинство наказаній положенныхъ за преступленія по должности подлежатъ такимъ наказаніямъ, которыя только и могутъ быть применены къ служащимъ, напр. занесеніе въ формуляръ, выгетъ изъ ученія, удаленіе отъ должности.

Подобно тому, какъ при совершеніи преступленія одними лицами, въ преступленіяхъ совершаемыхъ по соучастію одного или нѣсколько или даже всѣ участники могутъ отказаться добровольно отъ выполненія преступленія принятое имъ отвѣтственности должны быть очевидно въ существѣ, тотъ же, что при добровольномъ оставленіи приготовленія или покушенія въ преступленіи совершаемомъ однимъ лицомъ, т.е. каждый отвѣчаетъ только за то, что совершено имъ самимъ или другими по его волѣ и что совершено соучастниками до того, какъ онъ отказался отъ соучастія при чемъ конечно раскаяніе можетъ быть принято во вниманіе, какъ обстоятельство смягчающее отвѣтственность. Поэтому добровольный отказъ физическихъ виновниковъ можетъ имѣть быть причиною добровольно оставленнаго покушенія или

приготовлению.

Что касается физической интеллектуальной, то отказавшись от соучастий они отвечают за всё осуществившееся результатное, на которое дано было их предварительное согласие, как как в преднее действие совета, подстрекательства и т.п. не прекращается само собою с того момента, как давший его отказался от соучастий.

По общему духу статей 117–122 и ст. 126 можно заключить, что законодательство наше придерживается этого же взгляда.

Постановления нашего закона об отказе от соучастий весьма усложняются примыканиями к ним постановлениями о недоносительстве, которое относится собственно к отдельной категории преступлений и лиц, оснований наказуемости, которые весьма отличны от оснований наказаний соучастников. Мы говорим о прикосновенности к преступлению. Лицами прикосновенными к преступлению признаются в законе попустительные, укрывательные и недоносительные. Необходимым условием для того, чтобы быть признанным лицом прикосновенным к преступлению в тесном

ческою смыслъ есть условіе отрицательное. Лицо не должно быть соучастникомъ въ данномъ преступленіи. Что касается отдѣльныхъ категорій причастныхъ лицъ, то слѣдуетъ отнестись: 1. попустительство.

Попустительствомъ закона называется то, кто имѣя власть и возможность остановить готовящееся правонарушеніе намѣренно или завѣдомо не сдѣлаетъ этого.

Необходимымъ условіемъ здѣсь является умышленность дѣянія. Попустительствуетъ, какъ мое сказано, не участвующій самъ въ совершеніи преступленія, преступность его дѣйствія заключается въ нарушеніи обязанности лежащей по закону на каждомъ способствовать по мѣрѣ возможности предупрежденію готовящагося правонарушенія. Понятіе въ Германскомъ Уложеніи попустительство ограничено въ родовомъ преступленіи противъ административнаго порядка. Но здѣсь наказуемо попустительство только по отношенію къ родовому видовому преступленію, работа же о преступленіи готовящагося правонарушенія въ видовомъ признается исключительно на почвѣ

Листъ 673 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Копіевскій.

-ziю.

Къ укрывательству закона относитъ
3 группы лицъ: а) скрывающіе слѣды пре
ступленій, б) скрывающіе преступни
ка, с) покупающійся плодами преступ
леній. Основаній наказуемости укры
вательствъ слѣдовъ преступленій и у
крывательствъ преступника нельзя
въ томъ, что дѣятельность ихъ пре
ставляетъ противодѣйствіе от
правленію правосудія и противодѣй
ствіе нерѣдко весьма существенное.
Поэтому преступленія эти подле
жатъ преслѣдованію должно бы по
мимо всякихъ въ отдѣлѣ преступленій
противъ судебнаго порядка. Лица, поль
зующіяся плодомъ преступленій пре
ставляютъ собою вредный элементъ въ государствѣ. Извѣстно
что безъ существованія мѣнялъ сбыта
краденыхъ вещей чрезъ посредство лицъ
спеціально занимающихся этимъ ре
месломъ не могло бы и половины того числа
кражъ, которое совершается теперь.
Покрываніе плодовъ преступленій за
грѣшается въ законѣ именно по отно
шенію къ незаконно пріобрѣтенному
имуществу (ст. 14) и потому, какъ одинъ
изъ видовъ преступной наживы
должно собственно помѣщено
въ отдѣлѣ о корыстныхъ имущественъ-

ными преступниками, как это сделано во Вновь. Уставе, ст. 180, где говорится о покупке и приеме в закладе заведомо краденых вещей.

Наконец 3-ю категорию прикосновенных лиц составляют недоносители. Недоносительство может быть двух родов: а) недоносительство о готовящемся или совершающемся преступлении и б) недоносительство о совершившемся преступлении.

Первая категория недоносителей совпадает с пособниками попустительства, вторая с пособниками укрывательства. Действующий закон обязует в первом случае лицу, которому грозит опасность ближе пагубству, в последнем случае, когда лицо предупреждение это поздно, очевидно остается избежать пагубства. Ответственность недоносителей увеличивается, если лицо было главным фактическим или интеллектуальным виновником, хотя и отказалось от соучастия. Прочие соучастники отказавшиеся от преступного намерения подлежат наказанию наравне с непричастными к делу лицами.

Не подвергаются наказанию заведомые о злодеяниях преступники: лицо, подлежащее по

ими находящимися родственниковъ по прямой линіи, супруги на супруговъ, братья и сестры на братьевъ и сестеръ. Наказаніе за недонесеніе о содѣянномъ прекращается, а въ преступленіяхъ не влекущихъ за собою смертную казнь или каторжныя работы вовсе отпадаетъ всякій недонесшій быть съ преступникомъ въ ближнихъ связяхъ свойства или родства.

Въ той же мѣрѣ отвѣтственности подлежатъ лица, скрывающія преступниковъ. На этомъ же основаніи, но въ меньшей степени слѣдуетъ наказаніе за недонесеніе о готовящемся преступленіи. Если только одна категорія преступленій, для которыхъ не имѣетъ мѣста отвѣтственность недонесшихъ и укрывателей - это преступленія государственныя, въ которыхъ, какъ недонесеніе и укрывательство, такъ и попустительство наказываются смертною казнію.

По общему правилу укрыватели и попустители наказываются 2-мя степенями менѣе, чѣмъ назначено по закону за совершеніе. Если же кто недонесшій, то о совершаемомъ преступленіи, смотря по важности преступленія подвергается наказанію отъ закона въ крѣпости - до денежныхъ взысканій. Этимъ мы заканчиваемъ первую книгу общей части: имѣя о преступленіи переходимъ ко второй книгѣ нашего ученія о

Книга вторая. Ученіе о Наказаніи.

Мы уже разсмотрѣли во введеніи юридическія основанія права государства наказывать, указали на тѣ послѣдствія преступленій, противъ которыхъ государства борется средствомъ наказаній, теперь же мы обратимся къ разсмотрѣнію основныхъ формъ карательной дѣятельности, къ которымъ прибѣгаютъ современныя законодательства въ борьбѣ съ преступленіемъ. Каждый кодексъ имѣетъ свою болѣе или менѣе выработанную систему наказаній, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ. Этотъ порядокъ особенно удобенъ для сравнительной оцѣнки тяжести наказаній, безъ которой почти невозможно было бы сообразно отвѣтственность съ индивидуальной обстановкой дѣянія. Отъ этого порядка и самая система наказаній получила бы юрид. языкъ техническое названіе лѣстницы наказаній.

Всякое наказаніе есть отнятіе или умаленіе какого либо блага. Сообразно съ родомъ благъ, которыхъ касается лишеніе наказаніемъ, законодательство Евр. кодексовъ знаетъ слѣд. наказанія: 1) лишеніе жизни, 2) наказанія тѣлесныя, направленныя противъ здоровья и тѣлесной неприкосновенности, 3) лишеніе свободы, 4) лишеніе чести и гражданскихъ правъ, 5) полное или частное

Пр. Таганцевъ. Лит. Тютневскій.

шеній имущества.

Переходимъ теперь къ обзору системы мѣстныхъ наказаній установленной нашимъ закономъ и затѣмъ постараемся сдѣлать историко-критическій разборъ каждой изъ нихъ.

Законъ нашъ прежде всего различаетъ 3 категоріи наказаній: наказаній общихъ, нак. особенныхъ и нак. исключительныхъ. Наказаній исключительной суть наказаній назначаемыя только за нѣкоторыя отдѣльныя преступленія не внесенныя въ общую часть; (напр. ссылка въ Туруханскій край за скотоложество; лишеніе христіанскаго погребенія назнач. за самоубійство. Наказаній особенныя суть наказаній назначаемыя спеціально за преступленія по службѣ.

Наибольшее значеніе конечно представляютъ наказаній общія, они въ свою очередь распадаются на главныя, дополнительныя и замѣняющія.

Наконецъ главныя распадаются на уголовныя и исправительныя.

Наказаній уголовныя суть: смертная казнь. каторжныя работы, ссылка на поселеніе въ Сибирь и ссылка на поселеніе за Кавказъ.

Видъ смертной казни опредѣляется судомъ въ приговорѣ его.

Каторжныя работы законъ знаетъ 7 степеней: кат. раб. безъ срока, кат. раб. 15–20, 12–15, 10–12, 8–10, 6–8, 4–6 лѣтъ. Каторжныя работы отбываются въ рудникахъ (1, 2, 3 категор.), въ крѣпо-

стиях (4 и 5 категор.) или на заводах (две последн. категории). Впрочем в крепостной работе теперь в большинстве случаев заключенные работают на заводах. Ссылка на поселение в Сибирь имеет два степени: 1. ссылка в отдаленнейшие места Сибири, 2. ссылка на поселение в места Сибири не столь отдаленные. Ссылка на Кавказ степеней не имеет.

Наказаний исправительным законом знает 7 разрядов: I. Ссылка на рудные в отдаленн. мес. не столь отдаленн. места Сибири с временным в назначенном месте пребывания заключением или без оного для лиц не лишенных от тел. наказ. наказание это заменяется отдачею на время в исправительно-арестантский отделений. II. Ссылка на рудные в более или менее отдал. губернии кроме сибирских и параллельно для неимеющих от тел. наказ. наказаний заключение в рабочем доме. (Отт. телесных наказаний изъемлются некот. лица по правам состояний — дворяне, купцы обоих гильдий почетные граждане, свящ. служители, церковнослужители, монашествующие и др. по возрасту малолетние, несовершеннолетн. (до 21 года) и престарелые старше 70 лет, по полу все женщины, лица, занимающие известные должности, имеющие известные знаки отличий или дипломы и др.). III. Временное заключение в крепости, IV. Временное заключение в смирительном доме. V. Временное заключение в тюрьме. VI. Крепостной временный арест. VII. Воен-

воры въ присутствіи суда, заключеній и внушеній отъ имѣющихъ судебныя и правительственныя и денежныя взысканія. Большинство изъ указанныхъ видовъ наказаній имѣютъ нѣсколько степеней.

Къ наказаніямъ дополнительнымъ-сопровождающ. главныя наказанія законъ относитъ: I. ограниченія въ правахъ, двоящ. въ 4-хъ формахъ: лишеніе всѣхъ правъ состоянія, сопров. первая двѣ категоріи исправит. наказ.; лишеніе нѣкоторыхъ правъ, сопров. 3-ю и 4 категор. исправ. наказ., и лишеніе какого-либо права, сопровожд. нѣкот. особыя преступленія. II. отдача подъ надзоръ полиціи. III. Выставка у позорнаго столба (она отмѣнена уже въ царствѣ Польскомъ и вскорѣ будетъ отмѣнена во всей имперіи). IV. Церковное покаяніе, которое впрочемъ нигдѣ не употребляется, какъ самостоятельное наказаніе. V. Высылка за границу. VI. Наложеніе приговора въ вѣдомостяхъ на счетъ виновнаго или не на его счетъ. VII. Конфискація и др.

Изъ всѣхъ наказаній замѣчательнѣйшія суть: политическая смерть, тѣлесныя наказанія, которыя только по исключенію могутъ являться главными и отдача въ заработки.

Переходимъ теперь къ болѣе подробному историко-критическому разбору отдѣльныхъ видовъ наказаній.

Важнѣйшее благо, которое можетъ быть отнято у человѣка есть жизнь, поэтому и

казаніемъ является лишеніе жизни — смертная казнь. Вопросъ о смертной казни далеко не имѣетъ такого жгучаго интереса, какой онъ имѣлъ въ прошломъ столѣтіи. По всей вѣроятности онъ въ скоромъ времени будетъ имѣть только историческое значеніе, не такъ бы много еще въ Европѣ. Въ Англіи насчитываетъ до 150 видовъ преступленій, въ которыхъ полагалась смертная казнь. Тысячи людей кончали ежегодно жизнь на висѣлицѣ или на эшафотѣ. Франц. кримин. статистика указываетъ около 100 видовъ преступленій въ эпоху до революціонную, за которыя полагалась смертная казнь. Въ Code pénal встрѣчается еще смертная казнь за фальшифицированную краску и за фальшив. подлогъ. До 1848 года во Франціи сохранились еще остатки фальшифицир. смертной казни — именно смертная казнь съ предварительнымъ отсѣченіемъ руки за отцеубійство. Не особенно недавно опредѣлилась смертная казнь по австрійскому кодексу — Австрія, которая вообще почти перестала — за преступленія, которыя теперь караются лишеніемъ свободы фальшифицир. смертная казнь — казнь сопровождавшаяся отрѣзаніемъ правой руки, клеймленіемъ, вырываніемъ щипцами, выставленіемъ трупа, привязанія флигеля, вырѣзываніе ремней изъ спины.

Въ настоящее время фальшифицир. смерт.

Пр. Таганцевъ. Ассп. Коневской.

над казнь никогда въ Европѣ не существовало.
Простая назначается рѣдко; лишій участія
въ преступленіи, за которое полагается смерт-
ная казнь. Во Франціи этому наказанію подле-
жатъ виновные въ умышленномъ убійствѣ, въ
квалифицированномъ подлогѣ и покушеніе
на жизнь представителя верховной власти.
Въ Германіи смертная казнь полагается за
Mord, Todtschlag и нѣкоторые виды Vorsatz-
lich совершенное своимъ подданнымъ.
При разсмотрѣніи проекта Германскаго Ули-
нерскаго Уложенія въ Палатѣ въ 1872 г. большин-
ствомъ голосовъ дабе вовсе отмѣнить смертную
казнь и предложеніе это прошло въ первомъ
и второмъ чтеніи большинствомъ 18 голосовъ.
Только послѣ угрозы правительства, что
оно въ случаѣ несогласія палаты оставить
смертную казнь возьметъ назадъ весь проектъ,
составилось въ Палатѣ незначительное
большинство въ защиту смертной казни.
Теперь во Франціи и Англіи приговарива-
ется къ смертной казни въ каждой сессіонно
между 30-40 человѣкъ, но приговоръ приводит-
ся въ исполненіе не болѣе, какъ надъ третью
осужденныхъ. Изъ значительныхъ государствъ
смертная казнь отмѣнена вовсе въ Португа-
ліи въ 1867 г., въ Саксоніи въ 1868 г., но въ этой
послѣдней вновь введена съ имперскимъ
Уложеніемъ въ 1871 г. Далѣе въ 1874 г. отмѣне-
на смертная казнь въ Ирландіи и Женев-
скомъ кантонѣ, въ этомъ послѣднемъ

отнятию и пожизненное лишение свободы.
Причина этого выражений смертной казни лежит в ведь полной несостоятельности предъ тѣми требованіями, которое современное общественное сознаніе предъявляетъ уголовной юстиціи.
Всѣ положенія приводимыя сторонниками смертной казни оказываются совершенно несостоятельными. Съ точки зрѣнія личной полезности защищала смертную казнь только школа теологическая, какъ примиреніе человѣка съ божествомъ. Но какъ и всѣ вообще положенія теологической школы и эта защита смерт. казни остается безъ доказательной почему примиреніе необходимо именно въ этой формѣ? почему это должно быть достигаемо не актомъ субъективнымъ—раскаяніемъ, а актомъ внѣшняго государственнаго насилія, этого теологическая школа не объясняетъ.
Остаются положенія защищающія смертную казнь съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, но изъ нихъ послѣднія предъ судомъ науки оказываются несостоятельными.
Всѣ доводы, выставленные защитниками смертной казни съ точки зрѣнія общественнаго интереса, въ существѣ сводятся къ тремъ типамъ. Требуютъ смертной казни 1. для <u>одолженія</u> общества отъ личности преступника, 2. для <u>удовлетво-</u>

ренiй возмущенного чувства справедливости требующаго пролитiя крови, 3. указываютъ на смертную казнь, какъ на лучшее средство изолировать массу, страхомъ удержать ее отъ совершенiя преступленiй.

Разсмотримъ въ отдѣльности каждый изъ аргументовъ.

Говорятъ, говорятъ защитники смертной казни, такiе случаи, когда преступника необходимо лишить свободы, удалить изъ общества на всегда, а такъ какъ это стоитъ государству очень дорого и государство не имѣетъ достаточныхъ средствъ для надлежащаго устройства тюремной администрацiи, то государство прибѣгаетъ къ болѣе дешевому и вѣрному средству удаленiя преступника изъ своей среды — къ смертной казни. Но необходимость удаленiя преступника изъ общества никогда не причинитъ такого зла обществу, какое причинитъ совершенную его неисправимость и особенную опасность надзора за нимъ.

Допустимъ, что есть такiе люди, которые опредѣленно злы.[2]

Конечно судъ не можетъ вдругъ на основанiи одного факта изученiя человѣка въ теченiи нѣсколькихъ дней процесса, признать рецидивиста неисправимымъ. Можно утверждать что человѣкъ неисправимъ только послѣ того, какъ надъ нимъ были испытаны рядъ послѣдовательныхъ средствъ исправленiя, сходныхъ правильностью всѣхъ тѣхъ, которыя предполагаютъ

рошение вопроса о неисправимости тюремной администрации, но здесь то и представляется замечательный факт. Завѣдующие тюрьмами единогласно утверждаютъ что самые неисправимые преступники, вовсе не убійцы, вообще не мужскіе преступники, а разные мелкіе воришки и мошенники, бродяги, нищіе, за нимъ тюремн. администраціи всего труднѣе присматривать. Сѣвод. если сохранить смертную казнь для неисправимыхъ преступниковъ, то пришлось бы причислять ее не къ крупнымъ преступникамъ, а воровъ по профессіи, мошенниковъ и т. п., а на такой логической выводъ изъ ихъ теоріи не согласится ни одинъ изъ защитниковъ смерт. казни. Говорятъ далѣе, что сіюмертной казни требуетъ чувство справедливости, присущее народу. Говоря это ссылаются на случаи народной расправы. Въ эпоху народныхъ бѣдствій, иногда просто въ минуту случайно раздраженія толпа убиваетъ лицъ, которыхъ она предполагаетъ виновниками (бросаніе въ огонь во время пожара, судъ Линча).

Но такое сопоставленіе въ высшей степени неудачно. Можно ли ставить правленіе законныхъ мѣстныхъ властей въ тюрьмѣ для подраженія государству спокойно и сознательно преслѣдующему обще-

Гр. Толстой. Лит. Копневской.

ственно-нравственных чувствий. "Народная расправа не заботящаяся даже о надлежащем констатировании виновности, умерщвляющая жертву по одному подозрению, ей. вами может служить образцом для развитого правосудія, действующаго спокойно, а не подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія. Но допустимъ, что действительно и при спокойномъ состояніи общества существуетъ въ немъ этотъ категорическій императивъ практическаго разума требующаго крови лица, идущаго своими действіями въ разрывъ съ извѣстными общественными идеалами. Но въ такомъ случаѣ придется допустить сильную измѣнчивость и непостоянство этихъ идеаловъ, придется допустить, что требованія справедливости, которыя представляются настолько абсолютными, что ради нихъ требуютъ принесенія въ жертву человѣческой жизни различные въ различныхъ государствахъ и даже въ тѣхъ же государствахъ, но въ различныя эпохи. Россія напр. не знаетъ смертной казни, за убійство существуетъ въ большинствѣ Европ. Государствъ, но она знаетъ смертную казнь за политическія преступленія, которая во Франціи, напр. также существовала, но 1848г. отмѣнена. Англія напр. въ прошломъ столѣтіи налагала смертную казнь за кражу свыше

за политическое преступление, которое в настоящее время признается малозначительным.

Указывают, как на преступление, за которое абсолютная справедливость требует смертной казни, как единственного эквивалента — убийство по политическим преступлениям. Но такая постановка вопроса также не может быть признана правильною, она заранее обобщает самые разнообразные случаи. Смертная казнь по существу своему не допускает модификаций, а между тем никак нельзя поставить всех убийц на одну доску; не говоря о тех случаях, когда убийство совершено подавленным раздражением или неосторожно, но даже и в тех случаях обдуманного, умышленного убийства, едва ли было бы правильно сравнять по ответственности. Наш закон, напр. за умышленное убийство, смотря по различным сопровождающим обстоятельствам назначает наказание от 10 лет тюрьмы до бессрочной каторги. Такая громадная разница между различными видами даже умышленного убийства.

Что касается смертной казни за политический преступление, то по справедливому замечанию Гюго, как доводы справедливости, так и доводы государст-

военной политики всего менее сообразуется с применением смертной казни, именно за этого рода преступления. Это не относится конечно к тем случаям, когда в эпоху народных волнений и в военное время для усиления возмущений для спасения государства от изменников прибегают к смертной казни, как к средству терроризации, здесь нередко такой мера может быть оправдана, так как смертью одного спасается, может быть, несколько сот других жизней. Но расправа, совершаемая при таком ненормальном порядке вещей, когда изменяется самое судопроизводство и судоустройство, когда отменяется невозмутимое соблюдение всех формальностей необходимых в интересах личной гарантии, расправа эта не может быть поставлена примером для условий гостящих в мирное время, когда государство может доставить ему необходимую гарантию для возможного обезпечения его от судебных ошибок и судебного произвола.

В мирное время применение смертной казни не только не необходимо, но положительно противно всем требованиям государственной политики. Дело в том, что казнь постраждавшего за политическое преступление, окружает личность его

преследовать мученичества, а с тем вместе и пропагандируемой им идеи привлекают на свою сторону новых адептов.

Далее, как мы сказали, смертная казнь за политич. преступление противоречит требованиям справедливости. Дело в том, что преступления этого рода весьма относительны. Что вчера задумал изменить существующий порядок вещей, сегодня он преступник, завтра же имя его удается — он достойный гражданин. Наконец по отношению к политич. преступлениям всего менее можно говорить о неисправимости преступника. Во всех политич. движениях большею частию участвует молодежь, пора идеальных стремлений, в которой происходит и непримиримое революционеров обращаются в мирных консерваторов. Остается разобрать еще последний существенный аргумент, приводимый в защиту смертной казни. Защитники смертной казни указывают именно на это наказание, как на лучшее средство терроризировать массу. Этот последний довод в защиту смерт. казни имеет на первый взгляд более основательности чем предшествующие, но и он не выдерживает критики — критики исторической.

Лист № 77-й Уголов. Пр.

Пр. Таганцев. Лит. Кистяковский.

История нам показала, что напр. преступлений, за которой прежде назначалась смертная казнь, после ея отмены не начали увеличиваться в числе, как это опасались защитники смертной казни, как средства террорисации, но напротив стали уменьшаться и продолжают уменьшаться до сих пор, напр. разбой во Франции и в другой стороне некоторой преступлений обложенной смертной казнью идут в среднем с каждым годом, напр. детоубийство во Франции все.

Как мало устрашающую видимую народу имела смерт. казнь видно из того, напр. что когда в Англии полагалась смертная казнь за кражу на сумму свыше 30 шиллингов случалось, что у подсудимой эшафота случались подобной же кражи. Психологически это можно объяснить тем, что в уме преступника угроза стоит весьма далеко от ея исполнения. До первого у него много шансов что он не попадется, во вторых, если и попадется, то у него есть вероятность, что его оправдают, если же и осудят, а осудят тяжело на смерт. казнь, то остаются еще шансы на удачный побег, вообще на то, что приговор не будет приведен в исполнение.

Что современный законодательства отказались от устрашения массой видимой казни видно уже из того, что во многих

государствахъ, гдѣ она прежде совершаемо публично, на площади, она теперь совершается intra muros и присутствуютъ на ней лишь небольшое число лицъ по обязанности, для контроля, посторонней же лица не допускаются безъ особаго разрѣшенія. Поступая такимъ образомъ государство руководится тѣми же мотивами, по которымъ оно запрещаетъ жестокое обращеніе съ животными, кулачные бои вообще кровавыя сцены, такъ какъ приходится признать, что такія сцены дѣйствуютъ весьма демораліз. образомъ.

Наконецъ кромѣ вышеприведенныхъ, одинъ изъ главныхъ доводовъ противъ смертной казни есть ея непоправимость. Какія бы мѣры ни принимались мѣры противъ судейскихъ ошибокъ, эти ошибки всегда будутъ, всякое наказаніе можно въ большей или меньшей степени исправить или загладить. Смертная казнь непоправима.

Въ нашемъ законодательствѣ о смерт. казни надобно различать два періода, грань для которыхъ падаетъ въ царствованіе Елизаветы. До тѣхъ поръ примѣненіе смертной казни шло у насъ crescendo, если мы сравнимъ судебники уложеній Ал. Мих., воинскій уставъ Петра, то мы видимъ, что число преступленій обложенныхъ смертной казнью возрастаетъ весьма быстро. Въ 1742. Елизавета Петровна издаетъ указъ въ

которому воспрещается приведение въ исполнение смертного приговоровъ безъ ея личной конфирмации. Между тѣмъ Императрица ни одного приговора не утверждала, такъ что наказанiе въ 1753 г. ей было представлено что въ различныхъ тюрьмахъ сидитъ до 9000 человѣкъ приговоренныхъ къ смертной казни и ожидающихъ своей участи. Тогда послѣдовалъ высочайшiй указъ 1753 год. по которому для всѣхъ этихъ заключенныхъ судомъ, сенатомъ и высшими противъ нихъ, въ которыхъ они были къ смертной казни приговорены, обязаны были замѣнить смертное наказанiе каторжными работами. Затѣмъ указъ слѣдующаго (1754) года обратилъ отмѣну смертной казни до изданiя Новаго уложенiя, которое въ то время составлялось. Но постановленiе это не было выдержано вполнѣ, въ скоромъ времени казнены были Мировичъ за попытку освободить изъ заточенiя Іоанна Антоновича. Далѣе при Екатеринѣ казнены были Пугачевъ. Такъ, что при Императорѣ Александрѣ I Госуд. Совѣтъ сдѣлалъ заключенiе, что въ Россiи смертная казнь отмѣнена за общiя преступленiя и сохранена за преступленiя политическiя. Въ 1825 г. сюда же были присоединены карантинныя преступленiя: подлогъ карантинныхъ свидѣтельствъ, насилiя надъ карантинной прислугой и др. Первоначально карантинныя преступле-

ний владеющею судомъ Боженъ.

Смертная казнь существовала издавна
у насъ въ двухъ видахъ: чрезъ отсѣченіе головы
и чрезъ повѣшеніе. Но съ Екатерины II первый
видъ не примѣнялся ни разу. По закону видъ смер-
тной казни опредѣляется каждой разъ судомъ.
Въ 1825 г. 5 декабристовъ были приговорены къ
колесованію и только на основаніи высочай-
шаго помилованія колесованіе замѣнено по-
вѣшеніемъ.

На основаніи высочайшаго помилованія
смертная казнь можетъ быть замѣнена по-
литическою смертью. Въ такомъ случаѣ надъ
виновнымъ совершается, какъ сказано въ
законѣ, обрядъ смертной казни, т.е. ка-
дятъ ему голову на плаху или ставятъ
подъ висѣлицу на публичной площади; при
чемъ, если онъ дворянинъ, то надъ нимъ не
ломаютъ шпаги. За политическою
смертью слѣдуетъ всегда срочная или без-
срочная ссылка въ каторжную работу. (ст.
711.

Все сказанное о смертной казни по нашему
закону не распространяется на военнаго
званія. По военнымъ законамъ смерт. казнь
назначается чаще. При этомъ воинскій
уставъ знаетъ различные виды смерт-
ной казни. Смерт. казнь чрезъ разстрѣля-
ніе или чрезъ повѣшеніе. Смерт. казнь по
воинск. уст. имѣетъ нѣсколько степеней: смер.

Листъ 38 Іюлов. Гр.

Пр. Тальнцевъ. Лит. Конневской.

казнь со позорящим лишением воинской чести и без оного, смерт. казнь со лишением прав состояния и без оного.

Второе было, которое может быть нарушено у человека есть здоровье, вообще телесная неприкосновенность - наказания, направленные против этих благ носят в нашем законе техническое название телесных. Хотя собственно и смерт. казнь и лишение свободы могут быть названы телесными наказаниями. (Во Франции peines corporelles противополагаются имущественным наказаниям)

Телесные наказания подводятся под две категории наказаний истязывающий и наказаний долговременных. Наказаний истязывающих в настоящее время не существует в цивилизованных государствах, последние из остатки сохранились как средства для констатирования рецидива (клеймение, рванье ноздрей). У нас последнее употребление телесн. наказаний (клеймение) уничтожено в 1863 г.

Вторую группу телесных наказаний составляют наказания долговременные. Они делятся в двух типах, как долговременные в тесном смысле, т.е. причиняющие боль физическую и на телесные наказания, причиняющие главным образом боль нравственную. К первой категории относятся наказания кнутом, плетьми, палка-

ми; ко второй - розгами, если число ударов не значительно. Об категории наказаний во настоящее время окончательно вопиратъ, благодаря тому, что ни тотъ, ни другой не удовлетворяютъ вовсе рационалъ-ныхъ пенитенціарн. требованіямъ, которые должны быть предъявлены каждому наказанію. Что касается благодѣтельныхъ наказаній первой категоріи, то первое ограниченіе, которое можно сдѣлать противъ нихъ, это невозможность установить какой либо масштабъ для нихъ, все зависитъ отъ руки палача

Бывали случаи, что палачъ засѣкалъ до смерти съ 3-хъ, 4-хъ ударовъ, и бывало и такъ, что пустивши для виду кровь первымъ ударомъ, онъ остановился 30, 40 ударами размазывалъ только кровь по спинѣ, безъ всякой боли. Это давало поводъ къ подкупамъ и вело къ страшному произволу.

Наконецъ такъ какъ случалось, что преступника засѣкали на смерть и для подобныхъ случаевъ имѣются всѣ виды ограниченій, дѣлающіе противъ смертныя казни.

Что касается наказаній причиняющихъ боль нравственную, то они находились въ завѣдываніи докторовъ, и въ предшествующій видъ, они тутъ всѣ должны ограничиться указаніемъ несостоятельности Нравственной боли, причиняемой ею-

вреду наказанія стоить въ прямомъ отношеніи къ нравственному состоянію лица.

Такимъ образомъ чѣмъ менѣе испорченъ будетъ лицо, тѣмъ тяжелѣе будетъ для него наказаніе, а это противно вѣчнымъ требованіямъ справедливости и логики. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ единичнаго утвержденія, что единственное средство исправить преступника-это подвергнуть его нравственному мученію, наказаній же причиняющія нравственную боль отдѣльно взятому преступнику направленныя на тѣлесныя мученія, слѣд. при томъ только имѣющія, которыя необходимы въ раціональн. наказан. Наконецъ специально по отношенію къ Россіи приводимъ еще въ защиту отмѣненія наказаній доводы со стороны экономической. Говорили, что всякое другое наказаніе разорветъ крестьянина, разстроитъ его экономическое положеніе, тогда какъ всякое тѣлесное наказаніе ему ничего не стоитъ перенесть. Но если это дѣйствительно такъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ, что назначается подобное наказаніе, всякую уголовную отвѣтственность.

Государство прибѣгая къ наказанію преслѣдуетъ цѣлесообразно, чтобы его оставило болѣе или менѣе ощутительное нравственное впечатлѣніе. Въ дѣйствіи преступни-

ка; если же наказание нисего не стоило перенести; если оно проходит безследно то оно совершенно безполезно и государство напрасно затрачивает средства, на содержавій, судебный процесс и самое исполнение наказаній.

У насъ до последняго времени тълесныя наказаній составляли одинъ изъ самыхъ употребительныхъ видовъ наказаній.

Существенное измѣненіе внесъ сюда указъ 1863г. 17 Апр. Этимъ указомъ отмѣнялось большинство наказаній въ тѣлесныхъ смѣшанныхъ /плети, палки, шпицрутены - кнутъ отмѣненъ еще въ 1845г./ остались только розги.

До 1863г. тѣлесныя наказаній употреблялись, какъ наказаній самостоятельныя, а также какъ дополнит. къ каторжной работѣ и къ некоторымъ исправительнымъ наказаній для непривѣтствованныхъ состоній или лицъ сопровождались всегда тѣлесн. наказ. Съ 1863г. тѣлесныя наказаній, которыя остались только въ видѣ розогъ для лицъ непринадлежащихъ къ тѣлесн. наказаній, только какъ наказаній заключающія именно въ тѣхъ случаяхъ, когда мѣста заключенія такъ перенаселены, что некуда больше помѣстить преступниковъ.

Въ видѣ самостоятельнаго наказанія

Пр. Тальнцевъ. Лит. Колмаковъ.

розни остались только въ 3-хъ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ, именно для бродягъ, рецидивистовъ усиленной наказанія на судѣ относительно своего происхожденія. Далѣе законъ 1863г. изъялъ отъ тюремнаго наказанія всѣхъ женщинъ. Впрочемъ всѣ эти ограниченія не проведены въ одномъ изъ нашихъ спеціальныхъ кодексовъ — въ уставѣ о ссыльныхъ, которой весь построенъ на болѣзненныхъ наказаніяхъ. Уставъ о ссыльныхъ знаетъ всѣ пытки и истязанія.

Въ виду несостоятельности всѣхъ разобранныхъ нами видовъ наказаній лишеніе свободы сдѣлалось центромъ всей карательной системы и вполнѣ разумно, такъ какъ этимъ путемъ 1) достигается обезпеченіе общества отъ преступника и 2) получается возможность дѣйствовать на личность этого послѣдняго въ смыслѣ исправленія. Лишеніе свободы представляется въ двухъ основныхъ типахъ: 1. заключеніе въ опредѣленномъ зданіи, 2. опредѣленіе мѣста, гдѣ преступникъ можетъ имѣть свое мѣсто пребываніе; это послѣднее наказаніе въ свою очередь является въ двухъ формахъ, смотря потому опредѣляется ли обязательное мѣстопребываніе лица только отрицательными условіями, т.е. какъ обязательное пребываніе въ извѣстной мѣстности или отрицательными въ

сносить запрещенiй ѣздить въ какомъ либо мѣстѣ, (въ какомъ либо городѣ, губернiи или государствѣ) въ первомъ случаѣ мы имѣемъ ссылку, во второмъ высылку. Частнымъ видомъ высылки является изгнанiе, т.е. высылка за предѣлы государства. Высылка за границу, какъ уголовное наказанiе практиковалась прежде всего часто, но понятно, что съ развитiемъ международныхъ сношенiй она должна была почти вовсе прекратиться. Съ практической стороны она была вполнѣ нерацiональна, такъ какъ высылая своихъ преступниковъ за границу, государство получало приблизительно такое же количество иностранныхъ; такимъ образомъ примѣненiе высылки во всѣхъ государствахъ сводилось на обмѣнъ преступниковъ между различными странами, которой не представлялъ никакихъ выгодъ. Въ настоящее время у насъ высылка за границу сохранилась для иностранцевъ, какъ дополнительное или замѣняющее наказанiе нѣкоторыхъ исправительныхъ наказанiй (ст. 58 п 5) и то только въ такомъ случаѣ, если родина согласится принять ихъ, если же родина откажется ихъ въ пріемѣ, то они подлежатъ той же отвѣтственности, какъ всѣ русскiе подданные вообще.

Для собственныхъ подданныхъ изгнанiе сохранено за мѣрку отступившаяся за

границу обратно по требованию правительства или вступившего за границей в иностранное подданство иностранного государства. Без разрешений своего правительства. В таком случае по словам закона высылаемый приговаривается к лишению всех прав состояний и вечному изгнанию из пределов государства изгнанию или в случае самовольного возвращения в Россию ссылке в Сибирь на поселение (ст. 325, 326 и касс. реш. 7/1864). Изгнание является особой мерой наказания, так как выражается на время или навсегда отнятием, права и самого возвращения, так что изгнание действительно может быть исполнено, тогда оно заключается ссылкой на поселение. Изгнание имеет здесь сходство только по отношению к гражданским последствиям.

Высылка из какого либо города или губернии и воспрещение жительства в оных является у нас или как дополнительное наказание или как административная мера предупреждения преступления. Как самостоятельное наказание ссылка в пределах государства является в двух основных формах: ссылки на жительство и ссылки на поселение. Ссылка на жительство ничто иное, как передвижение из одной местности в другую. Она существу-

ется для лишения преступника от тяжелых наказаний. Это передвижение никогда оправдать никакими рационалистическими соображениями, не считается ни в самом деле законодательство, что человек совершающий кражи и мошенничества в одном городе в другом оказывается нравственным человеком. Сверхтого наказание это падает весьма неравномерно на различных лиц. Для лиц состоятельных это гораздо менее тягостно, чем для лиц недостаточных. Наказание совершенно справедливое должно уменьшить тяжесть, которой подвергается для уличных социальных, что жизнь их становится невыносимой потому, что они принуждены жить, окруженные ворами и мошенниками. Вторая форма ссылки — ссылка в место не колонизованное или по терминологии нашего закона ссылка на поселение, и в России не только у нас, но и в Западной Европе. В Англии до открытия Соединенных Штатов эти последние служили местом ссылки, после их открытия главным местом ссылки стала Австралия. Во Франции ссылались и в настоящее время ссылаются главным образом политические преступники.

Собственно в основании ссылки на поселение лежит основательная мысль. Судеб

Пр. Таганцевъ. Лит. Котлевской.

ная практика показываетъ, что между преступниками есть много лицъ, которыя дали бы преступленіе не по своей нравственной испорченности, а въ силу дурной материальной обстановки, которые часто должны бываютъ изъ за насущнаго куска хлѣба попытаться совершить кражу, мошенничество, разбой. Давъ имъ клочекъ земли, поставивъ ихъ въ такія условія, гдѣ есть возможность заработка, среди населенія, которое будучи составлено изъ такихъ же элементовъ не можетъ враждебно относиться къ преступнику, можно бы изъ такихъ людей сдѣлать полезныхъ гражданъ. Справедливо указываютъ на нѣкоторые штаты въ Австраліи, которыя образованы въ цѣляхъ колоніи трудами ссыльныхъ.

Но не смотря на то, что въ принципѣ ссылка при такихъ условіяхъ можетъ найти полное оправданіе на практикѣ она оказалась негодною и часто весьма даже вредною.

Причины этого главнымъ образомъ слѣдующія: 1. въ виду того, что примѣненіе даннаго наказанія должно быть поставлено въ зависимость не отъ свойства преступленія, а отъ свойствъ самаго преступника очень трудно опредѣлить кто долженъ подвергнуться этому наказанію. А между тѣмъ помѣщеніе въ тѣ же колоніи нѣсколькихъ дѣйствительно и нравственно испорченныхъ лицъ

необыкновенно вредно отзовется на всей колонии. 2. Очень трудно организовать колонию сообразно со требованиями теории. Предполагается, что поселенцам по крайней мере в первое время будет оказана материальная и нравственная поддержка, между тем у нас напр. почти всю сумму, которая досылается порой отпускается на постройку зданий, покупку скота и пр. для ссыльных попадает не туда куда следует, так что поселенцы придя на место ссылки не находят ни кола, ни двора и их разгильдяйство и как нельзя. Двухгодичное содержание по этапу, содержание в дурных тюрьмах вместе с другими арестантами действует на преступников в нравственном отношении очень вредно и из Сибири уже давно раздается вопль, что от ссыльных окрестное жительство стонет. В виду этих соображений ссылка на поселение может быть в скорых временем будет отменена у нас. В проекте о переустройстве всей нашей карательной системы собрана масса материалов подтверждающих, что действующее ныне постановление о благоустройстве ссыльных поселений существуют только на бумаге.

Переходим теперь к той форме наказания, которая в настоящее время особенно в западной Европе становится цен-

правильною пунктуацией всей карательной системы и может быть въ скоромъ времени вовлечено въ другіе роды — это именно тюремное заключеніе.

Англія съ 1857 отказалась отъ ссылки, Германія никогда не знала ее, у насъ составленъ проектъ замѣны ссылки на поселеніе мѣнѣе цивилизованными тюрьмами. Причина этого явленія заключается въ томъ что сверхъ всякой представляемой вообще имъ свободы, какъ средствомъ карательной дѣятельности тюремнаго заключенія въ настоящее время имѣетъ еще то преимущество предъ другими наказаніями, что оно 1) можетъ быть индивидуализировано въ высшей степени, применительно къ различнымъ особенностямъ личности преступника и 2) въ случаѣ судебной ошибки преступника легко вознаградить за то, что онъ невинно претерпѣлъ. Ибо то, такое и другое возможно только въ то время, когда тюрьма получитъ цивилизаціонный характеръ, то передъ этимъ тюрьма представляетъ много ступеней развитія. Между тюрьмами старыми и новыми разница громадная.

Въ первую эпоху своего существованія тюрьма была, какъ бы складочнымъ мѣстомъ преступниковъ. Единственной цѣлью, которая достигалась тюремнымъ заключеніемъ была отдѣленіе пре-

ступника отъ общества. Тюрьмы этой первой эпохи особенно красноречиво описаны Августомъ Гумманистомъ и филантропомъ прошлаго столѣтія Howard'омъ. Преступники помѣщались въ зданіяхъ вовсе не приспособленныхъ къ тюрьмѣ, зачастую большею частію подвалы, зданія безъ оконъ (кромѣ тюремщика) безъ отопленія, мѣстныя свѣта и свѣжаго воздуха нерѣдко вентиляціи, поголовно отъ заразительныхъ болѣзней, бывали случаи, что горячка или чума выходила за предѣлы тюрьмы и въ жизни, напр. неоднократно свирѣпствовала чумой графства.

Въ такихъ тюрьмахъ помѣщались всѣ безъ различія, не было даже раздѣленія по полу, мѣстные преступники не отдѣлялись отъ малолѣтнихъ.

Первоначально государство само содержало тюрьмы, но впослѣдствіи оно стало отдавать ихъ на откупъ. Откупщикъ обязанъ былъ принимать преступниковъ сколько бы ихъ ни присылало государство, за что онъ получалъ право пользоваться ихъ трудомъ. Отсюда явилася взглядъ на тюрьму, какъ на складъ рабочихъ рукъ. Особенно стали употреблять арестантовъ

Пр. Тюлаевъ. Лит. Копыловъ.

на такой работе, на которой по ихъ молодости трудно было найти работу по свободному соглашению. Къ такимъ занятіямъ относились напр. предпріятія на плотахъ, гдѣ какая натура можетъ выносить плотовой работы болѣе 2-хъ, 3-хъ лѣтъ. Изъ плотовыхъ работъ развилась извѣстная каторга.

Такова два типа тюремъ въ первой періодѣ ея развитія. Второй періодъ представляется смѣшеніемъ двухъ типовъ. Тюрьмы перваго періода вырождаются, отчасти улучшаются и рядомъ съ ними возникаютъ новыя тюремныя основанія на филантропическихъ началахъ. Признано было наказаніе, что лишать людей свѣта и воздуха, держать ихъ въ тискахъ, придумывать мученія противно всѣмъ началамъ человѣчности. Начали устраивать филантропическія общества съ цѣлью улучшенія быта заключенныхъ; тюрьмы начали устраиваться, сообразуясь болѣе съ требованіями гигіены, чѣмъ улучшались, вообще отличіе втораго періода отъ перваго заключается въ исправленіи болѣе гуманныхъ отношеній къ личности преступника.

Тюрьмы 3-го періода — тюремы пенитенціарныя введены еще далеко не вез-

дѣ. Многіе изъ запад. Евр. государствъ осматриваютъ честь изобрѣтателей этой системы тюремъ, весьма возможно, что многія государства достигнутъ самостоятельно до необходимости ихъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что существующій теперь пенитенціарный тюремный развитія подъ вліяніемъ Америки. Америка развила 2 основныхъ типа тюремъ: Пенсильванская и Обернская.

Тюрьма Пенсильванской или правильнѣе старо-пенсильванской системы развилась подъ вліяніемъ квакерскаго воззрѣнія на нравственную природу человѣка.

Преступленіе есть результатъ нравственной недоразвитости человѣка, но человѣкъ по ученію квакеровъ совершенствуется, развивается нравственно единственнымъ путемъ самопознанія, самоуглубленія. Для того, чтобы онъ могъ лучше углубиться въ самого себя, необходимо отдѣлить его отъ остальнаго общества. Это достигается путемъ одиночнаго заключенія. Заключенный сажался въ отдѣльную келью, куда черезъ окошко ему подавали пищу. Будетъ ошибочно также не знать какъ въ отдѣльной кирпичъ.

Церковь была устроена такимъ образомъ, что заключенные слушали богосу-

зрение не выходя из своих келий. Заключенным не давали никакой работы, чтобы труд не отвлекал их от предназначенной нравственной работы им давалась только Библия. Первоначально доводили до такой педантичности, что тюремной администрации дозволялось разговаривать только монахам, которые выгружали экипажей обертывались шутопереч; запрещалось всякое движение, которое могло бы нарушить мертвенную тишину, царившую в этом склепе заживо погребенных.

Понятно, что такое, противное всем началам человеческой природы, обращение с преступниками дало печальные результаты, оно повлекло за собою полное разложение тюремного организма Америка со свойственным ей практическим тактом скоро отказалась от этой системы, и в настоящее время в такой строгости система одиночного заключения не существует нигде.

Система общего заключения или система Аборнская ставит в другой принцип. В основу нравственного перевоспитания Аборнская система кладет труд. За исключением время помещения полагается для сна и небольшого числа часов, полагается на отдых

и прогулку, заключенные обязуются быть
ство находятся все время за работой. Поря-
ка представляет из себя как бы фабри-
ку. Тюремная система в самой Америке
отличалась весьма значительно от
своего первоначального типа.
Под несомненным влиянием этих
двух основных типов развились си-
стемы Европейских пенитенциарных
заведений. Система Пенсильванская при-
нята в Бельгии и Пруссии, но с значи-
тельными ограничениями. Хотя в Фран-
ции и Германии теория одиночества
скрыто изолирование преступника.
Так напр. в Германских Тюрьмах пре-
ступники обязаны в отдельных
камерах, сходятся только в церкви и
школе, но не здесь для каждого отве-
денное место (Stahl), так что со-
седи от соседа отделяет перегородка.
Во время прогулки по уставу Тюрьма
заключенный обязан маску. Главное
существенное отличие Пенсильванской
по-пенсильванской системы это 1. допу-
щение работы 2. посещений.
По уставу напр. Берлинск. тюрьмы на по-
мощи духовника, учителей и адми-
нистрации полагается по крайней мере
6 часов в сутки. Число тех по истече-
нии определенного срока заключений

Пр. Тальберъ. Лит. Спасовской.

переводится, если онъ на то согласенъ въ общую камеру; если же не пожелаетъ того, то досиживаетъ наказаніе во своей келіи. Наконецъ существуетъ при тюрьмѣ особое отдѣленіе для лицъ, которыхъ организмъ положительно неспособенъ къ перенесенію одиночнаго заключенія. И такъ въ Европѣ строго одиночное весьма ограниченно въ интересахъ гуманности.

Ирландская система также претерпѣла въ Европѣ значительное измѣненіе. Въ большинствѣ пенитенціарныхъ тюремъ съ общимъ заключеніемъ, заключенные проживутъ вмѣстѣ днемъ, но на ночь разводятся. Далѣе введена система молчанія во время работъ, гдѣ вводится разобщеніе, если не физическое, то нравственное, которое не менѣе перваго противно человѣческой природѣ.

Затѣмъ въ такихъ тюрьмахъ необходимо разобщеніе преступниковъ по возрастамъ и родамъ преступленій.

Трудно опредѣлить, который изъ этихъ типовъ заслуживаетъ предпочтенія. Каждый изъ нихъ допускаетъ противъ себя много возраженій. Съ одной стороны въ тюрьмахъ общаго заключенія гораздо труднѣе опредѣлить, что нужно каждому заключенному, чѣмъ въ тюрьмахъ съ одиночнымъ заключеніемъ. Въ этихъ послѣднихъ гораздо легче иногда

видализировать которое исправлений, вли-
ять на характер каждого именно с той
стороны с которой требует его нату-
ра. Затем физическое отделение аре-
стантов на столько препятствует
вредному их влиянию друг на друзов, на
сколько это вообще не может быть доста-
точно при общем заключении. Но с дру-
гой стороны тюрьма с одиночным
заключением допускает противо-
действие существенной возражений.
При одиночном заключении, заключен-
ный ставится в ужасную зависимость
от персонала церковной администрации.
Если директор тюрьмы исполняет
свою обязанность мало-мальски недо-
бросовестно, небрежно, если духовник
относится к своему делу формально,
то тюрьма грозит возродиться в
пенсильванскую со всеми ея ужасны-
ми последствиями — полным, душев-
ным и физическим растройством.
Доказательством тому служит на-
ша новая тюрьма, которая, несмотря на
то, что существует всего 13 месяцев, да-
ла такой прискорбный процент сума-
сшедших, каких не знала ни одна пре-
жняя тюрьма. Особенно безсмысленною
является устройство одиночной тюр-
мы для предварительного заключений,
потрясений, производимый в организ-

мъ келейнымъ заключеніемъ весьма не скоро исправляются, между тѣмъ должно преданнымъ суду или слѣдствію еще недолжно быть виновнымъ.

Далѣе при келейномъ заключеніи является невозможнымъ для многихъ заключенныхъ заниматься тою работою, которой они занимались до тюрьмы или которой оказываются способны, невозможно или потому что по существу своему требуютъ простора (столяры. плотники. рѣзчики), или потому что въ тѣсной комнатѣ отравляютъ воздухъ (напр. кожевенной работы). Наконецъ самая стоимость тюрьмы возрастаетъ до страшныхъ размѣровъ наша двухмиллионная тюрьма предварит. заключенія стоила около милліона рублей

Кромѣ системы общаго и одиночнаго есть еще два типа тюремнаго заключенія, которые представляютъ изъ себя какъ бы смѣсь двухъ основныхъ системъ-общественно-слѣдственной системы дальней и пересыльной.

Въ тюрьмахъ дальней пересылки подвергаются первоначальному заключенію первоначальному заключенію дальнозаключенные, чтобы дать имъ сколько нибудь спокойствія. Срокъ одиночнаго заключенія не продолжительнѣе тюремнаго 8, 9 месяцевъ тюремнаго 4 мѣс. опредѣленія судомъ,

но можетъ быть сокращенъ, если арестантъ
выкажетъ признаки исправленія. Одино-
кое заключеніе, по первоначальному безъ ра-
боты. По прошествіи этого срока пре-
ступникъ переводится въ тюремщ общаго
заключенія. Здѣсь онъ проводитъ день
въ общихъ работахъ, ночь же въ одиночномъ
заключеніи. Тюрьма представляетъ нѣ-
сколько отдѣленій, различіе между кото-
рыми состоитъ въ большемъ или мень-
шемъ количествѣ часовъ, предназначен-
ныхъ заключеннымъ. Переходъ преступни-
ка изъ одного отдѣленія въ другое обуслов-
ливается полученіемъ опредѣленнаго
числа марокъ, выдаваемыхъ заключен-
ному за прилежаніе, поведеніе и успѣ-
хи въ работѣ. Къ этому присоединяет-
ся еще такъ называемый періодъ <u>услов-
наго помилованія</u>, сущность кото-
раго состоитъ въ томъ, что если пре-
ступникъ въ общей тюрьмѣ дойдетъ
до высшей суммы марокъ, тотъ онъ мо-
жетъ быть выпущенъ изъ тюрь-
мы ранѣе срока. Но въ томъ, что если
онъ будетъ уличенъ, хотя бы въ мало-
важномъ проступкѣ, тотъ онъ возвра-
щается въ тюрьму и досиживаетъ опре-
дѣленный судомъ срокъ до послѣдняго дня.
Подобное же вліяніе имѣетъ и дурное по-
веденіе его въ тюрьмѣ; за дурное поведе-

Пр. Танѣцевъ. Лит. Житковской.

ніе онъ записался опредѣленнаго числа марокъ и долженъ добавить возвратившійся въ тюремный разрядъ и даже опять подвергнутой одиночному заключенію.

Ирландскій порядокъ существенно отличается отъ англійскаго введеніемъ такъ называемаго переходнаго порядка. Справедливому удивленію лорда Кроф-тона /которому этотъ переходной порядокъ и обязанъ своимъ существованіемъ/ выходитъ сильно рѣзкимъ въ обыкновенной тюремной водѣ заключенный имѣетъ весьма мало энергіи, отличается пассивнымъ характеромъ, а потому заключенный получившій предписаніе о числѣ марокъ въ возможно скорѣйшій срокъ, исполняетъ правильно свои обязанности въ тюрьмѣ, подвергается первому наказанію и всѣ труды тюремной администраціи пропадаютъ даромъ. Для избѣжанія этого зла и должна, по мнѣнію Крофтона служить промежуточная тюрьма. Требованіе въ этой тюрьмѣ служитъ для него приготовленіемъ для пріученія къ свободѣ и обществу. Заключенный не имѣетъ здѣсь формальнаго платья, имѣетъ право ходить въ городъ безъ конвоя, но занятія для него составляются довольно подробныя, чего онъ не могутъ дѣлать; такъ запрещаетъ

сд ими посещению трактиры, публичные дома, запрещаемся возвращаться в тюрьму позже определенного часа. Нарушение это-го решительно влечет за собой возвращение в общую тюрьму, для отбытия полного срока заключений.

В соединении с условным освобождением, т.е. отпущением на свободу ранее определенного судом срока, под условием возвращений в тюрьму за рецидиву для полного отбытия этого срока, система эта дает как нам показывают и статистические сведения самые благоприятные результаты.

О тюремном заключении может быть со успехом присоединена колонизация переселенцев имеет у нас сомнительное.

Против нашей ссылки на посещение в проектах комиссий по пересмотру этому тюремного первая подал председатель Самарского, вторая - Зубова, весьма шаткие, все они касаются собственно теперешнего состояния ссылки.

Действительно, благодаря казнокрадству и разным злоупотреблениям в настоящее время ссылка после-дний совершенно не соответствует своему назначению, но вводить тюрьмы в тех бедах, как они существуют у нас теперь, значит плодить разбойников

испорченности и разврата и источник всевозможных болезней; однако устроенная на рациональных основаниях она дает весьма благоприятные результаты. Точно также и ссылка на поселение организованная надлежащим образом была бы весьма полезна тем более, что она позволяет сократить сроки тюремного заключения, а это весьма важно в виду переполненности всех наших тюрем.

Наше Уложение знает столько видов лишений свободы, как ни одно западное законодательство. Сюда относятся: 1. каторжная работа. По тягости отбывания они являются, как мы уже видели, в 3-х формах. По сроку они имеют 4 степеней. Единственно существенное различие есть различие по сроку, так как отбывание работ на работе в рудниках, крепостях и заводах не может считаться отбыванием их по тягости. Могут в рудниках быть более легкие работы, чем в крепостях и даже чем на заводах. Установить абсолютную градацию тягости работ по тягости отбываний нет никакой возможности. Между тем введение этого деления в Уложение влечет весьма невыгодную сторону, так как оно делает невозможным равномерное распределение нака-

именно местами заключений осуждён-
ных в каторжныя работы. Одни ме-
ста могут быть переполнены в другихъ
напротивъ-оставаться вакансій для
рабочихъ рукъ. Въ настоящее время като-р-
жныя работы въ крепостяхъ почти вовсе
отменены. Большая часть казенныхъ фа-
брикъ и заводовъ отошла въ частныя ру-
ки. Что касается рудниковъ, то некото-
рые изъ нихъ также отошли въ частныя
руки, некоторые начали разрабатывать-
ся свободнымъ трудомъ, такъ что ссы-
лаемыхъ въ каторгу положительно не-
куда.

Число приговариваемыхъ ежегодно въ 3, 4 ра-
за превышаетъ число открывающихся
вакансій. Теорія не перестала. Опытъ
колонизации ссыльными острова Сахалина
оказался весьма неудачнымъ. Словомъ сказать
эта часть требуетъ безотлагательной
реформы.

2. Ссылка. Различные виды ссылки, ея досто-
инства и недостатки должны разобраны вы-
ше.

3. Третью форму лишенія свободы соста-
вляетъ заключеніе въ тюрьмахъ смѣшан.
Уложе. знаетъ до 30 видовъ заключеній, раз-
личающихся по сроку и мѣсту отбытія.
Сюда относятся исправительныя аресту-
скія отдѣленія / бывш. ф. тюр. /, рабочій домъ,

Листъ 84 ½ Уголов. Ред.

Пр. Тальцевъ. Лит. Конневскій.

заключение въ крѣпости, смирительномъ домѣ, тюрьмѣ и арестѣ. Существенное различіе предполагаетъ эта форма заключенія только по сроку. Самое же различіе между этими заключеніями существуетъ только на бумагѣ. По новому проэкту предполагается сохранить 3 формы заключенія; среднесрочное, сокращенной системы, краткосрочное тюремное заключеніе по системѣ одиночнаго заключенія и долгосрочное по системѣ общаго заключенія съ присоединеніемъ, если возможно, колонизаціи.

Слѣдующую категорію наказаній составляетъ наказаній лишеніемъ чести.

Эта форма въ настоящее время совершенно отсутствуетъ. Но въ прошломъ столѣтіи и еще въ началѣ нынѣшняго она было въ большомъ ходу. Такъ по Воинск. Уставу Петра Велик. лицо, совершившее преступленіе, влекущее за собою лишеніе чести, объявлялось публично чрезъ палача шельмою и никакой честной человѣкъ съ шельмованнымъ купчанства водить не могъ. Несостоятельность подобныхъ наказаній очевидна; честь и добрая имя лица создаются обществомъ, а не государствомъ, а потому заявленіе со стороны государства, что онъ лишаетъ кого либо чести не имѣетъ никакого значенія. Въ виду этого фиктивное лишеніе чести посредствомъ

простого зайчика о стену палача, скорость
не оставляет. Ездит с ними, но гораздо
более распространенными явились тако-
вых. позорящий или бесчестящий наказа-
ний. Понятия чести и нравственности
действительно так перепутаны у
нас различными внешними формами
почитаний, что государство разочтова-
но, совершив над человеком какое-либо
унизительное для человеческого достои-
нства действие, лишить преступника
уважения его сограждан. В изображении
таких обрядов в кодексе доходили до стои-
ной виртуозности; человека возводили
голым на улицу, развозили по городу вер-
хом на осле лицом к хвосту и пр. В
настоящее время из всех этих обря-
дов сохранилась в нашем ухорезе вы-
ставка у позорного столба. Выставка
у позорного столба сопровождает нака-
зание, влекущее за собой лишение всех
прав состояния. Обряд этот состо-
ит в следующем. Осужденной ва-
ганской мантии с надписью на
груди преступлений, которое он совер-
шил, отправляется под конвоем на
какую либо площадь и здесь по прочте-
нии приговора ставится на 10 минут
к позорному столбу, прикреп, если он в дво-
рянстве, то над ним переламывается
шпага. Обряд этот отменен уже в

царства Польского и вероятно въ непродолжительномъ времени будетъ отмѣнено для всей имперіи.

Вторую категорію наказаній лишенія чести составляютъ обряды должествующіе унизить преступника не въ глазахъ общества, а въ глазахъ того лица, противъ котораго онъ совершилъ преступленіе. Въ древн. Россіи оно являлось въ формѣ такъ наз. выдачи головою, затѣмъ перешло въ исполненіе прощеній у пострадавшаго; въ настоящее время эта форма наказаній болѣе не существуетъ.

Причина быстраго возрожденія наказаній лишенія чести есть ихъ полная несостоятельность съ точки зрѣнія правильной пенитенціарной системы. Возраженія, которыя дѣлаются противъ тѣхъ же, которыя мы приводили противъ наказаній причиняющихъ нравственную боль.

Гораздо болѣе современное значеніе имѣетъ наказаніе лишеніемъ правъ. Эта форма наказаній имѣетъ дѣйствительно извѣстное раціональное основаніе. Лицо совершающее преступленіе разрушаетъ нравственную подкладку этихъ правъ и преимуществъ, которыя государство дало ему, предполагая въ немъ наличность извѣстныхъ качествъ. Тѣ воз-

ражений, которой должна противо-
речить правъ, относящихся не къ существу этого
наказанія, а къ той действительно суще-
ственной формѣ, въ которой оно является
въ положительномъ правѣ какъ нашемъ,
такъ и зап. Европы. Возраженія эти вполнѣ
справедливы. Въ самомъ дѣлѣ изъ того
единственнаго основанія, которое можетъ
быть приведено въ защиту лишенія прав
слѣдуетъ, что государство имѣетъ право
разрушать только тѣ права, которыя
оно само создаетъ, т.е. права политиче-
скія, сословныя и служебныя; что же каса-
ется правъ семейныхъ и имущественныхъ,
то они пріобрѣтаются помимо госу-
дарства и только санкціонируетъ ими,
поэтому разрушеніе ихъ со стороны госу-
дарства не можетъ быть признано
рациональнымъ. Отъ пораженія права
слѣдуетъ отличать поражение право-
способности. Фактическое поражение
правоспособности можетъ быть или по-
средственное или прямое. Съ точки зрѣнія
теоріи рациональной можетъ быть
признано только послѣднее. Дѣйстви-
тельно современная пенитенціарная
система допускаетъ возможность испра-
вленія преступника, а поэтому возрожденія
нравственной личности человѣка бы
не было необходимо отрицать его

Листъ 85-й Ивановъ Пр.

Пр. Васильевъ. Лит. Копыловскій.

отъ общества, лишать его возможности, ждать вызова въ общество мѣсто соотвѣтствующее его качествамъ.

Наконецъ съ теоретической стороны необходимо еще замѣтить, что лишеніе правъ должно быть слѣдствіемъ преступленій, а не наказаній. Между тѣмъ положительное право большинства государствъ ставитъ его въ зависимость отъ характера наказаній, а не преступленій.

Переходимъ теперь къ постановленіямъ нашего законодательства о лишеніи правъ. Законъ нашъ знаетъ лишеніе правъ въ слѣдующихъ 4-хъ формахъ: лишеніе всѣхъ правъ состоянія, лишеніе всѣхъ особенныхъ лицамъ по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, лишеніе нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и лишеніе одного какого либо права или группы индивидуально въ данномъ случаѣ опредѣленныхъ правъ.

Лишеніе всѣхъ правъ состоянія сопровождается всѣми условіями наказанія безусловно. Оно слагается изъ двухъ частей. Къ первой относится пораженіе правъ публичныхъ, служебныхъ и политическихъ, ко второй – пораженіе правъ частныхъ, семейныхъ и имущественныхъ. Различеніе этихъ двухъ категорій правъ въ данномъ случаѣ имѣетъ существенное значеніе между прочимъ въ томъ отно-

шения, что при помиловании преступника, который был уже лишен по судебному приговору вследствие сего прав состояний, ему могут быть возвращены только публичныя права, права же частныя возстановлены быть не могут, так как этим были бы нарушены права третьих.

Итак лишением всех прав состояний разрушается во первых, права сословныя. Лицо изверженное из прежняго своего, состояния" и поступает в особое состояние-состояние ссыльных. Но это разрушение сословных положений ни в каком случае не распространяется ни на время, ни на долей преемственность, т.е. потомственныя или заслуженныя прежде сего осуждения. Дети же заслуженной почетъ лишенной или отца прав состояний поступают в подданное состояние.

Лишение прав осуждением и потерею выражается в лишении титулов, орденов и других знаков отличий, в лишении должности и всех прав и преимуществ приобретенных на службе; законодательство наше заходит в этом отношении так далеко, что предметы отобранныя у осужденнаго всякий принадлежащий осужденному грамоты, патентов, аттестатов, даже дипломов-

на ученой степени. Далее навсегда разрушается гражданская и политическая правоспособность лица; лицо теряет право поступлений на государственную или общественную службу, навсегда лишается права быть опекуном, попечителем, быть присяжным заседателем, лишается права быть свидетелем в гражданских делах и права быть присяжным свидетелем по делам уголовным; без согласия одного из супругов, виновные отправляют публичную обязанности.

Что касается разрушений семейных прав, то лишение всех прав состояний существенно отличается от гражданской смерти в техническом смысле (mort civile отличается, во Франции 1854 г.) Всякое гражданской смерти, брачный союз не расторгается власть разрушившего lien, брака, последовавшая за смертью считалась недействительной, второй, принятый после приговора считались незаконными. Последствий лишений прав не столь строгих. Супружеский не разрушается сам собою, но невинной стороне предоставляется 1. право фактического расторжения и 2. право просить развода у своего духовного начальства, которое руководствуется правилами своего исповедания. По отно-

сильнее право получать только супру-
ги не подвергавшіе за осуждением
на место ссылки. Не давъ однакоже согла-
сія сильнѣйшаго супруга, они уже не мо-
гутъ просить о расторженіи брака
— развѣ только осужденной совершитъ
вновь преступленіе, влекущее за собою ра-
рушеніе правъ семейныхъ. Бракосоче-
тавшіеся преступника въ правахъ сосу-
дей по новому судебному приговору или
чрезъ полюбовное бракоразводное, о расторженіи
которыхъ супруги ранѣе не просили
остаются въ полной силѣ.

Расторженіе <u>союза родителей и дѣтей</u> вы-
ражается въ прекращеніи родительской
власти надъ дѣтьми, приобрѣтенной
прежде осужденія. Но родительская власть
сохраняется въ полной силѣ по отно-
шенію къ дѣтямъ приобрѣтеннымъ посля
осужденія или последовавшимъ за роди-
телемъ въ ссылку.

Освобождаются изъ подъ родительской вла-
сти осужденнаго дѣти оставшіяся при
супругѣ не последовавшемъ въ ссылку. Дѣ-
ти достигшіе совершеннолѣтія хотя
и последовавшіе за родителемъ въ ссыл-
ку также освобождаются, если желаютъ
изъ подъ родительской власти.

По отношенію <u>къ союзу родственному</u>
Уложеніе провозглашаетъ прекращеніе
<u>Листъ 86-й Уголов. Пр.</u>

Пр. Шапинцевъ. Лит. Котлевскій.

бенных правъ, основанныхъ на связяхъ родства". (ст. 27 п. 3.). Самый союзъ родственныя государства конечно разрушительно можетъ. Признавъ его разрушеннымъ пришлось бы напр. признать законнымъ бракъ ссыльнаго съ кровной родственницей или кровосмѣшеніе совершенное имъ признать просто незаконнымъ сожительствомъ.

По отношенію къ правамъ имущественнымъ дѣло разсматривается, какъ умершее, имущество переходитъ къ наслѣдникамъ осужденнаго. Духовное завѣщаніе его признается недѣйствительнымъ такъ что порядокъ передачи опредѣляется законнымъ наслѣдованіемъ.

Далѣе имущественныя права, которыя должны были бы перейти къ осужденному по наслѣдству, переходятъ по праву представленія къ его законнымъ наслѣдникамъ, ибо лишеніе правъ со-стоянія считается, какъ бы умершимъ. Это весьма важное различіе между лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и гражданскою смертью въ техническомъ смыслѣ состоитъ въ томъ, что лишеніе правъ состоянія не влечетъ за собою разрушенія имущественной правоспособности, такъ что лицо на своемъ новомъ мѣстожительствѣ можетъ пріобрѣтать имущественныя права.

Лишение всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ сопровождается ссылку на поселение и ссылку на срочное и бессрочное арестантские отделений и рабочий дом, и заточение в дворянство, священнослужителей, почетных граждан и почетных граждан за имущественный преступлений. Лишение особенных прав порождает сословной преимущества - лица привилегированных состояний исключаются из своего прежнего состояния и переходят в состояние податное. По отношению к правам семейным и политическим тяжелее последствий что и лишение всех прав состояний. Права семейные и имущественные остаются неприкосновенными.

Потеря некоторых личных прав и преимуществ, влечет за собою лишение права участвовать в сословных выборах и разрушение семейной правоспособности по отношению как государственной, так и общественной сущности.

Наконец преступление может повлечь за собою потерю одного какого либо права или группы индивидуально определенных прав, напр. потерю права быть присяжным, судохождением и т. п.

Переходим теперь к разбору посяг-

ной категорій наказаній къ имущественнымъ. Оно является или въ видѣ взятій какихъ либо имущественныхъ предметовъ-такъ называемая конфискація, или въ видѣ взятій какой либо денежной суммы-штрафъ. Конфискація можетъ быть полная или частная, специальная. Полная конфискація-т.е. отпись въ казну всѣхъ матеріальныхъ предметовъ, принадлежащихъ осужденному безповоротно отписывается въ Зап. Европѣ. Дѣйствительно эта мѣра была въ высшей степени нерациональна, такъ какъ отъ нея страдаетъ не преступникъ, полная конфискація большею частію сопровождала смертную казнь/а его семейство.

У насъ судьба этого наказанія довольно любопытна; она отпадала два раза: при Екатеринѣ II и при Алекс.I и оба раза на вѣчныя времена. Въ настоящее время она принимается, какъ дополнительное наказаніе при слѣдующихъ условіяхъ: 1.преступленіе должно быть политическое. 2. необходимо предшествующее суду специальное высочайшее повелѣніе, дающее право суду назначать въ данномъ лицѣ конфискацію за политическій преступленій. 3. право это остается факультативнымъ для суда, т.е. судъ можетъ не обязанъ применять конфискацію въ подобныхъ случаяхъ/Такъ было

напр. при похищении полевых воз-
станий.
Частная и специальная конфискация состо-
ит в отобрании в казну отдельных
предметов, обыкновенно орудий или
плодов преступления. Откроет, напр.
подрывать кредитные билеты,
конечно будут конфискованы найденные
у него станки и камни для печатания,
отпечатанные уже билеты и т.п.
Единственное ограничение, которое по-
ставляется в этом случае законом, состо-
ит в том, что если на такое орудие,
но не приспособленное специально к со-
вершению данного преступления ока-
жется принадлежащим постороннему лицу, то оно должно быть возвраще
но этому последнему, если он того
не потребует.
Что касается второй формы имуще-
ственных наказаний - штрафа, то, хо-
тя против нея можно сделать мно-
го весьма основательных возражений,
она сохранится до сих пор во всех за-
конодательствах для многих случаев.
Это объясняется трудностью подыскать
другое наказание, которое с таким удоб-
ством можно бы было назначать за ма-
ловажный преступления. Главный недо-
статок этой формы наказаний за-

Пр. Шаланцев. Лиз. Кочевской.

исключается вся субъективная неправомерность. Все попытки сопоставить штрафы с имущественной составляющей виновного оказались весьма неудачными и непрактичными.

Мировой Устав в отличие от нашего назначение денежного взыскания факультативным правом суда, т.е. в каждом данном случае мировому суду предоставляется по своему усмотрению обязанность виновного штрафом или подвергнуть его временному лишению свободы. Размер штрафа определяется в законе максимально, непосредственно или указывается какой либо масштаб по которому в каждом данном случае должен быть определен размер штрафа, напр. за тайный провоз с неуплатой пошлин товаров с провозителей взыскивается 50% с цены товаров. Не сопряженный с заключением штраф со совершившего лица в виду практических затруднений.

Рассмотрев в общих чертах наиболее простые наказаний, мне должно сказать теперь о самой пенализации этой системы. Здесь являются два вопроса: 1. Как совершается переход по этой системе от одного наказания к другому и 2. по чему судья может или должен совершить этот переход. Первый из этих вопросов разре-

шается главнымъ образомъ 150 ст. Уст. подробно опредѣляющее порядокъ перехода отъ одного наказанія къ другому. Порядокъ этотъ сводится въ существѣ къ слѣдующему: переходъ отъ одной степени наказанія къ другой можетъ совершиться смотря по обстоятельствамъ дѣла во восходящемъ или нисходящемъ порядкѣ. Въ случаѣ если данный родъ наказанія не имѣетъ соотвѣтствующей степени то судъ переходитъ къ ближайшей степени слѣдующаго рода въ томъ порядкѣ, какъ они перечислены въ законѣ. Это общее правило подлежитъ нѣсколькимъ изъятіямъ. 1. При переходѣ отъ одного рода наказаній къ другому, какъ въ восходящемъ, такъ и нисходящемъ порядкѣ должно быть обращено, хотя и помѣщенное въ общей части статьи ссылка за кавказ. краткость и смиренный домъ. 2. При переходѣ изъ одного рода наказаній въ другой въ нисходящемъ порядкѣ сроки заключеній не могутъ быть увеличиваемы. Въ случаяхъ когда по общему порядку причислось бы его увеличить, срокъ остается прежній, измѣняется только мѣсто отбытія. 3. При восхожденіи по лѣстницѣ судъ не можетъ переходить отъ наказаній не поражающ. правъ или вліяющихъ за со-

~~Само~~ поражение лишь некоторых прав
из наказаний влекущих поражение
всех особенных прав и преимуществ,
а это этих последних из наказа-
ний влечет лишение всех прав со-
стояния.

Вместо того, чтобы переходить из
следующей рода наказаний судья в по-
добных случаях только увеличивает
срок заключения или ссылки на 1, на 2
или на 3 года, смотря потому на 1, 2
или 3 степени должно быть возвыше-
но наказание.

Насколько сложнее является 2ой вопрос:
почему, на каком основании судья совер-
шает переход от одного наказания
к другому. Этот вопрос о мотивах
перехода от одного наказания к дру-
гому дает содержание учению об обсто-
ятельствах, влияющих на меру
ответственности.

Об обстоятельствах, влияющих на меру ответственности

Постановка вопроса о влиянии суб-
ъективных обстоятельств на размер
ответственности может быть двоя-
кая, смотря по доверию с которым
законодатель относится к суду; или
по законодатель может или сам точ-
ными словами перечислить все подобные
обстоятельства, или дать указание

ті предоставить суду опредѣлить ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Мы застаемъ въ настоящее время, какъ западныя, такъ и въ нашемъ законодательствѣ-эту послѣднюю систему, но понятіе отраженія стараго отъ судейскаго произвола права суда смягчать или отягчать отвѣтственность допускаетъ поставленіе въ извѣстныя границы. Наше законодательство различаетъ 2 группы обстоятельствъ измѣняющихъ размѣръ отвѣтственности: обстоятельства уменьшающія и обстоят. увеличивающія размѣръ отвѣтственности. Что касается первыхъ, то относительно ихъ мы видимъ глубокую разницу во взглядахъ Уложенія 45 и 57 ст. и новѣйшей системы разницу, возникшую при введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 г. До того поры законодательство хотело перечислить всѣ обстоятельства, могущія послужить къ уменьшенію размѣра отвѣтственности, оно разумѣлось въ серіи такихъ обстоятельствъ: уменьшающія и смягчающія вину обстоятельствъ. Разница между тѣми и другими заключалась въ томъ, что при наличности первыхъ суд-уменьшалъ размѣръ наказанія въ предѣлахъ закономъ обозначенныхъ; при наличности

<u>Листъ 88-й Улож. Нк.</u>

Пр. Тальберъ. Лит. Тютневскій.

сти все смягчающія обстоятельства суду предоставляется на высочайшее усмотрѣніе объ освобожденіи наказанія въ размѣрѣ, превышающемъ компетенцію суда.

Въ настоящее время никакого практическаго различія между смягчающими и уменьшающими вину обстоятельствами не существуетъ.

Судебные уставы относятся отрицательно къ введенію присяжныхъ въ уголовный процессъ. Перечень обстоятельствъ смягчающихъ отвѣтственность, помѣщенный въ законѣ, считается только примѣрнымъ. Присяжнымъ или судьямъ предоставляется въ каждомъ данномъ случаѣ по внутреннему убѣжденію, безъ объясненія причинъ признать виновнаго, заслуживающаго снисхожденія. Въ такомъ случаѣ судъ обязанъ смягчить наказаніе на одну или на 2 степени, если же по мнѣнію суда обстоятельства требуютъ еще большаго смягченія, то судъ представляетъ о томъ чрезъ министра юстиціи на усмотрѣніе верховной власти. Обстоятельства увеличивающія отвѣтственность, кромѣ указанныхъ въ особенной части при нѣкоторыхъ отдѣльныхъ преступленіяхъ, суть совокупность преступленій и рецидивъ или повтореніе преступленій.

Отсюда, что совокупность должна увеличивать ответственность не может быть и спора; человек, совершивший несколько десятков краж должен быть конечно наказан строже, чем человек, совершивший единичную кражу. Но при определении в какой степени совокупность отягчает ответственность, а также и в самом определении понятий совокупности встречаются известные затруднения. Со первого взгляда кажется не трудным определить, что такое совокупность преступлений; человек совершил кражу и убийство; или говорим, он совершил несколько преступлений, следовательно мы имеем совокупность преступлений. Но не всегда так легко бывает провести границу между единичным преступлением и совокупностью прест. Человек, напр. обвиняется в том, что в течении нескольких дней ежедневно наносил другому побои. Если мы признаем здесь совокупность на том основании, что действий было отдельно известным промежутком времени, то нам придется признать всякие побои за совокупность побоев, так как преступление это состоит именно из ряда единичных актов,

отдельного друг от друга известным промежутком времени. С другой стороны, если мы признаем, что промежуток времени не имеет во данном случае никакого значения, то надобно будет признать за единичное преступление - нанесение побоев, сколько бы раз оно не совершалось. Хотя бы, напр. между первым и вторым последним весьма продолжительное время, очевидно было бы в высшей степени нерационально. Определить же сколько-нибудь часов, недель, дней, может быть даже часов должно служить между двумя преступными действиями, чтобы иметь рассматривать, как совокупность преступлений очевидно также невозможно.

Столь же несостоятельным является различие единичного преступления от рецидива по числу лиц, против которого направлено преступление. Человек, напр., украл сундук, в котором находились вещи, принадлежащие нескольким лицам, несмотря на это такое преступление должно считать единичного характера.

Приведенные примеры наглядно указывают на ложность задачи. Всякое полное оконченное преступление заключает в себе два элемента. Внешний и вну-

тренний. Для понятій совокупности необход. наличность ряда самостоятельных преступныхъ дѣйствій, отнош. необход. для каждаго свой внутренній и внѣшній опорныя. Поэтому, если одно преступное намѣреніе выразится въ рядѣ единичныхъ актовъ, то мы будемъ имѣть единичное преступленіе. Такъ же какъ для понятій совокупности необходима раздѣльность во внѣшней сторонѣ. Поэтому достиженіе нѣсколькихъ цѣлей единичнымъ дѣйствіемъ не даетъ совокупности.

При единствѣ намѣреній мы можемъ имѣть слѣдующія формы дѣяній: 1. Единичное преступленіе въ тѣсномъ смыслѣ если единое намѣреніе воплотилось въ единомъ же актѣ. 2. Длящееся преступленіе, когда преступное намѣреніе выражается въ цѣломъ рядѣ непрерывныхъ состояній лица, напр. похищеніе. 3. Единое же преступное длящееся единствомъ намѣреній можетъ составиться изъ ряда дѣйствій, изъ которыхъ каждое составляетъ окончаніе преступленія.

Исполненіе, напр. чтобы совершить кражу совершаетъ нѣсколько убійствъ, будетъ ли оно задержано послѣ второго третьяго или послѣдняго убійства

Листъ 89-й Уголов. Пр.

Пр. Таганцева. Лит. Копневской.

семи во всякомъ случаѣ имѣетъ такое преступленіе удѣльство.
Второй вопросъ: какое именно высшее указываетъ совокупность на наказуемость и въ теоріи и въ практикѣ не имѣется еще единодушнаго рѣшенія. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ 3 системы: системы системъ, системы поглощенія и смѣшанную.
Первая система повидимому наиболѣе состоятельная. Преступникъ совершившій нѣсколько преступленій, за каждое долженъ быть опредѣленно наказанъ, какъ за самостоятельное и далѣе преступникъ долженъ будетъ подвергнуться всѣмъ суммѣ этихъ наказаній. Но вопросъ уже о томъ, что на практикѣ эта система для многихъ наказаній не приложима; напр. два раза лишеніе свободы, поглощеніе высшимъ, два раза подвергнуть смертной казни или двакраза отправить въ каторгу, два раза по наказаній долженствующихъ совпробаціей, сливается два срока одновременно отбываемаго. Это въ томъ, что по отношенію наказаній принципіальнаго значенія, фундаментальныхъ наказаній. Въ практикѣ особенно важно, если менѣе опасное изъ высшихъ не совершеніи 20, 30 фунтъ, поглощается за каторгой наказа=

ется 2 года тюремного заключения; если преступность причиненного повреждения не превышает 40,00 годами тюремного заключения, а это было бы положительно только в таких крупных рационально поставленной пенитенциарной системе, наказания без всякой нужды становились бы чрезмерно суровыми.

Противоположной системе держится законодательство французское. Оно признает принцип помощений, выражающийся в том, что лицо, совершившее несколько преступлений наказывается только за наиболее тяжкое из них. Сегодов. французский кодекс обращает внимание главным образом на внутреннюю сторону деяний, на большую или меньшую испорченность лица. В числе неудобств этой системы одно из главнейших состоит в том, что лицо совершившее, напр. убийство, тем самым получает как бы carte blanche на совершение других менее важных преступлений, так как они уже не окажут видимого на размер его ответственности за главное преступление. Наконец и по внутренней стороне едва ли вполне могут быть признаны справедливыми другие принципы совершившие единичное

преступление и лицо совершившее
имъ должно десятокъ или два.
Наше законодательство по отноше-
нію къ совокупности преступленій
системы смѣшанной.
Постановленій касающійся этой си-
стемы изложено въ 152 ст. Уголов. Улож-
ненія, на которомъ построена эта
статья, очень прост. Въ случаѣ ак-
кумуляціи нѣсколькихъ преступленій
влекущихъ одинаково послѣдствія по от-
ношенію къ лишенію ограниче-
нію и по составу присвоенныхъ
правъ, виновный присуждается къ
высшей мѣрѣ наказанія, полагаемой
закономъ за данное преступленіе. Въ
случаѣ же смѣшенія преступленій раз-
личающихся по роду правъ, кото-
рой поражаются у совершившаго не,
признается присудить поименныя.
Но какъ въ первомъ, такъ и во второмъ
случаѣ судъ долженъ обращать вни-
маніе на наказаніе, полагаемое за данное
дѣяніе не in genere, но in specie, т.е. въ
данномъ индивидуальномъ случаѣ.
Поэтому судъ обязанъ разсмотрѣть
всѣ дѣянія, въ которыхъ обвиняется лицо, опредѣлить наказаніе полагающе-
ся за каждое изъ нихъ въ данномъ
случаѣ и затѣмъ изъ нихъ дать выбра-
наказаніе за совокупность по правамъ

нами изложенными выше.
Такая постановка вопроса вполне оправдана, так как может случиться что в данном случае преступление, которое вообще считается тяжким, должно быть обсуждено, благодаря различным смягчающим обстоятельствам, менее тяжким наказанием, нежели тяжкое преступление.
Если лицо обвиняется в совершении нескольких деяний, то все эти деяний судятся в суде компетенции, которая подлежит наиболее тяжкое из совершенных преступлений. Поэтому судебной инстанции, которому предоставлено на рассмотрение уголовное дело, урегулировав в производстве судебного следствия или разбирательства надлежащим образом, в суде высшей инстанции обязано, прекратив дальнейший разбор дела, препроводить его в этом последний судъ. Если приговоръ уже постановленъ, то высшій судъ (напр. окружной по отношенію къ мировому) при назначеніи наказаній пользуется одним приговоромъ по общимъ правиламъ ст. 152 изложенныхъ выше. Если приговоръ суда низшей инстанціи вступилъ уже въ исполненіе, то отбытое наказаніе засчитывается при новомъ

Пр. Таганцевъ. Лит. Коневской.

приговора, какъ его часть, на сколько возможно по существу наказаній. Рядомъ съ совокупностью преступленій, какъ обстоятельство отягчающее вину стоитъ рецидивъ, извѣстный въ законѣ и практикѣ подъ нѣсколько названіемъ повторенія преступленій, не точнымъ потому, что слово повтореніе собственно означаетъ совершеніе второй разъ, хотя законъ подъ повтореніемъ разумѣетъ совершеніе преступленій не только во второй, но и въ третій, четвертый и т.д. разъ. Повтореніе предполагаетъ наличность пяти двухъ преступленій и въ этомъ отношеніи оно соприкасается съ совокупностью преступленій. Грань между рецидивомъ и совокупностью въ различномъ законодательствахъ проводится различно и у насъ взглядъ на рецидивъ Зак. Устава отличенъ отъ взгляда Уложенія, но вообще грань эта основывается на различіи моментовъ совершенія новаго преступленія. Возьмемъ простѣйшій примѣръ. Человѣкъ обвиняется въ совершеніи двухъ преступленій. Второе преступленіе можетъ быть совершено: 1. до начатія суда и слѣдствія по первому дѣлу; 2. послѣ возбужденія судебнаго преслѣдованія, 3. послѣ судебнаго приговора, 4. послѣ отбы-

тій наказаній за первое дѣло. Мировой уставъ признаетъ повтореніемъ преступленій-дѣяній 3ех категорій, т.е. совершенное послѣ постановленій приговора по первому.

Уложеніе же считаетъ рецидивомъ только преступленіе, совершенное послѣ отбытій наказаній за первое. Итакъ по Уложенію рецидива имѣетъ право при совершеніи преступленій, послѣ того какъ наказаніе за первое дѣяніе было отбыто. Въ этомъ случаѣ все равно какимъ судомъ общимъ или спеціальнымъ было наказаніе назначено. Единственное исключеніе составляютъ военные суды, ихъ приговоры по отношенію къ дѣяніямъ, разсматриваемымъ въ другихъ судахъ не даютъ рецидива. Но всякое ли преступленіе совершенное послѣ отбытій наказанія за первое считается рецидивомъ?

Германское уложеніе для понятій преступленія чувствительно внутренняго сродства между вновь совершеннымъ преступленіемъ и преступленіемъ, за которое отбыто наказаній. Наше Уложеніе ничего объ этомъ въ общей части не говоритъ, впрочемъ особенная часть, назначая спеціальныя наказанія за рецидивъ для отдѣльныхъ видовъ преступленій, говоритъ о рецид-

дѣяніе въ большинствѣ случаевъ именно въ этомъ смыслѣ, т.е. предполагаетъ идентичной однородности дѣяній по составу. Французское законодательство требуетъ не матеріальной, но формальной однородности дѣяній; оба дѣянія должны принадлежать по отношенію къ наказуемости въ одной и той же категоріи (crime, délit или contravention).

Нашъ законъ этого условія не знаетъ. Наконецъ въ нашемъ законѣ рецидивъ не ставится въ зависимость отъ срока прошедшаго послѣ совершенія перваго преступленія или послѣ отбытія за него наказанія. Итакъ по нашему законодательству лицо, совершившее убійство и нарушившее (черезъ 30 лѣтъ послѣ того какой либо надзоръ полицейскій запретъ, будетъ считаться рецидивистомъ.

Въ общей части Уложенія за повтореніе преступленій полагается высшая мѣра наказаній за данное преступленіе въ законѣ положенная, но заключается въ особенной части при каждомъ почти преступленіи указана специальная отвѣтственность за рецидивъ. Надобно замѣтить, что виды рецидивовъ на разныхъ отвѣтственности по постановлен. особенной части боль-

чего частью весьма велико. Такъ разбой въ первый разъ вместо каторги 4-6 лѣтъ, рецидива въ разбоѣ наказывается безсрочною каторгой. За душегубство совершенное въ первый разъ полагается наказаніе - ссылка на поселеніе до каторжныхъ работъ на 10-12 лѣтъ, рецидива въ душегубствѣ вместо каторги. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рецидива ограничивается подсудность дѣянія, такъ первая и вторая кража подсудна мировому суду, третья кража судится окружнымъ судомъ съ присяжными.

При такомъ значеніи рецидивы весьма важнымъ является ея констатированіе. Въ прежнее время для этого были выработаны довольно простые средства-книжечки, выборки изъ послѣдн. т.п., въ настоящее время для этой цѣли каждое судебное мѣсто составляетъ ежемѣсячный бюллетень всѣхъ приговоренныхъ къ наказанію своихъ уголовныхъ заключеній. Бюллетени эти отправляются въ министерство, гдѣ изъ нихъ составляются алфавитные списки осужденныхъ, разосланные затѣмъ вновь судебнымъ слѣдователямъ и судьямъ. Затѣмъ ежегодно составляется общій алфавитный списокъ

Листовъ 21/2 Уголов. Пр.

Пр. Тананцевъ. Лит. Копиевской

заметь за другой подъ.

Мы разсматривали въ теченіи курса условій невиновности / нефакт. въ субъектѣ / условій непреступности / нефакт. въ объектѣ, теперь мы разсмотримъ условій, при которыхъ дѣяніе является ненаказуемымъ, несмотря на наличность качествъ предусмотрѣнныхъ объектомъ для того, чтобы данное правонарушеніе считалось преступленіемъ и на наличность дѣеспособности субъекта, благодаря которымъ дѣяніе можетъ быть вмѣнено ему какъ результатъ его сознательной дѣятельности.

Итакъ мы разсмотримъ теперь условія ненаказуемости преступнаго дѣянія и такъ какъ наличность этихъ условій какъ бы уничтожаетъ, погашаетъ наказуемость дѣяній, является сводящимъ наказаній, то ученіе объ этихъ условіяхъ извѣстно въ теченіе своей долгой подъ именемъ ученія объ эквивалентахъ наказаній.

Этихъ эквивалентовъ законъ и докторина указываетъ 4: Смерть преступника, примиреніе, давность погашенія.

1. Смерть. Въ моменъ другой современное уголовное права процессъ надъ мертвымъ не начинаетъ. Наказаніе по тяжкимъ посягательствамъ должно дѣйствовать

быть на было преступника, что конечно неисполнимо по отношению к мертвому. В какой бы момент процесса смерть не наступила она безусловно погашает всю уголовную ответственность. Даже если приговор был уже постановлен, но не приведен в исполнение, то сила его безусловно ничтожна, так что, напр., обязанность уплатить штраф не переходит на наследников. Точно также ответственность за преступление строго проводимой в праве уголовном, конечно не распространяется на гражданский иск и гражданский правонарушитель (возмещение за вред и убытки причиненный преступлением).

2. <u>Применение</u> в виновности. Мы видим уже из сведений, что преступления могут быть <u>публичные</u> и <u>частные</u>. Разница между ними, как мы видим, заключается в том, что уголовный преследование за первый, возбуждается помимо согласия, пострадавшего напр. преследование по делам уголовно-частным возбуждается только с согласия пострадавшего. Уголовно-частные правонарушения разделяются в свою очередь на две категории. Уголовный преследование по преступлениям первой категории могут быть пре-

краткого прекращения во всякий момент процесса.

Если далее процесс окончен, приговор вступил в законную силу, но еще не приведен в исполнение, это прекращение с выговором все еще может в глазах этого рода учреждений повлечь последствий. Сенат признал, что, если далее отдан приказ об отдаче в тюрьму, которое еще не начало отбываться наказаний, прекращение все таки имеет силу. Только с того момента, как начался отбывание наказаний, будь осужденный не может уже освобожден. Но это последнее правило имеет в нашем законе два исключения отбываний наказаний за вступление в брак без согласий родителей (ст. 1549) и за упорное неповиновение родителям. власти, развратное поведение и другие явные пороки детей (ст. 1592) может быть остановлено во всякое время по воле родителей.

К второй категории частного прекращений относятся те преступления, по которым начинается но уже назначенное судом не может быть прекращено прекращением.

Под прекращением с выговором

ность; этого термина, употребленный въ нашемъ законѣ несовсѣмъ вѣрно выражаетъ мысль законодателя. Законъ разумѣетъ подъ этимъ собственно одностороннiй актъ – прощенiе, такъ если бы виновный подъ предлогомъ того, что онъ не желаетъ принимать въ пострадавшемъ, требовалъ бы надзора дѣла, его просьба не была бы удовлетворена.

3. Давность. Понятiе о давности, какъ институтѣ погашающемъ уголовную отвѣтственность могло возникнуть только на почвѣ ученiя о теорiи наказанiй. Съ точки зрѣнiя абсолютной теорiи наказанiй – наказанiе есть необходимый результатъ преступленiя и никакой промежутокъ времени не можетъ сдѣлать преступное дѣянiе ненаказуемымъ. Всѣ современныя кодексы признаютъ институтъ и дѣйствительно весьма вѣскiй соображенiя уголовной политики и даже справедливости говорятъ очень много въ защиту этого признанiя. Существеннѣйшiе доводы въ защиту погасительной силы давности сводятся въ общемъ первымъ изъ нижеслѣдующихъ.

Прежде всего время уничтожаетъ

Пр. Таганцева. Лит. Коркуновой.

возможность констатирования данных одним свидетелем умерли, другие потеряли подробности данных, вещественных доказательств не сохранили или перестали свою доказательную силу. Кроме важности дела, которая может требовать более или менее строго запечатленных в памяти свидетелей, но подробности дела иногда требуют данных весьма мелких забываемых. Через несколько дней после такого данных показаний добросовестных свидетелей уже расходится, по прошествии уже нескольких лет только положительно нельзя полагаться на точность показаний. Поэтому вся затрата государства на процесс, затрата сил и имущества пропадает даром. Наконец и требования справедливости также говорят против возбуждения процесса по прошествии известного времени после совершенных преступлений. Дело в том, что лишение с немногости свидетельских показаний несправедливо обвиняемому в случае падающего на него подозрения очень трудно по прошествии большого срока времени со времени совершения данных отыскивать доказательства своей невинности, например доказать свое alibi. Таким образом по истечении известного времени

воздуждение условного процесса в большинстве случаев в место оправдание виновного, а нередко и осуждение невиновного. Наконец время парализует и вредные последствия действий, как общественной (дурной пример, оскорбленное чувство справедливости), так и индивидуальной (вид мщения по прошествии нескольких лет может также совершенно изменяться).

Давность была одним из новых институтов — введена была Екатериной II в 1774 г. первоначально для тех преступлений, для которых была установлена общая сроки земской давности (10 лет).

Из указанных уже оснований давности можно сказать, что с точки зрения теории всякое преступление, каково бы оно тяжко ни было должно погашаться давностью. Наше законодательство отступает от требований теории и восставляет в его основу правила ряд исключений, из которых вторые только и суть действительной мудрой, прочие же должны, как исключения по недоразумению, так как собственно они подходят под общее правило.

Ничем не покрываемой давностью политический преступлений и отцеубийство. Особенная ясна несостоятель-

ного судьи по отношению къ преступлениямъ политическимъ, ненов-
вѣ молодости кассированный противъ существовавшаго государ. устрой-
ства и затѣмъ въ зрѣломъ возрастѣ об-
ратившійся въ самаго мирнаго консер-
ватора, по нашему закону подлежитъ
привлеченію къ отвѣтственности и
казни смертію за политическія убѣжденія.
По отношенію къ отцеубійству также
нельзя привести какихъ либо основа-
тельныхъ доводовъ въ защиту его несо-
гласимости съ дѣйствующимъ, а между тѣмъ
всѣ общіе доводы приведенные выше въ
защиту погашенной силы давности
вообще имѣютъ силу и въ данномъ
случаѣ. Впрочемъ законъ прибавляетъ,
что если въ теченіи 20 лѣтъ со вре-
мени совершенія отцеубійства или
политич. преступленія, влекущихъ по
обнаруженіи въ теченіе 20 лѣтъ, по
наказаній смертная каз-
нь пожизненная каторга замѣняются
ссылкою на поселеніе.

Прочій судья указанный въ законѣ
въ дѣйствительности, какъ мы сказа-
ли суть только мнимый судья. Они
перечислены въ ст. 102, это именно: 1. вету-
шеніе въ незаконной бракѣ, 2. отсту-
пничество отъ православной вѣры и
отъ христіанства вообще, 3. присво-

ение себя непринадлежащаго сословий, чина, ордена, должности, почетнаго титула или имени. Дело в том, что лицо преступлений длящихся, двоеженец, напр. совершает преступление не только в момент вступлений в брак, но во все время незаконнаго брачнаго сожития. Понятно поэтому, что давность может начать свое течение, только с момента, как преступное состояние прекратилось, напр. возвращением отсутствующаго в лоно православной церкви, или смертью одного из супругов двоеженца. Это начало признается и уложением в той же ст. 162 статьи.

Понятно из мотивов приведенных в защиту погасительной силы давности, что давностные сроки для различных преступлений должны быть различны; ст. 158 Улож. указывает следующие сроки давности: 1 мес., 2 л., 5 л., 2 года и затем 6 месяцев. Сравнивая это с законодательством зап. Европы наше законодательство относится довольно снисходительно к преступнику. Во Франц. и Германск. кодексах сроки давности для предупредительных действий 20 летние.

Высшая или меньшая продолжительность давностнаго срока по Улож-

Лист в 33 Улож. Ул.

Пр. Таганцев. Лит. Конневской

мого определяемая наказанием, которым
обвинено данное деяние, но закон не опре
деляет прямо о каком наказании здесь
идет речь или которое полага
ется за данное преступление in genere
или о том которому подлежит ви
новный в данном индивидуальном слу
чае.

Принимая во внимание, что наличие
давности исключает наличие образую
в трудности правильно констати
ровать преступление и отсутствие
этого вывода необходимо при
знать, что эта трудность давности
от более ранней или поздней даты
совершения правонарушений и потому давно
стной срок должен быть поставлен
в зависимость не от разыскания от
ветственности данного лица за совер
шенное им преступление, а от объек
тивных признаков деяний, отно
сящихся к группе преступлений, которая
и определяется общим наказанием,
надлежащим за данное преступление.
Наименование образом Верх. Суд указыва
ет свое согласие с этим выводом,
встало о погашенной силу дав
ности в преступлениях совершен
ных по сговору (ст. 160). На этом осно
вании необходимо признать, что сам
деяние отнесено в законе к катего

наказаніями, то для исполненія ея необходимо исчисленіе давности наиболѣе важнаго изъ этихъ наказаній. Государство наконецъ, какъ мы видѣли выше, старается издавнуто направленной запретомъ на такіе процессы, которые въ большинствѣ случаевъ должны окончиться ничѣмъ, каковы процессы по преступленіямъ, если со времени совершенія преступленія прошло большой промежутокъ времени. Между тѣмъ опредѣленіе давности должно основываться по индивидуальнымъ обстоятельствамъ суду только тогда возможно производить этотъ процессъ.

Такимъ образомъ ставя срокъ давности въ зависимости отъ преступленія, а не отъ наказанія.

Такъ какъ при исчисленіи давностныхъ сроковъ каждый день имѣетъ значеніе, или если убійца напр. будетъ задержанъ наканунѣ послѣдняго срочнаго дня, то онъ освобождается отъ всякаго наказанія, то необходимо опредѣленныя правила относительно исчисленія этихъ сроковъ.

Опредѣленіе начальнаго момента/terminus a quo/отъ котораго начинается теченіе давности не представляетъ особеннаго затрудненія. Это есть мо-

менно совершений последнего акта въ длящаго въ составѣ даннаго преступленія или покушенія, такъ что если послѣдніе данныя преступленія заключаетъ въ себѣ достиженіе результатовъ, то давностный срокъ начинаетъ течь съ момента наступленія этихъ результатовъ (напр. смерть жертвы при убійствѣ). Иначе могло бы случиться, что преступленіе будетъ погашено давностью раньше, чѣмъ окончится. Совсѣмъ иначе идетъ, какъ въ гражданскомъ правѣ изъ-ясненіи дѣйствія; первый и послѣдній день относятся въ полному подлежащаго. Этотъ показатель конечнаго момента (dies adquisitionis) давностный срокъ прерывается, то онъ опредѣляется по слѣдующимъ началамъ. Для теченія полнаго давностнаго срока, какъ требуется безвѣстность дѣянія или безвѣстность преступника. Нерѣдко случается, особенно при накопленіи имущественныхъ преступленій въ, что дѣяніе обнаружится можетъ вовсе не извѣстнымъ и откроваемся только по истеченіи большаго или меньшаго количества времени. Обнаруженіе преступленія въ данномъ случаѣ законъ принимаетъ не въ узкомъ смыслѣ, а въ строго юридическомъ смыслѣ. Только дошедшіе въ общество о преступленіи, разсказы пострадавшаго еще не

считаются обнаружением преступления, для этого требуется заявление подлежащего властного, напр. подача со стороны пострадавшего особое в судебное место. Любопытна по этому вопросу практика кассац. департамента под № 158 ст. подтверждающая, что неправильно направленное преследование, напр. протокол по делу подлежащему судебному разсмотрению подавался в административное место не обнаружением преступлений считалось обнаружение преступления в точном смысле.

Из одного обнаружения преступления недостаточно для перерыва течения давности, для этого необходимо второе условие обнаружение виновного. Нередко могут быть случаи, что самый факт преступления несомненно констатирован, напр. экспертиза доказала отравление кого-либо, но преступника не найдено, в таких случаях давностный срок продолжается для него. Собственно можно было не упоминать о первом условии, так как обнаружение виновного, конечно, не может иметь места, если не известно преступление. Указанное первое условие имеет только тот смысл указания, что если

Пр. Тальцевъ. Лит. Житневской.

кто либо обвиняется в нескольких преступлениях, то отвечает только за тех, которые были обнаружены до истечения давностного срока. Здесь как и относительно обнаружения преступления является вопрос, что считать обнаружением виновного. Строго говоря, виновный обнаруживается лишь вследствие окончательного приговора суда или вердикта присяжных вошедшими в законную силу. Но понятно что в таких случаях было бы абсурдом придать закону такое толкование. Кажется рациональное всего будет признать моментом обнаружения виновного в смысле конечного момента давностного срока начало судебного преследования подозреваемого.

Если в пределах одна группа лиц, в которых последний момент давности определяется иначе, относительно-частной. Для прекращения течения давности по отношению каждого нужно 3-е условие, подача жалобы, т.е. жалоба, поданная в законном порядке и явка в суд по вызову. С момента предъявления жалобы, течение давности для преступника прекращается и затем медленность производства дела не зависящая от

вом пострадавшаго недает'ъ давности. Но давность продолжает'ъ теченіе если преслѣдованіе происходит'ъ по винѣ обвиняемаго, напр. вслѣдствіе неявки его по вызову въ судъ безъ законныхъ основаній.

Значеніе представляет'ъ моментъ давности по нашему закону совершеннолѣтія. Противъ значеніе того же момента по законодательству Германскому и Французскому. Въ Германіи и Франціи этимъ моментомъ только пріостанавливается теченіе давности и если обвиняемый успѣетъ скрыться отъ суда или слѣдствій, то съ момента побѣга давность продолжает'ъ течь.

Далѣе если преступникъ избѣгаетъ уже посѣщенія постановленій приговора, то давностный срокъ начинает'ъ течь снова. Узнав напротивъ, со момента обнаруженія преступленія теченіе давности прекращается совершенно.

Что касается до соединеннаго съ преступленіемъ гражданскаго послѣдствій, то относительно къ давности дѣйствуетъ то начало гражданскаго права.

Къ равнозначущимъ наказаніямъ полицейскаго надзора относится отъ 3-хъ уже разсмотрѣн-

нашъ только, что исходитъ отъ власти, стоящей выше закона, тогда къ. первые три эквивалента попадаютъ въ дѣяніе въ силу закона. Право помилованія встрѣчало въ доктринѣ сильныя возраженія, но въ настоящее время большинство кодексовъ и главныхъ направленій въ наукѣ уголовнаго права признаютъ его необходимость. Возраженія противъ права помилованія явились главнымъ образомъ со стороны абсолютныхъ теорій. Отвѣтъ противъ представителей теоріи, наказаніе есть такое непосредственное неизбѣжное послѣдствіе преступленія, что никакая сила не можетъ отмѣнить его, какъ никакая сила не можетъ сдѣлать совершившееся преступленіе не бывшимъ. Однако явились иногда возраженія со стороны защитниковъ утилитарной теоріи, но возраженія эти направились не противъ существованія института помилованій, а противъ той безобразной формы, въ которую это право нерѣдко возрождалось. Извѣстны lettres de grace французскихъ королей въ коихъ прощено столько преступленій. Это были бланки съ королевскою подписью о прощеніи. Бланки эти раздавались королевскими любимцамъ

которое можно внесовать в эти бланки какие угодно имена и преступлений. Но законодатель может подать повод к гарантиям, а не к отмене самого института, если он явился излишеством. В такой же степени излишества право толкования должно быть предоставлено соблюдению по следующим основаниям. Всякий закон, как общее правило не может предвидеть всех индивидуальных особенностей конкретного случая и поэтому суду должно быть предоставлено пространство в определении размера наказаний. Но это не значит, что это право суда изменять наказание для избежания произвола должно быть обставлено известными границами. Между тем в силу индивидуальных особенностей известного деяния должна быть иногда необходимо сделать отступление в размере наказания выходящее за пределы подсудности суда; понятно что в таких случаях подобное снижение наказаний ниже низшего его отмена может быть совершено только актом власти законодательной.

Но с признанием необходимости

Ф. Тальберг. Лит. Тальберг.

института помилования возникает вопрос о гарантиях противъ вырожденій его въ такой чудовищной формѣ въ какой неоднократно являлось въ исторіи право помилованія. Гарантіи эти различны для различныхъ видовъ или формъ помилованій. Прежде всего различаютъ два вида помилованій: частное и общее или амнистій.

Помилованіе частное, т.е. касающееся даннаго конкретнаго правонарушенія является въ трехъ формахъ, смотря потому въ какой моментъ объявляется.

Первая форма помилованія – абсолютное прекращеніе судебнаго слѣдствія по дѣлу не можетъ быть, ни какимъ образомъ допущена въ цивилизованномъ государствѣ. Помилованіе не есть оправданіе, а потому абсолютный не оправдывающій подсудимаго приговоръ не можетъ быть вынесенъ только для тѣхъ, кто вовсе помилованій не засчитываетъ. Поэтому въ Зап. законодательствѣ она безусловно воспрещена въ конституціонныхъ законахъ.

Вторая форма помилованія смягченіе или полная отмѣна наказаній по окончаніи судебнаго разбирательства

ства до приведенія судебнаго приго-
вора въ исполненіе. Гарантіи против-
ной формѣ помилованія сводятся
къ инициативѣ. Понятно, что пра-
во ходатайства о помилованіи дол-
жно быть предоставлено суду.
Третья форма помилованія-возста-
новленіе въ правахъ, предполагаетъ
какъ гарантію исключительное пре-
доставленіе инициативы администра-
ціи, имѣющей надзоръ за отбы-
ваніемъ наказанія. Имѣется
ли вопросъ по отношенію мило-
ви. всепомилованію или амнистіи.
Подъ всепрощеніемъ разумѣется акты
помилованій, относящіеся не къ од-
ному опредѣленному преступнику, а
къ цѣлой категоріи ихъ. Такъ какъ
соображенія, на которыхъ это осно-
вывается совершенно отличны
отъ соображеній, лежащихъ въ ос-
новѣ частнаго помилованія, то и
условія его примѣненія, совер-
шенно иныя.
Въ исторіи мы встрѣчаемъ двоякій
родъ основаній примѣненія амни-
стіи: 1. По поводу какихъ либо фактовъ
постороннихъ преступленію, напр.
по случаю какого либо церковнаго празд
ника, по случаю какихъ нибудь выходящаго
изъ ряда или какого нибудь еще болѣе узкаго

диктаторского порядка; поэтому в настоящее время такая амнистия, как противная всякому здравому смыслу в цивилизованном государстве не применяется. Амнистия может быть оказана существующему строю преступлений, к которому она применяется; это касается главным образом преступлений политических. Она дает государству возможность предупредить события и всякое преступление против основ государственного порядка; в этом моменте имеется весьма важное значение, по отношению к порядку вещей; в волнованной стране успокаивается и лучшей мирной для полного успокоения умов является всеобщая амнистия, так как всякий политический процесс производит всегда известное раздражающее влияние. Амнистия освобождает большое число всех указанных видов политических преступлений (аболиция, прощение осуждения, и реституцию в правах). Законодательная власть может объявить полную амнистию по собственной инициативе.

Иногда конечно вопрос о помиловании получает другую окраску сообразно особенностям нашего госуд. строя.

Наше законодательство не разли-
чаетъ этихъ отдѣльныхъ видовъ прод-
вженій этого права, на которые ука-
зываетъ теорія. Нечего и говорить ко-
нечно о какихъ либо гарантіяхъ въ этомъ
отношеніи, хотя суду и не воспреща-
ется ходатайствовать о помилованіи
лица или осужденнаго, но рядомъ съ э-
тимъ признается безграничное право
помилованія законодательной власти,
безразличное къ тому, въ которомъ
помилованіе застаетъ преступни-
ка. Наше право допускаетъ сколько-нибудь: да-
же аболицію. Сила и пространство
дѣйствій акта помилованій опре-
дѣляется каждый разъ въ высочайшемъ
указѣ или манифестѣ, которымъ сни-
скается иногда осужденнымъ или уже да-
руется или совершенное преступленіе (ст.
165–166).

Ограниченіе права помилованій суще-
ствуетъ только въ двухъ отношеніяхъ:
1) помилованіе не распространяется на
иски частныхъ лицъ о вознагражденіи
за вредъ и убытки и 2) актомъ помило-
ванія не можетъ быть отмѣнено
церковное покаяніе.

Чтобы покончить съ общей частью,
разсмотримъ еще одинъ вопросъ,
вопросъ, въ которомъ право уголовное

Пр. Танцевъ. Лит. Капневской.

соприкасается в значительной мере с правом гражданского иска этого последнего берут значительное перевес над принципами первого, это именно вопрос о возмещении за вред и убытки, причиненные преступлением.

По нашим уставам судопроизводства иск о возмещении за вред, ущерб и убытки, может быть вчинен или общегражданским порядком по указанию условно для иска же может быть предъявлен прямо в условный суд, в котором в данный момент разбирается преступление, давшее основание этому иску. Благодаря этому условию говорить о возмещении за вред, ущерб и убытки, причиненные преступлением, только собственно говоря этот вопрос принадлежит праву гражданскому. Ст. 64 прямо говорит, что относящийся сюда вопрос подлежит решению в праве гражданском. Рассматриваемый наш вопрос естественно разделяется на 3: Кто должен возмещать? Что возмещается? Что подлежит возмещению?

По отношению к первому вопросу.

что должно быть возмещено, имеет ходячее значение материальной утраты, причиняемой лицу преступлением, может быть прямой или косвенной. Прямой ущерб (damnum emergens) является при преступлениях имущественных, когда вещь лица завладевается или истребляется преступником. Возмещение за прямой ущерб состоит в возвращении вещи in specie, если она еще существует, с уплатою разницы в цене, если она повреждена преступником или возвращение эквивалента, если вещи нет налицо. Но этим не ограничивается обыкновенно гражданская ответственность за преступлением имущественный. Материальный вещи имеет свойство приносить свои видоизменяющиеся различные выгоды, известной в гражданском правоведении именем интереса (lucrum cessens). Преступник, лишающий лицо пользования вещью, обязан возместить и этот косвенный ущерб, который выражается претерпенным вследствие того, что лишено было возможности пользования вещью. Но при определении размера это-

го косвенного вреда являются значительными затруднений.
1000 рублей в руках опытного биржевика могут дать громадный доход или крах не особенно большой суммы у лица, занимающегося коммерческими оборотами может, подорвав его кредит, причинить ему громадные убытки. Понятно, что для устранения процедура при взыскании косвенного ущерба необходимо несколько ограничить его понятие. Обыкновенно в гражданском быту под косвенным вредом или убытками, причиненными преступлением разумеют, как назначенный непосредственный гражданский интерес.
Таковы процессы, нарастающие на процентную бумагу, выигрышную, упавшей на похищенный лотерейный билет, приплод захваченного скота и т. п.; сюда все относят расходы по отыскание вещи, впрочем эти расходы могут быть отнесены к судебным издержкам.
Что касается ущерба, причиненного лицу при совершении преступлений личных, то Зап. законодательства предоставляют виновному доказать, что данное преступлением действительно причинило ли

ну такіе-то убытки и въ случаѣ, если онъ докажетъ это, преступникъ обязанъ возмѣстить ихъ ему.

Наше законодательство питается прямо переписать, что должно быть возмѣщено при преступленіяхъ личныхъ. Сюда законъ относитъ расходы на леченіе, они должны быть возмѣщены безъ различія имущественнаго состоянія потерпѣвшаго, если онъ докажетъ, что эти расходы необходимы. Далѣе если потерпѣвшій, поддерживавшій своимъ трудомъ свое собственное существованіе или существованіе своей семьи, былъ лишенъ преступленіемъ способности къ труду, то совершившій преступленіе обязанъ содержать его или его семью, пока они не получатъ вновь возможности существовать собственными средствами. Размѣръ содержаній опредѣляется судомъ по двумъ условіямъ: матеріальной обезпеченности потерпѣвшаго и экономической состоятельности виновнаго. Далѣе законъ упоминаетъ вознагражденіи за убытки причиняемые отдѣльн. преступленіями. Напр. за лицо, распространившее клевету сознаніемъ подорвать кредитъ другого лица, обязано вознаградить этого

Пр. Таганцевъ. Лит. Котлевской.

последнего за материальный ущерб, причиненный ему клеветою, или лицо изнасиловавшее женщину обязано давать ей содержание до выхода замуж, а если она замуж не выйдет, то до ея смерти; основание этого требований закон. В том, что изнасилование разсматривается законом, как обстоятельство служащее препятствием для вступлений в брак.

Что касается 2го вопроса: кто возна-граждает, с которого гражд. условия по права, причлось бы отвечать Уль. по виновной в причинении вреда, по всем у гражданского характера разсматрива. по института вопрос насколько удовлетво. ется. Кроме лица, совершившаго преступ. гражд. иски о вознаграждении за вред, ущерб и убытки причин. преступлением могут быть обращены на лиц гражданск-от-ветственных лиц. Такими гражд.-от-ветс. являются наследники за наследо-дателей в размере наследства, лица имущ. надзора за малолет. и безумными, если они не докажут, что приняли с своей стороны все возможныя меры для пре-дупреждений правонарушений, хотя за сим, если этими последними причинен вред 3-м лицам при исполнении возложен-ных на них служебных поручений и ф. Три вознаграждение за вред и убытки, причи-

ственное преступлением, совершенном по соуча-
стию знать вида разница между причи-
тными уголовн. и гражд. права. Уголовная от-
ветственность недостижима, всякий из со-
участников отвечает за полное пре-
ступление, гражданская ответственность
за правонарушений наоборот делится ме-
жду участниками, при этом соблюдают-
ся следующ. правила: Въ преступлениях,
совершенныхъ двумя предварительно
сговорившимися всякий отвечает за тот
ущербъ, который онъ лично причинилъ,
если же нельзя различить доли, причинен-
ного каждымъ ущерба, то вознаграждение
раскладывается поровну между соучастни-
ками.

Въ случаѣ несостоятельности одного изъ
нескольких изъ соучастниковъ издержки раз-
лагаются на прочихъ участниковъ, съ пра-
вомъ регресса, т.е. эти послѣдніе пашут
тъ противъ обнаружившагося несосто-
ятельнаго иска въ размѣрѣ уплаченной
за нихъ суммы. Искъ этотъ можетъ ре-
гулироваться, если, напр. окажется, что
несостоятельность была обманная. За
преступленіе совершенное по предвари-
сговору, прежде всего всѣ соучастни-
ки несутъ солидарную гражданскую от-
вѣтственность (въ одинаковой мѣрѣ и
главные виновн. и второстепенные). Во
случаѣ, если всѣ соучастники вмѣстѣ ока-

жертвой не в состоянии возмездствовать при
совершении преступления убытков, могла
послужить к преступлению лица несу-
солидарную гражд. отв. суд. в разме-
ре недостающей части.

Что касается 3-го и последнего
вопроса: кто имеет право на возмезд-
ждение, то ясно, что это право при-
надлежит лицу пострадавшему. Пра-
во это строго личное и потому само
себя не переходит к наследникам,
но если пострадавший подал уже в суд
иск о возмездждении за вред и убытки,
то иск этот, как всякое имущество
переходит к наследникам. Зако-
ном в иных случаях право на возмездждение переходит
даже при жизни лица 3-м лицам, именно се-
мейству пострадавшего при условиях, ука-
занных выше.

Надобно заметить, что закон в случае
смерти понимает семью в самом тес-
ном смысле; членами семьи пострадавше-
го считаются жена, мать, отец и дети.
Родители пострадавшего должны полу-
чать присужденное содержание до своей смерти, же-
на пострадавшего до выхода замуж или
до смерти, если замуж не выйдет, дети
женского пола до выхода замуж или до смер-
ти, если замуж не выйдут, дети мужско-
го пола до совершеннолетия.

Здесь мы заканчиваем изложение общей ча-
сти курса гражд. права и переходим к нашей осо-
бенной.

Особенная часть.

Въ виду той массы преступлений, которыя даетъ наше Уложеніе (Особ. часть въ Улож. имѣетъ 11 разрядовъ и занимаетъ статьи отъ 176 до 1711). Первого даннаго при изученіи особенной части является систематизація. Какъ западн. код., такъ и наше уложеніе за основу классификаціи принимаютъ различіе въ объектѣ преступленій. Собственно говоря, объектъ преступленія всегда одинъ – юридическая норма, но мы видѣли, что въ жизни норма эта можетъ реализироваться и дѣйствительно реализируется въ субъективныхъ правахъ, благахъ и конкретныхъ реальностяхъ и вотъ по различію этихъ-то конкретныхъ проявленій юридической нормы, и различаются главнѣйшіе роды и виды правонарушеній. Субъективныя права и различ. блага, охраняемыя юрид. нормами могутъ принадлежать или отдѣльной личности или единенію нѣсколькихъ—идеальному общественному кружку, существующему независимо отъ государства и лишь охраняемому этими послѣдними (таковы семья, церковь) или же наконецъ юрид. нормы охраняютъ самое государство и пристава или въ основныхъ началахъ его устройства или въ органахъ управленія. Сообразно съ этимъ, теоріи и полож. законодат. по различію субъектовъ нарушаемаго права выставляютъ 4 категоріи преступныхъ дѣяній: преступл. частныя, общественныя.

Ст. 98 Улож. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Кониевскій.

ных, государственных и прест. против поряд-
ка управления.

Рассмотрение наше мы начнем съ преступле-
ній частныхъ. Въ основу общей классификаціи
преступленій мы положимъ различіе субъек-
товъ, нарушаемаго права. Но субъективное
право само по себѣ есть абстракт; матері-
альной основой, субстратомъ его является
известное благо и потому различіе благъ, нару-
шаемыхъ преступленіемъ можетъ служить
основою для дальнѣйшей классификаціи пре-
ступленій. Въ примѣненіи къ преступленіямъ
частнымъ мы получаемъ здѣсь два основныхъ
типа: преступленій противъ личности и
противъ имущества, смотря по тому, нару-
шаетъ-ли преступленіе блага личныя или
вещныя. Подъ общимъ понятіемъ благъ лич-
ныхъ объединяются блага самаго различна
го характера, отсюда получаются слѣдую-
щіе виды преступленій: преступленія про-
тивъ жизни, п. противъ тѣлесной непри-
косновенности, обыкновенно именуемые нару-
шеніемъ: пр. противъ здоровья, пр. противъ свобо-
ды, государственнаго или общественнаго по-
рядка лица и пр. противъ чести.

Переходя же теперь къ изслѣдованію соста-
ва первой категоріи личныхъ преступле-
ній — прест. противъ жизни. —

1.) Преступленіе противъ жизни.

Родовое понятіе преступленій противъ жиз-
ни не предполагаетъ особенныхъ квалифи-

ленiй — убiйство вообще опредѣляется какъ умышленное или неосторожное лишеніе кого-либо жизни. Слѣд. со стороны субъекта не представляется никакихъ особенностей. Субъектомъ убiйства можетъ явиться всякое лицо, находящееся въ состояніи вмѣняемости. По отношенію къ объекту судебная практика современныхъ цивилизованныхъ государствъ настолько отличается отъ воззрѣній древнихъ народовъ. Современныя государства не знаютъ такихъ карій, отъ которыхъ не охранялась бы уголовнымъ законодательствомъ. Точно такое же вліяніе на отвѣтственность играютъ физическія свойства объекта. Въ этомъ отношеніи современная доктрина и положительное право не обращаютъ вниманія на „дѣеспособность" объекта, о которой говорили нѣкоторые доктринеры въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Эти послѣдніе старались доказать, что отвѣтственность за убiйство должна быть сообразована съ способностью къ дальнѣйшему продолженію существованія, которое обладаетъ объектъ преступленія. Основанія современнаго судебнаго права и законодательства должны быть въ невозможности установки какого-либо точнаго и абсолютнаго масштаба для сообразованія наказанія съ дѣеспособностью, а) въ невозможности, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи науки, опредѣлить съ точностью, сколько человѣку остается? жить. Примѣры, которые приводятся въ за-

цию противоположного вывода, напр. случай когда доктор, для прекращения страданий больного, народил. въ предсмертной агоніи, ускорилъ его смерть, или солдатъ, на полѣ битвы докалывалъ раненаго товарища, чтобы послѣдній не попалъ въ плѣнъ – вовсе не говорятъ въ защиту его. Такъ какъ въ этихъ случаяхъ основаній къ исключенію отвѣтственности нѣтъ вовсе не въ объектѣ, а въ субъективной сторонѣ дѣянія – въ руководящихъ мотивахъ. –

Что касается самаго дѣянія, то въ внѣшней сторонѣ то убійство принадлежитъ къ такимъ преступленіямъ, въ которыхъ наказуемо не только умышленное, но и неосторожное содѣяніе. Что касается случайнаго совершенія убійства, то оно не наказуемо, – нашъ законъ предполагаетъ за него добровольное церковное покаяніе.

Наказуемость неосторожнаго убійства по нашему праву весьма разнится, смотря по свойству дѣянія, имѣвшаго послѣдствіемъ смерть лица. Если дѣяніе само по себѣ не было запрещено закономъ, то наказаніе сравнительно не велико – именно: тюремное заключеніе отъ 2–4 мѣс., или арестъ отъ 3-хъ дней до 3 мѣсяц. или строгій выговоръ въ присутствіи суда (ст. 1468). Все, что въ законѣ слѣдуетъ требуетъ доказать – это возможность первыхъ результатовъ при внимательномъ отношеніи къ дѣлу.

Если деяніе, причинившее смерть, само по себѣ, явилось нарушеніемъ полицейскаго закона (напр. быстрой ѣздой по улицѣ) или какихъ спеціальныхъ обязанностей, напр. обязанностей архитектора, кассира, то виновный подвергается тюр. заключ. (2–4 мѣс. и церковному покаянію (ст. 1466).

Наконецъ, если неосторожное лишеніе жизни было послѣдствіемъ не полицейскаго проступка, а самостоятельнаго преступленія, то, смотря по важности этого преступленія наказаніе можетъ возрасти до каторжн. работы и въ случаѣ тяжкаго преступленія нерѣдко прибавливается убійство съ непрямымъ умыслом (преступн. безразлич.).

Что касается убійства умышленнаго, то оно по закону 1871 года является у насъ въ 3 главныхъ видахъ: 1.) съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ (это наиболѣе тяжкая форма убійства); 2.) по внезапному, но злонамѣренному умыслу; 3.) убійство въ запальчивости и раздраженіи; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, особенно въ томъ случаѣ, когда раздраженіе было вызвано насильственнымъ дѣйствіемъ или тяжкимъ оскорбленіемъ со стороны убитаго-наказаніе нисходитъ до ссылки въ Сибирь на поселеніе. Тяжкій надзоръ назначенъ за убійство безъ особыхъ квалифицирующихъ обстоятельствъ доходитъ до 20 лѣтъ каторжной работы. Убійство считается <u>оконченнымъ</u>

<u>листъ 99 Улож. Пр.</u>

Пр. Таганцевъ. Сост. Котлевской

когда жертва действительно лишилась жизни, но хать мы уже были видеть, убийство принадлежит къ разряду тѣхъ преступленій, въ которыхъ наказуемо не только оконченое ихъ совершеніе, но покушеніе и даже приготовительный дѣйствія.

Обязательства, видоизменяющія отвѣтственность за убійство, весьма различны, они зависятъ или въ объектѣ, или въ субъектѣ или въ самомъ дѣяніи.

По отношенію къ объекту прежде всего необходимо упомянуть объ отцеубійствѣ или правильнѣе, какъ говорятъ и нашъ законъ, убійствѣ родителей. Понятіе отцеубійства по нашему праву нѣсколько иное, нежели въ зап.-Евр. кодексахъ. – Такъ французск. и Германск. уголовн. кодексы признаютъ отцеубійствомъ убійство возходящаго родственника по прямой линіи въ какой бы то ни было степени, а также убійство мужа, заступающаго мѣсто родителей, напр. усыновителя, вотчима, мачехи – нашъ законъ понимаетъ подъ отцеубійствомъ лишь убійство кровныхъ и притомъ законныхъ родителей. Особенность въ наказуемости этого преступленія заключается прежде всего въ томъ, что здѣсь законъ не различаетъ видовъ умысла: убійство родителей въ пылу гнѣва и отцеубійство, заранѣе хладнокровно обдуманное, подлежатъ одинаковой отвѣтственности. Причина такого страннаго постановленія заключается въ томъ, что въ проэктѣ ука-

жения за предумышленное убійство предполагалось назначить смертную казнь и когда смертную казнь въ данномъ случаѣ нужно было отстранить, то убійство умышленное соединено было въ одинъ видъ съ внезапнымъ, за которое уже была назначена высшая послѣ смертной казни степень наказанія. Наказаніе за отцеубійство по Уложенію — безсрочная каторга безъ перевода въ рудникъ исправительныя, слѣд. пожизненная. Конечно, если присяжные признаютъ виновнаго заслуживающимъ снисхожденія, то пожизненная каторга должна быть замѣнена срочною.
2-й видъ убійства квалифицир. Уложеніемъ по объекту есть предумышленное убійство родственниковъ возходящихъ и нисходящихъ прямой линіи всѣхъ степеней, а также своего мужа или жены, роднаго брата или родной сестры, роднаго дяди или родной тетки, сюда же приравниваются по наказуемости убійство начальника или господина или членовъ семейства господина, вмѣстѣ съ нимъ живущихъ, слугой, убійство хозяина или мастера, у кого убійца находился въ услуженіи работникомъ или ученикомъ и убійство своего благодѣтеля или воспитателя. Наказаніе въ перечисленныхъ случаяхъ — безсрочная каторжная работа въ рудникахъ.
3-й видъ убійства квалифицир. по объекту предумышленное убійство беременной женщины, если убійца зналъ, что она находится

въ подобномъ положеніи.

Что касается квалификаціи убійства по внутренней сторонѣ преступленія, то законъ нашъ знаетъ особенно строгія наказанія за убійство изъ корыстныхъ цѣлей, за убійство, совершенное при помощи истязаній и мученій, а также за убійство, сопровождавшееся особыми жестокостями или надругательствомъ (?) надъ жертвою. Убійство, наконецъ квалифицируется посредствомъ, при помощи которыхъ оно совершено. Такъ, наказаніе возвышается, если убійство совершено такими дѣйствіями, отъ коихъ подвергались опасности или гибели нѣсколько лицъ, какъ напр. пора мостовъ на желѣзн. дорогахъ, взрывомъ пороха или газа, разрушеніемъ строенія и пр., а также, если убійство совершено изъ засады или чрезъ отравленіе. Далѣе наказаніе за убійство увеличивается по усмотрѣнію суда одной степенью для зачинщиковъ при сообществѣ по предварит. соглашенію.

Наконецъ рецидива преступленнаго убійства увеличиваетъ наказуемость до безсрочной каторги. И такъ, наше уложеніе относится къ убійцамъ снисходительнѣе большинства западн. зак. Французск. кодексъ наказываетъ за правое дѣяніе смертную казнь; Германскій — также смертную казнь за убійство предумышленное, хотя бы не квалифицированное.

Обращаясь теперь къ убійству причинен-

рованному, мы разсмотримъ прежде всего
<u>убійство урода</u>. Съ точки зрѣнія антропологиче-
ской или зоологической уродомъ слѣдуетъ при-
нять всякое существо, отступающее отъ типи-
ческихъ элементовъ своего развитія; но въ законѣ по-
нятіе урода опредѣляется не по анатомиче-
скимъ признакамъ (ст. 1469) требуетъ, чтобы ма-
денецъ былъ чудовищнаго вида или даже не и-
мѣлъ человѣческаго образа, слѣд. сюда не подой-
детъ ребенокъ, имѣющій хотя бы весьма суще-
ственные, но внутренніе органическіе недостатки.
По видимому странно, что законъ, не обращаю-
щій вниманія на жизнеспособность откадыва-
етъ начто въ защиту уроду, но уже изъ того,
что законъ опредѣляетъ понятіе урода не по
существеннымъ элементамъ строенія, а по чисто
внѣшнимъ признакамъ, можно сдѣлать зак-
люченіе, что основаніе привилегіи лежитъ
не въ объектѣ, а въ субъектѣ. Справедливость
этого предположенія подтверждается: 1.)
Исторіей самаго возникновенія на существо этого
преступленія. Еще въ средніе вѣка монстры
считались плодомъ нечистой силы, рожденіе
младенца чудовищнаго вида считалось пред-
знаменованіемъ общественныхъ бѣдствій и
потому убійство такого рода вовсе не считалось
преступленіемъ. Такъ убійство урода при-
знано преступленіемъ только съ Петра
Великаго, и понятно, что существованіе ра-
каго существа застяхвило смягчить наказаніе
до 100 Талов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Кашневской

за это преступленіе); на это указываютъ такія слова закона: „лишить урода женщину по невѣжеству и суевѣрію." Наказаніе за убійство урода по невѣжеству и суевѣрію—ссылка на житье въ Сибирь и параллельно арестантскія отдѣленія.—Второй видъ привилегированнаго убійства, болѣе часто встрѣчающійся въ практикѣ есть <u>детоубійство</u> (ст. 1451.). Понятіе детоубійства въ техническомъ смыслѣ гораздо уже житейскаго смысла этого слова. Детоубійство извѣстно всѣмъ Европ. кодексамъ, но опредѣляется различными кодексами различно. Code pénal опредѣляетъ (infanticide какъ убійство младенца моложе 3^хъ дней и разсматриваетъ его какъ квалифицированное убійство, на томъ основаніи, что убійство такого малютки, который нуждается постоянной помощи для продолженія своего существованія, требуетъ особенной энергіи злой воли— соотвѣтственное наказаніе— смертная казнь. Баварскій кодексъ опредѣлилъ детоубійство какъ посягательство матери на жизнь своего новорожденнаго ребенка (законнаго или незаконнаго—все-равно) и назначилъ наказаніе за это преступленіе значительно меньшее, чѣмъ за простое убійство на томъ основаніи, что такой родовой потугъ всѣ нервныя силы матери потрясены и по общему закону [illegible] наклонность человѣческой, близкое сродство съ дѣтскими [illegible]

страданий. По нашему закону детоубийство матерью своего новорожденного ребенка. Основание к выделению этого преступления в разряд привилегированных, двоякое: 1) ненормальное соматическое и психическое состояние родительницы и 2) мотивы, которые при этом ненормальном состоянии образовали преступную решимость (закон, из таких мотивов нужный вне действия присяжного суда). Изъясняя, составы детоубийства по нашему праву определяет следующим образом:

1.) Субъектом детоубийства является только мать, след. при соучастии, все соучастники, кроме матери, отвечают за простое убийство, а не за детоубийство; это прямо следует из тех оснований, по которым детоубийство выделяется в класс привилегированных убийств.

2.) со стороны объекта требуется, чтобы ребенок был новорожденный и незаконнорожденный.

Здесь прежде всего является вопрос, до каких пор ребенок должен считаться новорожденным; обыкновенно сам закон определяет этот срок (в больш. законод. 24 часа и 3 суток после родов). Но подобное определение не соответствует истинному значению понятия детоубийства. Руководясь в основании этого определения каждое правительство будет

понятіе новорожденнаго изъ состоянія матери, а не ребенка. Съ этой точки зрѣнія, ребенокъ долженъ быть признанъ новорожденнымъ во все время, пока продолжается ненормальное послеродовое состояніе матери. Въ виду колебаній нашего законодательства, будетъ ли оно какъ вполнѣ согласный съ существомъ дѣла должно быть признано и у насъ.

Что касается понятія незаконнорожденнаго, то въ этомъ отношеніи въ области уголовнаго права расходится съ опредѣленіемъ права гражданскаго. Отличіе это заключается въ томъ, что по отношенію къ дѣтямъ, рожденнымъ въ бракѣ гражданское право всегда презюмируетъ законность дѣтей, пока отецъ не заявитъ противнаго и не докажетъ, что ребенокъ зачатъ внѣ брака. Понятно, что уголовное право не можетъ стать на эту точку зрѣнія, мотивы къ скрытію своей преступной связи, къ умерщвленію младенца могутъ быть еще болѣе настоящи для женщины, которая знаетъ, что ея мужъ не можетъ имѣть никакихъ правъ, связанныхъ съ законнорожденіемъ. Въ другой сторонѣ, ставъ на эту точку зрѣнія уголовное законодательство дало бы въ руки мужу возможность крупнымъ увеличеніемъ наказанія незаконности ребенка, возвысить наказаніе для жены до каторги 15—20 лѣтъ вмѣсто ссылки на поселеніе, если убійство совершено по внезапному умыслу, и до двѣнадцати каторги

высыло 8–10-летней, если убийство предумышленное. По существу дела, детоубийство может быть умышленное и неосторожное, но наказуемо только первое. Наказание за детоубийство по роду умысла полагается от 8–10 каторжн. работы до ссылки на поселение.

Говоря о детоубийстве необходимо упомянуть еще о преступлении предусмотренном 1460 ст. Уложения, именно об оставлении матерью без помощи своего незаконнорожденного младенца соответст. наказание ссылка на житье в Сибирь на параллельно-рабочий долг 1½-2½ лет.

Второй вид привилегированного преступления против жизни есть <u>истребление плода</u>, т.е. прекращение жизненности зародыша во время его нарождения в утробе. Подобного рода преступления редко доходят до судебного рассмотрения; не смотря на то, что далеко много лиц занимаются этим по профессии, процессов бывает мало, так как почти невозможно доказать бытие этого преступления. Закон рассматривает истребление плода, как преступление против жизни, так как он сохраняет жизнь не только у человека, оживущего самостоятельного жизнью, но и у зародыша оживущего жизнью производного. С другой стороны в народной жизни существует особенный взгляд на важность этого преступления; большинство народа смотрит на истребление плода далеко не так

Пр. Тагинцев. Лит. Ковалевской.

суровo, какъ на истребленіе человѣка. Кромѣ того, очень часто совершеніе этого преступленія объясняется неблагопріятнымъ соціальнымъ условіемъ виновныхъ, ихъ неудовлетворительнымъ экономическимъ бытомъ. Изслѣдуя всего этого закономъ должно усвоить себѣ особенную точку зрѣнія на истребленіе плода и относиться къ нему съ большимъ снисхожденіемъ, чѣмъ къ простому убійству.

Субъектомъ истребленія плода могутъ быть, какъ сама беременная женщина, такъ и посторонія лица, но законъ относится снисходительнѣе къ матери, чѣмъ къ другимъ лицамъ.

Объектомъ преступленія является зародышъ: въ какой моментъ его разбирія произошло его истребленіе, — совершенно безразлично. Зачатіе его съ самаго дня зачатія до послѣдняго момента считается истребленіемъ плода въ техническомъ смыслѣ. Единственнымъ требованіемъ закона относительно объекта, т. е. зародыша является, какъ и во всѣхъ преступленіяхъ противъ жизни, жизненность его. Необходимо, слѣдовательно, чтобы онъ былъ способенъ къ дальнѣйшей жизни; поэтому, если кто либо зарѣзавъ женщину выкинутъ, но выкидышъ окажется заколомъ, то это будетъ считаться дѣйствіемъ безразличнымъ. Что касается до самого преступнаго дѣйствія, то законъ наказываетъ только умышленное, а не неосторожное истребленіе плода. Объясненіе этого заключается въ жизненныхъ условіяхъ, отъ кото-

рыв въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ преступленія; самое состояніе беременной женщины объясняетъ то обстоятельство, что теорія уголовнаго права не находитъ основаній преслѣдовать ее за невмѣшательство и неосторожность. Говоря о внѣшней сторонѣ дѣянія, мы замѣтили, что истребленіе плода можетъ быть совершено различными образами: оно можетъ быть выполнено или чрезъ дачу обортивныхъ веществъ, или же механическими средствами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ требуется, чтобы плодъ былъ истребленъ. Поэтому нельзя смѣшивать истребленіе плода съ его изгнаніемъ. Въ первые мѣсяцы беременности, оти двѣ дѣйствительно совпадаютъ, но, если изгнаніе совершено на восьмой или девятый мѣсяцъ, то можетъ случиться, что плодъ родимъ будетъ живъ и въ этомъ случаѣ дѣяніе очень отличается отъ истребленія плода. Т. обр. мы видимъ, что по теоріи для полнаго состава преступленія необходимо, чтобы плодъ былъ дѣйствительно истребленъ. Нашъ законъ смотритъ на это нѣсколько иначе; если плодъ изгнанъ, то уложеніе налагаетъ уже на виновнаго полное наказаніе, положенное за истребленіе плода.

Мѣра наказанія за истребленіе плода зависитъ главнымъ образомъ отъ согласія беременной. Дѣло въ томъ, что это дѣяніе наноситъ вредъ не только младенцу, но и его матери. Если согласіе это было дано, то посторон-

лія лица виновнаго въ истребленіи плода, подвергаются каторжной работѣ отъ 4 до 6 лѣтъ.

Если преступленіе было совершено безъ согласія матери, срокъ каторжныхъ работъ простирается до 8 лѣтъ. При этомъ, обстоятельствѣ, квалифицирующемъ наказаніе является особенное положеніе виновнаго; такъ, законъ въ особенности строго относится къ акушеркѣ, повивальной бабкѣ или доктору, совершившему истребленіе плода.

Кромѣ того, законъ также обращаетъ вниманіе на фактъ повторенія преступленія и при наличности его усиливаетъ наказаніе.

Дуэль или поединокъ.

Сравнивая постановленія нашего законодательства о дуэли съ законами Западно-Европейскихъ кодексовъ, относящимися къ тому же предмету, мы находимъ между ними значительную разницу. Новогерманское уложеніе относитъ поединокъ къ преступленіямъ, направленнымъ противъ судебной прерогативы государева и считаетъ его одинъ изъ видовъ самоуправства; у насъ же на дуэль смотрятъ, какъ на преступленіе противъ жизни или здоровья частныхъ лицъ. Это различіе видовъ объясняется исторически. Дуэль возникла въ Западной Европѣ изъ феодальнаго самосуда. Въ средневѣковой власти, самовольная рас-

права естественно стала разсматриваться как посягательство на одну изъ прерогативъ, а именно, на судебную власть; при этомъ результаты дуэли по отношению къ нарушенному лицомъ были отодвинуты на задній планъ. Узнав въ Россіи понятіе поединка было принесено извнѣ и внесено въ кодексъ при Петрѣ Великомъ; въ жизни же оно привилось не ранѣе 18го столѣтія. Понятно, что у насъ дуэль не могла имѣть такого государственнаго значенія, какъ въ Западной Европѣ. Поэтому вполнѣ, именно съ манифеста Екатерины II законъ сталъ обращать вниманіе на прямые результаты дуэли.

Съ точки зрѣнія русскаго законодательства, обращающаго главнымъ образомъ вниманіе на послѣдствія, нетрудно опредѣлить характеръ дѣянія, называемаго дуэлью. Прежде всего поединокъ представляетъ 2 типа, изъ которыхъ, вторымъ, одинъ для насъ не имѣетъ значенія (а.) Поединокъ можетъ быть такого рода, что предполагаетъ смерть противниковъ, и вотъ онъ можетъ происходить въ такихъ условіяхъ, которыя предполагаютъ только легкое или менѣе тяжкую рану (студенческая дуэль въ Германіи.) — къ намъ перешла дуэль только перваго рода; когда мы говоримъ, что она предполагаетъ смерть противниковъ, это не значитъ, что необходимо смерть должна) произойти. Достаточно, чтобы по

Пр. Таганцевъ. Лит. Коптевской.

условіямъ бла и по оружію было ясно, кто предполагаетъ достичь смерти. Ясно, что, если мы будемъ смотрѣть на дуэль съ точки зрѣнія ея послѣдствій, намъ придется, какъ по внѣшней, такъ и по внутренней сторонѣ подвести ее подъ родовое понятіе преступленій противъ жизни или здоровья, которыя, въ свою очередь, имѣютъ характеръ частныхъ правонарушеній.

Разсматривая дуэль, какъ одинъ изъ видовъ преступленій противъ частныхъ лицъ, намъ надо выяснить, почему законодательство выдѣляетъ ее въ особенный привилегированный видъ. Не смотря на сходство дуэли съ убійствомъ и нанесеніемъ ранъ, эти преступленія далеко не тождественны; поединокъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторый видовой особенности, которыя заставляютъ относиться къ нему нѣсколько иначе, чѣмъ къ обыкновенному убійству или поврежденію. Дѣло въ томъ, что законодательство относится къ дуэли сознательно; можно искать также основа-

ній сношеній въ томъ обстоятельствѣ, что лицо выходя на бой въ томъ самомъ какъ бы условно даетъ согласіе на претерпѣніе губительныхъ послѣдствій.

Совершенно своеобразный взглядъ на дуэль существуетъ во Французскомъ зак. Кодексѣ 1789 года не говорившемъ ни слова о дуэли, полагая, что отъ остатокъ феодализма должен отжить въ наступленіемъ новаго порядка. Code penal 1810 года также молчитъ о дуэли и до 1829 года это молчаніе толковали въ томъ смыслѣ, что дуэль не считается преступленіемъ; но этого года судъ принялъ другое толкованіе, объявивъ что зак. потому молчитъ о дуэли, что не отличаетъ её отъ простаго предумышленнаго убійства assassinat. Впрочемъ, нужно сказать, что отъ взглядъ встрѣтилъ другихъ отпоръ со стороны народн. суда, выразившійся въ оправдательномъ вердиктѣ присяжныхъ.

Что касается до субъекта и объекта преступленія, то закономъ не дѣлается для нихъ никакихъ отличій и не заключаетъ ихъ ни въ какихъ особенныхъ постановленіяхъ. Единственная ихъ особенность по видимому заключается въ томъ, что каждое лицо, участвующее въ дуэли, является въ одно и тоже время и субъектомъ и объектомъ преступленій. Но дѣло въ томъ, что дуэль есть сложное преступленіе и заключаетъ два отдѣльныхъ правонарушенія; изъ которыхъ каждое имѣетъ своего субъекта и своего

ма; но субъектъ перваго есть объектъ втораго, точно такъже, какъ субъектъ втораго есть объектъ перваго.

Так. обр. весь вопросъ объ особенностяхъ дуэли, въ сравненіи съ другими преступленіями противъ жизни, сводится къ самому преступному дѣянію.

Дуэль слагается закономъ окончено, тогда произошла смерть или болѣе или менѣе тяжкое повреждение. Этому предшествуютъ стадіи, которыя мы могли бы назвать покушеніемъ и приготовленіемъ. Если противники вышли на бой и помѣнялись выстрѣлами, оставшимися безъ послѣдствій, мы будемъ имѣть дѣло съ покушеніемъ на дуэль. Предварительное соглашение или вызовъ считается приготовленіемъ. По нашему закону есть еще три момента наказуемые. Первая стадія дуэли, приготовленіе, т.е. вызовъ и выходъ на поединокъ, обыкновенно незначительно отвѣтственностью: бывшій подвергается не болѣе, чѣмъ семидневному аресту, если только не было квалифицирующихъ обстоятельствъ, напр. подготовленія выбывающаго къ выбыванію. Бо́льшій, законъ обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, кто былъ причиной дуэли, т. кто былъ виновникомъ оскорбленія, если уже этого невозможно опредѣлить, то виновникомъ дуэли считается тотъ, кто вызвалъ другого. Есть случаи, гдѣ приготовленіе къ дуэли

вовсе не наказуемъ; такъ, если дуэль предшествовала выздоровленію оскорбленнаго лицами бывшихъ противниковъ виновными, а послѣдній впослѣдствіи совершенно освобождается отъ отвѣтственности. За покушеніе на дуэль, виновные подвергаются заключенію въ крѣпости до 6 мѣсяцевъ. Наконецъ, когда дуэль является окончательно, т.е. когда предпринята смертъ или рана, законъ не угрожаетъ виновнымъ заключеніе въ крѣпости до 6 мѣсяцевъ; при этомъ законъ различаетъ нѣсколько степеней дуэли: первую степень составляетъ дуэль, оканчивающаяся легкими формами противорѣчія; далѣе идетъ дуэль, оканчивающаяся тяжкими ранами и наконецъ смертью. Наказаніе за дуэль никогда не влечетъ ограниченія правъ.

Наше законодательство знаетъ два случая квалифицированной дуэли, при которой наказаніе возвышается въ сравненіи съ обыкновеннымъ поединкомъ. Это во 1^ую дуэль безъ секундантовъ и 2.) дуэль съ условіемъ биться на смерть. Въ этихъ случаяхъ наказаніе простирается до заключенія въ крѣпости на 10 лѣтъ. Во всѣхъ случаяхъ законъ требуетъ для признанія дѣянія дуэлью чувствительныхъ условій, не смотря на то, что эти признаки мало подходятъ не перечисленію, или можно указать на слѣдующія: первое, характеризующій дуэль: 1.) Дуэль есть бой секундантовъ, предполагаетъ возможность обиженнаго драться и потому тѣмъ

Пр. Таганцевъ. Изд. Копіевской

наз. американская дуэль (по жребию) не подходит подъ понятіе дуэли по нашему закону; 2.) требуется предварительный уговоръ; бой и его подробности должны быть условлены заранѣе; здѣсь не требуется, чтобы дуэль сопровождалась обычными обрядами, не требуется присутствія секундантовъ. Только такое не имѣетъ значенія родъ оружія — будетъ ли дуэль на так. наз. благородномъ оружіи или нѣтъ. Все, что необходимо — это наличность уговора и его исполненіе. Это условіе до такой степени важно и существенно, что если предварительнаго уговора не было или онъ былъ нарушенъ, то мы уже имѣемъ дѣло съ обыкновеннымъ или даже квалифицированнымъ убійствомъ. Такъ, если было условлено стрѣлять по очереди и одинъ изъ участниковъ дуэли выстрѣлитъ не въ очередь, онъ будетъ обвиненъ въ квалифицированномъ убійствѣ. 3.) Необходимымъ условіемъ дуэли является оскорбленіе или обида, какъ причина вызова. Обида должна быть понимаема въ самомъ широкомъ смыслѣ слова подъ оскорбленіемъ словами или дѣйствіемъ не только выдавшаго, но также его ближнихъ родственниковъ.

Кромѣ самихъ дуэлистовъ, въ преступленіи, о которомъ идетъ рѣчь, участниками являются еще другія лица, которыя всѣ могутъ быть раздѣлены на 5 категорій: 1.) Картель-трегеры, передатчики вызова

и выхода.

2.) Секунданты. Ответственность этихъ двухъ категорій лицъ одинакова; они имѣютъ характеръ условный, такъ какъ лица эти подвергаются ей только въ томъ случаѣ, если они не сдѣлали всего, что возможно, для примиренія противниковъ. Кромѣ того они отвѣчаютъ еще, если допустятъ дуэль съ особенно-тяжкими увѣчіями, напр. съ условіемъ биться на смерть.

3.) Медики. Лица этой категоріи ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаютъ.

4.) Подстрекатели. Законъ подробно перечисляетъ, кого онъ считаетъ подстрекателемъ къ дуэли, относя сюда случаи подобные тому, если кто-нибудь укоряетъ другаго за то, что тотъ не вызываетъ или не соглашается на дуэль и т.п.

5.) Негалвные свидѣтели. Они отвѣчаютъ только въ томъ случаѣ, если не воспользовались своимъ присутствіемъ для убѣжденія къ примиренію противниковъ и наказываются какъ за неоказаніе помощи пострадавшему. —

Рядомъ съ дуэлью законъ выдѣляетъ въ особый привилегированный видъ еще одно преступленіе противъ жизни самоубійство.

Изъ взгляда нашего законодательства на самоубійство радикально измѣнился съ изданіемъ уложенія 1845 года. Прежде самоубійство считалось уголовнымъ правонарушеніемъ и покушеніе на него наказыва-

лась ссылкой на категорический требования. Теперь это главное стремление нарушающее только церковное и религиозное учение.

Окончательное самоубийство влечет за собою два рода последствий: лишение христианского погребения и посмертное наложение церковного запрещения.

Покушение на самоубийство влечет за собою только церковное покаяние. Такое постановление не должно было бы сходить в светские уголовные законы.

Иногда самоубийство вовсе не считается преступлением и не влечет ни одного из перечисленных последствий. Сюда относятся случаи, когда самоубийство совершено из патриотического чувства или на него послал человека желание для сохранения чего-нибудь. Что касается до соучастников в преступлении, которое мы рассматриваем, то закон различает их 2 категории:

1.) Соучастие в умственной смысле — подстрекатели к самоубийству, пособники, сообщники и т.п. Законы (ст. 1475) наказывают всех этих лиц, как подстрекателей пособников к простому убийству. При этом, закон не устанавливает границ между пособниками, для установления их ответственности и тем, кто более удостоился в перечислении этих лиц ради имущественной выгоды, дали ему нар...

2.) Ответственность несутъ родители, опекуны или другія, облеченныя какою либо властью лица, которыя чрезъ жестокость обращенія, побудятъ ввѣренное имъ лицо къ самоубійству. При этомъ законъ предполагаетъ, что этими лицами не имѣли въ виду самоубійства послѣдняго. Въ противномъ случаѣ они подлежатъ характеръ подстрекателей и должны быть отнесены къ предыдущей категоріи

Оставленіе безъ помощи.

Во всѣхъ предыдущихъ случаяхъ нарушеніе послѣдствіе, какъ мы видѣли, имѣло послѣдствіемъ нарушеніе жизни. Помощь можетъ также совершить дѣяніе, которое будетъ способствовать опасности жизни, не имѣя своимъ прямымъ послѣдствіемъ ея нарушеніе. Подобнымъ характеромъ имѣетъ оставленіе безъ помощи.

По видимому всякое покушеніе на убійство должно сходно съ этимъ преступленіемъ, ибо, какъ и оно, опасно для жизни; действительно, въ признаковъ оставленій безъ помощи, которые мы выставили еще не достаточно, чтобъ выдѣлить его въ особенный видъ посягательства на жизнь. Оставленіе безъ помощи сходно съ покушеніемъ на убійство по внѣшней формѣ, но отличается отъ него своимъ внутреннимъ содержаніемъ; покушеніе на убійство всегда предполагаетъ наличность умысла, направленнаго

Пр. Таганцевъ.

на лишеніе жизни. Напротивъ того, оставленіе безъ помощи предполагаетъ отсутствіе намѣренія лишить человѣка жизни. Такъ. обр. оставленіе безъ помощи обусловливается слѣд. признаками: а.) оставленіе человѣка въ положеніи, которое представляетъ опасность его жизни. б.) отсутствіе намѣренія лишить человѣка жизни; безъ наличности этого второго условія дѣяніе обращается въ простое убійство или покушеніе на оное. Постановленія объ оставленіи безъ помощи заключаются въ Уложеніи между 1513 и 1533 статьями. Наше законодательство знаетъ три вида преступленій, которые мы разсматриваемъ: 1.) подвержение или оставленіе въ опасности жизни младенца не старше 7 лѣтъ.

Объектомъ этого преступленія можетъ быть всякій ребенокъ, недостигшій семилѣтняго возраста; въ 1857 году законъ знаетъ еще подраздѣленіе этого возраста на два періода: до 3хъ лѣтъ и отъ 3хъ до 7 лѣтъ; въ первомъ случаѣ наказаніе усиливается.

Ребенокъ можетъ легко подвергнуться опасности и поэтому законъ подвергаетъ отвѣтственности всякаго, кто оставитъ его безъ помощи при такихъ условіяхъ, которыя угрожаютъ его жизни опасностью, какого бы то ни было рода. Субъектомъ этого дѣянія можетъ быть всякое лицо, на равнѣ съ родителями и тѣми, которымъ былъ порученъ уходъ за ребенкомъ. Преступленіе это

сно отличать отъ подкида, когда ребенокъ оставляется въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его по всей вѣроятности должны найти.

2.) Оставленіе безъ помощи ребенка, хотя и старше 7 лѣтъ, но не достигшаго того возраста, когда онъ самъ можетъ отыскивать средства существованія. Сюда же относится оставленіе взрослаго, но больнаго или же лишеннаго силъ или умственныхъ способностей.

Итотъ второй видъ оставленія безъ помощи вообще сходенъ съ первымъ, но имѣетъ также и свои особенности; именно тѣмъ, какъ бы первымъ случаѣ, отвѣтственность оставившее лицо, оставившее безъ помощи ребенка (моложе 7 лѣтъ); во второмъ случаѣ отвѣтственность распространяется только на тѣхъ лицъ, которые „по своему званію, или долгу природы или данному обѣщанію обязаны имѣть за нимъ надзоръ."

3.) Оставленіе безъ помощи человѣка, обладающаго всѣми силами лицомъ, стоящимъ въ тѣхъ же чувственныхъ отношеніяхъ, безъ надлежности которыхъ лицо можетъ быть не стано въ опасное положеніе. Сюда законъ относитъ 3 случая: оставленіе въ опасности попутчикомъ попутчика, проводникомъ проводимаго.

Кромѣ этихъ трехъ видовъ оставленія безъ помощи, законъ знаетъ еще одно преступленіе, которое по характеру дѣя-

ственности за него, отказать особникамъ – въ не-
казаніе помощи пострадавшему, если лицо, им-
ѣвшая возможность оказать помощь пост-
радавшему не сдѣлало этого, и если нахо-
дящійся въ опасности умеръ, виновный под-
вергается церковному покаянію. Наконецъ, ес-
ли кто либо съ умысломъ заведетъ или пос-
тавитъ другаго, хотя и безъ дѣйствительнаго
намѣренія на убійство въ такое мѣсто, въ
коемъ по всей вѣроятности ожидать его должна
была покушенная опасность, тотъ от-
вѣчаетъ за это какъ за убійство безъ пред-
умысла.

II. Преступленія противъ здоровья.

какъ при убійствѣ, такъ и въ преступле-
ніяхъ противъ здоровья, предполагается, что
преступное дѣйствіе направлено на
другое лицо; но какъ въ отдѣлѣ преступ-
леній противъ жизни, одно дѣяніе –
самоубійство – повидимому составляетъ ис-
ключеніе изъ этого правила, такъ и здѣсь
законъ знаетъ 2 случая, когда покушеніе
ство можетъ быть направлено противъ соб-
ственнаго здоровья.

1.) Членовредительство или самоувѣчіе.

Это дѣяніе наказывается законами по-
тому, что оно составляетъ средство
уклоненія отъ воинской повинности.
Прежде наказывалось членовредительство,
совершенное лицомъ, стоящимъ на рекру-
ской очереди, и причемъ, какъ несовершенное,

тахъ и увѣщеніе. Новый правила объ отбываніи воинской повинности 1 го Января 1874 года повелѣли за собою изъятіе въ постановленіяхъ о членовредительствѣ. Теперь оно наказывается, когда совершено увѣщеніемъ и съ специальнымъ намѣреніемъ уклониться отъ воинской повинности. При этомъ отвѣтственность за членовредительство начинается съ того возраста, съ котораго начинается уголовная отвѣтственность вообще и кончается съ истеченіемъ срока обязательной службы. Если увѣчье такого рода, что не уничтожаетъ способности отправленія воинскихъ обязанностей, виновный зачисляется въ службу безъ льготъ. Если же оно уничтожаетъ способность, то виновный отдается въ арестантскія роты.

2.) <u>Самооскопленіе</u> преслѣдуется, какъ умышленное членовредительство, считающееся государственною измѣною, и наказывается лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и ссылкой на поселеніе въ отдаленныя мѣста Сибири (Туркестанскій край).

Обращаясь къ разсмотрѣнію поврежденій другихъ лицъ, мы видимъ, что рядомъ съ общими признаками этого поврежденія, законъ указываетъ еще квалифицирующіе его виды. Это касается до <u>родового типа</u> преступленій противъ здоровья, то <u>субъектомъ</u> его является <u>всякое лицо</u>, а <u>объектомъ</u> - <u>здоровье</u>, понимаемое

ст. т. здоровья и т. Кожевской.

не только какъ способность быть безъ страданій, но и какъ отсутствіе временной боли. Очевидно, что опредѣленія тах. обр. существо преступленій противъ здоровья, мы даемъ только общее понятіе объ этомъ дѣяніи. Законъ разсматриваетъ объектъ преступленія, о которомъ идетъ рѣчь, съ гораздо большею подробностью; характеръ тѣлесной неприкосновенности, нарушаемой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, м. б. весьма различенъ и сообразно этому необходимо различать отдѣльные частные виды преступленій противъ здоровья. Признаки, которые кладутся въ основу дѣленія этого преступленія на виды, могутъ быть двоякаго рода: а.) Общественные признаки, т.е. большая или меньшая важность повреждений для лицъ пострадавшихъ, имѣющимъ возможность предаваться своимъ обычнымъ занятіямъ, большая или меньшая продолжительность ихъ болѣзни. Эта система принадлежитъ Французскому праву. б.) Наше законодательство кладетъ въ основу своего дѣленія патологическіе признаки, т.е. тотъ или другой характеръ повреждений съ медицинской точки зрѣнія. Сообразно съ этимъ Уложеніе дѣлитъ родовой типъ повреждений нашего здоровья на 5 категорій: 1.) увѣчья; 2.) раны; 3.) побои; 4.) мученія и истязанія и 5.) лишеніе извѣстныхъ способностей.

1.) Увѣчья.

Уложеніе не даетъ опредѣленія увѣчья, но

определеніе это находится въ сводѣ законовъ, въ медицинскомъ уставѣ, который согласно съ опредѣленіемъ судебной медицины, понимаетъ подъ увѣчьемъ лишеніе человѣка какого либо органа или уничтоженіе въ этомъ органѣ способности отправлять свои функціи. Увѣчье распадается на тяжкое и легкое. Опредѣленіе понятія тяжкаго и легкаго увѣчья, полномочіе Сената, должно быть предоставлено въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на разрѣшеніе суда. Правда законъ, опредѣливъ увѣчье, насчитываетъ шесть категорій увѣчья, которыя оно считаетъ важнѣйшими, а именно: отнятіе руки, ноги, лишеніе зрѣнія, слуха и дѣторождательной способности и причиненіе неизгладимаго обезображенія на лицѣ; но это исчисленіе должно считаться только примѣрнымъ и опредѣленіе характера увѣчья должно быть предоставлено суду. Отвѣтственность за увѣчье зависитъ также и отъ того, было-ли оно задумано заранѣе или совершено въ запальчивости и раздраженіи. Максимумъ наказанія за увѣчье колеблется между 4 мѣс. и 10 годами каторжныхъ работъ.

2.) Раны.

Судебная медицина называетъ ранами такое поврежденіе, которое сопряжено съ разрушеніемъ нарушеніе покрововъ тѣла или какъ непрерывности. Такія поврежденія сопровождаются кровоизліяніями, ссадинами и т. п. Также какъ и при увѣчьѣ, на-

ганій для нанесенія ранъ зависитъ отъ того, будутъ-ли они легкій или тяжкій и совер-шено-ли онъ заранѣе обдумалъ нанесеніе или по внезапной мысли.

2. Побои.

Подъ названіемъ побоевъ судебная медицина понимаетъ причиненіе страданій, которое сопровождается только внутреннимъ повре-жденіемъ, безъ разрушенія наружныхъ по-крововъ и цѣлости кровеносныхъ сосудовъ могутъ иногда быть очень опасны, да-же смертельны, но если они не повлекли разрушенія наружныхъ покрововъ тѣла, то причисляются къ категоріи побоевъ. Очевид-но, что побои м. б. нанесены только тупымъ орудіемъ или какимъ либо твердымъ тѣломъ. Тяжкіе побои въ томъ видѣ, какъ мы за-симствуемъ у судебной медицины крево-хайно обширно и неопредѣленно; поэтому и ранки, и медицина раздѣляютъ 3 ка-тегоріи побоевъ: 1) тяжкіе, грозящіе опа-сностью жизни; 2) тяжкіе, но не грозящіе опасностью жизни и 3) легкіе. Только пер-вая категорія относится къ преступле-ніямъ противъ здоровья. Вторая катего-рія подразумѣваетъ 2 группы преступле-ній: если побои нанесены съ намѣреніемъ искорѣнить лицо, то квалифицируются какъ тяжкая обида; если нѣтъ — то получаютъ характеръ тяжкихъ или преступленій про-тивъ свободы (см. 142 Улож. Уложен.) прим.

категорія отнесена къ оскорбленіямъ. Первая категорія, побои, сопряженные съ опасностью жизни, представляютъ нѣкоторыя особенности, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

Наказаніе, положенное за такого рода побои, не зависитъ отъ характера умысла и остается тоже самое, будетъ ли они нанесены по заранѣе обдуманному намѣренію, или въ запальчивости и раздраженіи. Подобная особенность побоевъ въ сравненіи съ увѣчьями и ранами объясняется мнѣніемъ Сената, по которому побои относятся къ такимъ преступленіямъ, которыя могутъ быть совершены только умышленно. Это мнѣніе не лишено основанія, дѣйствительно побои не могутъ быть нанесены по неосторожности, такъ какъ они предполагаютъ многократность дѣйствія. Но сенатъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что юридическій терминъ побоевъ не тождественъ съ общепонятнымъ, предоставленнымъ этимъ словомъ. Въ нашемъ законодательствѣ подъ терминическимъ наименованіемъ побоевъ разумѣется также и однократное дѣйствіе – единственный ударъ, который по своему существу допускаетъ возможность и неосторожнаго и умышленнаго нанесенія. Такъ. обр. трудно признать мнѣніе Сената состоятельнымъ.

Листъ 106 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Чит. Колюбакинъ.

4.) Истязаніе и мученіе.

Къ послѣдней группѣ преступленій противъ здоровья близко подходятъ и примыкаютъ тѣ дѣянія, называемыя въ нашемъ уложеніи истязаніями и мученіями. Между этими двумя понятіями довольно трудно провести рѣзкую грань, такъ какъ законъ не даетъ ни тому, ни другому точнаго опредѣленія. Обыкновенно подъ истязаніями понимаютъ причиненіе лицу физическихъ страданій какимъ либо дѣйствіями не производящими никакого явнаго измѣненія наступившаго въ тѣлѣ истязуемаго. Таково напр. щипаніе, рваніе за волосы, и тогда щекотаніе и т.п. Подъ словомъ мученія разумѣютъ причиненіе тѣлесныхъ страданій не положительными дѣйствіями, а отнятіемъ условій, необходимыхъ для его жизни. Напр. мореніе голодомъ, лишеніе свѣта и т.п.

Для того, чтобъ истязаніе и мученіе разсматривались, какъ преступленіе противъ здоровья, необходимо, чтобъ они причинили ощутительное разстройство истязуемаго. Истязаніе и мученіе, которыя не настолько сильны, чтобъ причинить ощущеніе, относятся къ насильственнымъ или преступленіямъ противъ свободы.

5.) Нашъ законъ выдѣляетъ въ особый видъ преступленій противъ здоровья, повлекшее умышленное способностей лица,

временное или неизлечимое. Это преступление имѣетъ своимъ послѣдствіемъ уничтоженіе способности функціонировать въ органахъ или нашихъ органовъ и очевидно, что оно должно быть отнесено къ категоріи увѣчья. Умыслъ нашего законодательства на повѣшеніе умервщленныхъ способностей лица, какъ на самостоятельное преступленіе, сложился историческимъ путемъ. Дѣло въ томъ, что у насъ долго различали преступленія противъ физической и психической жизни человѣка и это отразилось на постановленіи нашего уголовнаго права при послѣднемъ изданіи уложенія. Именно, самъ законъ, сравня это преступленіе особо, прибавляетъ, что виновные подлежатъ тѣмъ же наказаніямъ, какъ и за увѣчье. Приравнивая произведеніе въ лицъ умопомѣшательства къ увѣчью, мы замѣтимъ, что неудачное растройство умервщленныхъ способностей соотвѣтствуетъ легкому, а неудачное — тяжкому увѣчью.

Наконецъ, законъ выдѣляетъ въ особенный самостоятельный видъ преступленій противъ здоровья еще одно дѣяніе, но уже не по патологіи. признакамъ послѣдствій, а по средствамъ совершенія дѣянія, а именно — отравленіе. Подъ отравленіемъ законъ разумѣетъ растройство организма, которое произведено посредствомъ введенія въ человѣческій организмъ, вредно дѣйствующихъ на организмъ,

вследствіе своихъ химическихъ свойствъ. Отравленіе можетъ имѣть самыя разнообразныя послѣдствія и эти послѣдствія могутъ подойти подъ понятіе увѣчья, раны и т.д., но законъ независимо отъ нихъ, выдѣляетъ это преступленіе въ особый видъ по характеру употребленныхъ средствъ.

Но вслѣдъ этихъ формулъ, мы имѣемъ родовое понятіе преступленій противъ здоровья; но рядомъ съ этими формулами законъ знаетъ еще видовые случаи, въ которыхъ законъ усиливаетъ отвѣтственность за поврежденіе здоровья.

Квалификація обстоятельствъ такова: 1.) въ особенныхъ качествахъ виновнаго и пострадавшаго и въ характерѣ ихъ отношеній. Такъ особенно тяжкими считаются увѣчья, нанесенныя врачемъ или повивальною бабкою, виновникомъ при отправленіи служебныхъ обязанностей; начальникъ, увѣчья, нанесенныя родственниками или родителями. 2.) въ средствахъ совершенія. Если преступленіе противъ здоровья сопряжено съ истязаніями, мученіями, рукоприкладствами и т.п. это считается, какъ и при убійствѣ, элементомъ квалифицирующимъ, и наказаніе значительно возвышается. 3.) Наконецъ законъ квалифицируетъ преступленіе противъ здоровья и въ видѣ результатовъ дѣянія. Законъ предполагаетъ, что совершивая преступленіе противъ здоровья, виновный не хотѣлъ

въ виду смерти пострадавшаго; если не смотрѣть на это, послѣдствіе дѣянія было смерть, то по общей кассѣ мы будемъ имѣть дѣло съ совокупностью двухъ преступленій: умышленнаго причиненія страданій и неумышленнаго убійства. Если принять къ этому случаю принципъ общей кассы, то дѣло должно разсудить, что здѣсь поглощаетъ одно преступленіе другое — менѣе и тяжкое, и легкое, менѣе опредѣленное болѣе опредѣленнымъ; наконецъ подсудимый весьма умѣренное наказаніе за причиненіе тяжкихъ страданій, наказаніе, которое далеко не соразмѣрно съ тѣмъ, что онъ совершилъ. Но, обращаясь къ послѣдовательному ходу разсужденій, мы должны остановиться на этомъ вопросѣ и разсмотрѣть, какъ должно относиться къ этому случаю принципъ общей кассы, то есть должно разсудить, что здѣсь поглощаетъ одно преступленіе другое — менѣе и тяжкое, или одно опредѣленное другое неопредѣленное; наконецъ подсудимый весьма умѣренное наказаніе за причиненіе тяжкихъ страданій, наказаніе, которое далеко не соразмѣрно съ тѣмъ, что онъ совершилъ. Но, обращаясь къ послѣдовательному ходу разсужденій, мы должны остановиться на этомъ вопросѣ и разсмотрѣть, какъ должно относиться къ этому случаю принципъ общей кассы, то есть должно ли здѣсь поглощаться одно преступленіе другимъ, менѣе опредѣленное болѣе опредѣленнымъ, менѣе тяжкое болѣе тяжкимъ, или же должно имѣть мѣсто сложеніе наказаній за каждое преступленіе отдѣльно. Такъ, если кто либо нанесъ легкую рану, что подвергаетъ дѣяніе въ графѣ 6 или 7 статьи, но если эта рана была причиной смерти потерпѣвшаго, что подвергаетъ дѣяніе въ графѣ 8 статьи, которой соотвѣтствуетъ наказаніе каторжныя работы. Подобный вопросъ нашего законодательства объясняется существованіемъ у насъ института преступленій, который состоитъ въ томъ, что если

Листъ 107 Листовъ. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Ком. Об.

судъ затрудняется въ раскрытіи какихъ-нибудь элементовъ преступленія, допускалось, чтобъ онъ предполагалъ, преголицировалъ ихъ существованіе. Эта система много по-чему была совершенно оставлена, но въ пособіяхъ о преступленіяхъ противъ здоровья, оканчивающихся послѣдствіемъ смерть, мы видимъ еще ея остатки. Повреждение здоровья, кончившееся смертью, и убійство совершенное тождественны въ внѣшней сторонѣ; разница между нимъ заключается въ внутренней сторонѣ, въ характерѣ умысла. Но это внутреннее содержаніе преступленія трудно раскрыть, и при старомъ принципѣ недовѣрія къ суду надо было допустить преступный умыселъ убійства. Поясню это примѣромъ: если кто-нибудь нанесъ другому ударъ, отъ котораго пострадавшій умеръ, явился вопросъ, отнести-ли это дѣяніе къ побоямъ, окончившимся смертью, или къ убійству. Очевидно, что отвѣтъ долженъ искать въ характерѣ умысла виновнаго, но по старой системѣ, умысель убить предполагался и виновный подвергался наказанію, какъ за убійство. Очевидно, что эта система несостоятельна и употребима только какъ остатокъ отжившаго принципа.

II. Преступленія противъ свободы.

Прежде всего надо разсмотрѣть, въ чемъ со-

стоить благо, противъ котораго направлено дѣяніе, носящее названіе преступленія противъ свободы. Это необходимо потому, что терминъ свобода, какъ мы встрѣчаемъ его въ законодательствѣ, указываетъ отнюдь того же понятія въ общественной, соціальной и философской сферѣ.

Обыкновенно различаютъ 3 вида свободы: свободу мысли, слова и дѣйствій. Очевидно, что свободу перваго рода, свободу мысли нельзя нарушить. Свобода слова подвергается нарушенію стѣсненіемъ, но всѣ они относятся къ области полицейскаго права, и, болѣе спеціально, къ области цензуры. — Преступленіемъ противъ этой свободы является самовольное изданіе стѣснительныхъ цензурныхъ правилъ, и разсмотрѣніе подобнаго рода дѣяній относится къ цензурному уставу. Въ уголовномъ правѣ говорятъ исключительно о свободѣ третьяго рода — свободѣ дѣятельности. Но свобода дѣятельности, въ свою очередь, можетъ относиться къ сферамъ государственной, общественной и частной. Въ сферѣ государственной, свобода дѣятельности человѣка ограничивается въ допущеніи его къ участію въ функціяхъ государственной власти. Очевидно, что о преступленіяхъ противъ этой свободы, мы будемъ говорить при разсмотрѣніи преступленій противъ государства. Преступленія противъ свободы дѣятель-

часть в общественной сфере мало-помалу подчиняет теперь нашему рассмотрению. Так. обр. половое право лишает физиологию в свободе движения в какой сфере человека.

Определить в какой мере половое право лишает интеллектуальную деятельность свободы сами по себе, мы констатировали еще в первой беседе, разрешение которого необходимо для выяснения психологической природы; спрашивается теперь возможно ли преследование этой свободы психологией ли это данное исключительно физиологии? Ответ в этом, что всякая функция, какова бы ни была ее природа, имеет свой физиологический субстрат, так что невольно представляется вопрос: в чем же выражается свобода половой функции, на которую могло бы последовать? Разрешить это очень трудно; как мы написали об воду, в метафизической ее части функция, как свободное самоопределение человека к деятельности, или в части функций новейшей науки, — все-равно. Но только сперва — подчиненность их этому свободу имеющей исключительной воле субстрат должен подлежать физиологии или в другой стороне, исследование ее ограничение

этой деятельности.

Законъ знаетъ 4 основныя средства преступленій противъ свободы:

1.) Угрозы или психическое принужденіе.
2.) Насиліе или физическое принужденіе.
3.) Лишеніе свободы или заключеніе.
4.) Самоуправство.

Общимъ признакомъ всѣхъ этихъ средствъ является нарушеніе свободнаго обладанія правами, принадлежащими лицу.

1.) Угрозы.

Дѣяніе, называемое угрозами, состоитъ въ заявленіи совершить какое либо преступленіе надъ другимъ лицомъ. Дѣйствіе, которымъ грозитъ виновный и кот. мы называемъ преступнымъ, въ законѣ называется насильственнымъ, но мы признаемъ эти два понятія тождественными. Правда, есть насильственныя дѣйствія закономъ дозволенныя, но если кто либо будетъ грозить совершеніемъ подобнаго дозволеннаго насильственнаго дѣйствія, это будетъ законное дѣйствіе, т.е. будетъ угрозою въ наказуемомъ смыслѣ. Слѣдовательно, говоря объ угрозѣ, какъ о преступленіи, законъ разумѣетъ подъ насильственными дѣйствіями только такія, которыя не дозволены, т.е. преступны.

Что касается до сферы, которой касается

ст. 108 Улож. Пр.

Пр. Тахтуевъ. Лит. Копневской.

насильственный действій, которыми угрожает виновный, то законъ ее не ограничиваетъ. Угроза можетъ такъ обр. относиться къ имуществу, напр. угроза поджечь домъ, къ самому лицу, наконецъ къ ближнимъ или родственникамъ его лицамъ. Угроза м.б. сдѣлана на словахъ, на письмѣ, или даже дѣйствіемъ.

Рядомъ съ этимъ родовымъ понятіемъ угрозы, законъ знаетъ еще нѣсколько частныхъ ея видовъ. По нашему праву <u>угроза</u> можетъ быть нахудшена.

1.) <u>Какъ самостоятельное преступленіе</u> наказывается такая угроза, которая сдѣлана ради шутки, изъ самозащиты. Таковы напр. иногда подписныя письма, содержаніе угрозы поджечь домъ, побить кого-либо и т.п. Виновникъ подобной шутки посягаетъ безопасство въ другихъ лицахъ и государство наказываетъ его за это, какъ за полицейскій проступокъ. При этомъ для наказуемости вовсе не требуется, чтобы виновный действительно имѣлъ намѣреніе совершить тѣ дѣйствія, которыми онъ грозитъ, но такъ какъ наказаніе налагается за безпокойство, причиненное угрозой, надо доказать, что она была совершена при такихъ обстоятельствахъ, что дѣйствительно могла внести безпокойство. При назначеніи наказанія, законъ различаетъ важность угрозъ, которыми угрожали и обычно въ этомъ усиливаетъ или смягчаетъ отвѣтственность. Послѣдній подраз-

ныхъ угрозахъ заключаются въ статьяхъ 139, 140, 141 Улож. Ист., который назначаетъ за нихъ денежные штрафы и аресты, смотря по важности дѣяній, которыми угрожали.

2.) <u>Угроза, какъ обнаруженіе умысла</u>. Иногда угроза является продуктомъ дѣйствительнаго желанія человѣка совершить правонарушеніе, которымъ онъ угрожаетъ; тогда она является обнаруженіемъ умысла, причиною его существованія. При этомъ вопросъ о наказуемости подобной угрозы разрѣшается двоякимъ образомъ: если въ законѣ обнаруженіе умысла само по себѣ наказуемо, то угроза, свидѣтельствующая о намѣреніи человѣка совершить преступленіе, наказывается именно, какъ обнаруженіе умысла. Если нѣтъ, то къ виновному примѣняются правила о наказуемости простой угрозы. Въ уложеніи мы находимъ 2 случая, въ которыхъ законъ, наказывая угрозу, имѣетъ въ виду преступный умыселъ виновнаго и смотритъ на нее какъ на признакъ этого умысла, когда угроза: направлена къ поджогу, предложеніемъ сдѣлать какое либо зло и т.п. является причиною намѣренія учинить преступленіе (ст. 7 Ул. о нак.) и 2.) когда кто либо угрожаетъ угрозою, чтобы склонить другаго къ преступленію и является подстрекателемъ къ преступленію (ст. 13). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ виновный отвѣчаетъ за простую угрозу.

3. Угроза как покушение.

Законъ смотритъ на угрозу, какъ на покуше-
ніе, когда она сопряжена съ корыстнаго цѣлью и
носитъ характеръ покушенія на вымогатель-
ство. Подъ это понятіе подойдетъ тотъ слу-
чай, когда кто либо употребляетъ угрозу, съ
тѣмъ, чтобы заставить лицо отдать ему
извѣстное имущество, принять на себя какое
нибудь обязательство или отказаться отъ
какого либо законнаго права.

Если угрожающій достигъ своей цѣли, мы
будемъ имѣть дѣло съ обыкновеннымъ имущ-
ественнымъ преступленіемъ, вымогатель-
ствомъ. Если же цѣль виновнаго не достиг-
нута, угрозы его будутъ имѣть характеръ
покушенія на вымогательство и законъ на-
казываетъ ихъ какъ таковое.

Наше законодательство держится совер-
шенно оригинальнаго взгляда на наказу-
емость подобныхъ угрозъ. Оно обращаетъ глав-
нымъ образомъ вниманіе на то, какимъ пре-
ступленіемъ угрожалъ виновный; за угрозы
лишить кого либо жизни или произвести
поджогъ назначается каторжная работа
отъ 4-6 лѣтъ; за угрозу же причинить кому
нибудь насильственныя дѣйствія другаго ро-
да, полагается другое наказаніе, менѣе
сильное, ссылка на поселеніе. Далѣе за-
конъ обращаетъ вниманіе на то, кому бы-
ли сдѣланы угрозы и значительно увели-
чиваетъ наказаніе за угрозы, сдѣланныя

начальнику, благодѣтелю, родителямъ и ближ-
нимъ родственникамъ, доводя его до катор-
жной работы отъ 12–15 лѣтъ.

Замѣчательно, что иногда наказаніе за уг-
розы, имѣющій характеръ покушенія, выше
наказанія положеннаго за оконченное пре-
ступленіе. Виновные въ вымогательствѣ под-
вергаются каторжнымъ работамъ отъ 4–
6 лѣтъ; виновные же въ угрозахъ съ корыстною
цѣлью, какъ мы видѣли, иногда подверг-
аются каторжнымъ работамъ отъ 12–
15 лѣтъ. Точно также, если сравнимъ на-
казаніе за угрозы съ наказаніемъ, положен-
нымъ за тѣ преступленія, которыми уг-
рожаютъ, мы найдемъ, что первый выше
второго. Угроза подлогомъ, съ цѣлью вымога-
тельства, наказывается сильнѣе, чѣмъ са-
мый подлогъ.

Дѣла объ угрозахъ начинаются не иначе,
какъ по частной жалобѣ, т.е. по жалобѣ са-
маго угрожаемаго, или же супруговъ его,
родителей или опекуновъ.

2.) Насиліе.

При разсмотрѣніи перваго вида преступле-
ній противъ свободы, угрозы, мы познако-
мились только съ психическимъ принужде-
ніемъ. Но мы можемъ себѣ представить случай,
когда преступленіе противъ свободы воли
человѣка совершено черезъ прямое физическое дѣй-
ствіе. Подобное дѣяніе называется насиліемъ

Листъ 109 Тюлов. Пр.

П.І. Таганцевъ. Н. Коневской

емъ и разматривается въ 142 ст. Мирового Устава. Опредѣленіе, которое наше законодательство даетъ насилію, носитъ чисто отрицательный характеръ; по этому опредѣленію подъ этимъ преступленіемъ надо понимать такое насильственное дѣйствіе, которое не соединено ни съ побоями, ни съ ранами, ни съ какимъ либо другимъ преступленіемъ противъ здоровья. Мы видимъ, слѣдовательно, что нашъ законъ, говоря о насиліи, заставляетъ его примыкать къ преступленію противъ здоровья. Для того, чтобы быть въ состояніи дать этому правонарушенію почетельное содержаніе, необходимо обращаться къ тѣмъ источникамъ, изъ которыхъ вытекаетъ 142 ст. Н. У. Изданіе уложенія наказаній 1857г. заключаетъ въ себѣ слѣд. постановленія о томъ, что считается насиліемъ:

1.) Подъ понятіе физическаго насилія, уложеніе 1857 года подводитъ прежде всего такія дѣянія, которыя, не заключая непосредственнаго воздѣйствія на тѣло лица и причиненія ему страданій и боли, стѣсняютъ однако его свободу насильственнымъ путемъ дѣйствительно, могутъ быть дѣянія, которыя, не посягая прямо на человѣка, представляютъ однако косвенное на него воздѣйствіе и стѣсняютъ его дѣйствія. Подобныя дѣянія Уложеніе и называетъ насиліемъ. Такъ, напримѣръ, уложеніе 1845 го-

да знает случай, который вполне подходит подъ этотъ первый видъ насилія: въ этомъ преступленіи будетъ виновенъ тотъ, кто уведетъ лошадей у сломавшаго въ дорогѣ экипажа.

2.) Во вторыхъ, подъ понятіе насилія отнесены дѣянія, которыя, не причиняя страданій, однако заключаютъ прямое посягательство на тѣлесную неприкосновенность лица свободу. Подъ это понятіе подходитъ удержаніе кого либо силою на мѣстѣ и т. п.

3.) Къ насилію же причисленъ и случай, когда лицо, не только стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ, но ему причинены даже страданія, легкія побои и истязанія. Подобное насильственное дѣйствіе можетъ быть или самостоятельно, или служить для совершенія другаго преступленія, здѣсь идетъ рѣчь только о тѣхъ случаяхъ, когда оно имѣетъ самостоятельное значеніе.

4.) Наконецъ въ уложеніи о наказаніяхъ осталось и теперь понятіе о насиліи, какъ о лишеніи свободы въ видѣ заключенія. Подобное насильственное дѣйствіе предполагаетъ, что только лицо стѣснено вообще въ своихъ дѣйствіяхъ, но что стѣсненіе это имѣетъ специфическій характеръ стѣсненія свободы передвиженія. Этимъ пунктомъ понятіе заключенія близко подходитъ къ первому виду насилія, но отличается отъ него тѣмъ, что требуетъ непремѣнно, чтобы

лицо оставалось въ подобномъ стѣсненномъ положеніи въ теченіи извѣстнаго срока.
Наказывая виновнаго въ подобномъ насиліи, законъ различаетъ нѣсколько степеней наказанія по различію сроковъ насильственнаго заключенія, такъ онъ знаетъ заключеніе до 7 дней, до 3 недѣль и свыше 3 мѣсяцевъ.
Въ вопросѣ о наказуемости насилія, законъ обращаетъ вниманіе на то, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ виновный къ жертвѣ, и не сопровождалось ли преступленіе какимъ нибудь жестокостями и вредными послѣдствіями. Въ первомъ случаѣ, преступленіе считается квалифицированнымъ, если насиліе было совершено надъ родителями, родственниками или свойственниками. Во второмъ случаѣ, наказаніе усиливается въ указанной степени, если насиліе сопровождалось истязаніями и мученіями. Если результатомъ его была смерть жертвы, наказаніе доводитъ до ссылки въ каторжную работу отъ 8 до 10 лѣтъ

Насиліе отличается отъ психическаго принужденія или угрозъ тѣмъ, что оно преслѣдуется не по частной жалобѣ, а по инициативѣ прокурорскаго надзора.

3.) Самоуправство.

Терминъ, употребляемый въ нашемъ законодательствѣ для обозначенія преступленія, къ разсмотрѣнію, котораго мы теперь приступаемъ, не вполнѣ удаченъ; и если мы обра-

тимъ вниманіе на то, что законъ ограничива-
ется однимъ названіемъ правонарушенія, не
давая ему ясного опредѣленія, нами будетъ
понятно, почему вопросъ о самоуправствѣ воз-
будилъ огромную сенатскую практику.
Если разобрать сущность самого названія
можетъ показаться, что законъ говоритъ о
тѣхъ случаяхъ, которые въ западныхъ кодек-
сахъ извѣстны подъ именемъ самовольнаго
осуществленія своего права. Понимая так.
образомъ терминъ самоуправства, ясно куда
намъ придется отнести это преступленіе;
законъ требуетъ, чтобъ въ спорахъ мы отка-
зывались отъ примитивнаго права быть са-
мому судьей въ своемъ дѣлѣ и обращались бы
къ законамъ установленной судебной власти,
самоуправство, понимаемое, какъ самовольное
осуществленіе своего права нарушаетъ суде-
бную прерогативу и должно быть отнесено
къ преступленіямъ противъ судебной власти
государства. Между тѣмъ наше законода-
тельство причисляетъ самоуправство къ
преступленіямъ противъ частныхъ лицъ; ис-
но, что оно понимаетъ его въ другомъ смыслѣ.
Захватъ судебной власти и у насъ нашъ законъ
считаетъ преступленіемъ, называя его при-
своеніемъ власти и понимая подъ этимъ тер-
миномъ присвоеніе прерогативъ, принадле-
щихъ суду или административнымъ орга-
намъ. Дѣяніе это обозначено такимъ на-

Толмачевъ. Котляревскій

казанием, доходящим до самости, в особенности, когда оно было совершено с преступного умысла, напр. для лжесвидетельства. Но придавая присвоением власти закону говорит о самоуправстве; посмотрим какая существует разница между этими двумя деяниями.

Присвоение власти всегда предполагает, что кто либо самовольно присвоил себе право и атрибуты чувствующего государственного органа. Но бывают такие случаи, когда лицо, не присваивая себе никакого права, просто только не обращается к этим органам. В первом случае деяние это всегда наказуется, даже когда не имеет никаких вредных последствий. Во втором случае, деяние считается по большей части безразличным и делается наказуемым только тогда, когда с ним соединен вред. Если этот вред имеет публичный характер, то деяние относится к преступлениям против общественного порядка. Но если деяние это соединено с нанесением вреда частному лицу, закон называет его самоуправством. - Деяние, называемое самоуправством приравнивается так. обр. к понятию насилия; насилие, как известно, заключается в прямом или косвенном принуждении лица; лицо, не обратившееся к законной власти, точно также косвенно или прямо принуждает лицо к чувствительному действию. С внешней стороны эти два

дѣянія, насиліе и самоуправство, так. обр. оказываются тождественны и отличаются только по внутреннему содержанію. Насиліе опредѣляется въ слов.: человѣкъ, стѣсняя свободу другаго лица, можетъ это дѣлать или потому, что имѣетъ извѣстное право, или все, не имѣя на это никакого права. Насиліе въ тѣсномъ смыслѣ слова обнимаетъ тѣ случаи, когда лицо не имѣетъ права на стѣсненіе свободы другаго; самоуправство же предполагаетъ существованіе дѣйствительнаго права на подобное стѣсненіе. Извѣстно, что наши права бываютъ двоякаго рода: одни изъ нихъ мы можемъ осуществлять сами и стѣсненія происходящія отъ этого осуществленія для другихъ лицъ не наказываются. Право второй категоріи въ своемъ осуществленіи требуетъ соблюденія извѣстныхъ формальностей. Всякій человѣкъ, напр. имѣетъ право на свое жилище и если это право кѣмъ-нибудь нарушено, онъ можетъ самъ потребовать, чтобъ лицо, вошедшее къ нему, оставило его домъ или квартиру. Такихъ случаевъ много, право, напр. задержать скотъ за потраву, обыскать лицо, пойманное въ воровствѣ и т. п. Съ другой стороны есть случаи, гдѣ для осуществленія своего права, лицо должно прибѣгнуть къ власти, закономъ установленной, и если она этого не сдѣлаетъ, то будетъ виновно въ самоуправствѣ. Сюда,

мы видимъ, что самоуправство заключаетъ въ себѣ тотъ же элементъ, что и насиліе; отличается оно отъ него тѣмъ, что предполагаетъ у виновнаго право на совершенное имъ дѣйствіе, но такое право, которое онъ самъ, помимо власти, осуществить не можетъ. Самоуправство преслѣдуется не иначе, какъ по частной исковъ. —

IV Посягательство на честь.

По своему юридическому содержанію, преступленія противъ чести не представляютъ особеннаго интереса, но заслуживаютъ вниманія вслѣдствіе тѣхъ обстановки, въ которой они являются въ жизни. Существованіе преступленій этого рода предполагаетъ существованіе извѣстнаго блага — чести, которое и слѣдуетъ обезпечить отъ нарушенія. — Говоря о свободѣ въ терминологическомъ смыслѣ слова, мы замѣтили, что этотъ терминъ условный; тоже самое относится и къ понятію чести, тѣмъ болѣе, что объемъ этого понятія измѣняется въ различныя эпохи исторіи и въ разныхъ странахъ, и притомъ идетъ въ самомъ корнѣ. Въ Римскомъ правѣ подъ названіемъ injuria разумѣется отрицаніе тѣхъ правъ лица, которыя ему принадлежатъ, какъ гражданину Рима. Подобныя правонарушенія у насъ уже не считаются преступленіями противъ чести и относятся въ категорію или насилій, или престу-

писей противъ правъ состоянія.

Умаленіе понятія чести относится не къ государственному положенію лица, а къ самой его личности. Каждое лицо имѣетъ свое субъективное нравственное значеніе, которое должно быть признаваемо другими лицами; на этомъ основаніи законъ выработалъ совокупность правилъ, которыми люди должны руководствоваться въ своихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Преступленіемъ противъ чести лица будетъ такъ обр. считаться отрицаніе нравственнаго достоинства или совершеніе такихъ дѣйствій, которыя заключаютъ это отрицаніе, а не умаленіе государственнаго положенія лица.

Дѣленіе преступленій противъ чести на отдѣльные виды въ нашемъ законодательствѣ имѣетъ строго основного принципа. Къ преступленіямъ противъ чести по нашему праву относятся: обида, клевета, оскорбленіе путемъ печати, нарушеніе тайнъ и подлога писемъ.

1.) Личная обида.

Подъ личной обидой должно понимать умаленіе нравственнаго достоинства лица посредствомъ чувственнаго оброженія.

Говоря объ обидѣ, какъ объ отдѣльномъ видѣ преступленій противъ чести, законъ выставляетъ рядъ условій и требованій, относящихся къ субъекту, объекту и къ самому пре-

Листъ III Голов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Сост. Конисевской.

ступному дѣянію.

Субъектъ обиды. Современное право отказалось отъ того ученія о субъектѣ обиды, которое создалось подъ вліяніемъ феодальнаго порядка. По средневѣковымъ понятіямъ не всякое лицо могло быть субъектомъ обиды; для этого требовалось извѣстное происхожденіе и равенство между виновнымъ и обиженнымъ. Этимъ всякое лицо, безъ отношенія къ его общественному или сословному положенію можетъ явиться субъектомъ обиды; однако гражданскіе законы (168 ст.) и мировой уставъ исключаютъ изъ числа лицъ, могущихъ обвиняться въ нанесеніи обиды, нѣсколько категорій людей: а) не принимается жалоба, поданная дѣтьми на обиду, нанесенную родителямъ. Не только словесная обида, но даже и бои, если только они не представляютъ опасности для жизни, не вмѣняются въ вину родителямъ, если они нанесены дѣтьми. Общественность наступаетъ только въ томъ случаѣ, если обида переходитъ въ другое преступленіе или соединяется съ нарушеніемъ общественнаго порядка.

Таковы случаи, гдѣ обида переходитъ въ истязаніе, мученіе, и т. п.

б) Сенатская практика распространила неприкосновенность обиды и на супруговъ. Большая неприкосновенность для супруговъ та же, что и для родителей.

б.) Дальше, не отвѣчаютъ за нравственныя обиды лица, имѣющія дисциплинарную власть. Такъ, не наказуемы замѣчанія и выговоры предсѣдателя суда, воспитателя, хозяина по отношенію къ рабочимъ и т.п. Но всѣ эти лица не отвѣчаютъ за нанесенныя имъ обиды только на столько, на сколько они нарушаютъ свои обязанности. Если которое нибудь изъ нихъ не находится при отправленіи своей службы, оно является субъектомъ обиды на равнѣ со всѣми другими.

Объектомъ обиды является честь, на кот. каждое лицо имѣетъ субъективное право. Современное право признаетъ это право за всѣми, безъ отношенія къ сословному положенію лица; но это правило слишкомъ общее. Уваженіе нравственнаго достоинства лица, предполагаетъ, что лицо сознаетъ это уваженіе. Ясно, что нельзя говорить объ обидѣ нанесенной такому лицу, которое лишено подобнаго сознанія. Изъ этого прежде всего вытекаетъ, что объектомъ обиды м.б только физическое лицо. Впрочемъ, иногда законъ создаетъ фиктивное понятіе о чести и причисляетъ къ объектамъ обиды и юридическія лица, но необходимо, чтобъ объ этомъ существовало постановленіе въ самомъ законѣ. Въ разрядъ юридическихъ лицъ входятъ не только учрежденія, но и корпораціи; поэтому должно различать оскорбленіе нанесенное юридическ. лицу,

как таковому, отъ обиды нанесенной ему, какъ суммѣ физическихъ лицъ. Каждое лицо, порознь имѣетъ право преслѣдовать виновнаго, но для совокупнаго преслѣдованія необходимо, чтобъ объ этомъ существовало особенное постановленіе закона.

Въ силу того же положенія объ оскорбленіи не можетъ явиться лицо умершее. По нашему закону оклеветаніе умершаго, какъ таковое, не наказывается. Далѣе, порой все причинъ немыслимо оскорбленіе малолѣтняго, пьянаго и вообще всѣхъ лицъ, несознающихъ уничтоженность обхожденія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы говорили объ обидѣ по отношенію къ тому лицу, къ которому она относится, т.е. объ обидѣ <u>непосредственной, прямой</u>. Обида можетъ также быть <u>посредственная</u>, если нашъ будетъ дана сумма лицъ, тѣсно связанныхъ между собою, то легко понять, что оскорбленіе одного изъ нихъ можетъ разсматриваться какъ оскорбленіе всѣхъ лицъ. Такимъ кругомъ лицъ въ законодат. является семья и примѣромъ въ довольно тѣсномъ смыслѣ слова, т.е. въ смыслѣ союза супруговъ съ одной стороны, союза родителей и дѣтей съ другой, и, наконецъ, союза братьевъ и сестеръ. Этимъ кругомъ лицъ ограничивается понятіе <u>объекта посредственнаго оскорбленія</u>. При наличности такой посредственной обиды, лицо преслѣдуетъ виновнаго

потому, что, оскорбивъ другое лицо, онъ оскорбляетъ и его. Для преслѣдованія подобной обиды, необходимо доказать, что виновный зналъ о родственной связи; посредственное оскорбленіе можетъ быть отнесено какъ на счетъ эгоизма, такъ и на счетъ умысла, и въ обоихъ этихъ случаяхъ родственникъ, являющійся обвинителемъ преступленія, имѣетъ одинаковое право преслѣдованія. Что касается до самаго преступнаго дѣйствія, то нужно замѣтить, что подлежатъ наказанію только виновные въ умышленной обидѣ. преступленіе, о которомъ идетъ рѣчь требуетъ непремѣнно animus injuriandi нанесенія оскорбленія. Условіе это заключаетъ 2 требованія: 1.) надо, чтобы виновный сознавалъ, что его слова, поступки или дѣйствія унижаютъ чужое достоинство и репутацію; 2.) чтобы онъ совершилъ дѣйствіе не смотря на его сознаніе. При этомъ, чтобы, которую преслѣдовалъ, совершилъ дѣйствіе, совершенно безразлично; цѣлью его могло быть именно унижение другаго, или что нибудь другое, все равно; какъ скоро онъ сознавалъ, что его дѣйствіе унижаетъ другаго, онъ отвѣтствуетъ за обиду.

По отношенію къ внѣшней сторонѣ дѣянія, называемаго обидой, замѣтимъ, что оно можетъ быть совершено двоякимъ образомъ: въ присутствіи оскорбленнаго,

Листъ 112 Томъ 6. Кр.

Пр. Тихомировъ. Лит. Копневскій.

или в его отсутствіи. Здѣсь является вопросъ: должно ли наказывать только обиду перваго рода, или также и другую? Какъ прежде, такъ и теперь по нашему закону обида другимъ не наказывается; при этомъ совершенно безразлично, было ли оскорбленіе совершено въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, или при немногочисленной публикѣ. Изъ этого правила исключается только тотъ случай, когда виновный проситъ третье лицо передать обидныя слова тому, къ которому онъ относятся. Наказуемость виновнаго въ подобной обидѣ будетъ ясна, если мы приложимъ ту мѣрку, которую мы имѣли въ уменіи о различныхъ категоріяхъ виновныхъ преступленій — виновники интеллектуальные подстрекатели. Пострадавшій отъ обиды, нанесенной ему посредствомъ передачи, можетъ оставить безъ вниманія ближайшаго виновника, т.е. лицо, которое передало оскорбленіе и привлечь къ отвѣтственности интеллектуальнаго виновника, т.е. того, который просилъ третье лицо передать другому обидныя слова.

Что касается до внѣшней формы дѣйствія при обидѣ, то она не имѣетъ никакого значенія. Оскорбительное слово можетъ не имѣть вовсе никакого содержанія, но если по общему пони-

нію оно считается оскорбленіемъ, произнесшій его отвѣчаетъ за обиду. Съ другой стороны обида нерѣдко заключается въ приписаніи чувствительныхъ качествъ или отрицаніи чувствительныхъ качествъ. Такая обида весьма близко подходитъ къ понятію клеветы и часто является вопросъ, куда отнести чувствительное дѣяніе, къ обидѣ или къ клеветѣ? Дѣйствительно, къ какой изъ двухъ категорій уголовныхъ преступленій противъ чести надо отнести тотъ случай, когда лицу нанесено другое воровствомъ? Правильное разрѣшеніе подобнаго вопроса весьма важно; стоитъ вспомнить, что заочная обида не наказывается, клевета же всегда подвергаетъ виновнаго отвѣтственности. Для того, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ заключается грань между простымъ оскорбленіемъ и клеветой, надо обратить вниманіе на то, что названіе "воръ", "мошенникъ", "пьяница" и т.п. не всегда употребляются въ томъ смыслѣ, что лицо дѣйствительно совершило или совершаетъ тѣ дѣйствія, на которыя они указываютъ. Поэтому Сенатъ нашелъ, что виновный отвѣтаетъ за клевету только въ томъ случаѣ, если его слова указываютъ на самые факты; если же въ этихъ словахъ заключается только характеристика лица, то мы будемъ имѣть дѣло просто съ ругательствомъ или оскорбленіемъ.

Рассматривая различные средства обиды, мы прежде всего замечаем, что оскорбления могут быть абсолютными и условными. Действительно, иногда сама форма обиды свидетельствует о намерении лица оскорбить другое, так что в этой форме уже заключается презумпция виновности. Но бывают случаи, когда чувственная фраза, чувственное действие получает оскорбительный смысл, напр. в, благодаря особым отношениям между виновным и пострадавшим, когда необходимо доказать, что чувственная форма действительно заключает в себе намерение оскорбить лицо. На этом и основывается различие абсолютной и условной обиды.

Средства совершения обиды бывают различные, сюда относятся: слово, письмо и действие. Поэтому и обида, вообще, разделяется на обиду словом, обиду письмом и обиду действием.

Особенный интерес представляет обида на письме. Наш закон знает еще частный вид обиды на письме — обиду в печати. Здесь прежде всего является вопрос о том, каким признаком выдается это преступление и в чем состоит различие обиды в печати от обиды на письме. На первый взгляд казалось бы, что различие это состоит в способе вос-

произведенія оскорбительныхъ словъ, т.е. если фраза обличена въ письменную форму посредствомъ руки, только имѣетъ дѣло съ обидой на письмѣ; если же механическимъ путемъ, то дѣяніе получаетъ характеръ обиды въ печати. Но подобный взглядъ былъ бы не вѣренъ; принципъ, на основаніи котораго законодатель выдѣлилъ обиду въ печати въ особенный видъ, заключается въ томъ, что обида на письмѣ не имѣетъ такой опасности, такой распространенности, какъ обида въ печати; въ этой распространенности и лежитъ грань, отдѣляющая обиду на письмѣ отъ обиды въ печати.

Обида дѣйствіемъ. Законъ знаетъ особенную форму обиды дѣйствіемъ – символическую обиду, которая отличается тѣмъ, что не заключаетъ въ себѣ посягательства на тѣлесную неприкосновенность.

Обида относится къ тѣмъ преступленіямъ, которыя считаются оконченными съ момента совершенія самаго дѣйствія; результатъ дѣянія приходитъ совершенно безразличенъ. Въ вопросѣ о моментѣ, съ котораго это преступленіе считается оконченнымъ особеннаго вниманія заслуживаетъ обида на письмѣ. Она считается оконченною съ того момента, какъ письмо прочитано постороннимъ лицомъ. Если разсматривать

– Листъ 113 Голов. Пр.

Пр. Таганцевъ

Ст. Коллежской

это деяніе по общимъ правиламъ, о вопло-
щеніи преступной воли въ дѣйствіи,
отправленіе письма является покуше-
ніемъ на обиду; но это преступленіе, какъ
сказано выше, становится наказуемымъ
только съ того момента, какъ оно окончено.

Отвѣтственность за обиду.

Особенность отвѣтственности за о-
биду заключается въ томъ, что это пре-
ступленіе допускаетъ возможность
какъ уголовнаго, такъ и гражданскаго
наказанія.

Если поданъ гражданскій искъ, то ви-
новный подлежитъ уплатѣ за бесчестье.
До 1857 года уплата эта была пропорціо-
нальна рангу потерпѣвшаго; теперь упла-
та за бесчестье одинакова для всѣхъ. Она
колеблется отъ 1 ко до 50 ти рублей и опре-
дѣленіе ея зависитъ исключительно
отъ суда. Деньги эти имѣютъ характеръ
poena privata, т.е. идутъ въ пользу того,
кто жалуется. Здѣсь мы имѣемъ дѣло
не съ возмѣщеніемъ за вредъ и убытки, а
именно съ денежнымъ наказаніемъ, дѣй-
ствительно, если здѣсь возникаетъ во-
просъ о возмѣщеніи вреда и убыт-
ковъ, то необходимо, чтобъ былъ поданъ
особый искъ.

Если подъ судомъ возбужденъ искъ въ уголовномъ
порядкѣ, то преступленіе это можетъ имѣть
двоякія послѣдствія: 1.) денежный штрафъ

до 100 рублей и 2.) арестъ до 3-хъ мѣсяцевъ.
Законъ знаетъ слѣдующіе элементы, квалифицирующіе разсматриваемое наши преступленіе.
а.) Качество оскорбленнаго лица. Законъ предполагаетъ, что есть лица, которыя имѣютъ право на особенное къ нимъ уваженіе. Вопросъ о томъ, какія лица причисляются къ этой категоріи, разрѣшенъ практически Сенатомъ. Долго толкованію подобныхъ лицамъ являются престарѣлыя, духовныя и должностныя лица (хотя бы и не въ качествѣ должностного лица).
б.) Нанесеніе обиды женщинѣ, все равно, будетъ ли виновникомъ мужчина или женщина.
в.) Нанесеніе обиды въ многочисленномъ собраніи или публичномъ мѣстѣ. Мѣста, свойства которыхъ имѣютъ квалифицирующее вліяніе на обиду раздѣляются на 3 категоріи: одни имѣютъ подобное значеніе по самому своему существу (напр. улица); другія – по своему назначенію, (напр. театръ), наконецъ третьи по чувствительнымъ обстоятельствамъ (напр. зала, отданная подъ концертъ). Первая рода мѣста имѣетъ квалифицирующее значеніе, когда бы ни была нанесена обида. Во второмъ случаѣ, напр. когда обида нанесена въ театрѣ. Мѣсто совершенія

имѣетъ квалифицирующее значеніе только тогда, когда имѣется въ наличности то условіе, въ силу котораго устанавливается это квалифицирующее вліяніе, напр. когда идетъ представленіе. Тоже самое должно сказать и о третьемъ случаѣ.

Что касается до элементовъ уменьшающихъ отвѣтственность виновныхъ въ нанесеніи обиды, то къ нимъ относятся а.) поводъ и б.) взаимность. а.) Подъ провокаціей или поводомъ къ оскорбленію надо понимать совершеніе публичныхъ дѣйствій, которыя могутъ вызвать наказаніе преступленіе со стороны оскорбленнаго; при этомъ все-равно къ кому это относилось, къ нему ли лично, или къ близкимъ ему лицамъ. б.) Вторымъ смягчающимъ обстоятельствомъ является взаимность; при обыкновенномъ преступленіи, въ случаѣ взаимности, мы имѣли бы дѣло съ двумя преступными дѣяніями, но при обидѣ дѣяніе становится въ силу взаимности юридически безразличнымъ. При этомъ предполагается, что обѣ обиды совершенно равны; въ противномъ случаѣ за тѣмъ, кто нанесъ меньшее оскорбленіе остается право иска. Что касается до предѣловъ того промежутка времени, при которомъ 2 обиды считаются еще взаимными, то ихъ не трудно опредѣлить: вторая обида раздается

ется как наказаніе, как возмездіе за пер-
вое; поэтому необходимо, чтобъ не было ни-
какого элемента, которымъ погашалась бы
первая обида, т.е. наказаніе или истеченіе
давнос~~ти~~ срока.

Клевета.

Въ противоположность къ обидѣ клевета
опредѣляется въ самомъ законѣ и опредѣ-
ляется, какъ завѣдомо ложное обвиненіе
кого либо въ дѣяніи, противномъ правилам
чести (ст. 635). Замѣтимъ мимоходомъ, что въ э-
томъ опредѣленіи не вѣрно слово обвиненіе,
которое имѣетъ слишкомъ широкій смыслъ.
Разбирая составъ разсматриваемаго нами
преступленія, мы, прежде всего, обратимся къ
его субъекту.

По отношенію къ субъекту нашъ законъ поста-
новляетъ, что единственное лицо, которое не
отвѣчаетъ за клевету – это родители, на ко-
торыхъ не принимается никакая жалоба,
ни гражданская, ни уголовная. Всѣ остал-
ныя лица, безъ исключенія отвѣчаютъ за
это преступленіе, такъ напр. супруги, ко-
торые, какъ извѣстно, не могутъ быть ви-
новны въ обидѣ другъ противъ друга, по от-
ношенію къ клеветѣ отвѣчаютъ по об-
щимъ правиламъ.

Что касается до объекта клеветы, то та-
ковымъ можетъ быть только лицо физиче-
ское. Для того, чтобъ юридическое лицо могло

Пр. Таганцевъ. Лит. Кониевской.

быть предметомъ этого преступленія надо, надо, чтобы существовало объ этомъ особенное указаніе закона. (напр. по отношенію къ диффамаціи).

Между тѣмъ какъ при обидѣ требуется, чтобы лицо пострадавшее сознавало оскорбленіе, при клеветѣ этого вовсе не требуется.

Клевета предполагаетъ распространеніе фактовъ, отрицающихъ нравственное достоинство лица; поэтому, необходимо, чтобы лицо дѣйствительно обладало этимъ достоинствомъ. Такъ, если лицо было наказано за воровство, то распространеніе этого факта не будетъ наказуемо.

Далѣе, необходимо, чтобы объектъ клеветы имѣлъ бы характеръ persona certa, т.е. чтобы лицо было опредѣлено; это становится понятно, если мы обратимся къ клеветѣ въ печати. Для существованія persona certa надо, чтобы въ суду было легко доказать, что клевета относилась именно къ чувственному лицу; поэтому достаточно указать на такіе признаки, которые прямо относятся къ чувственному лицу. На первой ступени клевета, какъ и обида, можетъ быть непосредственная и посредственная. Дѣйствительно при клеветѣ напр. напечатанному противъ клеветы сейчасъ лицо, у этого лица есть право иска, но онъ будетъ искъ объ обидѣ, а не клеветѣ. По отношенію къ сейчасъ это,

действительно будетъ клевета, то по отношенію къ тому, кто является посредственно обиженнымъ, это будетъ не клевета, а обида. Что касается до самаго дѣянія, то должно замѣтить, что наказывается только умышленная клевета. Моментомъ умышленна клевета отличается отъ простой сплетни, съ которой она близко соприкасается. Какъ скоро лицо имѣетъ animus injuriandi, какъ скоро оно сознаетъ, что то, что имъ разсказано, унижаетъ репутацію другаго - оно виновно въ клеветѣ, все равно, въ чемъ бы не заключалась его цѣль. Говоря объ умыслѣ, мы встрѣчаемся съ одними элементами, составляющими характеристическій признакъ клеветы; законъ, опредѣляя клевету, говоритъ, что обвиненіе должно быть завѣдомо ложнымъ. Исходный пунктъ нашего законодательства состоитъ въ слѣдующемъ: всякій можетъ требовать, чтобы не злословили о его добромъ имени, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ самъ ничего не зналъ такого, что бы могло унизить его репутацію. Въ интересахъ государства лежитъ то, чтобы всякій разсказывалъ о другихъ только правду. Но разсматривая существо ложнаго разсказа, мы видимъ, что разсказанный фактъ можетъ объективно или субъективно ложенъ. По Германскому Уложенію для наказуемости лжи

го факта достаточно, чтобы онъ былъ ложенъ самъ по себѣ. Другія системы, между прочимъ и наше законодательство этимъ не довольствуется; онѣ требуютъ, чтобы лицо разсказывало завѣдомо ложныя вещи, т.е. требуютъ субъективной ложности разсказа. Защитники перваго взгляда указываютъ на то, что человѣкъ вообще не долженъ говорить о чемъ нибудь, не имѣя достовѣрнаго знанія, что онъ долженъ быть наказанъ за невниманіе къ чужой репутаціи и т.п. Но если мы обратимъ вниманіе напр. на клевету въ печати, мы отдадимъ преимущество нашему законодательству. Въ газетной дѣятельности невозможно требовать провѣрки всѣхъ извѣстій; они основаны на довѣріи къ корреспондентамъ и репортерамъ. При господствѣ перваго взгляда редактора газетъ могутъ быть привлечены къ отвѣтственности каждый день.

Всякій обвиняемый въ клеветѣ можетъ доказать справедливость своего разсказа, (exceptio veritatis). При этомъ, на основаніи вышесказаннаго онъ можетъ доказывать или, что событіе, о которомъ онъ говорилъ, дѣйствительно совершилось, или, что онъ былъ увѣренъ, что оно совершилось, т.е. что онъ былъ добросовѣстенъ. Всякое сомнѣніе истолковывается всегда въ пользу оклеветаннаго. Нѣкоторые запрещ-

жение представляет вопрос объ обвинении въ дѣяніи противозаконномъ; дѣло въ томъ, что противозаконныя дѣянія подлежатъ разсмотрѣнію суда, который одинъ имѣетъ право признавать ихъ таковыми. Поэтому, если лицо обвиняетъ другое въ дѣяніи, по которому составился судебный приговоръ, но этотъ приговоръ составляетъ безспорное доказательство истинности факта. Если же судебнаго приговора о преступномъ дѣяніи не было, то разрѣшеніе иска о подобной клеветѣ должно быть отложено до разсмотрѣнія дѣла судомъ. —

Внѣшняя сторона клеветы. Законъ называетъ клевету заведомо ложнымъ обвиненіемъ кого-либо въ дѣяніи, противномъ нравственности. Слово обвиненіе здѣсь должно быть замѣнено словомъ „распространеніе". Отъ свидѣтельства при клеветѣ предполагается, что разсказъ былъ сдѣланъ въ присутствіи третьихъ лицъ. При этомъ совершенно безразлично, сколько лицъ присутствуютъ при подобномъ разсказѣ и присутствовали ли сами оклеветанные. Понятіе о присутствіи третьихъ лицъ предполагаетъ, что эти лица способны сознавать слышанное ими; поэтому разсказъ въ присутствіи невмѣняемаго и т. п. не будетъ считаться клеветою. Требованіе присутствія третьихъ лицъ является существеннымъ усло-

Листъ 115. 4 голов. Пр.

Пр. Таганцевъ. п. Кониевской.

всѣмъ состава разсматриваемаго нами преступленія; если его нѣтъ, то дѣяніе можетъ быть обидно, но никакъ не клеветаніе.

Второе требованіе заключается въ томъ, что обвиненіе должно относиться къ дѣйствію, т.е. чтобы разсказъ относился къ какому либо происшествію. Предположеніе о томъ, что будетъ или можетъ быть — не будетъ клеветою.

Наконецъ для понятія клеветы необходимо, чтобы была оскорблена честь. Понятіе о томъ, что такое честь, зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла и отъ того, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ разсказчикъ къ оклеветанному. Всякое обвиненіе въ противозаконномъ дѣяніи также входитъ въ понятіе клеветы.

По-видимому вполнѣ тождественъ съ клеветою <u>ложный доносъ</u>, т.е. доносъ о заведомо ложномъ фактѣ. Но на самомъ дѣлѣ эти два дѣянія разсматриваются и съ внутренней и съ внѣшней стороны.

а.) <u>Съ внутренней стороны</u> ложный доносъ отличается отъ клеветы тѣмъ, что предполагается желаніе подвергнуть лицо уголовному преслѣдованію и наказанію.

б.) <u>По внѣшней сторонѣ</u> отличіе доноса состоитъ въ томъ, что онъ долженъ быть сдѣланъ въ присутствіи такихъ лицъ, которыя компетентны дать будущее

уголовнаго преслѣдованія.

Клевета можетъ быть совершена на словахъ, на письмѣ и дѣйствіемъ, поэтому нужно обсудить понятія о клеветѣ выдѣляются клевета въ печати и клевета символическая.

Наказуемость клеветы аналогична съ наказуемостью обиды. Уголовная отвѣтственность за клевету тяжелѣе, чѣмъ за обиду; денежные штрафы не допускаются. Суровость наказаній, доходящаго до заключенія въ исправительномъ домѣ объясняется тѣмъ, что клевета имѣетъ опасное свойство: дѣйствительно большое количество лицъ можетъ повѣрить разсказу; разсказъ этотъ можетъ нанести болѣе сильное униженіе, чѣмъ при обидѣ.

Клевета можетъ быть простая и квалифицированная.

Квалифицированной клеветой законъ считаетъ:

1.) Оклеветаніе женщины, какъ лица, требующаго особаго уваженія.

2.) Клевета въ бумагѣ поданной официально въ присутственное мѣсто.

Разглашеніе тайнъ.

Подъ именемъ разглашенія тайны законъ понимаетъ (Ул. Т. 137 ст.) распространеніе сведѣній частныхъ, позорящихъ честь человѣка, но ставшихъ въ тайнѣ какимъ либо противозаконнымъ способомъ.

Это деяніе сопутствуетъ съ предъидущимъ присутствіемъ въ немъ элемента оскорбительности; оно стоитъ ближе къ клеветѣ, такъ какъ предполагаетъ разсказъ о какихъ либо фактахъ. Но отличается и отъ обиды и отъ клеветы тѣмъ, что предполагаетъ разсказъ о событіяхъ, дѣйствительно существующихъ. Но это наводитъ насъ на вопросъ: можно ли въ законѣ считать запрещать подобное дѣяніе? Причина того, на чемъ основано это запрещеніе будетъ ясна, если мы разсмотримъ признаки разглашенія тайнъ, какъ они являются въ нашемъ законѣ.

1.) Понятіе тайны по нашему закону имѣетъ ограниченное значеніе и далеко не обнимаетъ всего того, что сообщено кому либо по секрету. Никто не обязанъ хранить въ тайнѣ разсказанное друзьями.- Законъ запрещаетъ только разглашеніе того, что сообщено другому по обязанности; слѣдовательно, относится разглашеніе тайны духовникомъ, врачемъ, адвокатомъ и т. п., если одно изъ этихъ лицъ разскажетъ то, что онъ узналъ по профессіи, то подлежитъ наказанію, если только разсказанное оскорбительно для сообщившаго тайну.

2.) Рядомъ съ этимъ первымъ случаемъ разглашеніе тайны является преступленіемъ еще тогда, когда свѣдѣніе добы-

тью преступныхъ путей. Прежде, подъ этимъ подразумѣвалось только вскрытіе писемъ, теперь же это понятіе распространяется и на вскрытіе всякихъ документовъ.

Разглашеніе тайнъ является наказуемымъ дѣяніемъ только при наличности одного изъ разсмотрѣнныхъ нами условій.

Подмѣна писемъ.

Четвертую группу преступленій противъ чести составляетъ подмѣна писемъ. Иногда самое содержаніе письма можетъ быть оскорбительно, или для того, кому - или для того, отъ котораго имѣетъ оно послано; но это будетъ обидою на письмѣ. Подмѣна писемъ выдѣляется въ особенный видъ преступленій противъ чести, вслѣдствіе того, что есть случаи, когда въ самомъ фактѣ подмѣны письма заключается оскорбленіе. Сообразно съ этимъ наше уложеніе (572 ст.) говоритъ о 2-хъ случаяхъ:

1.) Подмѣна писемъ съ цѣлью оскорбить кого либо.

2.) Съ цѣлью причинить какой либо другой вредъ лицу.

Оскорбленіе путемъ печати.

Послѣднимъ видомъ преступленій противъ чести является оскорбленіе путемъ листка 116 Уголовн. Ул.

Пр. Таганцевъ. Лит. Капневской.

тем печатного слова. Это преступление появилось впервые в Уложении 1866 года в силу закона о печати 1865 года Ст. 1039 и 1040 говорят о двух видах: а.) поношение в печати и в.) оскорбление в печати.

а.) Поношением в печати законом признается оскорбительное отзывы о лицах, совершенные путем печати. Таким образом это деяние по видимому тождественно с обидой и отличается только посредством совершения. - Но кроме этого отличается еще двумя существенными элементами: 1.) обида может быть совершена только по отношению к физическому лицу, а объектом поношения в печати может быть также и юридическое лицо. 2.) При этом преступлении наказание возвышается и является в чрезвычайно оригинальной форме, наложении двух наказаний рядом: денежного штрафа и тюремного заключения от 2 - до 6 месяцев.

б.) Оскорблением путем печати или диффамацией называется сообщение о каких либудь лицах или учреждениях таких либо позорящих обстоятельствах. Деяние об этом преступлении корреспондирует, как

видно, съ понятіемъ о клеветѣ. Но между ними еще болѣе различія, чѣмъ между порицаніемъ и обидою. Диффамація раздѣляется на два вида: 1.) опозореніе частныхъ лицъ и 2.) опозореніе публичныхъ дѣятелей, т.е. лицъ находящихся на службѣ, коронной или выборной.

1.) Подъ опозореніемъ частныхъ лицъ надо понимать распространеніе въ печати всякихъ оскорбительныхъ фактовъ, а не только заведомо ложныхъ, какъ при клеветѣ. Это объясняется тѣмъ, что законодатель признаетъ, что частная жизнь не должна быть предметомъ публичной оцѣнки.

2.) Что касается до диффамаціи служебныхъ лицъ, то о ней нельзя сказать того же самаго. Законъ постановляетъ, что если будетъ напечатанъ подобный порицающій фактъ, то виновный можетъ оградить себя отъ отвѣтственности тѣмъ, что докажетъ истинность того, что напечатано. Такимъ образомъ диффамація служебныхъ лицъ весьма близко подходитъ къ клеветѣ и разница между ними заключается только въ томъ, что истинность клеветы можетъ быть доказываема всякимъ, диффамація же только тѣмъ

менными доказательствами. Въ этомъ кроется важное различіе, которое нельзя никакъ оправдать.

Несмотря на то, что законъ 1866 г. далъ выдающееся понятіе о диффамаціи и понятіе о клеветѣ, онъ не уничтожилъ закона о клеветѣ. Лицо можетъ быть привлечено къ отвѣтственности или за клевету или за диффамацію. Это въ высшей степени важно по отношенію къ частнымъ лицамъ. Лицо, привлекающее другое къ отвѣтственности какъ диффаматора, далеко въ случаѣ обвиненія постороннаго, не получаетъ полнаго удовлетворенія, такъ какъ диффамація наказывается независимо отъ истинности или ложности факта. Поэтому, если лицо действительно не совершило приписываемаго действія, ему выгоднее привлечь виновнаго къ отвѣтственности, какъ клеветника.

6. Преступленія противъ имущественныхъ правъ.

Эта обширная группа преступленій подраздѣляется на двѣ категоріи, смотря потому: направлено ли преступное посягательство на конкретное предметное, въ которомъ выражалось имущественное право даннаго лица или же на самое имущественное право, какъ таковое.

1.

Подъ первую группу преступленій противъ имущественныхъ правъ подходятъ два типа преступленій: истребленіе и поврежденіе имущества и завладѣніе имуществомъ.

а. - Истребленіе и поврежденіе имущества. Оно можетъ быть или простое или обществ. опасное. Первое не представляетъ собою интереса. Гораздо важнѣе тѣ виды истребленій, которые заключаютъ въ себѣ возможность опасности для многихъ лицъ, которое грозятъ не только имущественному, но и личности правамъ. Сюда относятся по способу совершенія поджогъ, потопленіе, взрывъ пороха; по характеру истребляемаго предмета: поврежденіе желѣзныхъ дорогъ, маяковъ и т. п.

Изъ всѣхъ этихъ преступленій мы разсмотримъ поджогъ, какъ видъ, который по своей распространенности, мягкости совершенія и по которымъ національнымъ особенностямъ

Листъ 117 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Капневской.

(способъ мести) представляетъ наибольшій интересъ.

Поджогъ или зажигательство опредѣляется уложеніемъ, какъ истребленіе или поврежденіе чужого имущества посредствомъ огня.

Преступленіе это очевидно теряетъ свое значеніе, если субъектъ его виновенъ собственника имущества. По закону знаетъ случаи, когда собственникъ можетъ быть наказанъ за поджогъ своего имущества. Виновенъ подлежитъ лицо, поджегшее собственной домъ: 1) когда въ немъ находились люди, 2) когда это строеніе примыкало къ другимъ, хотя бы эти послѣдніе и не пострадали; 3) если сосѣдній строеній, не подвергнутый опасности при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, тѣмъ не менѣе фактически пострадалъ вслѣдствіе исключительныхъ условій, сопровождавшихъ данное конкретное дѣяніе; 4) если поджегъ застрахованной домъ, съ намѣреніемъ получить матеріальную прибыль отъ возмѣщенія со стороны страхованія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ виновный отвѣчаетъ не за самое истребленіе имущества, которое онъ считается собственникомъ, а на совершенное другимъ основаніи. Законъ имѣетъ преимущественно въ виду ущербъ третьяго лица. Помимо этихъ случаевъ каждый властенъ уничтожить, сдѣлать негоднымъ свое имущество, какимъ бы

тою или большею средствами.

Деянія этой категоріи могутъ быть какъ умышленныя, такъ и неосторожныя. Послѣднія влекутъ по общему правилу только гражданское вознагражденіе, хотя преслѣдуются въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ уголовномъ порядкѣ.

Преступное дѣйствіе заключается въ видоизмѣненіи имущества, принадлежащаго другому лицу или въ полномъ его уничтоженіи-истребленіи. Поврежденіе вещи составляетъ такое видоизмѣненіе его свойствъ или внѣшняго вида, которое дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее пользованіе имъ, употребленіе сообразное съ назначеніемъ.

Этимъ путемъ опредѣляется и понятіе окончанаго преступленія: подлогъ считается оконченнымъ не только когда имущество дѣйствительно истреблено, но и когда оно повреждено въ упомянутомъ смыслѣ.

При подлогѣ законъ старается точно и подробно опредѣлить границу между приготовленіемъ, покушеніемъ и совершеніемъ.

На основаніи 1611 ст. въ понятіе приготовленія къ учиненію подлога входятъ приисканіе, пріобрѣтеніе, или приспособленіе нужныхъ для того матеріаловъ.

Анализируя это опредѣленіе слѣдуетъ признать приготовленіемъ - принесеніе горючаго матеріала на мѣсто при приспособленіи его къ данной цѣли - воспламененіе его, со-

вомъ всѣ дѣйствія до момента воспламененія самаго подлежащаго предмета. Но Улож, постановивъ упомянутой принципъ, долженъ тутъ все въ 1610 ст. исключеніе, относящееся къ области покушеній послѣдней изъ вышеуказанныхъ фактовъ, именно подложеніе зажженнаго вещества подъ предметъ, подлежащій разрушенію. Далѣе поворотъ Уложенія законъ ставитъ степень отвѣтственности виновнаго въ зависимость отъ раскаянія и отъ усилій съ его стороны къ предотвращенію причиненнаго имъ вреда. Такъ 1610 ст. создаетъ слѣдующую постепенность: на низшей ступени стоятъ случаи, когда пожаръ, учиненный черезъ подкопъ, хотя и успѣлъ и начался, но потушенъ въ самомъ началѣ стараніемъ самаго раскаявшагося въ зажженіи или призванными имъ на помощь людьми; затѣмъ слѣдуютъ случаи, когда пожаръ потушенъ при самомъ началѣ, не по извѣстію даннаго зажигателя, однако и безъ препятствованія съ его стороны къ потушенію пожара другими, далѣе личное способствованіе къ прекращенію пожара, далѣе съ опасностью жизни, составляетъ поводъ къ смягченію послѣдней степени покушенія, приближающейся по тяжести присужденныхъ показаній къ оконченному преступленію. Характеризуется же отсутствіемъ раскаянія, хотя неизмѣннымъ условіемъ требуется все-таки

чтобы пожаръ былъ потушенъ при самомъ началѣ посторонними лицами или случайными обстоятельствами.

Что касается соразмѣрности наказаній съ характеромъ имущества и его стоимости, то наименѣе важнымъ является подборъ необитаемаго зданія, если онъ представитъ опасность для сосѣднихъ жилыхъ строеній, или если это необитаемое зданіе была лавка, кладовая, магазинъ и т.п. за что назначается каторга отъ 4-6 лѣтъ. Отсюда наказаніе постепенно усиливается, смотря по цѣнности и важности уничтоженнаго имущества или по степени опасности, которой подвергались люди, поэтому выдѣляются, какъ дѣяній особенно важныя, - подборъ библіотекъ, хранилищъ актовъ, документовъ, также театровъ, учебныхъ заведеній, больницъ, тюремъ, дворцовъ, цѣлыхъ городовъ, церквей и т.п. (ст. 1607); наказаніе измѣняется отъ 8-лѣтней (1606) до 15 и до 20-ти лѣтней каторги. За подборъ рудника, если виновный зналъ, что подвергаетъ тѣмъ находившихся въ немъ людей, которыя доходятъ до безсрочной; наконецъ наше законодательство знаетъ даже случаи назначенія смертной казни за подборъ - именно когда онъ учиненъ надъ карантиннымъ домомъ, хотя бы и во время эпидеміи, потому что тѣмъ уничтожается возможность пріостановить распространеніе внезапно появившейся заразы.

Листъ 118 Уголов. Пр.

Пр. Пантелеевъ. Лит. Конисской.

5. Завладѣніе.

Преступленій, входящій въ эту группу могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, смотря по тому находилась ли вещь въ рукахъ завладѣвшаго или же въ чужихъ рукахъ: въ первомъ случаѣ мы имѣемъ преступное присвоеніе, во второмъ-преступное завладѣніе въ тѣсномъ смыслѣ.

1) Преступное присвоеніе раздѣляется опять на двѣ группы, причемъ обращается вниманіе на то попала ли вещь случайно или въ силу юридической сдѣлки; первой случай носитъ названіе преступной находки, второй -утайки.

Преступная находка.

Находка. Подъ гражданскимъ подъ находкой понимается „обрѣтеніе" вещей и другихъ движимыхъ имуществъ, которыхъ ходяинъ неизвѣстенъ или неизвѣстенъ.

Субъектомъ этого преступленій можетъ быть всякое лицо, находящееся въ состояніи вмѣняемости. Для наличія находки требуется, 1) чтобы вещь была чужая и 2) вещь должна быть потеряна. Этотъ фактъ опредѣляется двумя признаками изъ которыхъ одинъ свойственъ гражданскому праву, другой уголовному. Гражданское право держится признака объективно-потерянного считается вещь вышедшая изъ фактическаго обладанія хозяина, такъ что онъ не можетъ въ данномъ моментѣ возобновить свое владѣніе. Такимъ образомъ если

вещь находится в помѣщеніи хозяина и онъ
ее не можетъ найти, то тутъ находка не
можетъ быть и нашедшій искомую вещь не
получаетъ права на 1/3 часть ея стоимости.
Кромѣ того, потерянною вещью не можетъ
быть названа та, какая была сдѣлана другимъ
лицомъ изъ обладаній собственника, напримѣръ,
украдена вещь, поэтому нашедшій вещь, кото-
рая оказывается украденною, также не имѣетъ
права требовать 1/3. Очевидно, что во всѣхъ э-
тихъ случаяхъ главную роль играетъ объектив-
ный признакъ.
Уголовное право не можетъ придерживаться
его исключительно. И наказаніе соразмѣряет-
ся съ волей человѣка, объективной будетъ за-
мѣняться субъективнымъ, т.е. возвращеніе
лицу нашедшаго его вещь. Если нашедшій счи-
талъ или могъ считать вещь выпавшею
изъ обладаній хозяина, то онъ совершилъ на-
ходку. Тутъ нашедшій украденную вещь ничѣмъ
не отличается отъ лица нашедшаго потеря-
нную. Спрашивается всякая ли вещь оставшаяся
у себя, можетъ повлечь уголовную отвѣтствен-
ность? Это было бы немыслимо. Заявленіе о
находкѣ сопряжено обыкновенно съ нѣкото-
рыми расходами и тратою времени, не про-
порціональными стоимости найденнаго
предмета. Поэтому Уложеніе 57 г. ставило по-
ложеніе для обвиненія нашедшаго и не заявив-
шаго необходимо, чтобы вещь имѣла цѣнностную
стоимость, а именно въ семьдесятъ 1 рубль сер.,

въ городахъ-10 рублей; если стоимость вещи ме-
нее, то виновный подлежитъ отвѣтст.
венности. Уставъ ставитъ другое начало;
иногда можетъ быть несомнѣнно, что
виновный понималъ цѣнность находки, въ
другихъ случаяхъ онъ могъ считать ее маловаж.
ною, поэтому стоимость опредѣляется въ ка-
ждомъ конкретномъ случаѣ судомъ. Мы видѣли,
что находка можетъ быть 2 родовъ: 1) находка
вещей, которой ходитъ быть извѣстенъ и 2)-
быть неизвѣстенъ. Въ первомъ случаѣ возника-
етъ вопросъ въ какой моментъ ходитъ дол-
женъ быть извѣстнымъ, чтобы отвѣтст.
венность увеличилась? Изъ 178 ст. видно, что
требуется знаніе въ моментъ нахожденія.
По отношенію къ умыслу въ находкѣ должно
быть намѣреніе присвоить себѣ вещь, т.е. animus
rem sibi habendi, а не требуется имѣть
корыстную цѣль / animus lucrum sibi faciendi.
Вопросъ о преступномъ дѣйствіи. Присвоеніе
находки относится къ тѣмъ преступле-
ніямъ, которыя могутъ быть совершены или
бездѣйствіемъ или содѣяніемъ. Отрицатель-
ная сторона состоитъ въ отвѣтственности
за присвоеніе, если найденный отдалъ не зая-
вилъ въ теченіи 3^х недѣль, положительная
же способъ совершенія преступленія заклю-
чается въ совершеніи надъ предметомъ такихъ
дѣйствій, которыя имѣютъ право совершать
одинъ только собственникъ или владѣлецъ,
т.е. распоряжаться предметомъ на правѣ

владѣній или собственности, заложить, продать, уничтожить и проч, и проч. Въ этой формѣ имѣлось ввиду какъ при находкѣ вещи, которой ходитъ извѣстенъ, такъ и при находкѣ вещи, которой ходитъ неизвѣстенъ. Хотя законъ, говоря о извѣстномъ ходителѣ, останавливается на отрицательномъ способѣ, а при неизвѣстности ходителя - на положительномъ. Сообразно съ этимъ опредѣляется и моментъ совершенія преступленія. При отрицательномъ способѣ моментомъ этимъ является моментъ истеченія трехнедѣльнаго срока, а при положительномъ - моментъ распоряженія предметомъ на правѣ владѣнія или собственности. Наказанія за присвоеніе находки, ходитель которой неизвѣстенъ заключается въ денежномъ штрафѣ въ размѣрѣ не большемъ цѣнности находки. Если же ходитель извѣстенъ, то наказаніе возвышается до тройной стоимости. Наказаніе увеличивается, если ходитель былъ не только извѣстенъ, но и требовалъ возвращенія вещи, а находящій отказался, или если послѣднему было извѣстно, что ходитель розыскиваетъ потерянной предметъ, или наконецъ въ случаѣ повторенія преступленія. Въ этихъ случаяхъ можетъ быть применено тюремное заключеніе отъ 2 недѣль до 6 мѣсяцевъ.

Утайка.

Листъ 119. Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Кониевской.

Утайка может быть определена, как при-
своение чужого имущества, переданного во-
вновому ходимому въ силу какой либо юриди-
ческой сдѣлки. Составъ преступленія требуетъ,
слѣдовательно, чтобы имущество было чужое
и чтобы оно было передано. Виды сдѣлокъ по
закону слѣдующіе: закладъ, отдача на хране-
ніе, для перевозки, переноски или передачи не-
обходимо превышеніе предѣловъ юридической
сдѣлки, въ силу которой предметъ переданъ.
Намѣреніе лица опредѣляется, какъ присвое-
ніе найденной вещи. Преступное дѣйствіе мо-
жетъ быть совершено отрицательнымъ
или положительнымъ способомъ; въ первомъ
случаѣ лицо, напр. запирается въ полученіи, увѣ-
ряетъ что потребило предметъ по назначе-
нію, заявляетъ, что вещь украдена или поте-
ряна sinidolo et culpa своего стороны. Въ случаѣ
же положительнаго способа, т.е. распоряже-
нія вещью на правѣ владѣнія или собствен-
ности, мы имѣемъ растрату. Въ практикѣ
и законѣ различаются слѣдующіе виды ра-
стратъ: 1) продажа закладчикомъ, 2) прода-
жа собственнаго, но за

закладъ имущества находящагося
временно въ пользованіи лица, все равно, была
ли заложена вещь въ надеждѣ ее выкупить
или безъ этого.

Наказаніе за растрату полагается: тюрем-
ное заключеніе отъ 3 мѣс до 1 года. Но законъ
знаетъ причины увеличивающія и уменьша

ющій ответственность. Первый суть: а) привилегированное положеніе лица, т.е. принадлежность его къ привилегированнымъ сословіямъ. б) Стоимость предмета, когда она превышаетъ 300 рублей. Наказаніе уменьшается, если лицо совершило преступленіе по легкомыслію и возвратило причиненный имъ вредъ (арестъ не болѣе 3-хъ мѣсяцевъ).

Рядомъ съ растратой, по которой мы разумѣемъ незаконное пользованіе чужимъ движимымъ имуществомъ, стоитъ ученіе о такъ называемомъ пользованіи чужимъ недвижимымъ имуществомъ.

Основаніе этого ученія заключается въ томъ, что собственникъ недвижимаго имущества считается точно такъ же и собственникомъ всѣхъ происходящихъ отъ него выгодъ. Напримѣръ собственникъ земли и лѣса является также собственникомъ грибовъ, дичи, ягодъ и т.д. потому что носитъ право собственности на главную вещь, включающее конечно въ себѣ и право пользованія этими выгодами-собираніе грибовъ, ягодъ, охота, рыбная ловля, проходъ и проѣздъ черезъ чужую землю, складываніе мусора и т.д. Конечно всѣ эти случаи входятъ въ сферу уголовнаго права лишь настолько, на сколько могутъ быть предметами правонарушеній, слѣдовательно только какъ незаконное или недозволенное пользованіе чужимъ недвижимымъ.

Мы остановливаемся на немъ лишь настоль-

ко, чтобы дать себѣ достаточно ясный отчетъ о границѣ этой категоріи правонарушеній съ болѣе интереснаго для насъ областного — съ кражей.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ набралъ грибовъ и ягодъ въ чужомъ лѣсу, его обвиняютъ въ недозволенномъ пользованіи чужимъ имуществомъ, но если кто либо грибы востащитъ изъ кузова, мы привлечемъ его къ отвѣтственности за кражу.

Далѣе, человѣка, нарвавшаго ягодъ въ чужомъ лѣсу, мы обвинимъ въ незаконномъ пользованіи чужимъ имуществомъ, а человѣка нарвавшаго ягодъ на грядахъ мы считаемъ виновнымъ въ кражѣ.

Сходство очевидно существуетъ и даже весьма значительное, но какая же грань отдѣляетъ одну категорію отъ другой? По отношенію къ первому признаку грань эту начертить весьма не трудно. Предметъ права собственности можетъ быть или окупированъ или неокупированъ; если грязь идетъ о 1^м^ъ мы получаемъ кражу со всѣми ея характеристическими признаками или все дѣло касается до 2го мы получаемъ пользованіе чужимъ недвижимымъ имуществомъ. Но эта грань не приходится ко 2^му^ признаку, собственность и другой видъ собственности неокупированные, слѣдовательно мы должны будемъ другимъ путемъ, именно мы должны разсматривать данный предметъ и, конечно искуственно

но они является естественным продуктом. Если человекъ воспользовался плодами чужого труда – онъ виновенъ въ краже, если же естественными продуктами природы – въ пользованіе чужимъ имуществомъ.

2. Преступное завладеніе въ собственныя свои. – Кража.

Основное положеніе есть: „кражей признается похищеніе чужого движимаго имущества".

Объектъ кражи есть чужое имущество. Что называется чужимъ? Подъ чужимъ имуществомъ разумѣется всякое, на которое лицо не имѣетъ права безграничнаго распоряженія. Поэтому похищеніе своей заложенной вещи или похищеніе вещи, находящейся на правѣ общей собственности будетъ кражею. Далѣе необходимо, чтобы вещь кому-нибудь принадлежала. Взятіе res nullius не есть кража, но тутъ безразлично на какомъ основаніи имѣетъ вещь владѣлецъ.

Похищеніе вещи у вора будетъ тоже кража. Наконецъ съ момента отказа владѣльца отъ своего права на вещь исчезаетъ понятіе кражи, поэтому взятіе вещей предназначенныхъ для уничтоженія, не есть кража, но похищеніе тарелокъ, на которыхъ это уничтоженіе было предположено будетъ кража. 2-е условіе, относящееся до объекта кражи касается самаго предмета – преимущество.

Листъ 120 Голов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лект. Тимковскій.

Подъ именемъ имущества разумѣется всякій матеріальный условный предметъ, могущій находиться въ томъ или иномъ обладаніи. Стоимость предмета имѣетъ мѣсто для отвѣтственности за кражу. Въ теоріи по отношенію къ данному вопросу предлагаются истолкованія.

Первое истолкованіе говоритъ: что предметомъ кражи могутъ быть только вещи, находящіяся въ гражданскомъ оборотѣ и имѣющія денежную стоимость. Другое говоритъ, что первое толкованіе при всей его правильности недостаточно и что слѣдуетъ опредѣлить величину стоимости, которая должна имѣть денежная единица, т.е. у насъ ½ копейки. Такъ говоритъ, что объектъ кражи есть чужое имущество движеніе, что же разумѣется подъ движеніемъ? Условіемъ такого движенія имущества разумѣетъ всякій предметъ, который можетъ быть сдвинутъ, отторгнутъ, отдѣленъ отъ извѣстнаго мѣста.

По отношенію къ намѣренію несущественнымъ условіемъ является корыстность только прибавимъ, что кража относится къ преступленіямъ двусоставнымъ предполагающимъ умыселъ завладѣванія чужого стороннею вещью не можетъ быть и рѣчи.

Переходимъ теперь къ самому дѣйствію, какимъ

находящемся въ понятіи кражи. Единственный признакъ установленный закономъ по отношенію къ дѣйствію - есть тотъ что подъ кражей разумѣется тайное похищеніе, слѣдовательно, мое долженъ себѣ усвоить: что такое „тайное", что разумѣется подъ симъ закономъ, и какіе его отличительные признаки? Понятію тайнаго противуполагается понятіе открытаго, подобно тому какъ кража противуполагается грабежу, слѣдовательно, установивши понятіе, открытаго, мы черезъ противоположеніе будемъ въ состояніи опредѣлить и существо тайнаго. Уголовный законъ говоритъ, что грабежомъ называется открытое похищеніе какого либо имущества въ присутствіи самаго хозяина или другихъ людей, слѣдовательно, тайное похищеніе будетъ похищеніе какого либо имущества въ присутствіи хозяина или другихъ людей.

Но что же разумѣетъ законъ въ данномъ случаѣ подъ симъ присутствіемъ? Человѣкъ можетъ фактически находиться въ данномъ мѣстѣ, но въ то же время онъ можетъ быть въ состояніи опьяненія или въ какомъ либо другомъ состояніи, въ которомъ онъ не сознаетъ и не можетъ сознавать совершающагося вокругъ него дѣйствія. Поэтому для понятія открытаго похищенія чужаго имущества или грабежа недостаточно фактическаго присутствія хозяина, но требуется не

сознаній совершаемаго дѣяній.

Наиядчное всего это видно при такъ называемомъ карманномъ воровствѣ, которое мы, довольствуясь одними фактическими присутствіемъ хозяина, даже не боимся назвать карманнымъ грабежомъ, что мы не видимъ ни въ законѣ, ни въ судебной практикѣ. Совершенно аналогичное явленіе встрѣчаемъ мы, если обратимся къ присутствію другихъ людей; если законъ употребляетъ термины „кража въ многолюдномъ собраніи" „кража на пожарѣ," – то ясно, что онъ не довольствуется одними фактическими присутствіемъ другихъ людей, осторожаніе которыхъ въ данномъ случаѣ не мыслимо, но требуетъ сознательнаго присутствія.

Итакъ мы получаемъ первый признакъ опредѣляющій понятіе присутствія, сознаніе самого хозяина или другихъ лицъ о совершающемся похищеніи; слѣдовательно, наоборотъ тайное похищеніе будетъ такое, при которомъ ни хозяинъ, ни другіе люди не сознавали о совершающемся похищеніи. Но этого одного признака недостаточно. Въ этотъ моментъ, когда воръ опускаетъ руку въ карманъ другого лица – это послѣднее чувствуетъ и сознаетъ прикосновеніе и наитіе. реніе вора, но даетъ ему время вытащить вещь, потомъ захватываетъ. Руководясь вышеприведеннымъ нами признакомъ, мы должны были бы, на основаніи факта присутствія

сознанія, обвинить лицо въ грабежѣ и между тѣмъ Уголовный законъ характеризуетъ подобные случаи однимъ общимъ именемъ кражи.

Такимъ образомъ мы получаемъ второй равнонеобходимый признакъ, что тайною будетъ называться и такое похищеніе, при которомъ самъ крадущій предполагаетъ, что онъ дѣйствуетъ тайно, что его дѣйствіе было несознаваемо другими.

Далѣе похищеніе опредѣляется просто какъ взятіе виновнымъ чужой вещи.

Въ какого же момента краска считается оконченной? Нужно ли для понятія оконченности, чтобы похитивший извлекъ изъ вещи какую либо пользу, распорядился бы его какъ собственникъ, напр. отдалъ бы ее кому либо, заложилъ и т. п. или же не требуется наличности этихъ условій. По нашему закону похищеніе кончено и краска совершена лишь только виновный поставитъ себя въ такое положеніе къ вещи, что по принципу Гражданскаго права можетъ быть названъ временнымъ владѣющимъ ея. Мы разсмотрѣли такимъ образомъ всѣ составныя части общаго понятія кражи.

При разсмотрѣніи отдѣленія видовыхъ опредѣленій мы разсмотримъ первоначально видовыя отношенія по субъекту, затѣмъ по объекту и наконецъ по самому дѣйствію.

Листъ 121. Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Кониевскій.

I. По субъекту кражи.

Законъ допускаетъ слѣдующіе видовые случаи: 1) Кража привилегированными лицами; 1) дворянами, 2) священнослужителями, 3) имѣнствующими и 4) почетными гражданами. Она 1) изъемлетъ самую подсудность — всѣ дѣла этой категоріи выдаются не мировымъ Судамъ, а Окружнымъ и 2) всегда влечетъ наказаніе соединенное съ лишеніемъ всѣхъ особенностей личныхъ и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.

2) Кража домашняя (furtum domesticum). Что такое домашняя кража? Обращаясь къ западноевропейскому праву мы найдемъ двоякое опредѣленіе этого понятія. 1) Домашней кражей по французскому праву называется кража совершенная лицами проживающими въ томъ самомъ помѣщеніи изъ котораго похищена вещь. Исходной пунктъ понятія — противъ лицъ живущихъ въ одномъ и томъ же помѣщеніи ходячую трудно уберечься. 2) Нѣмецкіе кодексы проводятъ принципъ подчиненности видового лица лицу обкраденному безъ различій какого рода будетъ подчиненность: - слуги-господину, рабочіе - мастеру и т. д.

Какое же видное имѣетъ домашняя кража на отвѣтственность? По общему правилу домашній видъ кражи влечетъ квалификацію вмѣсто - тюремнаго заключенія отъ 3 до 6 мѣс. полицейскаго за простую кражу

– тюремное заключение от 6 до 12 месяц. Всякий случай, из которых домашняя кража различается, как отдельное преступление, именно, когда она совершена 1) с взломом или с каким либо посторонним орудием. При этих последних случаях наказание за домашнюю кражу усиливается только для лиц подходящих под понятие домашней кражи, а не для их сообщников.

3) Семейная кража.

В противоположность домашней краже, семейной называется – похищение родителями у детей, детьми у родителей и супругами друг у друга, следовательно этот вид ограничивается самым тесным кругом семьи. Но ограничиваясь такой узкой сферой лиц, семейная кража производит весьма мало возмущений в общежитии родовом понятии – дело этой категории преследуется только не иначе как по жалобе лица пострадавшего, следовательно, представляет преступление уголовно-частное.

II. По объекту кражи.

1) Кража предметов различной по ценности. Значение различной стоимости представляет:

а) Обстоятельство изменяющее подсудность: кража до 300 рублей ведается Мировым судьей, кража более 300 руб. окружным судом.

б) Обстоятельство уменьшающее вину: кража на сумму менее 50 коп. (1663 ст. У.)

2) Похищение актовъ и документовъ.
3). Похищение предметовъ первой необходимости для лица обокраденнаго.

III. По самому действію.

Еще большимъ разнообразіемъ отличается квалификація кражи по самому совершенію, по тѣмъ мотивамъ действій. Мы разберемъ главные виды этихъ категорій.

А. Воображенная кража (furtum actatis)

Тайное похищеніе вещи учиненное лицомъ, имѣвшимъ при себѣ орудіе-похищеніе крайне неопредѣленное

Б. Кража со взломомъ.

Исходя изъ той точки зрѣнія, что воръ, который при похищеніи разрушаетъ хранилище, оказывается опаснымъ, - законъ считаетъ необходимымъ усилить отвѣтственность за взломъ при кражѣ. Понятіе взлома предполагаетъ: 1) нахожденіе предмета въ хранилищѣ, правильное существованіе околопредмета такимъ преградъ, которыя были устроены ходящимъ съ цѣлью охранить предметъ отъ похищеній (напр. замокъ у лодки). Далѣе 2) необходимо разрушеніе этого хранилища хотя не требуется, чтобы слѣды взлома были непоправимы. Наконецъ 3) нужно еще, чтобы взломъ былъ произведенъ именно для кражи; поэтому, если воръ, чтобы спастись бѣгствомъ сломаетъ дверь, то кража имъ совершенная, не будетъ отъ этого кражей со взломомъ. Кромѣ того вопросъ усложня-

ется еще тѣмъ, что законъ различаетъ квалифицированный взломъ (повреждение воротъ, наружныхъ дверей, стѣнъ, кровли и проч. и внутренний (окна, внутреннія двери, шкафы, ларцы сундуки и проч. Но это дѣленіе не имѣетъ существеннаго значенія.

В. Кража посредствомъ фальшивыхъ ключей.

Г. Кража самаго запертаго помѣщенія, предусм. ст. 1647.

Д. Кража со взломомъ (escalade); различіе отъ кражи со взломомъ состоитъ въ томъ, что послѣдняя предполагаетъ существованіе насилія, а первая нѣтъ.

Е. Кража посредствомъ проникновенія съ фальшивымъ именемъ - дѣяніе, въ которомъ соединяются два преступленія.

Ж. Кража шайкою, или совершенная сговорившимися на это людьми?

Въ общей части Уложенія шайка опредѣляется какъ собраніе лицъ для совершенія нѣсколькихъ преступленій, а тутъ различаютъ кражу совершенную сговорившимися лицами и шайкою. Что же понимать подъ шайкою? Кассаціонный департаментъ разъяснилъ ее такъ: „Терминъ шайка" употребляется въ нашемъ законѣ въ двоякомъ смыслѣ: или имъ опредѣляется подобное теоріи соединеніе нѣсколькихъ лицъ для цѣлаго ряда преступленій или соединившимися хотя бы на 1 преступленіе, но пра-

Листъ 122. Уголовн. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Коллівской.

вильно организованное и въ этомъ смыслѣ употребимъ этотъ терминъ въ статьѣ о краже ночного. 3) По времени совершенія квалифицированною считается кража, совершенная ночью. Слѣдуетъ ли принимать ночь, въ астрономическомъ смыслѣ, или въ иномъ? Казалось бы, что 1°, т.е. отъ заката до восхода солнца было бы вѣрное, но законодательство не держится этого взгляда, а говоритъ о кражахъ, совершенныхъ въ театрѣ, на балахъ и т.п. особо, а эта кража по большей части совершается ночью. Поэтому практика опредѣлила ночь, какъ наступленіе сна и покой.

2). Если кража совершена съ повозокъ или другихъ средствъ передвиженія пассажировъ, будутъ ли эти средства частныя или правительственныя. Но это относится только къ тому времени, когда повозка находится въ пути, такъ что, если кража совершена, напр. на станціи, то она не подходитъ подъ случаи.

3). Кража въ несчастныхъ случаяхъ: при наводненіи, пожарѣ, кораблекрушеніи и проч. Наконецъ 4) Повтореніе кражи, имѣющее разнообразное значеніе. Иногда оно влечетъ подсудность суда, такъ какъ 3-я простая кража подлежитъ вѣдомству Окружнаго Суда, а не Мировыхъ Учрежденій, обыкновенно ихъ одно бываетъ только на разныхъ наказаній и при каждомъ специальномъ видѣ

краже упоминается особо.

Вотъ всѣ главнѣйшіе виды квалифицированной кражи. Кромѣ того существуютъ еще многіе вѣрные, совершенные въ церкви, въ часовнѣ, но безъ святотатства./ кража предметовъ, съ мертвыхъ тѣлъ, безъ разрытія могилы и проч. Вполнѣ упущена кража мертваго тѣла.

В. Грабежъ и Разбой.

Кражу мы опредѣлили, какъ тайное похищеніе имущества; грабежъ напротивъ того есть дѣйствіе насильственное, но наше право не проводитъ это опредѣленіе и считаетъ грабежемъ не только насильственное похищеніе, но и открытое похищеніе, хотя и безъ насилія. Поэтому и отличаетъ открытое похищеніе чужого имущества - такъ называемый грабежъ перваго рода и насильственное похищеніе чужого имущества - грабежъ втораго рода. Изъ этого ясно видно, что грабежъ соприкасается съ одной стороны съ разбоемъ, съ другой - съ кражею. Отличіе отъ кражи заключается только въ открытости преступленія, грабежъ же втораго рода по видимому тотъ же, что и разбой. Разница между нимъ заключается въ характерѣ насилія. Насиліе какъ средство похищенія можетъ быть физическое или психическое (угроза). Угроза можетъ быть направлена на лишеніе жизни, здоровья или свободы - въ этомъ случаѣ мы

именно разбой; когда опасность угрожает какимъ либо другимъ благамъ, то именно дѣло съ грабежемъ. Но и разбой можетъ быть безъ насилія, а именно если вещь отнимаютъ прямо вооруженною мышцею. Есть еще нѣсто случайной признакъ отличія относящійся къ окончанію преступленія: грабежъ считается оконченнымъ съ момента взятія вещи, разбой съ момента совершенія нападенія. Наказаніе назначное за разбой каторга 4-хъ лѣтъ (minimum), но при квалифицирующихъ обстоятельствахъ доходитъ и до безсрочной; 1) смотря по тяжести совершенія, именно за разбой въ церкви, на дорогахъ, въ городѣ и 2) при повтореніи и 3) когда разбой соединенъ съ другими преступленіями. При этомъ особенный интересъ представляетъ: разбой соединенный съ смертоубійствомъ сходный со случаями мнимой жизни съ корыстною цѣлью.

Мошенничество.

Мошенничество или по Мировому Уставу обманъ есть преступленіе новаго времени. Самый терминъ обманъ есть терминъ новый, очевидно заимствованный изъ западнаго законодательства. Мошенничество есть преступленіе весьма замѣчательное, ибо 1) оно болѣе современное изъ всѣхъ видовъ завладѣній чужимъ имуществомъ. 2) это преступленіе имѣетъ исторический интересъ. Оно самый типическій

видъ тѣхъ правонарушеній, которыя одною частью входятъ въ область гражданскаго, другого въ область уголовнаго права. Въ нихъ находится грань между неправого гражданскаго и уголовнаго. Вся суть этого преступленія заключается въ преступномъ дѣйствіи. Мое опредѣленіе это преступленіе какъ открытое похищеніе обманомъ учиненное, слѣдовательно должно быть 1) открытое похищеніе. Но грабежъ есть тоже открытое похищеніе? Разница заключается въ субъективной сторонѣ преступленія. Въ грабежѣ мы подъ этого субъективного урока понимаемъ совершеніе преступленія въ присутствіе хозяина или другихъ лицъ. При мошенничествѣ тоже требуется это условіе, но разница заключается въ сознаніи присутствующаго лица, при грабежѣ оно сознаетъ, что лицо, берущее не имѣетъ на то права, но по неволѣ уступаетъ силѣ или угрозѣ; въ мошенничествѣ напротивъ лицо предполагаетъ, что требующій вещь имѣетъ на то право, т.е. уступаетъ не силѣ, а хитрости, обману. Итакъ мы имѣемъ дѣло съ мошенничествомъ, когда посредствомъ обмана получена вещь. Что же понимается подъ обманомъ? Сообщеніе ложныхъ извѣстій, ложныхъ разсказовъ Листъ 123. Уголов. пр.

Пр. Тананцевъ. Лит. Копневской.

ный с письменного диктата в порядке бывшего введения в рабочую тетрадь фрагмента. Недостаточно совершенное изложение нуждается в дополнительном введении. Сделанное ранее было исключение, которое и выполняется в большинстве случаев. Можно также в рабочую тетрадь записать изложение, данное преподавателем устно, а затем проверенное исправленное изложение. Если же преподаватель не диктует изложение, а читает его, то ученик должен сначала прослушать изложение, а потом записать его по памяти. Прослушав один раз фрагмент, можно запомнить большую часть, можно запомнить и его качество, но прочно это ещё не обладает и в случае повторной потребности из него воспроизвести нужное трудно. Поэтому случаи, когда объект по качеству ещё не достиг и условной последовательности. Отнести эти случаи двух родов - легкого и трудного. Классификация материала по сложности, что представляет

суду гражданским наказаниям и уголовно ответственности следует искать во самом способе обмана. Обманут все можно: 1) умолчанием о недостатках, коих лицо не обязано сообщить о них. 2) Выгодных словесных давлений о качествах не вполне данного доказательства. 3) Ложных с этого лица заключений, которые должен сделать покупщик, давши веру словам продавца. Первый способ обмана, умолчание, словесное давление выкупа за само гражданскую ответственность. Но против этого есть прямое возражение со стороны закона. Из тт. 1663 и 1669 ясно, что если лицо для совершения обмана этого какой либо приготовительный (напр. выдавало себя за уполномоченного, надевало на себя мундир известного ведомства или знак отличия), то наказание увеличивается. При том обманство должно быть совершено без всяких приготовлений и тогда не может будет заслуживать не меньше наказания, если я, напр., покупаю какой либо предмет, в существенном заблуждаясь, у добросовестного продавца, я вполне довольствуюсь словесному заявлению, так что могу быть обманутым без всяких приготовлений. Поэтому, несостоятельность

чала, проведенного нашимъ Кассационнымъ Департаментомъ вынудило теперь вступить съ новымъ началомъ — индивидуализаціи обмана. Обманъ представляетъ намъ явленіе всецѣло зависящее отъ данной конкретной обстановки. Поэтому рѣшить a priori что нужно для совершенія въ обманѣ изъ какихъ условій онъ несуществуетъ-невозможно. Слѣдовательно, при разбирательствѣ дѣла необходимо прежде всего обратить вниманіе убѣдиться дѣйствительно ли было лицо совершено въ обманѣ Обращаясь затѣмъ къ вопросу о наказуемости мошенничества мы должны замѣтить, что въ нашемъ сводѣ она состоитъ въ денежномъ штрафѣ или тюремномъ заключеніи, что все касается до обстоятельствъ квалифицирующихъ, то они суть: 1) стоимость вещи до 300 рублей и свыше, 2) качество лица совершившаго мошенничество, 3) рецидивъ, причемъ разсматривается совершеніе мошенничество во 2-й или 3-й разъ и 4) привилегированныя сословія: дворянами, священнослужителями, лицами мошенничествующими и почетными гражданами. Кража обманъ. присвоеніе чужой движимости собственности, законъ, вполнѣ съ этимъ и на томъ же основаніи преслѣдуетъ завладѣніе чрезъ подлогъ и обманъ и недвижимой чужой собственностью, о которомъ нами распространяется нѣсколько, такъ какъ оно по сво-

имѣ моментамъ совершенно совпадаетъ съ только что разобраннымъ обманнымъ завладѣніемъ движимой собственности.

Святотатство.

Святотатство по опредѣленію нашего Уложенія есть всякое похищеніе церковныхъ вещей и денегъ, какъ изъ самыхъ церквей, такъ и изъ часовенъ, ризницъ и другихъ постоянныхъ и временныхъ церковныхъ хранилищъ.

Прежде всего бросается въ глаза тотъ фактъ, что преступленіе это въ нашемъ Уложеніи помѣщено въ раздѣлѣ преступленій противъ религіи и церкви. Правильна ли точка зрѣнія нашего Уложенія?

Чтобы опредѣлить мѣсто даннаго преступленія необходимо обратить вниманіе на умыселъ, намѣреніе конечно одно корыстное желаніе пріобрѣсти вещь - animus rem sibi habendi; оскорбленіе религіознаго чувства имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда человѣкъ беретъ вещь именно съ этого угла, но если это преступленіе соединено съ умышленнымъ оскорбленіемъ оно будетъ уже не святотатство, а оскорбленіе святыни. Такимъ образомъ отнесеніе святотатства къ преступленію религіозному лишено всякаго рационального основанія.

Что касается до субъекта даннаго преступленія, то имъ можетъ быть всякое лицо, какой бы онъ религіи не держался. Отвѣтственъ листъ 124. Головн. пр.

Пр. Паганцевъ. Лит. Конюбской

ность въ этомъ отношеніи, усиливается только въ томъ случаѣ, если субъектомъ даннаго преній является лицо, которому поручено храненіе церковнаго имущества.

Далѣе объектомъ святотатства, является церковное имущество. Что же должно подразумѣвать подъ именемъ церкви въ данномъ случаѣ? Наше уложеніе разумѣетъ вѣроисповѣданій: православное, римско-католическое, протестантское и армяно-григоріанское.

Вещи част. всѣ вещи церкви православной подраздѣляются на три категоріи: на а) вещи священныя (res sacrae), къ которымъ относятся: а) предметы поклоненія-мощи, по нимъ во всей ихъ совокупности, слѣдовательно, и украшенія и раки и т.д. образа, кресты, евангеліе и т.д. б) предметы употребляемые при таинствѣ евхаристіи - дискосъ, потиръ, антиминсъ и друг. и в) предметы, относящіеся къ категоріи специально освященныхъ - одежды съ престола и жертвенника, покров. съ священныхъ сосудовъ и т.д.

2) Вещи освященныя (res religiosae) употребл. при богослуженіи, каковы: купели, ковши, кропила, ризы, панікадила и поставныя тоже свѣчи, вѣнцы, богослужебныя книги, кромѣ евангелій и т. д. 3) Вещи церковныя въ тѣсномъ смыслѣ (res ecclesiasticae), куда относятся деньги, свѣчи не поставленныя къ образамъ или въ панікадила и другія несвященныя, употребляемыя

при богослужении вещи (ст. 927) словом и всякое церковное имущество.

Что касается умысла, то он состоит в желании присвоить себе вещь (чем тебе наведи).

Более интересен вопрос о преступном действии. В этом отношении закон различает святотатство а) по предмету совершений и б) по способу.

I. По предмету совершения святотатства распадается на три вида: 1) похищение освященного предмета из церкви или церковной ограды; 2) из часовни или иного церковного хранилища (к чему относятся напр. столбы, выставленные с образами или крестами для сбора в церковь) 3) из частных домов, которые являются в настоящем случае временными хранилищами церковных вещей. По отношению к временному хранилищу святотатство имеет место лишь в том случае, когда будет точно доказано, что вор знал о принадлежности вещи церкви.

II. По способу совершения святотатство сходно с похищением чужого имущества вообще. Ст. 919 прямо говорит, что святотатством называется всякое похищение церковной вещи из церковного хранилища. Поводь похищение может быть в виду простого грабежа, разбоя или мошенничества, всеми эти виды могли подойти под понимание святотатства.

Нашъ законъ говоритъ: 1) о свѣтом. кражѣ, причемъ дѣлаетъ различіе только между кражей а) со взломомъ или б) безъ взлома, не обращая никакого вниманія на прочіе признаки, даже и на стоимость. У Освѣтомат. грабежъ, содержа обычное спеціальное посягновеніе. Говоря о грабежѣ Уложеніе совершенно умалчиваетъ о свѣтомат. разбоѣ. И весьма понятно почему. Законъ обилуетъ высшею мѣрою наказаній, т.е. безсрочною каторгою всякій разбой въ церкви, хотя бы не было примѣнено свѣтомантіи, вслѣдствіе чего для разбоя соединеннаго съ свѣтоматіей уже не остается никакой высшей степени наказаній.

Иначе представ. нашъ свѣтомат. законодательство, объявивъ о свѣтомат. нѣтъ ни одной спеціальной статьи, но оно, согласно ученію Госуд. Совѣта подъ ред. Богомазова, основ. на общемъ опредѣленіи 29 ст. считается одинъ изъ способовъ совершенія свѣтоматства и потому отвѣтственно наказуемый подлежитъ опредѣленіямъ выставленнымъ закономъ по отношенію къ кражѣ. Такимъ образомъ вопросъ о наказуемости свѣтоматства:

Высшая степень наказуемости 10-12 лѣтъ каторжной работы.

Преступленія противъ имущественнаго права какъ такового.

Между тѣмъ какъ при обсужденіи всякаго

другаго имущества по отношенію къ праву собственности, которое можетъ имѣть на него лицо, мы обращаемъ вниманіе только на его форму, а не на содержаніе, предполагая его нераздѣльно связаннымъ съ первымъ, при обсужденіи умственной собственности, существеннѣйшимъ и необходимѣйшимъ условіемъ для правильнаго пониманія дѣла является именно это раздѣленіе ея содержанія и формы.

Разсматривая любое произведеніе человѣческаго духа, мы легко можемъ отличить въ немъ мысль съ одной стороны и ея форму или оболочку съ другой.

Что касается перваго элемента, то онъ не можетъ быть признанъ чѣмъ-то бо не было собственностью, по самому своему характеру, исключающему возможность такой отдѣльности, въ силу независимости и неопредѣленности ея.

Что касается другаго элемента его, т.е. внѣшней формы, то она можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ или какъ общая форма выраженія извѣстной мысли въ внѣшнемъ мірѣ какимъ бы ни было способомъ (словомъ, звукомъ, изображеніемъ) по разницѣ котораго всѣ произведенія распадаются на словесныя, музыкальныя и художественныя, или же какъ внѣшняя оболочка этой уже принявшей извѣстную форму мысли.

Листъ 125. Уголов. Пр.

Т. Тананцевъ. Лит. Канцелярской.

конкретной предметъ внѣшняго міра (картина, статуя, картина) какъ въ томъ, такъ и въ другомъ своемъ значеніи форма умственныхъ произведеній заключаетъ въ себѣ условія, чтобы быть объектомъ права собственности. Что касается послѣдняго, то въ этомъ отношеніи форма умственныхъ произведеній не представляетъ ничего особеннаго сравнительно со всѣми другими видами имущества. Подобно всѣмъ другимъ предметамъ, на которые распространяется право собственности, произведенія литературы и искусства представляютъ собою также извѣстное предметное имѣющее матеріальную цѣнность и такимъ образомъ является однимъ изъ видовъ имущества вообще. Въ качествѣ такихъ предметовъ они также могутъ быть объектами всѣхъ тѣхъ преступленій, которыя возможны по отношенію къ собственности вообще. Форма уже въ первомъ смыслѣ можетъ быть объектомъ особаго рода преступленій извѣстныхъ подъ названіемъ нарушеній авторскаго права. Всѣ преступленія противъ авторскихъ правъ, по нашему Уложенію распадаются на контрафакцію или полное заимствованіе, плагіатъ или частное заимствованіе и литературное воровство.

I Контрафакція

Контрафакція опредѣляется какъ самовольное

издание чужого, кому либо принадлежащаго сочинения.

Субъектом контрафакции может быть всякое лицо не только посторонее, по отношению к автору чувствительно произведений, но даже и сам автор - последний во тех случаях, напр. когда продает какое либо произведение умственной деятельности - неоскольких лицам порознь или уступивши какому либо лицу право издания данного произведения на определенный срок, выпустить сам новое издание прежде истечения срока и безъизъятий указанных в законе.

Объектом преступления является мысль выраженная словом или звуком, т.е. литературное, художественное или музыкальное произведение, напечатанное или ненапечатанное, предназначенное для печати или для произнесения в публичном собрании. Но для того, чтобы данное произведение могло быть объектом контрафакции, оно должно относиться к области литературы или искусства, оно не к области промышленной или ремесленной.

Если предмет назначается для удовлетворения эстетического чувства, он должен быть отнесен к области искусства и каково бы не было его выполнение должно считаться способным стать объектом контрафакции, если он назначается для

удовлетворений жизненных потребностей, имеет так сказать утилитарное назначение - оно должно быть отнесено к области промышленной или может быть предметом контрафакции, если конечно нет противления.

Преступное действие преступлений против авторских прав в своих родовых понятиях определяется в законе „перепечатание". Понятно, что этот термин относится только к литературной собственности, причем безразлично будет ли перепечатание или лучше сказать напечатание с рукописи, книги печатного произведения или даже с изустно-произнесенного произведений ума. Конечно этот термин неукладывается по отношению к художественным произведениям, а потому заменяется другим, воспроизведение или копирование, при этом не обращается внимание на тот способ, которым произведено копирование - произведено ли оно от руки или каким либо механическим приспособлением или даже фотографированием.

По этим формам нет ограничения права автора на продукты его умственного труда. На книгу автор имеет только право перепечатания, далее ничего не имеет, какого рода - какое употребление делается из его сочинений, если бы это не было кон-

трафаретной; но написана драматич. пьеса, и по отношению къ ней авторъ не только имѣетъ исключительное право разрѣшенія печатать, но и разрѣшеній поста-новки на театрѣ. Поэтому публичное представленіе на театрѣ пьесы безъ разрѣшеній автора будетъ точно такое нарушеніе авторскаго права. Тоже самое можемъ мы сказать и по отношенію о музыкальной собственности-операмъ, симфоніямъ, увертюрамъ и т. д. Все это въ точности предусмотрѣно нашимъ уложеніемъ.

II Пунктъ.

Изъ всѣхъ преступленій противъ отвлеченной собственности частое заимствованіе есть явленіе наиболѣе частовстрѣчающееся. На сколько же допустимъ его закону?

Заимствованіе считается дозволеннымъ до тѣхъ поръ, пока оно не превышаетъ одного печатнаго листа. Далѣе по отношенію къ газетамъ будетъ заимствованіе допустимо лишь до тѣхъ поръ, пока оно не превышаетъ половины содержанія ея. Есть произведенія въ которыя допускается заимствованіе болѣе нежели половину-это хрестоматіи и энциклопедіи обширныхъ, въ которыя заимствованія, не нарушая прав.

Листъ 126. Голов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Коптевскій.

изведеніе, за эти заимствованія не преслѣдуется до тѣхъ поръ, пока они не превосходятъ 1/3 всего текста.

III. Литературное воровство.

При контрафакціи виновный посягаетъ на имущественныя права автора. Но возможно и иное отношеніе къ чужой умственной собственности, именно, когда кто-либо посягаетъ на самое имя автора, выдавая чужой трудъ за свой; это преступленіе можетъ быть соединено съ контрафакціей, но можетъ и не соединяться съ нею. Въ первомъ случаѣ это будетъ квалифиціонный случай

Такой родъ посягательства литературнаго воровства и называется вѣрнѣе обязанностью вознаградить сочинителя-ли художника за всѣ причиненные ему ущербъ и убытки, подвергается ссылкѣ на жительство въ одну изъ отдаленныхъ губерній, кромѣ сибирскихъ.

Преступленія противъ общественныхъ союзовъ.

Въ государствѣ и подъ защитой его существуетъ масса общественныхъ союзовъ, имѣющихъ свои собственные интересы зависимо отъ государственныхъ. Эти самостоятельныя организаціи зависятъ отъ цѣлаго ряда условій, которыхъ непремѣнно: общественность государства принимаетъ подъ свое покровительство; для общественной

самаго изъ существованія; нарушеніе этихъ условій и составляютъ категорію преступленій, къ разсмотрѣнію которыхъ мы переходимъ.

Преступленія противъ семейнаго союза.

Первымъ изъ такихъ организмовъ по своей важности для человѣка слѣдуетъ поставить семью; слѣдовательно, первую категорію составятъ преступленія противъ союза семейнаго; но такъ какъ послѣдній слагается изъ двоякаго рода отношеній между родителями и дѣтьми и между супругами, то и преступленія эти распадаются какъ нарушенія во первыхъ, правильныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ и во вторыхъ, нарушеніе условій супружескаго союза.

Преступленія родителей противъ дѣтей суть: 1) злоупотребленіе родительскою властью для вовлеченія дѣтей въ преступленіе, которое въ сущности есть только особый видъ подстрекательства, 2) умышленное развращеніе нравственности дѣтей и намѣренное потворство разврату. Подъ словомъ развратъ слѣдуетъ очевидно понимать въ этомъ случаѣ вообще развитіе всякихъ пороковъ, какъ-то: пьянство, игры и т. п. 3) принужденіе къ вступленію въ бракъ и въ сожительство; здѣсь слѣдуетъ понимать только физическое принужденіе, ибо влечетъ церковное покаяніе и законное

ніе въ тюрьмѣ.

Что касается преступленій дѣтей про-
тивъ родителей, то къ нимъ относятся:
1) упорное сопротивленіе родительской
власти, соединенное съ развратнымъ по-
веденіемъ и другими дѣйствіями, за что дѣти, по требованію родителей, безъ
особеннаго судебнаго разбирательства под-
вергаются заключенію въ исправительномъ домѣ
на 2-4 года. Родители въ этомъ случаѣ
имѣютъ право уменьшать по своему раз-
смотрѣнію время заключенія или совер-
шенно простить виновнаго.

2) Отказъ родителей въ доставленіи необ-
ходимаго для дѣтей пособія, если только они
имѣютъ къ тому достаточныя средства,
если родители не имѣютъ средства къ про-
питанію.

Затѣмъ слѣдуютъ преступленія противъ
союза супружескаго и такъ какъ они предпо-
лагаютъ существованіе брака, то обра-
тимся прежде всего къ нарушеніямъ усло-
вій вступленія въ этотъ союзъ. Послѣдст-
вія за нарушеніе условій вступленія въ бракъ
распадаются на двѣ категоріи: 1) на такія,
которыя не влекутъ за собою расторженіе
самого брака. 2) такія, которыя разрушаютъ
самый бракъ. Въ отличіе отъ гражданскаго
права для того, чтобы су. угол. посл. надо что-
бы брачъ уже былъ. Обратимся къ первымъ:
Запрещается вступленіе въ бракъ безъ дозво-

ченій родителей, опекуновъ или попечи-
телей и попеченіе. Уголовныя послѣдствія
состоятъ въ заключеніи порочителя въ тюрь-
му на время отъ 4-8 мѣс., а для порученной
состоятъ въ содержаніи въ монастырѣ на
тотъ же срокъ.
Вступленіе въ бракъ безъ испрошенія согласія
опекуна влечетъ за собой арестъ отъ 3 недѣль
до 3 мѣсяцевъ.
Наконецъ такъ какъ воспрещается служа-
щимъ вступать въ бракъ безъ надлежаща-
го дозволенія начальства, то виновные въ
этомъ случаѣ подвергаются строгому вы-
говору со внесеніемъ его въ послужной списокъ.
Слѣдующую категорію составляютъ на-
рушенія условій, влекущихъ расторженіе
самаго брака, помимо другихъ послѣдствій.
Это: а) Отсутствіе свободнаго согласія бра-
чащихся лицъ, а именно: 1) когда виновный
воспользовался слабоуміемъ лица или сума-
шествіемъ для склоненія его въ бракъ; 2) ког-
да кто чрезъ приведеніе въ состояніе безпа-
мятства или кратковременнаго умопомѣша-
тельства, или чрезъ обманъ совершитъ бракъ
не съ тѣмъ лицомъ, которое было имъ из-
брано. Но законъ придаетъ въ этомъ случаѣ
обману весьма тѣсное значеніе: онъ подра-
зумѣваетъ только физическій подлогъ ли-
ца, что бываетъ конечно лишь въ рѣдкихъ
исключительныхъ случаяхъ.

Листъ 127. Уголовн. право.

Кр. Тананцевъ. Лит. Котлевской.

3) Употребление для сношений в браку насильственных средств.

а) Брак считается недействительным и влечет в этом случае заключение для правовладельческого дохода, а для прочих вторичных владений 2-х лет., если заключен между лицами, не имеющими на то права вследствие родства.

б) Вступление в брак, при существовании другого, влечет расторжение последнего и уголовную ответственность, если такое нарушение было совершено за владение.

Кроме того сюда относятся:

Преступления супругов относительно друг друга.

Жестокое обращение супруги с супругой.

По закону 1872 г. оно наказывается тогда, когда имеет место физический характер.

Прелюбодеяние (adulterium) есть незаконное плотское совокупление лиц, находящихся в супружестве. Но это преступление относится к следующей второй самой категории преступлений против нравственности.

Б. Преступлений против нравственности.

По своему существу этот раздел распадается на 3 самостоятельных группы: 1) так называемых нарушений благопристойности, 2) преступлений плотских, естественных, 3) противоестественных.

I. Нарушение благопристойности предусмотренное уложением в Мир. Уставе, который определяет ответственность за всякий поступок постыдный и соединенный с соблазном для других и притом поступок совершенный в публичном месте (ст. 43). Как специальный вид преступлений, подходящий под эту категорию, 42 ая статья Мир. Устава относит: „появление в публичном месте голым или до безобразия или безобразным отталкивающий вид.

Сюда же должны быть отнесены сочинения, имеющие целью развращение нравов или явно противные нравственности и благопристойности, или клонящиеся к сему соблазнительные изображения.

II. Плотские преступления.

В настоящее время уголовная ответственность налагается лишь за квалифицированные виды этих преступлений, к разсмотрению которых мы и обратимся.

1. Любодеяние.

Виды любодеяний, преследуемые уголовной ответственностью суть:

а) Конкубинат или противузаконное сожительство некрепкого с незамужней по взаимному согласию, которое подвергается церковному покаянию.

б) Связь большая результатом обольщений.

в) Кровосмѣшеніе или плотская связь между родственниками, причемъ законъ различаетъ: 1) кровосмѣшеніе между родственниками такихъ степеней, при которыхъ вступленіе въ бракъ возможно и 2) плотская связь между лицами, состоящими въ такихъ степеняхъ родства, при которыхъ бракъ не дозволенъ, преступленій, объемъ котораго всецѣло зависитъ отъ возрастовъ того или другаго вступающаго. За кровосмѣшеніе съ родственникомъ или родственницею въ прямой, восходящей или нисходящей линіи, въ какой бы ни было степени виновные приговариваются: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири для заключенія тамъ, вмѣстопоселенія, въ тюрьмѣ, въ уединеніи на вѣчныя времена. За кровосмѣшеніе съ родственникомъ или родственницею въ боковой линіи, въ какой бы ни было степени виновные приговариваются: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири для заключенія тамъ, вмѣстопоселенія, въ тюрьмѣ, въ уединеніи на вѣчныя времена, или отдаются въ монастырь на всю жизнь, для употребленія на тяжкія въ ономъ работы.

г) Прелюбодѣяніе плотская связь лица, состоящаго въ бракѣ, съ посторонними лицами, за которую виновный, по жалобѣ оскорбленнаго въ семъ супруга, подвергается заключенію въ монастырь или же тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. (ст. 1585).

д) Изнасилованіе въ тѣсномъ смыслѣ, т. е.

плотская связь съ женщиной помимоея воли съ употребленіемъ насилія.

е). Плотская связь съ женщиной помимоея воли, но безъ насилія.

Сюда относятся: *совокупленіе съ женщиной въ состояніи постояннаго или временнаго умственнаго разстройства, напр. въ состояніи опьяненія, идіотизма, сумасшествія, обморока и т. п., случаи, въ которыхъ о согласіи изнасилуемой не можетъ быть рѣчи.*

ж). Плотская связь съ женщиной моложе опредѣленнаго возраста.

III. Въ заключеніе мы должны сказать нѣсколько словъ о *противуестественныхъ порокахъ*, куда должны быть отнесены: *Мужеложство* и *Скотоложство.*

1). *Мужеложство,*

или противуестественная связь съ лицомъ того же пола.

а). *Мужеложство не было соединено съ насиліемъ, случай подвергающій какъ активную, такъ и пассивную сторону лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе и б). Когда оно сопровождалось насиліемъ или же совершено надъ малолѣтнимъ или слабоумнымъ, случай, влекущій: виновному-лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжную работу въ крѣпостяхъ отъ 10–12 лѣтъ.*

Листъ 128 Голов. Пр.

Пр. Тананцевъ. *Лит. Конневской.*

2. Скотоложество,

влекущее-виновную ссылку на поселение въ отдаленнѣйшихъ частяхъ Сибири, между тѣмъ какъ самое ужасное истребляется.

В. Преступленія противъ церкви.

Объектомъ религіозныхъ преступленій можетъ быть конечно не Богъ, но церковь, какъ внѣшняя форма, оболочка, въ которую вмѣщаются понятія того или иного другаго общества, о Божествѣ и по отношенію къ людямъ.

Нарушеніе, слѣдовательно можетъ подвергнуться: 1) или церковь вообще какъ соединеніе вѣрующихъ, связанныхъ одними и тѣми же религіозными убѣжденіями, что составитъ собою преступленіе, извѣстное подъ именемъ оскорбленій религіи, нарушеній должнаго уваженія къ церкви или 2) вліяніе отношеній между различными формами религіозныхъ убѣжденій, различными церквами, существующими въ одномъ и томъ же государствѣ.

Поэтому въ нашемъ разсмотреніи мы раздѣлимъ эти преступленія на: 1) преступленія противъ церкви вообще и 2) на преступленія противъ правилъ о вѣротерпимости.

По нашему праву преступленій против церкви суть: 1) если нарушеніе подвергнись самыя идеи о Божествѣ-Богопочтеніе, 2) если-бы

идетъ о нарушеніи догматовъ, которые говорятъ объ отношеніяхъ Бога къ человѣку – порицаніе второе и наконецъ 3) если богохульство направлено на символы, въ которые облечена идея – нарицаніе надъ святынею.

1. Богохуленіе.

Субъектомъ Богохуленія можетъ быть всякое лицо, объектомъ его могутъ быть только религіозныя убѣжденія православной церкви и всѣ остальныя вѣроисповѣданія лишь настолько, насколько они совпадаютъ съ нашими догматами.

„Кто дерзаетъ публично," говоритъ ст. 176. „въ церкви съ умысломъ возложить хулу на славимаго въ единосущной Троицѣ-Бога, или на пречистую Владычицу нашу Богородицу и Присно Дѣву Марію, или на Честный Крестъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, или на силы небесныя, или на Святыхъ Угодниковъ Божіихъ и ихъ изображенія, – тотъ подвергается и т. д. –

По отношенію къ умыслу, для составленія понятія о богохуленіи необходимо, чтобы оно было совершено умышленно, неосторожное богохуленіе нашимъ закономъ не знаетъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію дѣйствій, заключающихся въ богохуленіи, мы видимъ, что оно должно состоять въ возложеніи хулы, т. е. произнесеніи какихъ нибудь оскорбительныхъ выраженій, словъ по отношенію къ Божеству. Такимъ образомъ акте-

цель не заключает въ себѣ никакого наказательнаго нарушенія, а состоя лишь въ отрицательномъ отношеніи къ тому или другому окладу убѣжденій не можетъ войти и не входитъ дѣйствительно въ понятіе о богохуленіи.

Далѣе мы видимъ, что ст. 176-я возлагаетъ наказаніе за то, что „кто-либо дерзнетъ публично возложить хулу," слѣдовательно, публичность есть необходимый элементъ понятія о богохуленіи.

Наконецъ по отношенію къ наказанію за данное преступленіе мы встрѣчаемъ тюрьму - каторга отъ 12-15 лѣтъ за богохуленіе въ церкви и тюрьма - отдѣленіе отъ 4 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ въ томъ случаѣ, „если кто либо учинитъ нарушеніе Святыхъ Господнихъ, или чрезпорученіе вѣры и церкви православной безъ умысла оскорбить святыхъ, а единственно по неразумѣнію, невѣжеству или подлинству.

2. Порицаніе вѣры.

Этотъ второй видъ преступленій предполагаетъ не отрицаніе какихъ либо догматовъ, но оскорбленіе въ нихъ по поводу того или другого догмата. Должно замѣтить только, что порицаніе вѣры предполагаетъ надругательство надъ самыми догматами, а не надъ символами, такъ какъ надругательство надъ послѣдними представляетъ собою особый видъ преступленій.

Нечего и говорить, что и поношение вторым как преступление, подобно богохульству мыслимо лишь тогда, когда оно совершено в публичном месте или при свидетелях.

К поношению второе примыкает как специальный вид - кощунство, т.е. язвительная насмешка, доказывающая явное неуважение к правилам или обрядам церкви православной. Оно наказуемо, когда совершено публично или ради поколебания чьих либо религиозных верований.

3). Надругание над Святыней, т.е. над известными знаками, в которых осуществляются религиозные идеи. Здесь неуважение к религиозным убеждениям должно до высшего предела, поэтому наказание достигает огромных размеров - каторги без срока, как для православного, так и других христианских исповеданий, если же надругание произошло над таинствами.

Законъ говоритъ только о надругании въ церкви, но оно очевидно можетъ имѣть мѣсто и вне ея, при крестномъ ходѣ, въ частныхъ домахъ и проч. Отъ надругательства слѣдуетъ отличить оказание неуважения къ Святынѣ: оскорбление священнослужителя во время службы, произнесение непристойныхъ словъ, пѣніе пѣсенъ, повреждение и пр.

Лист. 129. Улож. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Кониевской.

требленіе иконъ, крестовъ, выставленныхъ въ публичныхъ мѣстахъ, выдѣлка изображеній домашнихъ печатныхъ, литографированныхъ, живописныхъ, рѣзныхъ, скульптурныхъ въ соблазнительномъ и непристойномъ видѣ. Другой видъ дѣяній представляетъ нарушеніе церковнаго благочинія, т.е. порядка службы. Теперь это отнесено въ Мировой Уставъ.

II. Нарушеніе законовъ о вѣротерпѣніи.

Взглядъ первый на вѣротерпимость съ теоретической точки зрѣнія. Предполагаетъ, что религія есть дѣло совѣсти каждаго лица, заключающееся въ его убѣжденіяхъ, далѣе признаетъ, что каждый имѣетъ право исповѣдывать то вѣроученіе, которое онъ считаетъ правымъ; имѣетъ право перехода изъ одной вѣры въ другую, имѣетъ право пропаганды, имѣетъ наконецъ право создать новое вѣроученіе.

Но на практикѣ ни въ одномъ государствѣ, за исключеніемъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Основное положеніе нашего права объявляетъ свободу вѣръ, какъ христіанской, такъ и еврейской, магометанской и языческой. Но существуютъ ограниченія: 1) Лица, родившіяся въ православной вѣрѣ, не могутъ отъ нея отступать; 2) Запрещается переходъ изъ христіанскаго въ нехристіанское вѣроисповѣданіе, какъ

родившимся въ христіанствѣ, такъ-называемымъ въ него. 2) Только господствующая церковь имѣетъ право пропаганды. Этимъ опредѣляется и объемъ и характеръ преступленій данной категоріи.

1) Отступленіе и отпаденіе отъ вѣры.

Тутъ возможно дѣйствіе двухъ моментовъ: 1) фактъ совращенія кѣмъ-либо и 2) фактъ отпаденія. При совращеніи отличаютъ: а) изъ христіанской въ нехристіанскую; б) изъ православной въ христіанскую неправославную. За первое для совращаемыхъ полагается каторга 8-10 и 12-15 лѣтъ, смотря потому употребленъ ли обольщеніе и прок. или насиліе. За второй видъ полагается ссылка на оселеніе или поселеніе.

Далѣе этого небольшой районъ свободы не существуетъ для расколовъ и ересей-нахожу присущее нетолько нашей, но и Западной церкви. Причина этой суровости заключается въ томъ, что никогда христіанство не вело такой острой борьбы съ евреями и язычниками, какъ съ ересями, изъ нея выдѣлившимися.

1) Публичное проявленіе раскола, наказывая всѣхъ виновниковъ въ заведеніи скитовъ или другихъ обителей.

2) Публичное исповѣданіе и пропаганда.

Въ этомъ отношеніи всѣ расколы раздѣляются на три группы: 1) считающіе со-

весьма опасными, соединенное с изувер-
ством, как-то: скопчество, самосожже-
ние, хлыстовщина. Сектанты этих
учений подвергаются ответственно-
сти за самой факт принадлежности
к ереси.

2) Вторую категорию составляют опасные
но не соединенные с изуверством: молока-
не, духоборцы, иудействующие и проч. которые
подвергаются наказанию только за пропа-
ганду, а не за принадлежность к секте.

3) Категория менее вредных учений: Федосьев-
цы, безпоповщина, старообрядцы, которые
наказуемы только тогда, когда совратили
кого-нибудь.

К постановлениям о ересях должны быть
отнесены и меры против уклонений от
постановлений православной церкви. Сюда
причисляются: 1) соблюдение языческих или
иновърческих обрядов лицами православ-
ными, особенно новокрещенными. 2) Укло-
нение по нерадению или небрежению от
исповеди и Св. Тайн. 3) Неприведение детей
старше 7 лет к причастию.

К этому же разряду принадлежат-<u>судеб-
ные преступления</u>.

Г. Преступления против экономи-
ческого порядка.

Сюда относятся:

1) <u>Банкротство</u> неосторожное и злост-
ное, равно как и злостное должнике-

ство/несостоятельность лица неторгового званія/.

2) Лихва, т.е. взятіе незаконнаго % /наиболее б/. преступленіе, неизвѣстное Западной Европѣ, которое вѣроятно исчезнетъ у насъ.

3) Барышничество или купечество, т.е. скупка товаровъ съ цѣлью возвышенія ихъ стоимости; нашъ законъ говоритъ о скупкѣ съ цѣлью перепродажи цѣнное-явленіе непонятное.

Крайне неразработанными являются у насъ законы о стачкахъ. Постановленія о нихъ ограничиваются намеками, такъ какъ дѣло это для насъ еще ново.

D. Преступленія противъ правъ и обязанностей сословныхъ.

Послѣднюю группу преступленій общественныхъ составляютъ преступленія противъ сословій. Въ государствѣ кромѣ общественныхъ кружковъ, семейства, церкви, нравственныхъ и экономическихъ союзовъ, существуютъ еще кружки сословные, принадлежность къ которымъ опредѣляется различными условіями. Нарушеніе правъ этихъ сословій можетъ произойти: 1) кѣмъ либо не принадлежащимъ къ сословію. Но какъ частное лицо не можетъ давать правъ сословій, то оно не можетъ и нарушать ихъ, поэтому возможно послѣдательство только лицъ, имѣющихъ юридическую власть, т.е. послѣдательство состоитъ

Листъ 130. Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Лит. Коневской.

рыхъ правительственныхъ органовъ.
2. Другую категорію составляетъ нарушеніе самими членами своихъ обязанностей по отношенію къ государству; какъ-то: подкупъ, неисполненіе правилъ относительно участій, порядка преній и проч. По закону 25 Мая 1864 г. всѣ правила о нарушеніи правъ-дворянскаго, крестьянскаго, и сельскаго сословій распространены на земскія собранія.

В. Преступленія противъ государства.

Всѣ государственныя преступленія раздѣляются на 2 категоріи: 1) направленныя противъ устройства, т.е. основныхъ принциповъ порядка управленія, (Verfassungsrecht) и 2) противъ начала, существующихъ для отправленія государственной дѣятельности. (Verwaltungsrecht).

Разберемъ сперва первую:

I. Преступленія противъ порядка управленія. — Государственная дѣятельность раздается на нѣсколько видовъ: Полицейскую, Финансовую, Судебную и проч.; на эти же категоріи можно раздѣлить и преступленія противъ государственной дѣятельности.

А. Преступленія противъ судебной власти: а) Самовольное захватъ Судебной власти, т.е. отрицаніе этой формы дѣятельности въ самомъ ея существѣ.

Самоуправство. Это преступленіе опре-

дѣлится тремя элементами: 1) лицо, дѣйствующее должно имѣть дѣйствительное или предполагаемое право, т.е. дѣло разсматривается съ субъективной точки зрѣнія, ставится вопросъ, предполагалось ли, что это имѣло право? 2) все равно будетъ ли это право имущественное или личное 3) Осуществленіе права должно быть соединено съ насиліемъ, или переходя въ покушеніе или увѣчье.

Гораздо разнообразнѣе преступленія противъ отправленія правосудія судомъ. Сюда относятся: 1) лжесвидѣтельство, 2) лжеприсяга. Лжесвидѣтельство и лжеприсяга - дѣянія, которыя препятствуютъ суду раскрытію истины; между этими двумя формами умышленнаго введенія суда въ заблужденіе въ существѣ дѣла разницы нѣтъ, такъ какъ присяга есть только подтвержденіе показанія, данному имъ въ глазахъ судьи болѣе всего; но нашъ законъ отдѣляетъ эти два понятія и помѣщаетъ лжесвидѣтельство въ число преступленій противъ судебной власти, относитъ лжеприсягу къ преступленію противъ религіи.

Въ дѣлахъ гражданскихъ ложное показаніе подъ присягой можетъ быть преслѣдуемо и тогда, когда дано истцомъ, и когда дано отвѣтчикомъ или свидѣтелями, но въ дѣлахъ уголовныхъ сами подсудимые задачу ложнаго показанія не мо-

жеть отвѣчать, такъ какъ въ этомъ случаѣ
предполагается то начало, что нельзя никого обя-
зать обвинять себя и говорить не въ свою поль-
зу и что государственная власть, какъ пред-
ставитель правосудія въ обществѣ, обязана
сама собирать доказательства для раскры-
тія дѣла безъ содѣйствія подсудимаго.
Изъ всѣхъ положеній наше уложеніе зна-
етъ только одно ухудшеніе: вродѣ за пер-
вое показаніе предъ судомъ о мѣрѣ отягче-
ства подвергается наказанію розгами
отъ 30 до 40 ударовъ. Самое дѣйствіе долж-
но указывать въ дать полнаго пока-
занія; это показаніе можетъ быть мож-
но, когда факты выяснились, или когда
факты искажены, передаются вкривь-
ленъ видѣ. Преступленіе считается совер-
шившимся не съ того момента, когда
дано показаніе, а съ момента когда введе-
ніе судьи въ заблужденіе было окончено безъ
возврата, т. е. когда для свидѣтеля сра-
зу невозможно остановить истину, такъ
какъ до самаго конца заседанія онъ имѣетъ
право и возможность взять свое показаніе
назадъ. Наказаніе - арестъ 3 недѣли 3 мѣс.
или тюрьма - 2-4 мѣсяца. Преступленіе
считается квалифицированнымъ, если
сдѣлано вслѣдствіе подкупа - тогда на-
казаніе доходитъ до каторжныхъ рабо-
тъ. Наоборотъ, наказаніе уменьшается,
если сдѣлано ложное показаніе изъ обво-
женія спасти близкаго родственника.

Лжесвидѣтельство отличается отъ предыдущихъ случаевъ только фактомъ принесенія ложныхъ показаній. По своему составу это преступленіе тождественно съ лжесвидѣтельствомъ.

Подъ лжесвидѣтельствомъ разумѣется не всякое нарушеніе присяги, напр. подданства върности или службѣ и т. п., а только лжесвидѣтельство данное на слѣдствіи или въ судѣ подъ присягою.

Изъ остальныхъ еще двѣ формы преступленій противъ судебной власти: Явка и лжедонось. Подъ Явкою разумѣется вчиненіе неправильнаго гражданскаго иска. Явка въ этомъ смыслѣ не подлежитъ уголовному преслѣдованію; уложеніе же имѣетъ въ виду скорое подстрекательство къ возбужденію и веденію завѣдомо неправаго иска особенно, когда такое подстрекательство обратилось въ ремесло.

Лжедонось есть собственно видъ клеветы; это обвиненіе кого либо въ противузаконныхъ дѣяніи передъ компетентнымъ органомъ съ цѣлью возбудить уголовное преслѣдованіе. Къ преступленію противъ власти судебной относится и укрывательство. Здѣсь имѣется въ виду самостоятельное преступленіе, въ этомъ послѣднемъ случаѣ укрывается лицо совершившее преступленіе и приговоренное къ наказанію. Сюда

Листъ 131 Уголов. Пр.

Пр. Таганцевъ. Изд. Коптевской.

же отнесено <u>освобождение изъ подъ стражи самаго себя, когда подобное освобождение сопровождалось насилiемъ, или какимъ другимъ преступленiемъ.</u> За побѣгъ изъ заключенiя виновный по новымъ сознается въ отдѣльное полученiе, усиливается строгость надзора за нимъ и срокъ заключенiя считается снова со дня поимки. <u>Самовольное возвращение</u> шуханника наказывается смирительнымъ домомъ при чемъ виновный снова высылается за границу, въ случаѣ вторичнаго возвращенiя онъ разсматривается какъ бродяга. <u>Освобожденiе осужденныхъ</u> арестантовъ во время изъ слѣдованiя или изъ мѣста заключенiя, если оно сопровождалось насилiемъ, убiйствомъ или поджогомъ, влечетъ каторгу безъ срока. И такъ, слѣдовательно, въ числѣ преступленiй противъ судебной власти входятъ дѣянiя первой категорiи по строгости взысканiя.

<u>Б. Противъ финансоваго управленiя.</u>

Большинство этихъ преступленiй составляютъ нарушенiя полицейскихъ предписанiй не имѣющихъ юридическаго значенiя: нарушенiя уставовъ питейнаго, соляного, табачнаго, горнаго и казенныхъ лѣсахъ, о гербовой бумагѣ и пр. Дѣйствительно специальныя преступленiя обнимаютъ собою поддѣлки монеты.

теорія смотритъ на нихъ какъ на преступленія противъ экономическихъ условій обращенія. Уложеніе держится иного взгляда. Основ. законы разсматриваютъ право чеканки монеты, выпуска ея въ обращеніе, назначеніе вѣса и пробы какъ государственную регалію; подделка монеты потому отнесена къ числу нарушеній казеннаго интереса. Далѣе Уложеніе различаетъ подделку металлическихъ денегъ отъ подделки кредитныхъ билетовъ. Объектомъ могутъ быть золотая, серебряная, платиновая и мѣдная Россійской чеканки монеты. Съ другой стороны могутъ быть подделаны кредитные билеты Государственнаго казначейства, банковые депозитные или билеты другихъ кредитныхъ установленій, которые имѣютъ въ обращеніи достоинство денегъ, въ 3 ст. подделки могутъ подлежать иностранная монета и билеты иностранныхъ кредитныхъ установленій. Во всякомъ случаѣ, рѣчь можетъ идти только такой монетѣ, которая дозволена въ обращеніи. Не требуется наличности корыстной цѣли въ преступникѣ, а только сознаніе, что онъ присвоиваетъ себѣ право, исключительно принадлежащее верховной власти, такъ что фирма отвѣтственнаго кредитку какъ образецъ своего искусства, рѣзчикъ, вырѣзавшій съ него уже чужую монету, подвергаются

за то какой уголовной ответственности.
Преступное деяніе состоитъ въ нарушеніи денежныхъ указовъ. Тѣмъ поддѣлка лучше, тѣмъ болѣе вреда для общества, потому что тѣмъ болѣе можетъ быть его введено въ заблужденіе, тѣмъ труднѣе, слѣдовательно, фальшивыя деньги могутъ быть пущены въ обращеніе.

Тотъ же законъ даетъ приготовленіе, т.е. преслѣдуетъ тѣхъ, кто заготовляетъ, доставляетъ и покупаетъ чужія деньги, формы и другія орудія поддѣлки. Приготовленіе подвергается виновному тому же наказанію, какъ если бы онъ преступилъ дѣйствительно къ работѣ. За приготовленіемъ должно слѣдовать покушеніе съ того момента, когда присту-плено къ самому изготовленію денежныхъ кредитокъ, но Уложеніе этого момен-та не указываетъ. Если разсматривать преступленіе какъ посягательство на эконо-мическій порядокъ, его должно считать оконченнымъ съ момента выпуска зало-женныхъ предметовъ, въ обращеніе, но наше законодательство, видя въ этомъ посягательство на государственную ре-галію, считаетъ составъ преступле-ніемъ, консумированнымъ какъ только денежный указъ изготовленъ. Размѣръ отвѣтственности слѣдуетъ: за поддѣл-

ку иностранныхъ ассигнацій – ссылка на поселеніе; за гекачку иностранной монеты – каторга 4–6 лѣтъ; за приготовленіе русской монеты и кредитныхъ билетовъ – 8–10 лѣтъ каторжной работы. Кромѣ того всѣ нарождающіяся у виновнаго поддѣланныя деньги конфискуются также, какъ и орудія поддѣлки и взыскивается сумма равная количеству выпущенныхъ имъ фальшивыхъ денегъ. Одинаковой отвѣтственности подвергаются и главные виновники и ихъ сообщники.

Второй разрядъ составляетъ <u>изъятіе</u> настоящихъ денежныхъ знаковъ, которое можетъ имѣть своимъ объектомъ одинаково, какъ металлическіе, такъ и кредитные деньги. По отношенію къ первымъ оно можетъ состоять въ уменьшеніи вѣса монеты черезъ обращеніе, затѣмъ въ перечеканкѣ съ цѣлью придать ей другой видъ золотой или серебряной; степень отвѣтственности зависитъ въ этомъ случаѣ меньшая, нежели при поддѣлкѣ, потому что различіе можетъ не въ одномъ цвѣтѣ, а также въ формѣ и надписи, слѣдовательно, обманъ можетъ касаться только лицъ безразсудныхъ.

<u>В. Кровавъ власти полицейской.</u>

На первомъ мѣстѣ стоятъ нарушенія устава <u>Листъ 132 Голов. Пр.</u>

Пр. Тахтуевъ. Лит. Колтевской

вить охраняющую личную безопасность; многіе роды преступниковъ, обнимающіе собою дѣйствія болѣе или менѣе опасныя для жизни и здоровья постороннихъ лицъ, сюда относятся: храненіе и ношеніе запрещеннаго оружія, быстрая и неосторожная ѣзда, храненіе для надлежащихъ предосторожностей ядовъ и т.п.

Нарушеніемъ постановленій объ охраненіи народнаго здравія. Нарушеніемъ благочинія

Наказывается также небрежность въ должности со стороны лицъ, заинтересованныхъ по долгамъ брака; также нарушеніе правилъ народной гигіены и т.п. Между прочимъ особенно важны нарушенія карантиннаго устава, перераб. по 66 году.

Наконецъ преступленія противъ цензурнаго устава. Они разделены на преступленія противъ цензурнаго устава въ тѣсномъ смыслѣ, т.е. нарушеніе предписаній о формальностяхъ и преступленія относительно содержанія; это именно составляетъ преслѣдованіе различныхъ напечатаній въ газетѣ. Въ уложеніи, вслѣдствіе закона 6 Апрѣля 65 года прибавлены были изданія и въ числѣ нарушеній правилъ печати включены и преступленія, созданныя новыми за-

конаць. Здѣсь помѣщены нѣкоторыя преступленія противъ касрыевъ лицъ, печатное злословіе или брань и диффамація, которыя мы уже разсматривали въ числѣ посягательствъ на личность; но нельзя не признавать, что и эти преступленія не вст здѣсь помѣщены, такъ какъ злословіе или брань членовъ полиціи отнесены въ число преступленій противугосударственныхъ. Затѣмъ слѣдуютъ преступленія противъ общественныя. Было замѣчено, что вст эти постановленія у насъ еще новыя, заимствованы съ запада; но заимствованіе это сдѣлано крайне неудачно; въ западныхъ кодексахъ эти постановленія давно считались отсталыми и вызвали массу возраженій, которыя ярко обличили ихъ недостатки, потому вся эта система многими была вовсе оставлена, мы уже перенесли ее къ себѣ цѣликомъ. Въ угожденіе ложно направляемому стремленію преслѣдовать идеи и убѣжденія, такимъ образомъ оно вторгается въ область совершенно недоступную для права; отсюда вытекаетъ чрезвычайная неопредѣленность растяжимость всѣхъ его постановленій, такъ какъ вообще мысль не поддается формальнымъ опредѣленіямъ закона.

Законъ преслѣдуетъ виновныхъ въ нанесеніи оскорбительныхъ или нахальныхъ въ поведеніи общественнаго довѣрія.

отзывовъ о законахъ и распоряженіяхъ правительства, также и всѣхъ тѣхъ, кто дозволяетъ себѣ оспаривать въ печати обязательную силу законовъ и одобрять или оправдывать воспрещенныя, этой статьи нѣтъ юридическаго толка впередъ противъ прежняго цензурнаго Устава составляетъ приложеніе къ той же статьѣ, не вмѣняется въ преступленіе ..... обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ, такъ и цѣлаго законодательства ....., если въ печати данной статьи не заключается возбужденій къ неповиновенію законовъ....." это конечно не позволяетъ слишкомъ широко распространять самую статью, но страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, какъ и она — неопредѣленностью. — Слѣдующія затѣмъ двѣ статьи запрещаютъ возбужденіе вражды въ одной части населенія и государства противъ другой или въ одномъ сословіи противъ другого и прямое оспариваніе или порицаніе въ печатныхъ изданіяхъ началъ собственности и семейнаго союза. Что такое возбужденіе вражды между сословіями, въ чемъ состоятъ основы собственности и семейнаго союза? Выборъ соціалистическихъ и коммунистическихъ ученій будетъ тоже оспариваніе одной изъ формъ собственности, общинной собственности; этого же строго можно подвергнуть наказанію критику началъ собственности

напр. между казаками и их правительственными чиновниками и т.п.

Эта вторая группа (первой, как мы видели, составляют нарушения чисто полицейских авторитетов предписываемых цензурой) преступлений представляет некоторые особенности в порядке преследования различных участников в их совершении. Могут быть, конечно, случаи, когда нарушителем этих правил является не один автор, а с ним действовали сообща и другие лица, принимавшие участие в публикации сочинения, как-то — предприниматель издания, типографщик и т.п. Если они посягали сознательно и заведомо содействовали преступлению, то они рассматриваются на общем основании как сообщники; особенность же заключается в ответственности их без отношения к степени участия и к намерениям действия. Так, в периодич. изданиях, прежде всего падает ответственность на автора статьи, если он неизвестен или в отсутствии, то редактор-издатель, если же на данном сочинении не будет обозначено типографии, то привлекается к ответу книгопродавец, если бы и были представлены доказательства, что он не имел ничего о содержании книги; единственно, следовательно, за то, что принял и выставил распространять в публике сочинение без обозначения типографии.

Наказанием является денежный штраф, Улож. 133 Улож. Пр.

Пр. Таганцев. Лит. Кистяковский.

тюрьма и арестъ; къ этому присоединяется умышленіе наличныхъ экземпляровъ сочиненія или требованіе перепечатки цензурной его части, это можетъ быть выполнено при помощи обмана, выдавая себя за то или другое лицо или называя себя тѣмъ или другимъ органомъ власти; другимъ средствомъ можетъ быть подлогъ, который считается особенно преступнымъ.

Преступленія по службѣ.

Далѣе слѣдуетъ преступленіе и проступки по службѣ государственной и общественной; первую группу которыхъ составляютъ нарушенія постановленій о службѣ въ тѣсномъ смыслѣ. Вторую группу составл. слѣдующія преступленія: Нарушеніе правилъ о поступленіи на должность, напр. вступленіе на службу безъ присяги, исправленіе службы безъ соблюденія требуем. условій. Неисполненіе служебныхъ обязанностей: неявка на должность безъ показанія законныхъ причинъ, поздняя явка на службу и т. п. —

Далѣе, превышеніе власти и наиболѣе часто встрѣчающееся бездѣйствіе.

Неправосудіе- завѣдомо неправильное постановленіе рѣшенія; оно можетъ различаться по причинамъ, которыя его вызвали и по характеру дѣла, т. е. касается ли разбирательства по гражданскому или уголовному процессу. Во 1-хъ, когда неправильность была слѣдствіемъ ошибки, недоразумѣнія или невѣрнаго толкованія закона, виновный подвергается лишь выговору. Если неправильность умышленная, то она особенно видается, если виновный дѣйствовалъ

изъ корыстныхъ видовъ, при чемъ обращается вниманіе на послѣдствія, которыя преступленіе можетъ имѣть для частныхъ лицъ.

Въ ряду преступленій по службѣ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на взяточничество или мздоимство и лихоимство.

Различаютъ два термина: мздоимство и лихоимство законодательство не проводитъ послѣдовательно установленнаго имъ различія. Мздоимство опредѣляется какъ взятіе подарка безъ нарушенія другихъ служебныхъ обязанностей; лихоимствомъ же называется взятка за нарушеніе этихъ послѣднихъ, высшую форму составляетъ вымогательство какого-либо вознагражденія; тутъ виновный играетъ уже активную роль, принуждая просителя къ дачѣ взятки и поэтому становится безправно, нарушивъ не только виновный свои служебныя обязанности, наказаніе дородитъ до 5 л. каторги.

Наконецъ послѣдній разрядъ, которымъ остается разсмотрѣть, составл. преступленія противъ Государственнаго Организма.

А. Преступленіе противъ Верховной власти Государя Императора. Сюда относятся слѣдующіе виды преступленій:

1.) Составленіе и распространеніе письменныхъ или печатныхъ сочиненій или изображеній, соединенныхъ съ возбужденіемъ противъ Верховной власти.

2.) Заочное оскорбленіе Верховной власти.

3.) Преступленія, направленныя лично на

Императора. Злоумышленіе противъ жизни, здоровья, чести, всякое умышленное стремленіе къ свержению съ престола, ограниченію власти Государя, — влекутъ смертную казнь и лишеніе всѣхъ правъ состоянія.

Преступленіе противъ Государства. Распадаются на преступленія противъ внутренняго порядка — бунтъ и противъ внѣшнія. — измѣна 1.) Бунтъ представляетъ одинъ изъ видовъ возстанія. Разница между возстаніемъ и бунтомъ заключается въ характерѣ установленія, съ неисповѣрж. кот. они направл. Говоря о бунтѣ, Улож. перечисл. черты этого преступленія; онъ долженъ сопровождаться умысломъ неисповѣрж. самое правит. во всемъ Госуд., или въ нѣкоторой его части, или перемѣны образа правленія и т. д. Улож. подвергаетъ отвѣтственности уголов. только самое дѣяніе бунта, но и косвен. относ. слова дѣйствія, составляющія письмо, подлож. сочиненія, распространеніе или подвержаніе сомнѣнію неприкосн. расхрист. сочинен., содерж. идеи, кот. осуществ. въ бунтѣ, раскид. прокламац.

2.) Измѣна. Слова относящія дѣянія, разнообр. и по своему составу и по важности. 1.) умышленное стремленіе передать госуд. или часть его другому госуд. 2.) способств. успѣхамъ непріят. 3.) нарушеніе дипломат. типов. довѣрія во вредъ Россіи; 4.) уничт. дипломат. агент. документ. доказав. права Россіи

Преступл. противъ Международн. Сношен. Слова относ. оскорбл. Величества, измѣна въ иностр. госуд., оскорбл. дипломат. агент., убійство иностр. Госуд. должно б. наказано какъ простое убійство, Улож. не упомин. объ этомъ даже говоря о смерт. убійства и квалифиц. по томъ

2007056056